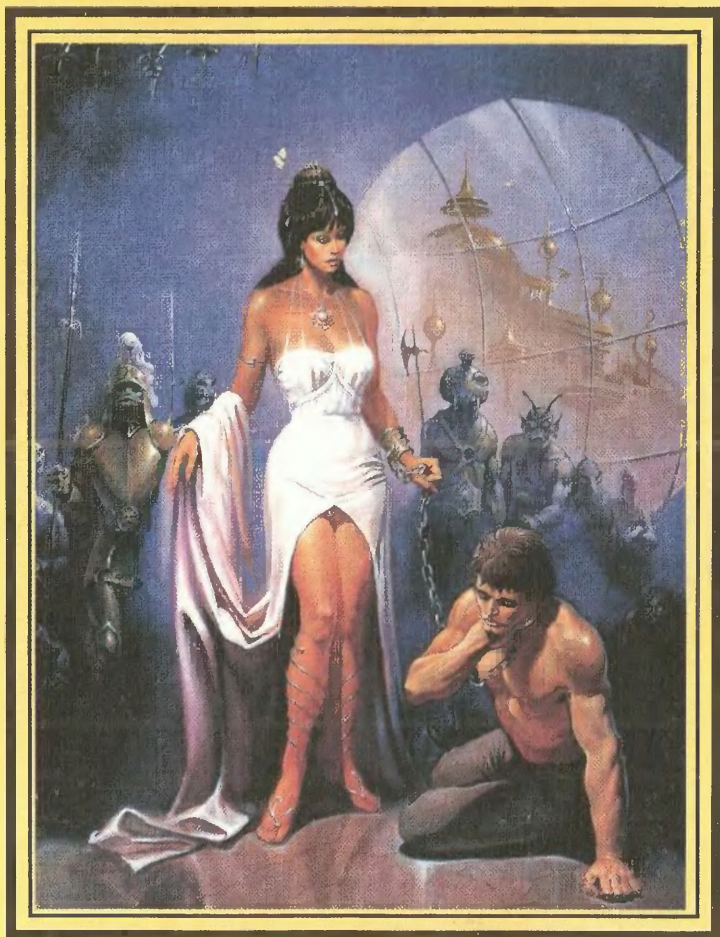
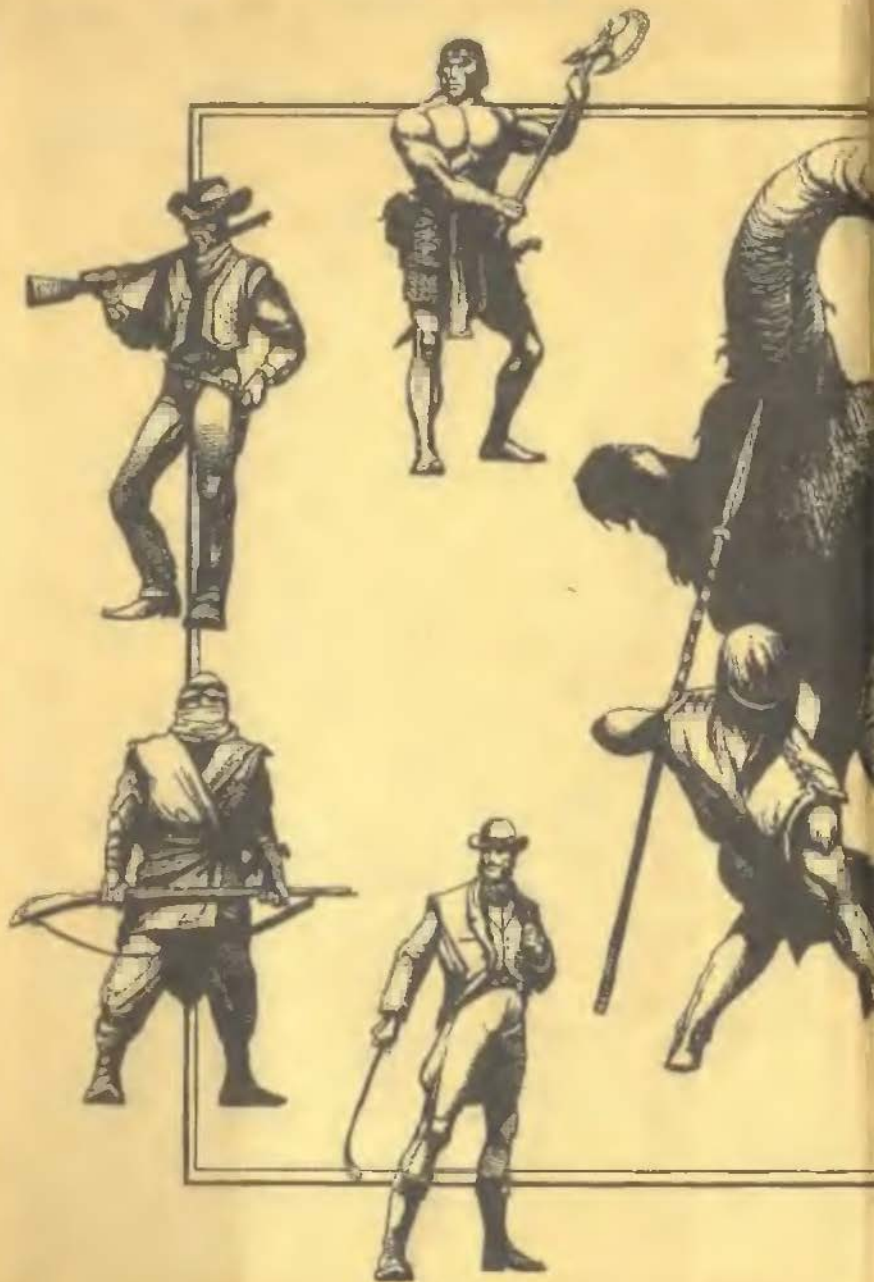

Роберт ГОВАРД

ЖЕЛЕЗНЫЙ КУЛАК

Сага великих битв

Роберт И. Говард

ЖЕЛЕЗНЫЙ КУЛАК

Сага
великих битв

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1998

УДК 820(73)
ББК 84 (7США)
Г 57

Говард Р. И.

Железный кулак: Повести и рассказы. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1998.— 448 с.

ISBN 5-7906-0054-9.

Их называют «железными людьми», этих непобедимых бойцов, рыцарей без страха и упрека. Никакая сила не способна одолеть их: ни сталь, ни коварство, ни подлая измена. Бой без правил — их жизнь, их призвание.

ББК 84 (7США)

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

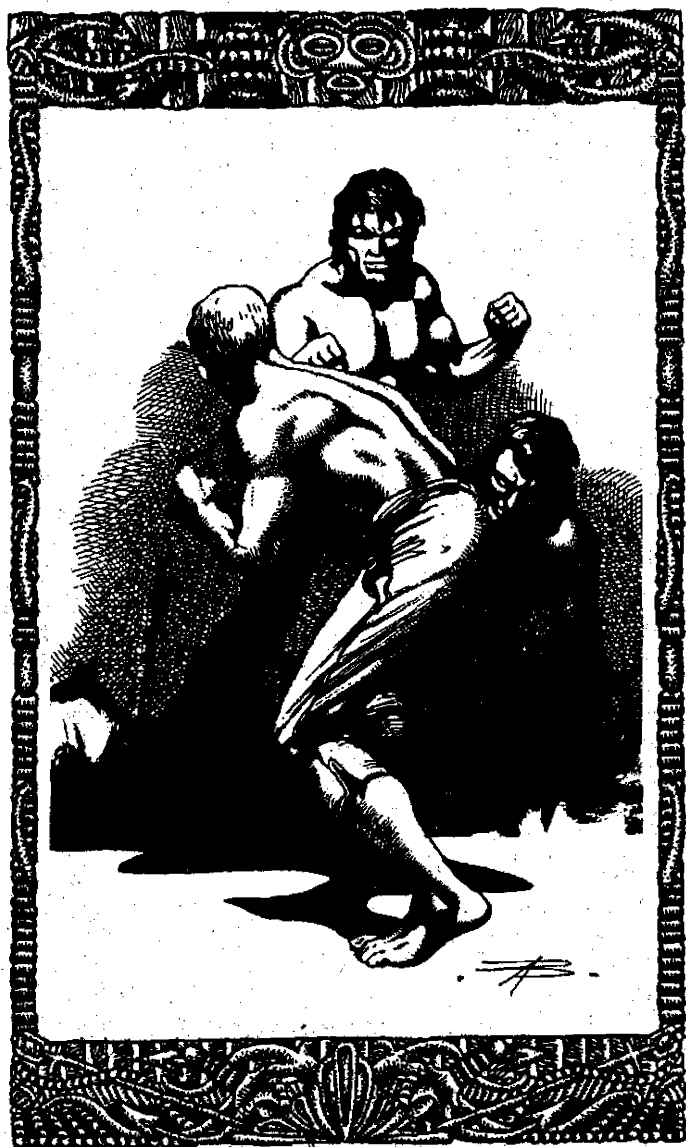
ISBN 5-7906-0054-9

© Ken Kelly, 1983

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ОТЛИТЫЕ ИЗ ЖЕЛЕЗА

ОТЛИТЫЕ ИЗ ЖЕЛЕЗА

К

какой каприз природы создает железных людей? Все знают, что человеческий череп отлично приспособлен для того, чтобы выдерживать внешние нагрузки.

Можно и мышцы натренировать до невероятной силы и выносливости. Но я не об этом, а о феномене, который хорошо известен в мире бокса. Я хочу поговорить о тех, кого называют железными людьми.

Все мы знаем, что обычного человека можно убить сравнительно легким ударом в голову. Даже опытный боксер, получив удар в определенное место, падает без сознания, причем такому удару вовсе не требуется особая мощь. А теперь сравните эти аксиомы с тем, что творят железные люди! Пятерых из них я назову вам прямо сейчас: Джо Грим, Баттлинг Нельсон, Том Шарки, Майк Боуден и Джо Годдард.

Отдельно позвольте мне сказать о Джиме Джеффрисе — одном из всего двоих железных людей, которым удавалось завоевать чемпионский титул. Несомненно, он был величайшим из себе подобных, но, в отличие от всех прочих, совмещал выносливость и способность держать удар с настоящей боксерской техникой. А теперь я перейду к тем бойцам, чьим главным, а порой и единственным козырем являлась невероятная сопротивляемость.

Джо Грим, по национальности итальянец, родился в Филадельфии. Он не был боксером или бойцом в обычном смысле этих слов. Дрался он настолько «открытым», что и слепой смог бы увернуться от его ударов и ударить сам. Однако при этом ни Боб Фитцсиммонс, ни Джо Ганс, ни Сэм Маквей не сумели нокаутировать его. Весил Грим меньше 165 фунтов. Представьте, как он подставляет себя под удары двухсотфунтового детины! Стэнли Кетчен считался одним из самых «ударостойких» боксеров в свои годы, однако отправленный им в нокдаун Джек Джонсон встал на ноги и нокаутировал его одним ударом в подбородок, выбив при этом все передние зубы, которые так и остались торчать из его перчатки. Так вот, этот самый Джонсон, весивший 210 фунтов, молотил Джо Грима, пока сам не выдохся и не был вынужден отказаться от

идеи нокаутировать его. Сэм Маквей славился еще более сильным ударом, чем Джонсон, но и он не смог уложить Железного Джо Грима, хотя пытался это сделать в двух боях.

Боб Фитцсиммонс небезосновательно славился одним из самых результативных и эффективных ударов в современном боксе. Однако даже он ничего не смог сделать с Гримом в течение шести раундов. Чтобы вы получше представили Фитцсиммонса и поняли, против кого выходил Джо Грим, перечислю кое-какие заслуги Боба. Это он, Боб Фитцсиммонс, нокаутировал великого Корбетта, укладывал на ринг Тома Шарки и великана Рухлина. 320 фунтов плоти Эда Донкхорста он свалил с нескольких ударов. Доставалось от Фитцсиммонса и Джефффри-Котельщику, и многим другим. Один из боксеров умер от его молотоподобных ударов прямо на ринге.

А теперь — смотрите! В течение шести раундов этот убийца Фитцсиммонс молотит итальянца Грима одиночными ударами и сериями — в общем, всем приемами, какие известны в боксе. И на эти страшные удары, валившие с ног стальных противников, Джо практически никак не реагирует. Свингами в голову Фитцсиммонс отправлял его в нокдаун раз шестьдесят, в среднем — по десять раз за раунд. И каждый раз Джо Грим поднимался. После того как прозвучал финальный гонг, он в очередной раз вскарабкался по канатам, выплюнул в перчатку горсть зубов и, расплывшись в довольной улыбке, произнес свою ритуальную речь-заклинание:

— Я — Джо Грим! Я никого не боюсь! Я остановлю любого, кто рвется в чемпионы!

Следует отметить, что, абсолютно не умея боксировать, Джо не выиграл ни одной официальной

встречи. Его целью было устоять, противники же пытались доказать окружающим свое превосходство, рассчитывая когда-нибудь все же нокаутировать его.

Исследовавшие Грима ученые пришли к выводу, что череп его имеет необычно толстые стенки, а внутреннее пространство черепной коробки столь мало, что мозговые каналы и нервы оказались сжатыми до нечувствительности. Говоря, что не чувствует ударов, Джо не врал. Удар, способный свалить с ног, а то и убить среднего человека, вызывал у Грима лишь ощущение легкого неудобства.

Впрочем, крепость черепных костей не объясняет невероятной способности Грима держать удар по корпусу. Как-то раз на спор он разрешил одному бейсболисту из всех сил врезать ему битой по животу. Бита сломалась, Джо упал, но встал целым и невредимым.

Джо Ганс ближе других подобрался к тому, чтобы нокаутировать это чудо природы. Ганс, весивший даже меньше Грима, всего 138 фунтов, сумел найти к нему ключик. Он навязывал ему ближний бой, подходил вплотную и награждал несколькими короткими хуками слева или справа в челюсть. Челюсти Грима не выдержали и оглушительно хрустнули.

Шеф местной полиции, присутствовавший на матче в качестве зрителя, своей властью приказал остановить бой. Ганс, пожалуй, был даже рад такому повороту событий, поскольку ему самому стало не по себе от вида того, во что превратились челюсти Джо Грима. Сам же Железный Джо едва не забился в истерику, уверяя, что ему не больно и что он готов, а главное — жаждет и настаивает продолжать поединок.

В конце концов бесчисленные побои сделали свое дело, и неожиданно для всех Грим был нокаутирован Матросом Бьорком — парнем из второй лиги, отличавшимся весьма мощным ударом. Сердце Грима, не выдержав таких нагрузок, остановилось.

Можно предположить с большой долей вероятности, что для нормального человека падение с четырехфутовой ступени головой на бетонный пол приведет, как минимум, к потере сознания. В первом поединке с Джо Чоинским Том Шарки именно так и упал. Он не только ничего не повредил себе, но поднялся на ноги, вышел на ринг и продолжил поединок. Весивший всего 170 фунтов, Чоинский, по словам Корбетта, отличался неожиданно мощным проникающим ударом. Вторил Корбетту и Великан Джеффрис, утверждавший, что самые болезненные удары он получал от Чоинского. В бою на выживание где-то между двадцатым и двадцать третьим раундами Чоинский так врезал Джеффрису в подбородок, что губа Великана оказалась «вправленной» ему в рот и застряла между передними резцами — одному из секундантов пришлось ножом выковыривать ее.

Шарки был зеленым новичком. Чоинский — опытным ветераном с кучей заслуг. Ничего удивительного, что добротной серией ударов Чоинский перекинул Шарки через канаты, за пределы ринга, и тот рухнул головой на бетонный пол. Череп нормального человека раскололся бы от такого удара, как яичная скорлупа. Шарки же встал, поднялся на ринг, продолжил бой и вскоре нокаутировал противника.

Чоинскому, мастеру тяжелого удара, довелось в жизни встретиться с еще одним парнем из отряда

железных — Майком Боуденом, в Чикаго. Этот боксер дрался так же открыто и неумело, как Грим, и отличался не меньшей, чем у итальянца, выносливостью. В течение шестираундового поединка Боудену не удалось ни разу по-настоящему врезать противнику. Чоинский же измолотил его по полной программе, желая нокаутировать, что так ему и не удалось.

А в Австралии Чоинский был дважды нокаутирован неким Джо Годдардом, который утверждал, что от удара, каким бы сильным он ни был, человек не может потерять сознание...

Вот лишь некоторые воспоминания кое о ком из тех, кого называют железными людьми.

1

Пушечный выстрел и удар грома! Гранитная челюсть и тело из закаленной стали! Ярость тигра и сердце великого воина, бьющееся меж стальных балок ребер, под стальными плитами грудных мышц! Все это — Майк Бреннон, боксер-тяжеловес.

Давным-давно, задолго до того, как спортивные журналисты впервые написали своими перьями имя Майка Бреннона, я заглянул на карнавал в одном небольшом городишке в Неваде. Разумеется, я подошел к цирковому патру с громким названием «Зал боев до смерти». Около входа зазывала, он же хозяин, из всех сил кривлялся и плоско острил, заманивая публику. Главным его аргументом были пятьдесят долларов, которые он обещал любому, кто простоят четыре раунда против «Фирпо-младшего, Калифорнийского Убийцы, чемпиона Лос-Анджелеса и Ост-Индии».

Вышеупомянутый Фирпо, здоровенный лохматый детина с мускулами тяжелоатлета, находился тут же, с торжественно-тоскливым выражением на широком, не блещущем интеллектом лице. Весь этот балаган был для него привычным делом, каждодневной рутинной.

— Ну что же, друзья мои, — надрывался зазывала, — неужели среди вас не найдется храброго юноши, готового рискнуть жизнью вот на этом ринге? Кстати, прошу запомнить: администрация за увечья и смерть участников ответственности не несет! Но если кто-то все же решится ступить за канаты на свой страх и риск...

Сначала к рингу сунулся было деревенского вида бугай — явно подсадная утка, но в этот момент толпа зрителей заколыхалась, и вскоре нестройный гул голосов перерос в скандирование: «Бреннон! Бреннон! Давай, Майк!» Со своего места поднялся какой-то парень и, неуверенно улыбаясь, неловко пролез под канаты. Подсадной боец куда-то смылся, Фирпо-младший обнаружил некоторую заинтересованность, зазывала впился в парня оценивающим взглядом, — по всем этим признакам, а также по тому, как реагировали на происходящее зрители, я понял, что обмана нет и парень, вышедший на ринг, действительно из местных.

— Ты — профессиональный боксер, — не столько вопросительно, сколько утверждающе-обвинительно произнес хозяин.

— Ну, дрался, бывало, здесь да в соседних городишках, — отозвался Бреннон. — Но ты же не говорил, что ваша контора только с доходягами связывается.

— Обижаеть, — буркнул, расплываясь в притворной улыбке, зазывала. — Нам бояться некого.

Пока шел этот привычный обмен любезностями, а Фирпо и хозяин присматривались к незнакомцу, я прикидывал, как балаганщики собираются обеспечить себе победу, если чужак вдруг окажется крепким орешком для их бойца. Ринг находился посередине арены, раздевалки были вынесены за кулисы, а значит, канаты не проходили в непосредственной близости от занавеса. В подобных заведениях часто практиковали одно «невинное» ухищрение. Цирковой боксер всеми силами заманивал или загонял противника к дальним от зрителей канатам, откуда тот получал сквозь занавес предательские удар-другой со спины. Однако, как я уже сказал, в этом цирке такой вариант предусмотрен не был.

Зайдя на минуту в раздевалку, Бреннон вновь поднялся на ринг, и его встретили бурные аплодисменты публики. Сложен он был великолепно: ростом шесть футов один дюйм, крепкие руки и ноги, тонкая талия и, по контрасту, впечатляюще широкие плечи и мощная грудная клетка. Загорелый, с чуть раскосыми серыми глазами, с черной челкой, падающей на низкий, но широкий лоб, скуластый, с крепкой челюстью и тонкими губами, он вполне соответствовал облику идеального бойца. Мощные канаты мышц играли под его кожей, когда он двигался — с несколько тяжеловатой грацией, присущей тиграм. Рядом с ним Фирпо выглядел неуклюжей обезьяной. Объявили результаты взвешивания: Бреннон — 189 фунтов, Фирпо-младший — 191. В толпе засвистели — любому было ясно, что цирковой боксер весил не меньше двухсот десяти фунтов.

Бой оказался коротким, яростным, непредсказуемым и с весьма сумбурным финалом. По сигналу гонга Бреннон вылетел из своего угла — откры-

тый, даже не приняв защитную стойку, ни дать ни взять — завсегда́тай кабацких драк. Фирпо-младший встретил его сильным ударом левой в подбородок, сбив темп наступления противника. Майк притормозил и, не успев подставить руки, схлопотал боковой правой в челюсть. Удар был чудовищный, но, против ожидания, он, как и предыдущий, не возымел ожидаемого эффекта. Бреннон тряхнул головой и снова бросился вперед — по-прежнему открытый — и тотчас вновь получил от отступившего на шаг Фирпо удар в ту же многострадальную челюсть. Вот тут Бреннон рухнул ничком, как бревно. Зрители замерли. Хозяин балагана, он же рефери на ринге, принялся быстро отсчитывать секунды, не мешая Фирпо поудобнее встать над лежащим противником.

На счет «пять» Бреннон еще не подавал признаков жизни. На «семь» он начал бесцельно шевелить ногами и руками. На «восемь» он уже встал на одно колено, и взгляд его блуждающих, налитых кровью глаз сфокусировался на противнике. В тот же миг в этих глазах зажглась ярость убийцы. За долю секунды до того, как рефери произнес окончательное «десять», Бреннон вскочил на ноги, влекомый невероятной вспышкой ярости, поразившей даже зрителей.

Похоже, Фирпо-младшего такой поворот дела озадачил не меньше. Бледнея на глазах, он стал поспешно отступать. Но уйти далеко Бреннон ему не дал. Рывок, широкий замах — и вот правый боковой Майка с силой, заставившей ринг содрогнуться, впелся в грудь противника. А затем прямой слева пришелся тому точно в подбородок.

Фирпо повалился на ринг, обалдевший судья стал не торопясь отсчитывать секунды, но Бреннон не

пустил дело на самотек. Оттолкнув рефери, он нагнулся над поверженным противником и сорвал с его руки перчатку. Тряхнул ее, вытащил и показал, подняв над головой, чтобы было видно всем зрителям, массивный слиток свинца в форме сжатой в кулак руки. Я вздрогнул от ужаса, представив, как этот предательский снаряд летит в мою голову. Ничего удивительного, что Фирпо-младший записывал, когда его противник встал после нокдауна. Свинчатка, дважды ударив в челюсть Бреннона, должна была бы переломать ему кости, а он после этого не только поднялся меньше чем за десять секунд, но и уложил противника с двух ударов.

Что тут началось! Хозяин балагана прыгал вокруг Бреннона, пытаясь отобрать у него свинчатку. Один из секундантов Фирпо зачем-то набросился на победителя с кулаками. Поняв, что с местным парнем обошлись несправедливо да еще и права качают, толпа хлынула на ринг. Зрители явно вознамерились разделаться с заезжими циркачами и попутно разнести шатер, арену и трибуны. Пробираясь к ближайшему выходу, я успел заметить, как один из зрителей занес над головой табурет, собираясь обрушить его на голову все еще пребывавшего в прострации Фирпо. В тот же момент к цирковому бойцу наклонился и Бреннон, видимо желая высказать тому свою точку зрения на применение в поединке недозволенных приемов. Траектории падения табурета и движения Бреннона совпали; раздался страшный треск — и, получив удар доской по плечу, Майк осел на пол. В общем, потеха удалась на славу, и до меня еще долго доносились беспорядочные крики, грохот и свистки полицейских.

Позднее я вновь увидел Бреннона на ринге в одном из клубов на Западном побережье. Его про-

тивником был боксер из второй лиги по имени Малкахай. Тогда-то Бреннон и заинтересовал меня по-настоящему. Невероятно выносливому, умеющему держать удар, обладающему невиданно сильным ударом, ему не хватало только одного: он абсолютно не умел боксировать. Малкахай, сильный и упорный, обладал весьма посредственной техникой, но и он наголову превосходил Бреннона. В течение двух раундов он измолотил Майка всеми возможными ударами. Впрочем, даже лучшие из них не произвели на чернобрового парня никакого эффекта. За полминуты до конца второго раунда один из размашистых свингов Бреннона достиг-таки цели... и бой был окончен.

Я тотчас прикинул: у этого парнишки есть все задатки чемпиона, вот только дерется он, как кабацкий дебошир. Впрочем, техника — дело наживное. Сколько талантливых ребят перебивается с хлеба на воду только потому, что у них нет хорошего тренера и менеджера.

Я прошел в раздевалку Бреннона и представился:
— Меня зовут Стив Амбер. Я видел тебя на ринге раза два...

— Слышал про тебя, — ответил Бреннон. — Чего приперся?

Не обращая внимания на хамский тон, я поинтересовался:

— Кто твой менеджер?

— Никто.

— В смысле?

— Нет у меня менеджера.

— А что скажешь, если я предложу тебе тренироваться у меня?

— Ничего против тебя, как, впрочем, и любого другого, я не имею. Но — это был мой последний

бой. Я завязываю. Надоело молотить сопляков в третьеразрядных заведениях.

— Положись на меня. Я смогу организовать тебе бои посерьезней и повыгодней.

— Не выйдет. Я уже дважды пробовал. Один раз — с Матросом Слэйдом, другой — с Джонни Вареллой. Оба боя я проиграл. Только не надо ничего говорить, утешать или проповедовать. Я все решил. Завязываю. А сейчас спать хочу.

— Что ж, прийти в себя после боя — дело святое, — понимающе кивнул я. — Вообще-то я никогда не приглашаю дважды, но... вот тебе моя визитка. Если передумаешь, дай знать.

2

Шли недели и месяцы, но Майк Бреннон оказался не тем парнем, которого легко забыть. Как все настоящие болельщики, а уж тем более менеджеры боксеров, я частенько предавался мечтам. Мечтам о воспитанном мной чемпионе, настоящем, непобедимом супербоксере. И всегда в этих грезах передо мной возникал образ Майка Бреннона — темная, мрачная фигура, пышущая некоей первобытной яростью. Однажды Бреннон все же явился ко мне — не во сне или мечтах, а наяву, живой-живехонький, из плоти и крови. Он остановился посреди моего кабинета, комкая в руках мятую шляпу. По его губам скользила виновато-беспокойная улыбка. В общем, это был далеко не тот хамоватый, уверенный в себе тип, с которым я встречался раньше.

— Мистер Амбер, — сразу взял он быка за рога, — если вы не передумали, то я хочу, чтоб вы стали моим менеджером.

— Ладно, — кивнул я.

— А не могли бы вы побыстрее устроить мне поединок? — нервно спросил он и пояснил: — Мне очень нужны деньги.

— Ты не торопись, всему свое время, — сказал я. — Могу выдать тебе аванс, если ты задолжал кому-то... Бреннон махнул рукой:

— Нет, дело не в этом. Лучше будет, если вы организуете бой уже на этой неделе.

— А ты хоть в форме? Сколько времени на ринг не выходил?

— С тех пор, как мы с вами виделись, ни разу. Но я всегда в форме.

Я проводил Бреннона в раздевалку, а затем во двор, где на открытом ринге тренировался Спайк Гэнлон, весьма неглупый и очень техничный полутяжеловес и мой помощник. Я предложил им немного поработать — в легкой, но по возможности подвижной манере. Бреннон оказался весьма юрким, но более всего меня поразила его техника, его аккуратные, правильно поставленные удары, которые он противопоставлял высшему пилотажу Гэнлона. Разумеется, сравнивать их было нельзя: как-никак Гэнлон — заметная фигура в техничном боксе средних весовых категорий. Смутило меня только то, что Бреннон не применял своего молотоподобного удара. Но сомнения рассеялись, когда он, встав к большому мешку, чуть не разодрал его и не сорвал с канатов. Я решил, что Майк старается поддерживать свои лихие удары, чтобы ненароком не травмировать спарринг-партнера.

Последующие дни мы посвятили тяжелым, изматывающим тренировкам. Бреннон внимательно слушал, что говорили ему мы с Гэнлоном, но результаты оказались, мягко говоря, неудовлетворительными.

Бреннон вовсе не был дураком, но, как выяснилось, он абсолютно не способен был применить на практике то, что легко усваивал в теории.

Впрочем, на первых порах я от него многого не ждал. Пригласив из другого клуба достаточно техничного тяжеловеса, я заставлял Бреннона подолгу тренироваться и с ним, и с Гэнлоном. Однако первый же учебный бой разочаровал меня донельзя. Сначала Майк пытался боксировать по науке, неловко осыпая противника бесполезными из-за недостаточной силы ударами. Когда же резкий тычок в нос разозлил его, о боксе было забыто. Началась драка, в которой Бреннон мгновенно вернулся к своему стилю — размашистым кабацким оплеухам недюжинной силы. Мощь и беспорядочная, но высокая скорость возвратились к Бреннону. Я поспешил остановить схватку и признался:

— Похоже, я был не прав. Нечего пытаться сделать из тебя мудреца-теоретика бокса. Ты — боец от природы, и похоже, всему, что умеешь, учился на практике. Видимо, мне следует лишь подкорректировать твои навыки и сделать из тебя бойца типа Демпси, Салливэна или Макговерна. Теперь понятно: ты можешь боксировать по всем правилам, тренируясь с приятелем, просто ради собственного удовольствия, но стоит дойти до дела, да еще вдруг зацепить, разозлить тебя, и ты забываешь все, кроме своего природного стиля. Это вовсе не значит, что ты скудоумен или неспособен учиться. Тот же Демпси неплохо боксировал в спарринге, но на ринге от нормального бокса не оставалось и следа. Он начинал молотить противника почти как ты. И все же, Майк, я не могу не признать, что, каким бы диким и необузданным ни был Демпси на ринге, он проявлял куда больше способности к обучению, чем

ты. Пойми, я говорю это для твоего же блага. Демпси, Кетчелл и Макговерн даже в начале карьеры инстинктивно умели работать ногами, кружить вокруг противника, уходить, подныривать под его удары и защищаться. Ты же идешь на соперника открытым, незащищенным, и блокировать твои оплеухи не смог бы разве что слепой. У тебя есть скорость, но ты не умеешь использовать ее. В общем, теперь, поняв свои просчеты, я сменю методику тренировок.

Поначалу все шло хорошо, и я поверил в то, что сумею сделать из Бреннона второго Демпси. Как он ни просил меня, я не позволил ему выйти на ринг в течение трех месяцев. Все это время он по несколько часов ежедневно проводил у тяжелой группы, молотя ее прямыми короткими ударами. Так я хотел выбить из него это бесцельное, невероятно долгое замахивание. Лучше, чем прямые удары, у него получались хуки — как и у Демпси. Еще я пытался обучить его азам работы ногами, финтам и умению идти вперед, прикрываясь баррикадой из локтей и перчаток. Обучение нам обоим давалось нелегко.

Однажды Гэнлон сказал мне:

— Майк — странный тип, твердый орешек для тренера. У него тело и сердце бойца, но совершенно не бойцовские мозги. Он все понимает, усваивает, но на ринге применить свое знание не может. Над простейшим приемом он работает неделями — и все для того, чтобы благополучно забыть о нем, едва нырнув под канат. Будь он тупицей, я бы понял. Но ведь во всем остальном он соображает отлично.

— Может быть, сказываются долгие выступления в третьесортных клубах.

— Частично — да. Но собака не здесь зарыта. Просто в башке у парня не того...

— Что ты имеешь в виду? — забеспокоился я.

— Да нет, я о другом... Согласись, у него там словно клапан какой-то, блокирующий все, что им усвоено. Стоит начать боксировать, как он останавливается и кумекает о чем-то. На ринге, сам понимаешь, времени нет. Видишь летящую в тебя перчатку, и в отпущенную тебе долю мгновения ты должен решить, как уйти от удара, куда шагнуть и что предпринять в качестве контратаки. Разумеется, ты не успеваешь обмозговать тактику, все происходит инстинктивно. Вот почему ты и я можем боксировать быстро, не задумываясь. А если ты — открытый нараспашку тормоз вроде Майка, то просто получаешь по морде, сплевываешь зубы и прешься дальше.

— Ну и что? — возразил я. — Есть такой тип бойцов. Мы же не пытаемся сделать из Майка образец техники бокса.

Гэнлон покачал головой:

— Я все понимаю, но речь сейчас не об этом. Майк — другой. Он не создан для этого спорта. Даже простейшие приемы и движения слишком сложны для него. В общем, или он научится хоть немного защищаться, или через пару лет из него мозги вышибут. Вспомни, чем кончали все великие бойцы — психушкой. Выходить на ринг открытым, получать чертову уйму ударов, да еще выступая в тяжелом весе, — ни один череп долго не выдержит. Всем таким ребятам светит смиренная рубашка или, в лучшем случае, халат для тихих психов.

— Да ну тебя! Накаркаешь. Майк — парень соображающий, хоть и не быстро. Вот ты и поучи его уму-разуму. Я уверен, что он, если захочет, всему научится.

— В любом другом деле — безусловно. А вот в боксе... теоретически возможно, но вряд ли.

Вскоре после разговора со Спайком Гэнлоном Бреннон пришел ко мне все с той же просьбой:

— Стив, мне нужен бой. С кем угодно. Деньги позарез нужны. Понятно?

— Майк, — ответил я, — это, конечно, не мое дело, но я не понимаю, почему ты настаиваешь. Здесь, в тренировочном лагере, на полном пансионе, ты не тратишь ни гроша. Долгов, говоришь, у тебя нет, от аванса отказываешься...

— Какое тебе дело?! — рявкнул он.

— Никакого, — поспешил я успокоить его. — Просто, как твой менеджер, я слишком близко к сердцу принимаю и твои финансовые интересы. Приношу свои извинения.

— Ты тоже меня извини, Стив, — буркнул он. — Я же знаю, что ты в мою частную жизнь никогда не лезешь, но, понимаешь, мне очень нужны деньги. Много. Сейчас, срочно... — И он назвал неслыханную для меня сумму. Подумав, я сказал:

— Есть единственная возможность получить такие деньги. Монк Барота отправился в турне по побережью. Слышал о Монке? То-то. Если честно, то я считаю, что ты не готов к бою с боксером из высшей лиги. Но раз уж приспичило... Менеджер Бароты — мой приятель, и, полагаю, нам удастся договориться с ним о примерно такой сумме. Но учти: поражение ломает тебе карьеру, к тому же Барота церемониться не станет, запросто может покалечить по полной программе. И не говори мне потом, что я тебя не предупреждал. Впрочем, ты сейчас в неплохой форме и, если будешь действовать, как тебя учили, — вполне сумеешь переплюнуть Бароту и победить.

— Я его переплюну,— мрачно кивнул Майк.

Мне хотелось надеяться, что в своей уверенности он был более искренен, чем я. На самом деле я действительно считал, что он не готов к поединку с парнем из высшей лиги. Я собирался вывести Майка на ринг последовательно, начиная с малого. Но было в Бренноне нечто необычное: говоря о деньгах, он выглядел мрачно уверенным, что совершенно подавляло мою решительность. Бреннон вообще обладал неким магнетизмом. Как Салливэн, он подавлял всех вокруг — тренеров, секундантов, менеджеров, партнеров. А в вопросе денег его магнетизм приобретал особую, непонятную силу — казалось, деньги для Майка являются навязчивой идеей.

Благодаря немалым ухищрениям с моей стороны Бреннон — никому не известный в то время парень — был заявлен на бой с весьма опытным и популярным боксером. Букмекеры принимали ставки пять к одному в пользу итальянца, и при этом никто из зрителей не хотел ставить на Бреннона, считая, что в этом поединке исход предопределен заранее. Напоследок я напутствовал Майка:

— Запомни! Используй все, чему тебя научил Гэнлон о защите и отходе. Если не будешь использовать, Барота изувечит тебя на веки вечные.

В зале погас свет, зажженными остались лишь мощные лампы над рингом. Толпа притихла. Это мгновение тишины всегда предшествует началу поединка. Соперники скользнули из своих углов к центру ринга.

— О Господи! — вырвалось у Гэнлона, стоящего рядом со мной. — Да он все забыл, начисто!

Майк действительно двигался по рингу в своей старой манере. Свет, рев толпы, огласивший ринг

сразу после удара гонга, лицо противника перед собой — все это сделало Майка похожим на привезенного в центр города тигра. Обитатель джунглей был одновременно насторожен и растерян. Барота повел поединок в присущей ему манере. Майк поддался на обманное движение, и первый же удар соперника угодил ему в глаз. От этого тяжелого, но медленного удара увернулся бы любой человек, даже не боксер, — но не Майк. Гэнлон взвыл:

— И это после всего того, чему мы его учили! Он же ни черта не помнит! Лучше сразу выбрасывай полотенце и уводи его, пока не поздно. Ты только посмотри!

В этот момент Майк попытался достать противника своим видным за версту размашистым ударом.

— Даже ударить правильно не может, — стонал Гэнлон. — Ясно. Скоро все кончится, если только Барота не захочет потешить зрителей и помучить нашего Майка чуть дольше нужного.

Барота наверстывал упущенное время. Всякий нормальный человек замрет на месте, заглянув в мрачные глаза Бреннона, замер и Монк. Но первая половина раунда развеяла его опасения. Теперь он легко и уверенно кружил вокруг этого неумелого детины, жалия его короткими прямыми ударами по корпусу. Гэнлон чуть не плакал:

— Я же научил его всему, что знал сам! И что? Да из него же дух вышибут на потеху всем. —

За полминуты до конца раунда Барота ринулся в стремительную, рискованную атаку, на которые он считался большим мастером. Майк, разумеется, встретил его, широко и бесполезно размахивая руками. Проскользнув между этими жерновами, Барота с близкого расстояния принялся форменным обра-

зом выбивать из Бреннона пыль, как из старого ковра. Избиение остановил гонг.

Разумеется, на лице Майка остались кое-какие отметины, но сам он выглядел свежим, словно не его только что основательно избивали. На жалостливые мольбы и рекомендации Спайка он ответил одной безразличной фразой:

— Этот парень совсем не умеет бить.

— Не умеет бить! — Гэнлон чуть не выронил губку, которой протирал лицо Майка. — Да он на первом месте по серии побед нокаутами за последние десять лет! И не он ли сейчас гонял тебя по всему рингу?

— Да не чувствую я этих шлепков, хоть ты тресни, — сообщил нам Майк, поднимаясь по сигналу гонга.

Барота явно решил побыстрее закончить сегодняшний поединок. С первой же секунды он бросился в атаку. Правой он расквасил Майку губы, а затем принялся молотить его по корпусу прямыми левыми, которые частенько выводили из боя противников. Удар за ударом — под оглушительные вопли зрителей Барота гонял Майка по рингу. Вдруг я почувствовал, как в мое плечо впились пальцы Гэнлона.

— Разрази меня гром! — взволнованно прохрипел он мне в ухо. — Вся толпа думает, да и сам Барота уверен, что эти левые в корпус вот-вот добьют Майка. А он ведь даже не чувствует их. У него есть один-единственный шанс. Когда Барота выстреливает правой...

В этот момент Барота как раз сделал шаг назад, перенес центр тяжести и выстрелил правой. Нет, не зря он гордился своим коронным ударом. Майк стоял перед ним полностью открытый, и Барота вложил в удар весь свой вес до последней унции,

всю свою скорость — и кулак в перчатке обрушился на челюсть Майка Бреннона со звуком, ясно слышимым во всех уголках большого зала. Зрители охнули, сжали кулаки, закусили губы... Майк пьяно покачнулся, но не упал.

На миг и Барота замер — не в силах поверить, что этот удар не отправил противника хотя бы в нокдаун. А в следующий миг, в первый раз с начала боя, удар Майка — размашистый свинг слева — попал в цель. Перчатка угодила в скулу Бароте... и Барота повалился на пол. Толпа взревела, зрители вскочили со своих мест. Пошатывающийся Барота встал, не дожидаясь начала отсчета, и тут Майк налетел на него, словно тигр, почувствовавший запах крови. Ослепленный, ничего не соображающий Барота был отличной мишенью, но Майк и здесь умудрился дважды промахнуться, прежде чем, широко загребая, словно минный трал, его правая рука не угодила сопернику в лоб. Барота не просто упал. Он потерял сознание.

Толпа редела, и, перекрикивая ее, Гэнлон сообщил мне:

— Он — железный человек! Теперь я понял! Ошибка природы, урод, не чувствующий боли, и научиться он ничему не сможет, хоть сто лет тренируй. Железный человек, ничего не попишешь.

3

На следующее утро после того, как победа Бреннона потрясла спортивный мир, я, Гэнлон и Майк сидели за завтраком и менее всего напоминали отмечающую удачу компанию. Гэнлон просматривал утренние газеты и ругался.

— Весь штат взбеленился, — бурчал он. — Журналисты свежатинку почуяли и как с цепи сорвались. Пишут, что Барота, когда его привели в чувство, закатил истерику в раздевалке... А здесь утверждают, что Майк одурачил противника, прикинувшись полным болваном в первом раунде. Смотри-ка, Майк, тут тебя называют вторым Фитцсиммонсом! Чушь какая! А вот и кое-что толковое. Слушай: «Бреннон — тот самый парень, который всего лишь год назад проиграл бой с Матросом Слэйдом. Есть все основания полагать, что нокаут, которым он уложил Бароту, не что иное, как счастливое для него стечение обстоятельств, всего лишь чистая случайность. Но нельзя не отметить упорство и выносливость этого парня. — Гэнлон отложил газету и вздохнул: — Истинная правда, Майк. Мне неприятно говорить, но известие о том, что ты новая звезда бокса — это ложная тревога. И это не твоя вина. У тебя душа и тело бойца, но таланта не больше, чем у какого-нибудь задрипанного клерка. К тому же ты неспособен учиться. У тебя есть чутье боя, но нет чутья бойца, а ведь между ними большая разница. Ты всего-навсего Джо Грим в тяжелом весе. Железный человек. Кроме, пожалуй, Джеффри, я не знаю ни одного, кто сумел бы чему-нибудь научиться. И мой тебе совет: уходи с ринга. Прямо сейчас. Такие, как ты, плохо кончают. Слишком много ударов в голову. Возникает нечто вроде постоянного наркотического опьянения от этих оплеух. В конце концов, ты не безмозглый баран и вполне сможешь преуспеть в каком-либо другом деле. У тебя есть три варианта действий. Во-первых, крутиться в небольших клубах на договорных встречах с не слишком сильными противниками и продержаться достаточно долгое время. Во-вторых,

подписать один из контрактов, что сейчас посыпятся на тебя. Вряд ли ты победишь многих техничных тяжеловесов, да и протянешь недолго. Ты не выдержишь града бесконечных ударов и либо рехнешься, либо станешь инвалидом. А в-третьих, что было бы для тебя наилучшим, ты можешь получить причитающиеся тебе деньги и уйти. С этой суммой плюс той, что мы со Стивом одолжим тебе, ты вполне сможешь открыть какое-нибудь небольшое дельце.

Я кивнул в знак согласия. Майк же покачал головой и уверенно положил на стол растопыренные ладони. Как обычно, он играл первую скрипку — внушительный мрачный образ еще неизвестных способностей и недюжинной силы.

— Во многом, Спайк, ты абсолютно прав. Я всегда знал, что человек, настолько нечувствительный к физической боли, не может иметь абсолютно нормальные мозги. Чудес не бывает. У меня дела не шли не только в боксе, но и во всем, за что я брался. А на ринге... Ну не могу я вспомнить, что и каким образом надо делать, и вынужден драться так, как умею, как получается. Но... я могу побеждать! Это моя единственная надежда. Вот почему я не оставлю бокс. Возможно, здоровьем буду расплачиваться — не только физическим, но и умственным. Будем надеяться, что природная выносливость и здесь сработает на меня. Ты прав, я оказался сейчас в роли неожиданной козырной карты. Что ж, воспользуемся этим; к тому же я перестану быть человеком в поединке. Никто не причинит мне боль в этот момент. Никто не остановит меня. Конечно, когда-нибудь кто-нибудь отправит меня в нокаут. Но до того я рассчитываю немало поймать от моей выносливости и нечувствительности. И уверен, что смогу

сколотить неплохое состояние, если у меня будет хороший менеджер.

— Господи! — воскликнул я. — Да ты ведь ничего не понял. Теперь ведь тебе придется постоянно драться с парнями из высшей лиги. А эти ребята владеют техникой, да и удар у них не хуже твоего. Ты же не умеешь защищаться. Пока ты спишь, они тебя покрошат в мелкую капусту.

— Моя защита — гранитная челюсть и железные ребра, — ответил он. — Они всегда со мной и всегда наготове. Любой боец сдохнет от усталости, пока пробьет меня.

— Наверно, — кивнул я. — Человек может выдохнуться, молотя изо всех сил по гранитному валуну. Я видел это на примере Тома Шарки и Джо Годдарда. Но что будет с валуном, не задумывался? С Баротой тебе повезло. Следующий противник будет знать о тебе все и поведет себя осторожнее.

— Ну и что? Мне все равно наплевать на их удары. А я свалю с ног любого, кого достану. Так что, побеждая или проигрывая, я буду привлекать публику, а значит — получать хорошие деньги. Это мне и нужно. Неужели вы думаете, что я сунулсЯ бы в этот ад, если б не крайняя нужда?

— Раз все дело в бедности... — начал я.

— Да что ты знаешь о бедности?! — вдруг вспылал он. — Тебя что, оставили в корзине на ступеньках детского приюта, когда ты был младенцем? Ты, что ли, провел детство вместе с пятьюстами такими же, как ты, там, где каждому полагается лишь самое необходимое, и ничего сверх того? Это ты подростком вкалывал грузчиком и чернорабочим, получая за малейшую провинность розги, и ни разу не наедался досыта? Нет, тебе все это незнакомо, а я хлебнул такой жизни сполна! Но сейчас речь о

другом. В конце концов, не бедность привела меня обратно на ринг. Вот что я тебе скажу: ты — мой менеджер и занимайся своим делом. Если я смогу победить еще раз, то стану собирать больше зрителей, больше заработаю, да и ты внакладе не останешься. Я не жду долгой карьеры. На меня будут ходить, как ходили на бои железного Джо Грима — просто чтобы посмотреть, можно меня нокаутировать или нет. И пока болельщики не почувствуют, что я сдаю позиции, мое железное тело будет приносить деньги. Барота настаивает на матче-реванше. Мне сейчас это не нужно; не нужен и бой с любым другим техничным, соображающим боксером, который все пятнадцать раундов продержит меня на расстоянии, победит по очкам, да еще и разукрасит мою физиономию до безобразия. Я хочу, чтобы зрители видели меня окровавленным, истерзанным, но — выдерживающим все удары и продолжающим драться до победы. Вот что нужно толпе. Дайте мне боксера-убийцу, бойца, который захочет свалить меня, нокаутировать, вогнать в гроб прямо на ринге! Устройте мне бой с Джеком Мэлони.

— Это самоубийство! — воскликнул я. — Мэлони действительно убьет тебя. Нет, я в это дело связываться не буду.

— Да пошел ты!.. — заорал Бреннон, вскакивая со стула и с грохотом опуская кулак на жалобно скрипнувший стол. — Все, разошлись, как в море корабли. Ты сумел бы помочь мне, как никто другой, — мало кто знает спортивный мир так хорошо. Я б не остался в долгу, дал бы и тебе неплохо заработать. Но раз ты не хочешь...

Тут что-то щелкнуло у меня в мозгу, словно включилось реле подчинения железной воле Бреннона. Я неуверенно сказал:

— Ну, если ты так решительно настроен... Я сделаю все возможное, чтобы организовать для тебя этот бой. Но предупреждаю: тебя с ринга вынесут на носилках и отвезут, скорее всего, в дурдом.

Взволнованно пожимая мне руку, Майк чуть не сломал мои пальцы.

— Спасибо, Стив. Я знал, что ты рискованный парень. А за мою башню не беспокойся. Та штучка, которая в ней шевелит шариками да роликами, прикрыта отличной литой броней.

Когда он вышел, Гэнлон, опасливо оглянувшись, прошептал мне:

— Похоже, с этой самой башней у него уже что-то не в порядке. Деньги, деньги, только деньги. Больше он ни о чем говорить не хочет. При этом — ничего не тратит и одевается, как нищий. Куда он их деваает? То, что престарелых родителей в деревне у него нет, — это мы с тобой знаем. Он сам рассказал, как его подкинули в детдом. Тогда на что он их тратит?

Я только покачал головой. Бреннон оставался для меня неразрешимой загадкой.

...

Сейчас восхождение звезды Железного Майка Бреннона стало частью истории бокса. И пожалуй, в главе железных людей эта страничка и по сей день остается самой яркой и впечатляющей.

Железный Майк! Взгляните на него в лучшие его годы. Шесть футов один дюйм от пяток до макушки. Сто девяносто фунтов железных пружин, броневых плит и китовой кости. Из-под густых черных бровей грозно сверкают глубоко посаженные темные глаза; тонкие, иссеченные в боях губы искривились в гримасе ярости — таким, только таким, в

образе Бреннона, и по сей день мерещится мне гипотетический супербоец, суперчемпион, супербоксер. Представьте себе человека с невероятной жизнестойкостью, упорством и при этом с чудовищной силой удара. Теперь отнимите у него малейшую способность научиться хотя бы азам, хотя бы простейшим приемам настоящего бокса и замените ее двойным, тройным чутьем боя при отсутствии инстинкта бойца. Вот вам и Железный Майк Бреннон — человек, который был бы чемпионом всю свою жизнь, если б не упомянутая неспособность к обучению.

После того памятного завтрака он впервые вышел на ринг; ему противостоял Джек Мэлони — сто девяносто пять фунтов раскаленной докрасна ярости, с правой рукой пострашнее кузнечного молота. Бой проходил в Сан-Франциско.

При помощи Гэнлона и знакомых журналистов я раскрутил маховик рекламы. В газетах замелькало имя Бреннона. Репортеры говорили о более чем двадцати его победах нокаутами и благополучно обходили стороной тот факт, что все его жертвы, за исключением одной, были никому не известными третьесортными бойцами. Аккуратно избегали газетчики и того, что по очкам Майка побеждали и ребята из второй лиги, а Матрос Слэйд и вовсе сделал из него отбивную. Гневно опровергали мои приятели и то, что победа Майка над Баротой есть всего лишь счастливая случайность — в спорте и не такое бывает. Без этого разогрева мне ни за что не удалось бы подбить менеджеров Мэлони на поединок с Бренноном.

И вот настал день встречи. Зал был переполнен. Зрители шумели. Заплатив деньги, они хотели увидеть полноценное зрелище. Я шептал Майку на ухо

последние указания, от которых явно не было никакого толку. Он лишь повторял без устали:

— Ты посмотри, аншлаг! Гляди, сколько людей! Если я выиграю, будут и другие аншлагы, а значит — большие гонорары. Мне нужно, нужно победить!

Гонг. Два великана бросились из своих углов в центр ринга. Опытный боец, Мэлони шел вперед пригнувшись, прикрыв подбородок плечом, высоко поднимая руки. Бреннон же, забыв все, чему его учили, рванулся навстречу высоко поднимая голову, сжав кулаки где-то на уровне пояса — словом, абсолютно открытый любому удару, с единственной мыслью в голове: добраться до противника и сокрушить его. Так выходили на поединок все железные люди с незапамятных времен.

Разумеется, первым угодил в цель удар Мэлони. Его чудовищной силы левый хук вызвал бурю восторга у зрителей и вздох облегчения у его менеджера и секундантов. Победа казалась им такой близкой! Мэлони принадлежал к тому типу боксеров, которые, почувствовав, что противника можно «пробить», достать ударами в голову и корпус, приходят в состояние, близкое к опьянению. Он гонял Бреннона по рингу, молотя его так сильно и так часто, что Майк не успевал собраться. Несколько его неприцельных свингов безрезультатно просвистели над вовремя пригнувшимся Мэлони.

Под конец первого раунда Гэнлон сказал мне:

— А Мэлони-то помедленнее стал двигаться. Старая тактика железных бойцов — дожидаться, пока соперник выдохнется.

И действительно, удары Джека не стали слабее, но сыпались уже реже. Ни один человек не смог бы долго выдержать темп, который он взял в начале

боя. Бреннон же был свеж как огурчик, и за несколько секунд до гонга его первый удар пришелся Мэлони в корпус.

В перерыве, вытирая кровь с лица Майка, Гэнлон шептал ему с радостной улыбкой:

— Черт побери, Бреннон! Я начинаю верить, что ты выиграешь. Правда, вытерпеть тебе придется немало. Сейчас, отдохнув, он снова набросится на тебя, но с каждым раундом будет все больше слабеть. Держись, Майк. Он скоро выдохнется.

Болельщики встретили вышедшего на второй раунд Мэлони бурей аплодисментов. Но они не почувствовали того, что почувствовал он и во что не мог поверить: столько полновесных, отлично проведенных, попавших в цель ударов — а его противник ни разу не побывал в нокдауне. Вновь, с какой-то дикарской энергией, он погнал Бреннона по рингу, не давая тому опомниться, нанося ему удары то слева, то справа. Звук при этом был похож на удар копытом лягающегося мула. Бреннон же, с разбитыми губами, сломанным носом, заплавленными глазами, не подавал никаких признаков беспокойства до последних секунд раунда, когда Мэлони всадил ему подряд два сокрушительных удара правой в челюсть. На миг Майк дрогнул, чуть присел, но тут же огрел Мэлони слева, разодрав тому щеку в кровь.

Во время второго перерыва публика начала осознавать, что происходит. На сотни голосов зал стал выяснять, не потерял ли Джек Мэлони свою знаменитую силу и не сделан ли Майк из чистого железа.

Гэнлон, промакивая губкой разбитое в кровь лицо Майка, шептал:

— У Мэлони уже ноги дрожат. Возвращаясь в свой угол, он обернулся к тебе, и его аж передернуло! Еще бы — ты-то шел спокойно, не шатаясь. Джек знает, что силы в его ударах не убавилось, и это-то его и пугает. Ты — первый человек, которого он избивал в течение двух раундов практически безнаказанно и который при этом остался в форме. Может быть, у него хватит сил еще на один взрыв, но морально он уже сломен. Давай, Майк, теперь он твой.

Прозвенел гонг. С обреченностью в глазах Мэлони вышел отстаивать свою рушащуюся славу молотобойца.словно десяток кузнецов опустили свои молоты на Майка, и тот не устоял перед этим градом. Наклонившись над упавшим Бренноном, рефери начал отсчет. Мэлони же привалился спиной к канатам и жаднопил воздух измученными легкими. Он выдохся.

— Ничего, встанет, — совершенно спокойно сказал мне Гэнлон.

Бреннон, явно испытывающий не боль, а лишь головокружение, встал на одно колено, и его губы шевельнулись. Я сумел прочесть его беззвучную молитву:

— Больше боев — больше денег.

Резким движением он вскочил на ноги. Мэлони вздрогнул всем телом. Тот факт, что Бреннон очухался после нокдауна, выбил его из колеи быстрее самого сильного удара. Майк, инстинктивно ощущая смятение Мэлони, тигром бросился на него. Левой, правой — мимо; одновременно он легко, словно девичьи пощечины, блокировал ослабевшие удары Джека. И вот наконец — попадание. Левый хук в голову. Мэлони замер, а следующий удар снизу в челюсть заставил его согнуться в три погибели. Сделав шаг назад, он рухнул на колени. На счет

«девять» встал, но очередной удар, от которого мог бы увернуться и слепой, вновь угодил ему в челюсть. Поколебавшись, рефери все же поднял руку Майка, а уже затем — для протокола — принялся отсчитывать секунды.

Пока Мэлони, опираясь на секундантов, полз в свой угол, я заметил, что, по странной иронии судьбы, внешне победитель выглядел сплошным кровавым месивом, побежденный же отделался одной-единственной раной на щеке. Я вспомнил бои других железных людей в былые годы. Джо Годдard, старина Бэрри-Чемпион, да и великий Чоинский — все они частенько выходили из боя измороженными до полусмерти, но — победителями. Вспомнил я и то, в каком виде был Шарки, когда свалил-таки Кида Маккоя, вспомнил и Нельсона, уложившего Ганса. И даже по сравнению с ними — людьми, полагавшимися в бою прежде всего на свою выносливость, Майк был самым «открытым», а его движения — самыми беспорядочными.

Вытирая кровь с его физиономии в раздевалке, я не удержался и напомнил Майку о нашем разговоре:

— Теперь ты понял, что такое бой с настоящим боксером? Теперь тебе несколько месяцев к рингу и близко подходить нельзя будет.

— Что?! Несколько месяцев? — пробубнил он распухшими губами. — Ерунда! На следующей же неделе ты мне устраиваешь бой с Джонни Вареллой!

После победы над Мэлони болельщики и журналисты осознали, что на большом ринге появился

очередной железный человек — Майк Бреннон. Он стал, как и предсказывал, козырной картой устроителей матчей — народ валом валил на бои с его участием. На переговорах Майк нещадно торговался, вцепляясь зубами в каждый цент гонорара, но из-за своей жадности скорее соглашался снизить ставки, чем упустить поединок. Первый и единственный раз в жизни я оказался лишь церемониальной фигурой и по совместительству — бухгалтером. Подлинной закулисной пружиной был Бреннон. По его настоянию я организовывал ему бои, как минимум, раз в месяц.

— Ты сломаешься в три раза быстрее, если будешь выступать так часто, — протестовал я. — Зачем укорачивать свою карьеру?

— А зачем удлинять ее, если я могу заработать за несколько месяцев те же деньги, что ты предлагаешь мне за несколько лет?

— Подумай, какое это напряжение.

— Это уже мое дело, — резко отвечал он. — А твое — организовать бой.

...

Бои шли один за другим. Зрители ломились на поединки с участием Майка. Он выступал против отчаянных молотобойцев, хитрых «танцоров», техничных мастеров, сочетающих в себе качества бойца и боксера-спортсмена. Если под рукой не оказывалось первоклассного соперника, Майк снижал ставку и выходил против какого-нибудь лихого парня из второй лиги. Пока Майк зарабатывал деньги — много ли, мало ли, — он чувствовал, что живет не зря. Всегда предельно честный и немелочный в расчетах с секундантами, тренером и спарринг-партнерами, в остальном он был жутким скрягой и,

несмотря на все мои протесты, продолжал жить в самых дешевых гостиницах (а если позволяла ситуация — то и в тренировочном лагере), одеваться во всякое рванье и не позволял себе ни малейших излишеств.

Сначала он выигрывал постоянно. Такой человек опасен для любого противника. Сочетание невероятной выносливости, нечувствительности к боли и особого склада ума позволяло ему вновь и вновь подниматься после очередного нокаута. Подобное являлось уже чем-то запредельным; эту железную волю он приобрел уже после того, как мы впервые столкнулись с ним и он отказался тренироваться у меня.

В те годы среди тяжеловесов существовала негласная, но тем не менее очень жесткая табель о рангах. Одно то, что своим появлением Майк изменил ее, рассыпал всю стройную систему, равняло его с теми, кто медленно, упрямо занимал верхние этажи в этой иерархии.

Вслед за победой над Мэлони Майк вышел на ринг против Йона ван Хайрена по кличке Крепкий Голландец, которого тогда многие считали наиболее упорным и стойким боксером. По крайней мере, победить его нокаутом пока не удавалось никому. По манере ведения боя он походил на Бреннона, и один известный репортер окрестил этот поединок «дракой кабацких дебоширов». В одной из газет я прочел: «Этот бой отбросил наш бокс на четверть века назад. Ни один нормальный человек, придя впервые на матч и увидев эту мясорубку, никогда больше не захочет и одним глазом посмотреть на поединки боксеров. Незнакомый с настоящим спортом человек мог бы запросто назвать такой бокс схваткой двух горилл, напроць лишенных ра-

зума и даже инстинкта самосохранения, превративших ринг в скотобойню.

Перед тем как выйти на ринг, противники заставили судью пообещать не останавливать бой ни при каких обстоятельствах. Необычная, не входящая в протокол процедура — в той ситуации она была более чем уместна.

Тот бой научил Майка кое-чему новому: большую часть ударов получал не он, а противник. Ван Хайрен — шесть футов два дюйма, двести десять фунтов — обладал ужасающим ударом, но ему недоставало взрывной энергии и злости Майка. Характерные брэнноновские свинги, от которых легко уворачивались другие боксеры, слепо и мощно влетали в голову и корпус Голландца. К концу первого раунда лицо Хайрена было разбито в кровь. К концу четвертого — его черты потеряли всякое сходство с человеческими, да и тело превратилось в сплошной багровый синяк.

Так, нога к ноге, стояли они друг против друга раунд за раундом. Ни один из соперников не сделал ни шага назад. Пятый, шестой, седьмой раунды стали настоящим кошмаром. Майк трижды побывал в нокдауне, в два раза чаще валялся на ринг его противник. Тут и там с трибун под руки уводили женщин, которым становилось плохо. Многие болельщики кричали, требуя остановить бой.

В девятом раунде ван Хайрен рухнул в последний раз. С изуродованным навеки лицом, с четырьмя сломанными ребрами, он лежал на ринге, едва слыша отсчет секунд. Выкрикнутое судьей «десять!» поставило точку на боксерской карьере Крепкого Голландца.

Майк Бреннон с трудом дополз до раздевалки — впервые в жизни он по-настоящему выдохся в поединке. Но для него игра стоила свеч. Теперь он стал некоронованным королем железных людей, отобрав этот титул у поверженного голландца. Больше славы — больше зрителей, дороже билеты, выше ставки, а значит — больше денег! Величайший из железных людей своего времени, за три года, что Бреннон дрался под моим руководством, он встречался едва ли не со всеми известными тяжеловесами, выигрывал и проигрывал. Но все его поражения были проигрышами по очкам тем, кто ухитрился устоять против него, кто выдержал бешеный темп в течение всех пятнадцати раундов. А побеждал он всегда нокаутами. Немало известных боксеров, измолотив его до полусмерти, падали на ринг под его слепыми, беспорядочными, но безжалостными атаками. Об него ломали руки, сам он разбивал противникам боксерские судьбы, частенько ставил точку в их спортивной карьере.

Больше шансов против Бреннона было у полутяжеловесов, обладающих отличной техникой. Их удары Бреннону — как слону дробина, но им было легче уйти от его размашистых ударов. Так, по очкам его победили Финнеган, Фрэнки Гроган и Флэш Салливан — чемпион в полутяжелом весе.

Тяжеловесы же чаще ставили на мощь своих ударов — и ошибались. Например, Вояка Хэндлер в течение четырех раундов пять раз отправлял Майка в нокаун, а затем сам наткнулся на один-единственный боковой правой, пришедшийся ему в голову и отправивший его в нокаут едва ли не на полчасца, а заодно и поставивший крест на дальнейших выступлениях на ринге. Знаменитый латиноамериканец Хосе Гонсалес сломал обе руки о железную грудь Брен-

нона, выдохся и также пропустил единственный удар, сваливший его с ног. Броненосец Слоун рискнул на ближний бой с Майком и, не защищаясь, обменивался с ним ударом на удар. Егохватило от силы на полпраунда. Нокаутом победил Майк и Рикардо Диаса — Испанского Великана, свалил Удава Кальберино, довел до инфаркта Черного Призрака. Джонни Варелла и несколько полутяжеловесов в буквальном смысле сломали об него руки и были вынуждены покинуть ринг навсегда. Вне схемы поединков, в частных клубах, он встречался с Белоснежкой Бродом и Кидом Аллисоном; проиграл ему и Хансен-младший. Тяжело дался Майку пятнадцатираундовый бой с Матросом Стивом Костиганом. Этот малый, никогда не поднимаясь выше второй лиги, славился тем, что мог время от времени задать хорошую трепку кое-кому из тех, кто вовсе не плелся в арьергарде даже первого дивизиона.

А тем, кто не верит, что человеческая плоть способна выдержать такое количество ударов, я предлагаю заглянуть в архивы бокса, где хранятся отчеты о выступлениях железных людей. Вспомним Тома Шарки, в открытую вышедшего против смертоносных ударов Джеффри. Вспомним его же, перелетевшего под хуками Чоинского через канаты, головой на бетонный пол, — и вышедшего из той схватки победителем.

Я обратил бы ваше внимание и на Майка Боудена, который, умея защищаться не лучше Бреннона, запросто противостоял Чоинскому. А Джо Грим, которого отметелил Фитцсиммонс, который по пятнадцать раз за поединок оказывался на полу, но тем не менее заканчивал бой стоя? Нормальному человеку железные люди ринга непонятны, как непонятны они и нормальным боксерам. Но никто ни-

когда не сможет вырвать алую, кровавую страницу, которую они вписали в историю бокса.

Шло время. Огромной ценой Бреннон одерживал победу за победой, зарабатывал деньги, говорил мало — и по-прежнему оставался для меня загадкой. Журналисты пронюхали о его страсти к деньгам и, разумеется, прицепились к ней. Майка обвиняли в мелочности и жадности, в черствости по отношению к менее удачливым коллегам — в общем, пользовались всеми избитыми приемами, чтобы сделать себе имя, опорочив знаменитость. Эти измышления были верны лишь отчасти. На самом деле Бреннон время от времени давал деньги — причем не в долг, а безвозвратно — тем, кто отчаянно в них нуждался. Но, признаю, подобные вспышки щедрости были весьма нерегулярны и редки.

Затем он начал сдавать. Первым это почувствовал Гэнлон. В тот вечер, когда Майк вышел на ринг против Кида Аллисона, Спайк Гэнлон наклонился ко мне и тихо-тихо прошептал:

— Он стал двигаться медленнее, Стив. Понимаешь? Это начало конца.

* * *

В ту ночь Гэнлон завел с Бренноном откровенный разговор:

— Майк, ты уже на пределе. Твой запас почти исчерпан. Удары действуют на тебя сильнее, чем раньше, устаешь ты больше. Чего ты хочешь — три года в таком аду. Пойми меня правильно: тебе пора завязывать с боксом.

— Только после нокаута, — упрямо ответил Майк. — Надо мной до десяти еще никто не считал.

— Когда у такого парня, как ты, дело дойдет до нокаута, это будет означать, что он — окончательно

но «пробитый», отмороженный псих,— заверил его Спайк.— Если удары стали причинять тебе боль, значит, они достигают мозга. Помнишь ван Хайрена, которого ты одолел? Знаешь, что с ним сейчас? Живет в интернате, где целыми днями машет руками, утверждая, что готовится к встрече с Фитцсиммонсом, который уже пять лет как помер.

При упоминании Голландца по лицу Майка пробежала мрачная тень. Странное дело: даже обезображенное сотнями страшных ударов, это лицо, приобретя злое выражение, не утратило выразительности и неясной, скрытой значительности.

Подумав, Майк произнес:

— Я стожусь еще на несколько боев. Мне нужны деньги...

— Опять деньги! — не выдержав, заорал я.— Да у тебя уже по меньшей мере полмиллиона! Ты, похоже, действительно психопат, патологический скряга, который...

— Стив,— вдруг перебил меня Гэнлон.— Тут вчера к нам заходил ван Хайрен — его на время выпустили из психушки...

— Ну и что с того?

— Майк дал ему тысячу долларов,— пожал плечами Гэнлон.

— А вам-то что?! — вдруг вспыхнул Бреннон.— Какое вам дело?! Я когда-то добил этого парня. Наверное, именно из-за меня он теперь не может заработать себе на кусок хлеба. Что с того, если я и помогу ему немного? Какое кому дело?!

— Никакого и никому,— заверил его я.— Просто это доказывает, что ты — не жадный человек, вот и все. Но, с другой стороны, от этого ты не становишься менее загадочной личностью. Не хо-

чешь ли поведать нам, на что ты тратишь столько денег?

Майк поспешно отмахнулся:

— Не вижу в этом смысла. Зачем? Ты организовываешь мне бой, я дерусь. Мы зарабатываем и делим деньги, а все остальное — это уже дело каждого из нас.

— Извини, Майк, — как мог вежливо сказал я. — Но это не только дело каждого по отдельности. Пойми, я на тебе заработал больше, чем на любом из прошлых своих чемпионов. И если б речь шла только о деньгах, я бы ни за что не стал гнать тебя с ринга. Но пойми: ты мне не чужой, а я — не только бизнесмен. Поверь мне, моему опыту — тебе нужно завязывать, уходить с ринга. И прямо сейчас. Еще не поздно даже попытаться и восстановить твое лицо. Пластические операции — потрясающая штука. Красавчиком, конечно, тебе уже не быть, но вполне сносную рожу сделать можно. И поверь: еще один бой — и, вполне возможно, мне придется брать над тобой опекунство и устраивать в богадельню.

— Я крепче, чем ты думаешь, Стив, — мрачно сказал Бреннон. — Я сейчас в лучшей, чем когда-либо, форме. Организуй-ка ты мне Матроса Слэйда.

— Однажды он уже отделал тебя, а тогда за тобой не было трех лет постоянного мордобоя. С чего ты взял, что на этот раз...

— Тогда у меня не было воли к победе.

С таким доводом я не мог не согласиться. Откуда возникла эта воля, я не знал, но, повинувшись таинственному внутреннему приказу, Майк умудрялся вставать и побеждать даже тогда, когда проигрыш казался неминуемым. Сколько раз я видел, как он падает, бьется головой о холщовое покрытие рин-

га, как закатываются его глаза, бледнеет лицо... но затем он вновь вставал и шел в бой. Что же заставляло его совершать невозможное? Не страх ли? Да, страх проиграть! Этот страх двигал им, когда даже его железное тело содрогалось и сгибалась под могучими ударами противника, когда даже его первобытные злость и ярость, притуляемые усталостью, начинали угасать. Что заставляло Бреннона столь странно воспринимать возможный исход боя, я не знал, но чувствовал, что каким-то образом это связано с его необъяснимой страстью к деньгам.

— Запишешь меня на четыре боя, — приказным тоном сказал Майк. — С Матросом Слэйдом, Хансеном-младшим, Джеком Слэттери и Майком Костиганом.

— Да ты, видать, уже рехнулся! — не сдержался я. — Наметил четырех самых опасных для тебя в мире бойцов. Это тебе не пронырливые полутяжеловесы. У этих ребят удар так поставлен, что держись.

— Ерунда. С Хансеном вообще проблем не будет. Один раз я его уже уложил, уложу и сейчас. Вот со Слэттери сложнее, оставим его напоследок. А для начала я разберусь со Слэйдом. Потом — очередь Костигана. Он наименее техничен из всех них, зато лупит от души. Если я действительно сдаю, то не хотелось бы откладывать встречу с ним надолго.

— Но это же самоубийство! Если тебе приспичило драться, пошли ты этих мордovorотов к чертовой матери и выходи на клубные, договорные бои на потеху публике. Ребята там попроще, да и всегда можно договориться, чтобы били не в полную силу. А эти четверо... Если Слэйд не раскатает тебя в лепешку, то, по крайней мере, измотает так, что Костиган прямо на ринге вгонит тебя в гроб, да

еще и крышку заколотит. Он же убийца! Не забывай, что и его частенько называют Железным Майком.

— Великолепная компания. Весьма выгодная, — совершенно серьезно заметил Майк. — Смотри не продешеви. Матрос Слэйд — тоже козырной туз, как и я. А Костиган... что ж, публика валом повалит на бой двух железных парней.

Что касается рассуждений Майка на темы коммерческой конъюнктуры, то с ними я спорить не мог. Бреннон был, как всегда, убийственно прав.

5

Это случилось за несколько дней до поединка с Матросом Слэйдом. Я заглянул в комнату к Майку, и мой взор случайно упал на недописанное письмо у него на столе. Я не собирался читать его, лишь скользнул взглядом по конверту... и оторопел, увидев, что адресовано оно какой-то Маргарет Вэлшир, в одну из самых престижных и дорогих частных женских школ Нью-Йорка.

Рядом лежало письмо от этой Маргарет. Тут любопытство во мне взяло верх над воспитанием. Я никак не мог уразуметь, какого черта девушка, учащаяся в дорогой светской школе, переписывается с простым боксером. Пробежав глазами две строчки, я обалдел и уже не смог оторваться от письма; я жадно прочитал его от первой до последней буквы. Отложил и тотчас схватил лежавшее рядом письмо, адресованное Майку.

Не успел я дочитать его до конца, как в комнату вошли Майк и Гэнлон. Глаза Бреннона вспыхнули, но прежде, чем он успел что-либо сказать, я сам

набросился на него с оскорблениями, которые, в общем-то, мне не свойственны.

— Идиот! — заорал я. — Болван! Вот, значит, из-за чего ты уродуешь себя!

— Какого черта ты копаешься в моих личных письмах? — задыхаясь от гнева, прохрипел Майк.

— Я не собираюсь вести с тобой дискуссии по этикету, — не унимался я. — Можешь потом дух из меня выпшибить, но сначала я скажу все, что думаю! Ты, значит, содержишь какую-то девчонку в одной из самых дорогих школ страны? Это частный университет! Что же это за женщина, которая позволяет тебе проходить через мясорубку? Хотел бы я, чтоб она посмотрела на твою изуродованную рожу. Пока она там прохлаждается в самой дорогой из всех известных школ, ты подставляешь бабку и тело под камнедробильные молоты, харкаешь кровью!.. И все из-за какой-то...

— Заткнись! — проревел Бреннон, бледный, трясущийся от ярости.

Он наклонился над столом, оперся о него кулаками. Костяшки пальцев побелели, а ножки стола, казалось, вот-вот не выдержат напряжения и сломаются одна за другой.

Теперь Бреннон заговорил более спокойно:

— Знай же, Стив: да, это она. Она, та, что заставляет меня вновь и вновь выходить на ринг, вставать после ударов и снова бросаться в бой. Она — единственная девушка, которую я любил в своей жизни, которую люблю и буду любить всегда. Выслушай меня. Знаешь ли ты, как одинок ребенок, у которого в целом мире нет ни одного человека, кого он бы полюбил? В приюте, где я жил, работали добрые, сердечные люди, но нас было слишком много. Основы начального образо-

вания они мне дали, и это все. Выйдя из приюта, я оказался в еще худшем мире. Мне пришлось вкалывать до седьмого пота, голодать, драться, учиться обманывать. Все, что у меня есть, я отвоевал у жизни, зубами вырвал. Ты говоришь, что я лучше образован, чем большинство боксеров. Возможно. Но и это мне пришлось выбивать из жизни. Несмотря на все сложности, я одолел среднюю школу, плюс к этому я прочел все книги, которые мне удалось выпросить, украсть или взять в библиотеке. Не раз я отказывал себе в куске хлеба, чтобы купить книгу. На ринг меня выбросило после того, как я потерпел поражение во всех других начинаниях. Зато в пьяных драках равных мне не было. В тот вечер, когда ты пришел ко мне с предложением, я твердо решил уйти из бокса. С тех пор меня несло по течению жизни. И вот в одном из небольших городков в Аризоне я встретил ее — Маргарет Вэлшир.

Ты говоришь — бедность. Кто-кто, а она тоже знала о нищете не понаслышке, работала до потери сознания, до кровавых мозолей на руках — она была посудомойкой в придорожном кафе. Но что-то отличало ее от большинства людей, влачащих такое существование, как, наверно, и меня. Может быть, что-то было вложено в нас от рождения, вот только судьба распорядилась иначе. А Маргарет — она уж точно была рождена для шелков и бархата, а не для жирной посуды, едкого порошка и грязных столов. Я полюбил ее, она — меня. Как-то она поведала мне свои сокровенные, несбыточные — как она считала — мечты. Впрочем, какая девушка не мечтает о хорошем гардеробе, приятном обществе? У Маргарет к этому набору добавлялась мечта получить хорошее образование.

Что я, по-вашему, должен был делать? Забрать ее из кафе, чтобы обречь на никчемную жизнь жены работяги-неудачника, у которого нет ни профессии, ни связей? Вот я и решил вернуться в бокс. Как только это стало возможно, я отдал ее в хорошую школу. Посылал ей достаточно денег, чтобы она жила не хуже других девушек в том обществе. Помимо этого, я скопил кое-что на тот день, когда она закончит учебу, я уйду с ринга, мы поженимся, начнем свое дело — заживем жизнью, в которой не будет грязной работы и нищеты. Бедность — вот причина большинства преступлений, жестокости и страданий. Из-за бедности у меня не было своего дома, семьи, братьев и сестер, как у нормальных людей. Сам знаешь, как бывает в трущобных кварталах: люди рожают больше детей, чем могут прокормить и воспитать. Мои родители оставили меня на ступеньках приюта с запиской: «Мальчик рожден в законном браке. Мы любим его, но не сможем прокормить. Назовите его Майклом Бренноном».

В маленьком городке бедность ничуть не менее жестока, чем в большом городе. В той дыре, где жила Маргарет, не было даже приюта. И что? Она выросла, но все, что ей светило в жизни, — это грязная посуда да похабные шутки проезжих клиентов. Именно воспоминания о ней, о моей Маргарет, о ее тонких, изящных, но покрытых мозолями руках помогали мне выстоять, когда мир превращался в кровавую пелену, рассекаемую лишь белыми вспышками чудовищных ударов, крушащих мое тело и сотрясающих мозг. Только мысль о ней заставляла меня подниматься с пола, чтобы вновь и вновь идти в атаку, к победе, бить и бить человека, которого я подчас уже даже не видел. И пока она ждет меня, мой свет в конце туннеля, моя Марга-

рет,— до тех пор нет на земле человека, способного нокаутировать меня!

Последняя фраза Майка прозвучала как победный клич, но ничуть не развеяла мои сомнения.

— А как получается,— спросил я его,— что та, которая любит тебя, позволяет тебе жертвовать собой ради нее?

— Так она же ничего не знает о боксе,— простодушно, радостно подмигнул мне Бреннон.— Я убедил ее, что люди на ринге не столько дерутся, сколько танцуют и изображают удары. Я рассказывал ей о Корбете и Танни, умных техничных ребятах, которые могли простоять и двадцать раундов без единого синяка, без единой ссадины или царапины, и она думала, что я — один из таких. Почти четыре года она не видела меня, с тех пор, как я увез ее из родного городка и отправил в Нью-Йорк. Я всегда отказывал, когда она просила разрешения приехать ко мне или звала меня к себе. Если она увидит мое изувеченное лицо... конечно, это потрясет ее. Но, в конце концов, я ведь никогда красотой не отличался.

— Неужели ты хочешь, чтобы я поверил, будто она ни разу за все эти годы не появилась ни на одном из твоих поединков, не читала ни одной спортивной газеты, в которых полным-полно репортажей о твоих боях?

— Она даже не знает моего настоящего имени,— спокойно ответил Майк.— Бросив бокс в первый раз, я везде записывался под именем Майка Флинна — хотел, чтобы меня перестала доставать парочка прилипчивых менеджеров, они донимали предложениями побоксовать в их клубах, порой — в боях без правил. Познакомившись с Маргарет, я стал подумывать о возвращении на ринг и решил не

посвящать ее. Деньги ей я переводил чеками на предъявителя. В общем, для нее я — Майк Флинн, а о таком боксере ни в одной газете ничего нет. Что же до фотографий, то на них она меня ни в жисть не узнает.

— А письма? Они ведь адресованы Майку Бреннону.

— Да ты даже прочесть внимательно не удосужился. Письма адресованы Майку Флинну, а проживающий в этом тренировочном лагере М. Бреннон должен только передавать их ему. Она полагает, что Майк все время в разъездах, и его приятель Бреннон быстрее разыщет его и отдаст письма. Теперь, по-моему, вам ясно, на что я трачу деньги и почему я такой жадный. Что касается Голландца — тут другое дело. Я виноват в том, что он умом тронулся, и должен помочь ему. Сейчас мне предстоит четыре поединка, и любой из них может стать для меня последним. Деньги есть, но мне нужно больше. Я хочу, чтобы Маргарет никогда ни в чем не нуждалась. Сейчас мне светит получить за первый поединок около ста тысяч долларов. Всего третий раз такая сумма на кону. Спасибо тебе, Стив. С тобой я заработал куда больше, чем многие другие боксеры. Если я одолею этих четверых — значит, буду драться и дальше. Если один из них нокаутирует меня — что ж, придется уходить. Будь что будет.

Описывать в деталях поединок Майка с Матросом Слэйдом у меня не хватает духу даже сейчас. Давно Бреннона так не избивали. Видимо, он начал сдавать раньше, чем мы это заметили, и процесс стал необратимым. Ноги, некогда без усталости носившие Бреннона по рингу, дрожали, и движения его

замедлились. Дикие удары не ослабели, но стали вялыми, и наносил их Майк куда реже. Удары же соперника заставляли его вздрагивать и морщиться от боли. Слэйд хорошо подготовился к схватке: продумав защиту от размашистых ударов Майка, он действовал мощно и наверняка. Сколько раз он укладывал Бреннона на пол, я не упомяну. Несколько раз Майка спасал удар гонга. Но все же «железный тигр» остался верен себе: в четырнадцатом раунде он сумел отчаянным штурмом сломить Слэйда и отправить его в нокаут. Матрос не просто упал — он надолго потерял сознание.

Дождавшись, пока судья досчитает до десяти и поднимет руку победителя, Бреннон сделал шаг к своему углу — и рухнул рядом с побежденным. Обоих унесли с ринга без чувств. Ту ночь я просидел рядом с Майком, который в полубреду все время что-то бормотал и время от времени вздрагивал, словно мысленно принимал телом очередной сокрушительный удар. Лицо его, и до того основательно покаленное, представляло собой сплошную багровую маску из синяков и запекшейся крови. Немалую боль причиняли ему и три сломанных ребра.

Иногда он шептал имя любимой девушки, на миг замирал и снова бросался в воображаемый бой, сжимая кулаки так, что белели костяшки пальцев, а сквозь разбитые губы вырывались почти звериные то ли крики, то ли стоны.

В какой-то момент он затих, затем, постанывая от боли, приподнялся над постелью, оперся на локоть; глядя невидящими глазами куда-то в пустоту, он негромко, но четко заговорил, словно отвечая далеким голосам богов: «Джо Грим! Баттлинг Нельсон! Майк Боуден! Джо Годдард! Железный Майк Бреннон!»

Я не мог сдержать слез.

Наконец Майк погрузился в нормальный, без бреда, сон. Выходя из комнаты, я столкнулся с Гэнлоном, следом за которым шла какая-то девушка. Дорого и со вкусом одетая, с модной прической, явно принадлежащая к светскому обществу, она вела себя абсолютно не так, как пристало даме ее круга.

— Где он? — в отчаянии крикнула она, увидев меня. — Где Майк?! Я должна его увидеть! Мне нужно, очень нужно!..

— Он спит, — коротко ответил я, а затем жестко, быть может, даже жестоко добавил: — Вы и так уже достаточно для него сделали. А кроме того, он не хотел бы, чтоб вы его видели в таком виде.

Она вздрогнула, словно от пощечины.

— Умоляю вас, позвольте мне хотя бы взглянуть на него с порога, — простонала она, заламывая руки. — Я не стану будить его. Ну пожалуйста, прошу вас.

Я сомневался, но вдруг ее глаза вспыхнули, и передо мной оказалась не девушка из высшего света, а просто разъяренная любящая женщина.

— Только попытайтесь меня остановить, я убью вас! — крикнула она и ринулась в комнату Майка.

6

Девушка остановилась в изножье кровати. Майк что-то промычал, невидяще посмотрел в ее сторону, но не проснулся. При виде его изуродованного лица девушка не смогла сдержать короткого вскрика, похожего на визг попавшего в капкан животного. Затем, бледная как смерть, она подошла к изно-

ловью, села на край кровати и аккуратно приподняла голову Майка на своих изящных ладонях.

Майк снова забормотал что-то, но по-прежнему не просыпался. В конце концов я заставил девушку встать и вывел ее в соседнюю комнату, закрыв за собой дверь. Там она разрыдалась.

— Я же не знала! Ничего не знала! — сквозь слезы повторяла она. — Я и понятия не имела, что бокс — это вот так, как он... Он говорил, чтобы я никогда не ходила на бои, никогда не ловила прямые трансляции по радио. И я всегда слушалась его, тем более что особого интереса к спорту у меня не было. Да откуда, что я могла знать из тех редких писем, в которых он едва упоминал бокс. Я же их наизусть помню! Они всегда у меня с собой.

Я взял один из протянутой ею пачки конвертов и взглянул на штемпель. Почти три года назад Майк написал своей возлюбленной:

«Вчера я одолел еще одного соперника, Джека Мэлони. Все было красиво, как на рыцарском турнире. Мы едва касались друг друга перчатками, но судья все же отдал предпочтение мне. Не волнуйся за меня, дорогая. Ведь в конце концов, все это — не более чем игра».

Я горько усмехнулся, вспомнив, в какое кровавое месиво Мэлони превратил Майка, прежде чем тому удалось нокаутировать его.

— Видимо, я был несправедлив к вам, — признался я. — Честно говоря, мне не верилось, что человек может годами держать любимую женщину в неведении относительно истинного положения вещей. Однако Майку это удалось. Что ж, теперь дело за вами. Быть может, вам удастся уговорить его бросить бокс, уйти с ринга. Мы с Гэнлоном оказались бессильны.

— Да разве он сможет хотя бы думать о боксе, если... если выживет? — поразилась она.

— Ну, то, что он не умрет, я вам гарантирую, — усмехнулся я. — Отлежится немного, придет в себя. А пока отвезу-ка я вас в гостиницу.

— Нет, я останусь здесь, с Майком, — торопливо возразила она. — Я не выдержу одна, вспоминая о том, как ему плохо. Нет, я с ума сойду, думая о том, что он перенес ради меня. Завтра мы поженимся, и я увезу его отсюда.

Устроив Маргарет в свободной комнате, я набросился на Спайка:

— Ты что, сдурел? Не мог подождать, пока Майк не встанет на ноги и не приведет хоть чуть-чуть в порядок свою рожу? Неужели ты не понимаешь, какое потрясение испытала девчонка, когда увидели своего возлюбленного?

— Я надеялся, что так оно и будет, — резко ответил Гэнлон. — Я написал ей письмо и спросил, знает ли она, что ее друг Майк Флинн — не кто иной, как знаменитый Майк Бреннон, которого бокс все быстрее и быстрее загоняет в гроб или в психушку? В нескольких штрихах я описал, что из себя представляет боксерский матч и каким из него выходит ее возлюбленный. Если бы она не упала в обморок и не опоздала на ближайший поезд, — что ж, у нее была бы прекрасная возможность лично присутствовать на поединке... Так вот, теперь меня заботит другое, — добавил Спайк. — Если не отговорить Майка сейчас, то Костиган убьет его. Я уже видел, как в одно мгновение ломаются железные люди. Помнишь Тома Берга и как его нокаутировал Хосе Гонсалес? Берг умер, пока судья считал над ним секунды. Да, есть такие люди, которых нужно убить, чтобы они остановились. Майк Бреннон —

один из них. И если в его девчонке есть хоть искра женского чутья, интуиции и обаяния — она сделает все возможное, чтобы отговорить его.

К утру железный человек пришел в сознание: недожинные жизненные силы сделали свое дело. Приведя к нему в комнату Маргарет, я вышел раньше, чем он успел сказать хоть слово. Когда она вновь присоединилась к нам с Гэнлоном, ее глаза были красны от слез.

— Я спорила, доказывала, умоляла! — в отчаянии ревела она. — Но он стоит на своем!

Тогда мы втроем зашли к Бреннону и сели рядом с ним.

— Майк, — начал я, — ты просто болван. Видимо, вчерашние оплеухи добрались-таки до твоих куриных мозгов. Даже не думай о том, чтобы выйти на ринг.

— Я еще вполне сгожусь на пару-тройку хороших гонораров, — с ухмылкой ответил он мне.

Маргарет вскрикнула, словно он ненароком толкнул ее:

— Майк, Майк! У нас уже столько денег, сколько нам в жизни не потратить! Ты поступил со мной нечестно. Я согласна ходить в лохмотьях и работать посудомойкой, я... я так и сделала бы, если б только знала, какой ценой тебе даются эти деньги.

Редкая для Майка улыбка осветила его лицо. Дотянувшись своей лапицей до рук Маргарет, он осторожно провел по ним пальцами.

— Мягкие, нежные ручки, — прошептал он. — Такие, какими они и должны быть. Видеть тебя такой — это уже награда за все, что я вытерпел. Да, собственно, что я терпел? Так, время от времени

несколько оплеух. Люди часто страдают гораздо больше ради чего-то гораздо меньшего.

— Но теперь... больше нет причин приносить в жертву тебя... и меня. Это ни к чему.

Майк упрямо покачал головой. Да, упрямство действительно было худшей чертой его нелегкого характера.

— Пока тебе платят по сто тысяч за бой, нужно быть идиотом, чтобы бросить это дело. Я крепче, чем вы думаете. Вы только послушайте: сто тысяч долларов!

Былой огонь вновь зажегся в его глазах.

— Горят прожектора! — произнес он. — Публика ревет! И я — Майк Бреннон, выдерживающий все и остающийся на ногах! Нет, нет! Я брошу бокс только тогда, когда проиграю нокаутом...

— Майк! — резко прервала его Маргарет. — Если ты еще раз выйдешь на ринг, я уеду, и ты никогда больше меня не увидишь.

Их взгляды встретились — и Маргарет опустила глаза. Нет, никогда еще я не встречал человека (за одним исключением), который мог бы выдержать тяжелый взгляд Бреннона.

— Маргарет, — спокойно, уверенно произнес он. — Ты сейчас просто пытаешься блефовать, желая заставить меня сделать то, что считаешь нужным. Но ведь ты любишь меня и будешь любить. Хочешь не хочешь, а никуда ты от меня не денешься, никуда не уедешь. Просто не сможешь.

Закрыв лицо руками, она кивнула, и Майк нежно погладил ее по голове. Маргарет заплакала навзрыд.

— Майк! — вдруг заорал Гэнлон; на короткое время этот юркий полутяжеловес, за плечами которого было больше двух сотен боев, стал главным

действующим лицом на сцене. — Майк, ты рехнулся! У тебя есть все. Все, ради чего люди вкалывают годами, десятилетиями, а потом не могут купить. А сам ты — признайся же — стоишь на краю пропасти. В следующий раз тебе не по зубам окажется и крепкий парень из второй лиги! Костиган сейчас в той форме, в какой ты был в лучшие свои годы. Если б я знал, что он разделается с тобой двумя ударами, я бы сказал: иди вперед, Майк! Но ведь двумя ударами дело не кончится. Он вырубит тебя, но перед этим отметелит по полной программе. А следующая такая встряска вышибет из тебя дух. Ты либо сдохнешь, либо прямиком отправишься в дурдом. И на кой черт тогда тебе или твоей любимой Маргарет будут все твои деньги?!

Майк выдержал паузу, обдумывая ответ, и опять его мощное воздействие окутало нас, как густой туман.

— Костиган не состоит в лиге. Он всегда выступает сам по себе, и его переоценивают. Я превосхожу его по всем показателям. Никогда ему не победить в таком бою, в котором побеждал я. Да и удар у него послабже моего будет.

Спайк безнадежно всплеснул руками и вышел из комнаты. Позже он сказал нам с Маргарет:

— Невозможно. С ним невозможно спорить. Он уверен, что вся проблема в деньгах, но на самом деле здесь замешано кое-что иное. Бокс вошел в его тело, кровь, жизнь, душу. Бой с Костиганом для него — дело чести. Они оба — железные парни. Оба жутко гордятся своей выносливостью и упорством. Помнишь, как дрался Крепкий Голландец, ван Хайрен? Но десять раундов с Костиганом — это конец Майка. Независимо от того, победит он или проигрывает. Оба они слишком сильны и упорны. Ни одного

так просто не свалишь. Поединок будет долгим, кровавым, напоминающим скотобойню в разгар работы. Вполне возможно, для Костигана он станет последним, но то, что он добьет Майка — это наверняка. Бреннон либо откинет копыта прямо на ринге, либо останется инвалидом. Крыпа поедет. В лучшие годы Майк сумел бы измотать и побить Костигана, как он в бою с ван Хайреном. Но когда это было?... А сейчас Бреннон далеко не в лучшей форме, зато Костиган — молодой, в самом соку, что для железного человека куда важнее многого другого.

Майк Бреннон тренировался, как всегда, упорно. Я разогнал всех его спарринг-партнеров и заставлял часами молотить легкую грушу, чтобы восстановилась былая скорость. Немало времени потратил он на бег, прыжки и другие упражнения для укрепления слабеющих ног. Но все было бесполезно, я чувствовал. Дело заключалось не в восстановлении формы. Причина была в другом — в тысячах страшных ударов, полученных Майком на ринге. Боксер, делающий ставку на технику, на разум и тренировки, может оступиться, проиграть, временно не выступать, но затем восстановить силы и форму и вновь побеждать. Но если железный человек начинает сдавать — это процесс необратимый. В течение четырех месяцев, предшествовавших встрече с Костиганом, атмосфера обреченности окутала всех, кроме Майка. Маргарет, выплакав все слезы в бесконечных мольбах и уговорах, впала в апатию. То, что он жесток по отношению к девушке, в голове Бреннона не укладывалось, и мы были бессильны втолковать ему. Он смеялся над нашими опасениями и твердил, что по-прежнему в отличной форме.

Он клялся, что поединок со Слэйдом не только не доказывает ухудшения его состояния, но, наоборот, демонстрирует обратное! Иначе нокаутировал бы он едва ли не самого опасного на ринге человека, а? А что касается Костигана, то полдюжины раундов в беспабашном яростном темпе — и он будет сам рад хорошему нокаутующему удару.

Майк не отрицал, что стал хуже работать кулаками, и даже признавал, что любой соображающий боксер из второй лиги сумеет победить его по очкам, если ухитрится уклониться от его чудовищных ударов. Зато Бреннон продолжал искренне верить в то, что он по-прежнему превосходит любого из живущих боксеров в выносливости и способности держать удар. А в глубине души, мне кажется, Майк был уверен, что не родился еще человек, способный отправить его в нокаут.

Он твердо стоял на том, что Маргарет не должна видеть поединок. На ее последние попытки переубедить его он невозмутимо ответил:

— Не нужно начинать все с начала. Подумай сама, Маргарет. Это четвертый бой, в котором моя ставка — сто тысяч долларов. Не многие чемпионы добивались такого. Сто тысяч за Флэша Салливэна, еще сто — за Гонсалеса, потом — Слэйд, и вот теперь очередь Костигана. Проданы уже тысячи билетов. И теперь, чтобы не платить неустойку, мне все равно надо выходить на ринг. И главное — я чувствую, что одержу победу!

7

Я помню тот вечер, словно это было вчера. Помню залитый светом ринг и расходящиеся во все

стороны, словно стены огромной чаши, погруженные в темноту трибуны. Круг белых лиц — зрители в ближайших к рингу рядах. А дальше — только огоньки сигарет да многоголосый гул собравшейся на матч толпы.

— Железный Майк Бреннон — сто девяносто фунтов! Железный Майк Костиган — сто девяносто пять фунтов!

Сидевший в своем углу с поникшей головой, Бреннон являл яркий контраст с самим собой, недавно по-тигриному напряженно мерившим шагами раздевалку. Я подумал, не заплаканное ли лицо Маргарет стоит сейчас перед его внутренним взором, Маргарет, целующей его в раздевалке перед выходом на ринг?

Судья вызвал участников на середину ринга, чтобы прочесть последние ритуальные, ничего не значащие инструкции. К моему удивлению, Майк шел безучастно, приволакивая ноги. Правда, оказавшись лицом к лицу с соперником, он встряхнулся и смерил его привычным взглядом. Железный Майк Костиган был на два дюйма ниже, но, будучи тяжелее, с лихвой компенсировал меньший радиус боя коренастостью и крепостью телосложения.

Противники напряженно впились друг в друга глазами. И вдруг я заметил, что Бреннон первым отвел взгляд. Это, по-моему, случилось впервые с тех пор, как я познакомился с Майком. Я поежился, вспомнив, как опускал глаза Салливэн перед роковым для него поединком с Корбеттом, как отводил глаза под взглядом Корбетта-младшего великий Макговерн...

Противники вернулись в свои углы, секунданты вылезли за канаты. Я шепнул Майку, что выброшу полотенце, если дела пойдут совсем худо, но он,

по-моему, даже не расслышал меня, а если и расслышал, то не отреагировал.

Прозвучал гонг.

Костиган вынырнул из своего угла компактным ступком воли и готовности драться. Бреннон двигался медленнее. Гэнлон пожал плечами:

— Что с Майком? Он словно пьяный.

Два Железных Майка сошлись в центре ринга. Костиган явно пребывал под давлением славы своего соперника. По крайней мере, он осторожничал и не лез на рожон. Бреннон же двигался к противнику волооча ноги!

Вдруг Костиган решился на атаку, и тотчас его прямой левый угодил Бреннону в скулу. Удар словно встряхнул Майка, заставив собраться и перейти к активным действиям. Мельничные жернова его рук замолотили с прежней силой, быть может, лишь чуть медленней. Костиган, разумеется, не был мастаком в защите и тут же схлопотал оглушительно прозвучавший удар в область сердца, а затем — уже более звонкий — в челюсть. И повалился на ринг как подкошенный.

Впрочем, встал он довольно быстро. Я же во все глаза следил за Бренноном. Эта атака словно отняла у него последние силы: он стоял, прислонившись к канатам, прикрыв глаза, и тяжело дышал. Почувствовав, что противник вновь на ногах, он двинулся вперед — неуверенно и как-то беспорядочно, сбивчиво.

Костиган, еще не окончательно очухавшийся после нокдауна, действовал так, как требовал от него инстинкт железного человека: встать, идти вперед и бить, бить, бить — пока не упадет один из двоих! Вот он сломал защиту жерновов рук Бреннона, вот выстрелил короткий прямой правой в

подбородок, вот... и больше ничего не произошло. Просто Бреннон покачнулся и рухнул на ринг, как падает пьяный в хлам матрос, когда кончается стенка, на которую он опирался.

Над неподвижно лежащим телом судья с удивлением, непроизвольно затягивая время, сосчитал до десяти — и на боксерской карьере Майка Бреннона, Железного Майка Бреннона, была поставлена точка. В зале повисла гробовая тишина. Да и сам победитель, Железный Майк Костиган, отныне — король железных бойцов, стоял, прислонившись к канатам, не в силах поверить своим глазам. Майк Бреннон нокаутирован!

* * *

Вокруг ринга строчили, как пулеметы, пишущие машинки журналистов, описывающих падение Железного Короля: «Видимо, знаменитая своей крепостью челюсть Майка Бреннона в конце концов хрустнула, не выдержав града ударов, сыпавшихся на нее в течение стольких лет...»

Мы перетащили бесчувственного Майка в раздевалку, где за него взялся доктор. Поняв, что в его услугах Майк срочно не нуждается, Гэнлон куда-то исчез. Маргарет, ждавшая нас здесь же, словно оцепенела и молча глядела на распростертого на кушетке Бреннона.

Наконец он открыл глаза и тотчас вскочил на ноги, поднял руки — явно готовый к бою. Затем пошатнулся, восстановил равновесие и замер, озираясь. Маргарет немедленно подошла к нему и мягко, но настойчиво заставила вновь сесть на кушетку.

— Что произошло? Я победил? — растерянно спросил он.

— Тебя нокаутировали в первом же раунде, Майк. — Я решил, что прямой и честный ответ лучше всяких намеков и недоговорок.

Майк недоверчиво посмотрел на меня:

— Меня? Нокаутировали? Чуть ли какая-то. Не может этого быть!

— Может, Майк, может, — заверил я, ожидая, что он поведет себя, как все боксеры, очухавшиеся после первого в своей жизни нокаута. Обычно они либо по-женски ревут, либо снова грохаются в обморок. Некоторые бредят и проклинаят всех и вся, а кое-кто даже рвется, не видя ничего вокруг себя, чтобы отомстить обидчику, доказать ему, себе и всему миру, что происшедшее — лишь случайность, даже ошибка. Но Майк Бреннон и здесь остался самим собой, а именно неразрешимой для меня загадкой. Почесав подбородок, он пожал плечами и цинично рассмеялся:

— Сдается мне, что старина Гэнлон оказался прав. Я действительно выдохся сильнее, чем думал. Представляешь, Стив, я даже не помню свалившего меня удара. И — занятная штука, обхохочешься, — я вышел из последнего поединка без единого синяка, без единой царапины!

— Ну, теперь-то ты наконец прекратишь свои драки! — радостно воскликнула Маргарет. — Это лучшее, что могло с тобой произойти. Ты ведь обещал, что уйдешь с ринга, как только потерпишь поражение не по очкам, а нокаутом. Ты обещал, Майк!

— Что ж, дорогая, не видать нам и половины присмотренного мной особнячка, — усмехнулся Бреннон. — Но не могу же я взять свои слова обратно.

В эту минуту в комнату вновь ворвался Гэнлон.

— Стив, Майк! — зарычал он. — Неужели вы, два болвана, не поняли, что здесь дело нечисто? Майк, давай соберись и вспомни, когда ты почувствовал сонливость и вялость?

Бреннон вздрогнул:

— А ведь ты прав, Спайк. Подожди-ка. Слабость я ощутил, поднимаясь на ринг по лестнице. Затем я стал засыпать, потом очнулся, когда судья подозвал нас... Хорошо помню, как горели глаза Костигана. Так, а потом, уже возвращаясь в угол, я почувствовал себя сонным и пьяным одновременно. Смутно помню, как вышел на середину ринга после гонга, помню, что видел Костигана словно в тумане. Потом его удар обрушился на меня, будто молоток, и я проснулся. За несколько секунд, начав драться в полную силу, я отправил его в нокдаун. А потом... вот, пожалуй, и все. Больше я ничего не помню, очнулся я уже здесь.

— Еще бы, — усмехнулся Гэнлон. — Ты вырубился еще до того, как Костиган дал тебе по зубам. Не нужно быть боксером, чтобы свалить тебя. И ребенок управился бы.

— Подсыпали-таки что-то, — зло прохрипел я и попытался прикинуть, кто мог это сделать. — Так, первая версия — поклонники Костигана, но вряд ли. Скорее, те, кто поставил на него в этом поединке. Может быть, и администрация зала, хотя...

— Да погоди ты! — оборвал меня Спайк. — Наш Бреннон был выведен из боя тем человеком, на которого ты и в жизни не подумаешь. Пока вы тут выясняли детали хронологии, я на свой страх и риск взял на себя работу следователя. Слушай, Майк, перед тем как выйти из раздевалки, что ты сделал? Напоминаю: ты выпил маленькую чашечку чая, да? Ага, вспомнил! Несколько странный элемент подго-

товки к серьезному бою, правда? Совсем не в твоём духе. И все-таки ты согласился выпить этот чертов чай. Спрашивается: ради чего? Разумеется, чтобы сделать приятное кое-кому из здесь присутствующих...

Маргарет незаметно забила куда-то в угол. Майк забеспокоился не на шутку.

— Но, Спайк, — он попытался оттянуть неизбежную развязку, — ведь Маргарет сама приготовила этот чай. Сама, лично...

— Да, да! И она сама, лично подсыпала в него снотворное! Майк, она сама обрекла тебя на поражение!

Мы втроем посмотрели на испуганно сжавшуюся девушку. Нечто вроде удивления и даже восхищения почувствовал я в себе. Однако в глазах Гэнлона застыл гнев, а во взгляде Майка — острая боль.

— Маргарет, зачем ты это сделала? — бесцветным голосом спросил Майк. — Я ведь мог выиграть...

— Да, мог! — отчаянно воскликнула она. — Но после того, как Костиган изуродовал бы тебя на всю жизнь! Да, это я подсыпала в чай снотворное. Это из-за меня он нокаутировал тебя. Теперь тебе нет смысла возвращаться на ринг, потому что ты перестал быть козырным тузом. Теперь на твои бои не будут ломиться толпы, как раньше. Для меня жизнь стала пыткой с тех пор, как я увидела тебя без сознания после боя со Слэйдом. А ты смеялся надо мной. Все, теперь тебе придется завязать с боксом. Ты выходишь из игры в здравом уме — это все, что меня заботит. Я спасла тебя от твоей безумной жадности и жестокой гордыни. Можешь уда-

рить меня, можешь убить — я все равно считаю, что поступила правильно.

С минуту она напряженно стояла перед нами, сжав свои маленькие кулачки. Поскольку никто не проронил ни слова, ее напор и энергия улетучились. Сгорбившись, она медленно, словно на ватных ногах, направилась к дверям. Шаль, лежавшая на ее плечах, соскользнула на пол, и под ней открылось простенькое льняное платье — скорее всего, униформа ресторанных служащих. Майк, словно выйдя из транса, спросил ее:

— Эй, Маргарет, ты куда? И что это на тебе за обноски?

— В этом платье, Майк, я работала, когда мы впервые встретились с тобой. Я написала письмо в родной город. В том кафе меня вновь возьмут на работу.

Одним прыжком он пересек комнату и, схватив девушку за плечи, резко развернул к себе.

— Я тебя не понимаю, Маргарет, — строго сказал он. — Что это ты надумала?

Неожиданно для нас она разрыдалась.

— Разве ты не возненавидел меня за то, что я сделала? — всхлипывала Маргарет. — Я думала, что ты меня больше и видеть не захочешь.

Майк крепко прижал девушку к себе и пробормотал:

— А ведь, клянусь, я даже не подозревал, насколько тебе больно смотреть на меня. Я думал, что это — лишь капризы, не видел, как ты страдаешь. Но ты открыла мне глаза. Господи, да я, наверное, был просто безумцем! Ты права, меня грызла гордыня, бессмысленное тщеславие. Я тогда не понимал, но теперь... теперь мне все ясно. Я не понимал, что своими руками разрушаю наше счастье. Ведь ты —

это все, что у меня есть, любимая. Только твоя судьба, только твое счастье имеют для меня значение. Теперь у нас впереди вся жизнь, а в ней — любовь и счастье. Клянусь, я сделаю все, чтобы ты всегда была любимой и счастливой.

Гэнлон кивнул мне, и мы потихоньку вышли за дверь. Оглянувшись, я впервые увидел, как смягчилось суровое лицо Бреннона. Глубоко спрятанная в его душе способность чувствовать, любить прорвалась наружу, отразилась на лице чем-то похожим на нежность.

— Эх, зря я так относился к этой девчонке, — вздохнул Гэнлон. — Беру обратно все, что сказал о ней. Она — просто класс, а Майк... Что ж, пожалуй, это единственный из железных парней, получивший за свои мучения достойную награду.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕМПИОНА

К

аких-то три года назад ты был одним из лучших тяжело-весов, самым реальным претендентом на чемпионский титул! И во что ты превратился? В пропитавшегося виски забулдыгу, не вылезающего из дрянной мексиканской забегаловки!

Голос, сухой и резкий, звучал уверенно, каждое слово острым ножом вонзалось в уши того, кому они предназначались.

Собеседник потер красные от алкоголя глаза, помолчал, потом грубо ответил:

— А тебе-то какое дело?

— Да никакого. Просто я терпеть не могу, когда человек по собственному желанию катится вниз по наклонной, на самое дно. Когда мужик с задатками чемпиона превращается в завязатого алкоголика и губит себя в какой-то приграничной дыре.

Странный контраст представляли собой эти двое. Посетители салуна — заезжие фермеры, шоферы с той стороны границы и мексиканцы — с любопытством поглядывали в их угол. Человек, навалившийся на изгаженный плевками и пролитым пивом столик, был молод и крепок телом, чего не могла скрыть даже его поношенная, грязная одежда. Лицо его отнюдь не казалось лицом человека, которому на роду написано стать сирым алкоголиком. Наоборот: правильные черты, тонкий нос — все это говорило о благородной крови, текущей в жилах парня. Форма губ, которая, на первый взгляд, выдавала слабость натуры, при ближайшем рассмотрении указывала на чувственность и лишь косвенно свидетельствовала о нестабильности, склонности к беспорядочным, непродуманным поступкам и, быть может, сильной внушаемости, хотя и глубоко скрытой воспитанием.

Стоящий же у стола человек был сухощав, жилист и принадлежал скорее к старшему, нежели к среднему поколению. Тонкие прямые губы, когда он не говорил, были крепко сжаты, темные, с искорками в зрачках глаза смотрели тяжело и мрачно. Одет он был дорого, но небрежно и выглядел белой вороной в этой заштатной забегаловке.

— Три года назад, — продолжал он по-прежнему резко, но бесстрастно, — тебе все прочили чем-

пионский титул в начинавшемся сезоне. Джек Мэлони, классный техничный боксер, прирожденный боец с умопомрачительным ударом! Человек с правой рукой — кузнечным молотом! Ты пробивал все блоки, как некогда это делал великий Демпси. Выйдя на ринг в восемнадцать лет, ты быстренько разобрался со второй лигой и в двадцать один уже подбирался к титулу чемпиона! В двадцать один год! Ну, не удалось бы тебе выцарапать титул в том году, так на следующий стал бы чемпионом просто играючи. В твои-то годы! В этом возрасте большинство ребят молотят друг друга в предварительных боях по десять долларов за раунд. А ты получал тысячные гонорары. За три года ты поднялся из ниоткуда на самую вершину. Для бокса у тебя было все: сила, скорость, мозги, упорство, выносливость. Твои удары были подобны раскатам грома. С тобой носились, тебя пестовали, как надежду ринга, как будущую легенду! И что потом? Ты вышел на поединок с никому не известным Майком Бренноном, позже ставшим Железным Майком. Да, он уложил тебя за три раунда. Ну и что? С кем не бывает! А ты сдался, сломался. В следующем поединке ты даже не пытался всерьез противостоять Матросу Слэйду. Этот парень, тогда еще даже не вышедший из второй лиги, тоже запросто нокаутировал тебя... и в этом только твоя вина. А затем, вместо того чтобы взять себя в руки, ты бросил бокс, исчез с ринга. Ты сломался, обнищал, спился, просто-напросто струсил...

— Эй, полегче, ты... — Черета обвинений, похоже, вывела Мэлони из транса.

— Хорошо, не струсил. Но потерял напор, боевой дух, спортивный настрой. Короче, сломался под корень. В результате за три года ты совершил

головокружительный прыжок... в пропасть. С Бродвея — напрямик в эту дыру.

Массивные кулаки Мэлони сжались в две чугунные гири. Из-под спадающих на лоб грязных, слипшихся прядей сверкнули нешуточной злостью черные глаза.

— Убить тебя, что ли? — задумчиво-грозно прохрипел он, подогреваемый изрядным количеством алкоголя в крови. — Ну, был ты менеджером нескольких чемпионов, так что, думаешь, тебе все можно? Даже говорить со мной в таком тоне? Учти: ты для меня — никто! Ясно?

— Не имею обыкновения тренировать и работать администратором спившихся бомжей, — процедил сквозь зубы его собеседник. — Парни, которых я натаскивал, может, и не были столь сильными и быстрыми, как ты, но они были настоящими мужчинами. Они не раскисали и не опускали руки только из-за того, что кто-то отправил их в нокаут ударом в челюсть.

Неожиданно он подсел к Мэлони и заговорил совсем другим тоном:

— Слушай, Джек, ты же еще совсем молодой. Подумай... Подумай, почему бы тебе не вернуться на ринг, не попробовать все с начала?

— Опять драться? — Мэлони передернуло, словно от воспоминаний о ночном кошмаре. — Ну уж нет.

— Ты так переживал из-за того нокаута, что он превратился для тебя в навязчивую идею. Забудь о нем, выкинь из головы, приди в норму...

— Нет! Нет! Я уже пытался — и не смог. Больше не хочу. Не хочу ни пытаться, ни даже думать об этом.

— Значит, ты и вправду слабак из слабаков. — Горечь послышалась в голосе старшего собеседни-

ка. — А бывшие успехи — просто ирония судьбы. Я-то думал...

— Слушай, ты! — на весь бар крикнул Мэлони. — Да что ты понимаешь в моих проблемах? Ты, который ни разу в жизни не надевал перчатки, не выходил на ринг!

— Согласен, я никогда не боксировал. Но вас, бойцов, я знаю и понимаю лучше, чем вы сами понимаете себя. И я знаю, что ты мог бы вернуться в большой спорт, если б в душе не был слабаком.

— Сядь, — осипшим голосом приказал Мэлони. — Я тебе расскажу все как было, как я это вижу и ощущаю на собственной шкуре.

— Ладно, посижу послушаю, как ты провоешь свою скорбную песнь, а заодно угощу тебя стаканчиком-другим, — презрительно усмехнулся старый менеджер.

Глаза Мэлони на миг вспыхнули, но тут же погасли. Слишком низко он скатился, чтобы реагировать и обижаться на что-либо, кроме прямых оскорблений. Залпом выпив поднесенную барменом текилу, он заговорил в порыве пьяной откровенности:

— Слабак? Сломался? Да что ты знаешь о человеке, из которого вышибли не только бесплотную душу, но и сердце? Так вот. Я был кандидатом в чемпионы, восходящей звездой и даже больше... до тех пор, пока не встретил Бреннона. Тебе этого не понять. Не понять моего состояния, когда я — тот, кто мог свалить кого угодно одним, ну, двумя точными ударами, — измотался, выдохся, изо всех сил молотя этого парня. А он выстоял! И одного удара ему хватило, чтобы отправить в нокаут меня. Я был уничтожен...

— В каком смысле? Ты имеешь в виду — морально уничтожен? Тогда ты абсолютно прав. С

того боя на твоём теле остались лишь два быстро сошедших синяка да шрам на скуле — и все! Я видел поединки, где победителя уносили с ринга на носилках. А ты... ты, мягко говоря, слишком близко к сердцу принял тот нокаут. Из-за проигрыша Бреннону ты потерял вкус к борьбе, волю к победе. И знаешь, почему ты не смог остановить его? Потому что он — исключение, особый случай, горилла с бронированными грудью и животом и с литой башкой. Естественно, его невозможно нокаутировать — победить можно только по очкам, за счёт техники. Свалить его за десять секунд пока никому не удавалось — и не удастся, пока он не сломается сам. Вспомни Джо Грима, с которым не смогли справиться ни Ганс, ни Фитцсиммонс, ни Джонсон. Но с тобой другое дело: ты измотал себя и позволил ему взять верх... И нет чтобы подумать: ладно, что было, то было, впредь надо быть умнее. А ты сдался. Твое тщеславие не смогло справиться с поражением. Ведь к тому времени ты всерьёз уверовал в то, что нет на земле человека, способного пробить твою защиту, устоять под твоими ударами. Будь ты нормальным мужиком, такая встряска пошла бы только на пользу, добавив к твоему сомнению каплю благоразумия и осторожности. А слабака поражение деморализует и сокрушает. Навсегда.

— Погоди! — В голосе Мэлони злость и боль слились воедино; он был пьян, но ум его вдруг заработал с прежней ясностью. — Я попробую объяснить... Я ведь действительно никогда раньше не встречался с парнями типа Бреннона, а историям о железных бойцах прошлого — о Гримере, Годдарде, Боудене — не очень-то верил. Мне действительно казалось, что ни один человек не сможет устоять против хорошо поставленного, правильно прове-

денного и точно попавшего в цель удара. Моего удара. И тут я наткнулся на Бреннона. В зале Хоупи, в Сан-Франциско. Я слышал, этот парень перебивался поединками с ребятами из второй лиги, появлялся тут и там на Западном побережье, пока за него не взялся Стив Амбер и не стал организовывать ему хорошие бои. Меня сразу поразили глаза Бреннона — ярость и спокойствие одновременно горели в них. Я ожидал, что на него произведут впечатление мои заслуги и длинный перечень побед нокаутами... но он смотрел на меня, как на очередного заштатного циркового силача, одного из множества подобных тем, кого он уже уложил на ринг. Было в его взгляде что-то и от тигра, который смотрит на бизона, собираясь разорвать того на куски. Я тебе серьезно говорю: тот парень — не человек! Он отлит из чистого железа, в его черепушке есть место только для одной мысли — убивать, убивать, убивать!

Когда прозвучал гонг, он вышел из своего угла — открытый, совершенно не умеющий защищаться. И ничего не знающий о науке бокса. Его свинги начинались чуть не от пола, как в деревенских драках. Я тут же уверился в том, что разделаюсь с ним в два счета, уложу в первой же атаке. Но когда мой первый удар — хук левой в корпус — попал в цель, я испытал самое сильное за всю мою жизнь потрясение: Бреннон даже глазом не моргнул! А я, вместо того чтобы почувствовать, как мой кулак сминая человеческое тело, со всей ясностью ощутил, что наотмашь врезал по паровому котлу. Я тебе серьезно говорю: этот парень сделан из стали. Но я не терял надежды. Я принялся молотить его так, как только умел. Если верить газетам, я был первым боксером высшей лиги, с которым Бреннон встре-

тился на ринге. Что ж, я ему устроил боевое крещение по полной программе. Нещадно гонял по всему рингу. Этот чугунный идол не умел даже приседать, чтобы уйти от удара, не знал даже того, что поднятыми повыше кулаками можно защитить челюсть. Вся его рожа была залита кровью, один глаз совсем заплыл. И когда до гонга оставались считанные секунды, а во мне росла уверенность, что он вот-вот рухнет, Бреннон вдруг всадил мне один из своих левых свингов, прямо под сердце. На миг мне показалось, что он пробил меня, буквально — пробил мое тело насквозь, вышиб из меня дух. Но поразил меня не только и не столько сам удар, а то, что этот парень, которого я изо всех сил молотил в течение трех минут, который сам основательно вымотался, был как огурчик и бодр, точно перед началом боя.

В перерыве менеджер и секунданты уговаривали меня действовать медленнее и аккуратнее: они испугались, что я измотаю себя раньше времени. Но я держался на гордости, которая-то меня и сгубила. Ведь сразу можно было понять: здесь что-то не так. Нет, только представь себе: три минуты ты лупишь человека изо всех сил, он, не умея защищаться, принимает удары по полной программе... а в результате — ты еле дышишь, а с него — как с гуся вода. Остерегаясь уже знакомых мне боковых ударов, во втором раунде я действовал более настойчиво. Видел бы ты, во что превратилась его рожа: кровавая каша, нос расплюсчен и размазан по скулам, глаза — узкие щелочки за всплывшими, лопнувшими веками. И при всем этом в них горят тот же огонь, та же жажда убийства. Чтобы остановить такого человека, как Майк Бреннон, нужно убить его. Он крепче даже легендарного Баттлинга Нельсона.

Я чувствовал, как силы покидают меня. Удары замедлялись, руки налились свинцом, ноги дрожали, дыхание сбилось. Отчаянным усилием воли я бросился в последнюю перед гонгом атаку и четырежды — понимаешь, четырежды! — закатал ему правой в челюсть. Знал бы ты, сколько раз я валил противников с одного такого удара! А Бреннон — ну, четыре такие оплеухи не прошли для него даром. Он, видите ли, покачнулся. Покачнулся — я уж подумал, что пробил-таки его, — но тут он восстановил равновесие и звезданул меня справа по скуле. Кожа на моем лице лопнула, а сам я на секунду ослеп от ярко-белой вспышки в мозгах. Нет, меня и раньше били. Били крепко, нокаутировали даже. Но подобного удара я не помню. Это было вторым потрясением для меня за один поединок. Первое — «непробиваемость» Бреннона, второе — чудовищная мощь его ударов.

На полусогнутых я побрел в свой угол. На полпути оглянулся — посмотреть, как чувствует себя Бреннон после очередных трех минут непрерывного избиения. Лучше бы я этого не делал! Я увидел, как он легко, не шатаясь, подходит к канатам. Я вздрогнул. Что-то оборвалось во мне. Я не понял, но почувствовал, что все кончено. Садясь на табурет, я слышал, как зрители кричат: «Эй, Джек, что с тобой? Забыл, как бить надо? Каши мало ел? Неужто этого дебила уложить не можешь? Он, часом, не железный?» Я и сам засомневался в том, что мои удары сохраняют былую силу. Все прочие объяснения лежали за гранью разумного, мой мозг отказывался воспринимать происходящее! Вдумайся: я, обладатель мощнейшего со времен Демпси удара, за два раунда молотбы в одни ворота не смог даже загонять, вымотать противника! Но ведь должен

быть предел любой выносливости, любой жизненной стойкости!

Мой менеджер принялся умолять меня, чтобы я сменил тактику, больше внимания уделял технике и тянул время, оставив надежду отправить этого парня в нокаут. Уворачиваясь от его свингов, выиграть бой по очкам — и баста. Но я едва слышал эти советы. Я запаниковал. Так что не тщеславие вынудило меня поступать по принципу «убить или быть убитым». Нет, то был страх, обыкновенный, почти забытый за годы выступлений на ринге страх. Я чувствовал себя человеком, которого вот-вот запрут в клетке с голодным тигром. Убить или умереть самому!

Собрав в кулак все силы, я вышел на третий раунд, готовый к любым неожиданностям. Во мне кипела ярость. Не умеющий защищаться Бреннон был отличной мишенью. Я бил его как заведенный. Левой! Правой! Каждая унция веса, напряжение каждого мышечного волокна — всего себя я вкладывал в эти удары. Они обрушивались на Бреннона со звуком, какой издает кузнечный молот, и вот наконец он дрогнул, покачнулся и — упал! Волна ярости тут же спала, и я понял, что сам едва держусь на ногах. Пока судья отсчитывал над Бренноном секунды, я стоял привалившись спиной к канатам — не человек, пустая, выпотрошенная оболочка. А потом... потом, к моему ужасу, Бреннон начал подниматься. Я ведь был уверен, что добил его, я знал, что больше не смогу сделать ни шага... но он очухался и был готов снова ринуться в бой! Ринг поплыл у меня под ногами.

Бреннон встал и пошел на меня. Я отлепил спину от канатов и поднял руки, которые в тот момент были не сильнее детских ручонки. Я выдохся полностью, но Майк даже в такой ситуации умудрился

промахнуться, и не один раз. С четвертого замаха он угодил — таки мне левой в висок. В мозгу опять вспыхнуло. Теряя сознание, я ощутил очередной удар — хук в скулу. Свет померк. Потом мне рассказывали, что на счете «девять» я пришел в себя и даже умудрился оторвать колени от пола. Еще одним ударом он окончательно уложил меня — теперь уже на гораздо большее время, чем десять секунд. Но, повторяю, всего этого я не помню. Мои воспоминания заканчиваются на предпоследнем ударе Бреннона.

Мэлони помолчал, а потом продолжил рассказ, обращаясь, скорее, к самому себе:

— В том матче и родился легендарный Железный Майк Бреннон. Моя же звезда закатилась. В голове все перемешалось, о тренировках и речи быть не могло. Я не мог ни на чем сосредоточиться. В конце концов, спустя почти полгода я вышел на поединок с Воякой Хэндлером. Даже придя в себя и восстановив форму, я не смог отделаться от наваждения: едва я начинал атаку, как передо мной вставал образ Майка Бреннона — непробиваемого, неуязвимого, железного Майка. И я тотчас уходил в защиту... слишком сильна была память того сокрушительного нокаута. Зрители свистели, улюлюкали, обзывали меня трусом. Короче говоря, в пятом раунде меня завалил боксер, с которым, по идее, я должен был расправиться в первой же трехминутке. Нет, я не потерял сознания. Я отчетливо слышал и видел, как судья ведет надо мной отсчет роковых секунд, но заставить себя встать я так и не смог.

Грендон беспокойно заерзал. Его деятельная натура не позволяла ему долго сидеть на месте, лишь слушая того, кто, в общем-то, в слушателях и не нуждался.

— Все эти проблемы можно решить, — уверенно заявил он. — Просто было задето твое самолюбие, но за столько-то лет ты вполне мог прийти в себя. Видел я твой бой с Хэндлером. Да ты двигался, точно пьяный. Или обкурившийся дури. Но вместе с тем при каждом твоим удачным ударе Вояка держался и чуть ли не корчился от боли; да и то, что для победы над не желающим, неспособным сопротивляться противником ему понадобилось целых пять раундов, тоже говорит кое о чем. А что касается Бреннона, то могу сказать: ты переоценил свою подготовку к схватке с ним. Нет, физически ты был в хорошей форме, отлично натренирован... но вот душевно и психологически настроиться не сумел. Был слишком уверен в себе. Это-то тебя и подвело. Вдолбив себе в голову, что должен нокаутировать Железного Майка, ты выдохся... и сам был отправлен в нокаут. А главное, потом ты не сумел убедить себя, что ничего страшного в проигрыше железному человеку нет. Нужно было побыстрее забыть об этом эпизоде и, пользуясь тем, что Майк не слишком сильно отделал тебя, снова входить в форму. А теперь я еще раз спрошу: хочешь ли ты, чтобы я помог тебе выбраться отсюда, привести себя в божеский вид и вновь выйти на ринг?

В ответ Мэлони лишь впился взглядом в бутылку с текилой, оставленную барменом на столике. Несколько мгновений он еще чувствовал на себе ледяной взор Грендона, а затем... не сразу, но понял, что менеджер уже ушел.

Мэлони пил уже три года. Беспробудно. И сегодня с удвоенной энергией предался этому пороку, дабы в винных парах утопить духов прошлого, вызванных Грендоном. Вскоре он так набрался, что перестал удивляться, с чего это бармен подносит

ему рюмку за рюмкой, — ведь тот прекрасно знал, что у Мэлони не хватит денег расплатиться за такое количество выпитого.

Чуть позже Джек уже находился на грани потери сознания. До его ушей доносились крики, грохот падающей мебели. Кто-то сильно пихнул его в плечо, и он закатил незнакомцу полновесный апперкот в челюсть. А может быть, только собрался закатать...

В себя Джек пришел мучимый жаждой и адской головной болью. Само по себе это не могло напугать или обеспокоить его, ибо последние три года он частенько просыпался в подобном состоянии. Однако вскоре он смекнул, что окружающая обстановка несколько непривычна. Сначала его внимание привлек треснувший кувшин с водой неподалеку. Мэлони обвел взглядом помещение — маленькую комнату с грубым каменным полом, такими же стенами и крышей с толстыми стропилами. Единственная дверь была закрыта, единственное маленькое окно — зарешечено.

Бывший боксер не на шутку встревожился и, подойдя к двери, попробовал открыть ее. Заперто. Только теперь до Мэлони дошел весь ужас его положения. Тюрьма! Джек был наслышан о мексиканских тюрьмах, в кишащих червями и крысами камерах которых люди умирали, забытые следователями, судом и всем миром. В ужасе Мэлони принялся вопить и изо всех сил молотить кулаками в дверь.

Снаружи слышались шаги, металлический лязг — дверь распахнулась. На пороге выросли двое вооруженных мексиканских солдат, выражение лиц которых не предвещало ничего хорошего. За их спинами Мэлони с удивлением разглядел знакомую фигуру.

— Грендон! — воскликнул он. — Что все это значит?

Ни единой искры сочувствия не мелькнуло в глазах менеджера, когда он осведомился:

— Вчерашний вечер ты хорошо помнишь?

Почесав раскалывающийся затылок, Мэлони признался:

— После нашего разговора я вообще мало что помню.

— Ну так вот, могу тебе сообщить: ты нажрался как свинья! Когда я ушел, в распивочной началась драка — разумеется, с битьем посуды и ломанием мебели. Вызвали полицию. Один из служивых во время задержания зачинщиков налетел на тебя, за что ты одним ударом отправил его в нокаут. А поскольку парень был там не один, да и ты не спешил смыться куда-нибудь подальше, то... Результат — вот он, сам видишь. Здесь, в приграничной Мексике, законы суровые. Нападение на полицейского — дело серьезное. Ты должен будешь заплатить немалый штраф.

— Да у меня ни цента нет! — развел руками бывший боксер. — Слушай, расплатись за меня, а я отдам...

— Что? Заплатить пятьсот долларов за провинявшегося дешевым ромом алкоголика? — Голос Грендона звучал суше и язвительнее, чем когда-либо раньше.

— Пятьсот долларов! — в ужасе повторил Мэлони.

— Вообрази себе. А если не сможешь заплатить — отсидишь не знаю сколько, но не в этой уютной, прохладной камере, а в «бычьем загоне», как мне сказали. Что это такое, наверное, ты и сам слышал. А теперь представь несколько месяцев в его условиях.

Мэлони передернуло. Ему доводилось заглядывать в «бычьи загоны», видеть несчастных, слонявшихся там под палящим солнцем. Для мексиканца «загон» — это такая же тюрьма, но без крыши. Ветер не проникает за высокие внешние стены, а внутри проволочный забор оттораживает место, куда почти не падает тень, и целыми днями безжалостное солнце субтропиков отчаянно жжет незащитные тела заключенных. Ни сесть, ни лечь не на что — только голые камни под ногами, раскаленные днем, ледяные ночью. В общем, сойти с ума в таком месте — пара пустяков.

— Слушай, не оставишь же ты, белый человек, меня, своего сородича, в этом кошмаре, среди мулатов и индейцев? — взмолился Мэлони.

— А почему бы и нет? — усмехнулся Грендон, а затем, понаблюдав за гримасой отчаяния на лице Мэлони, произнес: — Слушай меня внимательно. Мэр этого городка — мой давний приятель. Все возможное я для тебя выторговал. Наверное, ты знаешь, что тут по соседству есть что-то вроде клуба с рингом, где делают ставки на победителя. Хозяин там один американец — шулер, скрывающийся от полиции нескольких штатов. Так вот. В город приехал мексиканский тяжеловес Диас, и ему нужен партнер для матча. На бой тебя отконвоируют. Разумеется, ты ничего не получишь, но я поставлю на тебя пятьсот долларов, и ты... ты должен выиграть, чтобы заплатить штраф. Если нет — тебе остается только «бычий загон».

Мэлони в ужасе закричал:

— Матч? Ринг? Да я сейчас и раунда не выстою. Ни силы, ни скорости, ни дыхания — во мне ничего не осталось. Да меня сейчас младенец отметелит!

— Ладно, ладно, успокойся. Не хочешь — не надо. Может быть, в «бычем загоне» тебе полегчает, глядишь — и форму восстановишь.

Заметив, что Грендон собирается уходить, Мэлони завопил:

— Стой! Подожди! Я... я согласен драться. Но как, скажи на милость, я могу победить?

— Человек способен на все, если приспичит, — сухо ответил Грендон. — Я пойду, нужно еще кое-что уладить. До поединка ты будешь находиться здесь. Я позабочусь о том, чтобы тебя кормили получше. Но, прохладжаясь тут, в камере, вспоминай иногда о палящем солнце над «бычим загонем».

Мэлони ничком упал на нары. Головная боль, изжога, жажда — все было забыто. Одна мысль теперь мучила его: как в таком состоянии ему выстоять против боксера, пусть наверняка и не Бог весть какого класса... как там его — Диас? Нет, не просто выстоять — выиграть! От одной мысли о бое Джеку становилось плохо. Правда, при мысли о солнце над «загонем» ему становилось еще хуже.

Прошло несколько дней. Наконец дверь открылась, и два солдата вывели Мэлони из камеры, подгоняя его штыками в спину.

Ринг находился в бывшем амбаре — темном, крытом жестью сооружении с грубо сколоченными трибунами для зрителей. Сесть там было негде, лишь в двух первых рядах располагались скамейки для почетных и богатых посетителей.

Диас прохаживался в своем углу, ожидая появления своей, как он полагал, легкой добычи. И для такой уверенности были все основания: ему сказали, что соперника приведут на бой из местной ку-

тузки. А скажите начистоту, разве может стоящий боец, да еще американец, оказаться за решеткой в этом паршивом городишке, который целиком и полностью обязан своим существованием жажде, мучающей жителей противоположного берега приграничной реки? Диас даже не удосужился поинтересоваться именем своего противоборца.

Он презрительно следил за черноволосым американцем, который, пошатываясь, пролезает через канаты. Помогал ему какой-то старый нень, в котором Диас неожиданно узнал великого Грендона. Сердце мексиканца екнуло. Что делает в этой дыре тренер и менеджер чемпионов? И какого черта он ассистирует неизвестному драчуну-пропойце? Нет, здесь что-то не так.

С заметно возросшим интересом присмотревшись к своему сопернику, Диас вздрогнул, побледнел и быстро заговорил о чем-то со своим менеджером.

Джек Малони с удовлетворением почувствовал, что мандраж перед самым фактом его появления на ринге прошел. Видимо, знакомая атмосфера — огни, гул толпы в темноте за кругом света, мешковина покрытия ринга, канаты — успокоила его нервы. В памяти всплыли другие залы, другие ринги, другой, куда более представительный, могучий и уверенный в себе Джек Малони, без пяти минут чемпион. Но тотчас еще одно видение отрезвило его: образ тюрьмы под открытым небом, где удел узника — безумие, ибо человеческий мозг закипает, не в силах выдержать пытку палящим солнцем мексиканской пустыни.

Джек присмотрелся к противнику — боксеру второй мексиканской лиги, о котором он раньше и не слышал. Заметил он и то, как побледнел, как

испугался Диас, когда узнал его. В сердце Мэлони поселились гордость пополам с горечью. Как бы низко он ни пал, но одной памяти о его бывших заслугах было достаточно, чтобы этот мексиканец струхнул.

Впрочем, горечи все же оказалось больше, чем гордости, ибо слишком разителен был контраст между воспоминаниями, между бывшей славой и нынешним его плачевным положением.

Вызвав соперников на центр ринга, судья принялся диктовать привычные правила, которые все пропускали мимо ушей. Диас почувствовал, как возвращается уверенность в своих силах. Менеджер рассказал, что этот американец уже несколько месяцев пьет запоем в местном сауне, да и сам Диас знал, что Мэлони три года не появляется на ринге. Отсутствие тренировок и море разлитое текилы, конечно, оставили свой отпечаток на внешности Джека, на каждом его движении... но в любом случае с ним нужно быть осторожным.

Однажды мексиканцу довелось разогревать публику в предварительном бое перед поединком с участием Мэлони; и в его памяти остался не его, Диаса, тогдашний соперник, а образ неистового, сметающего все на пути, пробивающего любую защиту своими молотоподобными кулаками Джека Мэлони.

Соперники вновь разошлись по своим углам. Секунданты покинули ринг. Вылезая за канаты, Грендон прошипел на прощание своему подопечному:

— Я поставил на тебя пять сотен. Выиграешь — ты свободен. Проиграешь — добро пожаловать в «бычий загон»!

Прозвучал гонг. Мэлони медленно двинулся к центру ринга. Диас шел еще медленнее и осторож-

нее. Он не знал, что противник почти не видит его: перед лицом Мэлони вновь замаячил кровавый демон, три года назад отправивший его в нокаут.

Несколько секунд соперники выжидающе кружили по рингу. Наконец Диас решился. Против его собственных ожиданий, первый же, в полсилы нанесенный пробный удар угодил в грудь Мэлони. Мексиканец, решив, что здесь какой-то подвох, зажмурился на миг в ожидании неминуемого сокрушительного возмездия. Но Мэлони даже не попытался ответить ударом на удар, не воспользовался секундной заминкой противника. В этот момент, оживленные болью, образ Бреннона смешался с грозной тенью Вояки Хэндлера — двух людей, оборвавших его карьеру боксера.

Обнаружив, что жизнь не кончилась, Диас рискнул повторить выпад. На этот раз Мэлони контратаковал левым хуком, и мексиканец с небольшим удивлением почувствовал, что кулак Джека лишь слегка скользнул по подставленному плечу. От былой силы американца не осталось и следа. Диас с облегчением понял, что нынешний Джек Мэлони — жалкая копия бывшего бойца. И только природная осторожность удерживала его от того, чтобы броситься в атаку и в два счета разделаться с этим лунатиком.

Резким тычком в лицо Диас заставил Мэлони отступить, а затем достал его по-настоящему сильным правым в корпус. Слово острый нож вошел между ребер Мэлони, пронзил легкие, сбил дыхание. Начало сказываться отсутствие тренировок. Ноги Джека дрожали, грудь ходила ходуном, — а ведь не истекла и первая минута первого раунда.

Лишь осторожность Диаса не позволила ему уложить противника еще до перерыва. Он обрушил на Мэлони град ударов слева, ударов, основательно

разукрасивших лицо соперника, весьма болезненных, но неспособных свалить мало-мальски тренированного человека. Время от времени он бил правым кулаком по корпусу Джека, понимая, что тот долго не выдержит избиения.

Мэлони действительно держался не лучшим образом. Удары в корпус отзывались невыносимой болью во всем теле, а главное — с каждым ударом все отчетливее вырисовывались перед Джеком очертания тех, кто победил его в двух последних боях прошлой жизни.

Уверенность Диаса росла с каждой секундой. До сих пор противник ни разу не нанес ему ни одного стоящего удара. Да, некогда великий Мэлони отступал перед его натиском! Разумеется, это подогревало азарт в душе мексиканца. За две секунды до гонга Мэлони рухнул, и причиной тому были отчасти очередной удар противника, отчасти — собственная усталость.

Очнулся он в своем углу. Грендон трудился над ним со всем старанием и умением опытного, внимательного секунданта. Мэлони едва слышно прохрипел:

— Я сдох. Мне и с табурета не встать.

Не прекращая массировать губкой окровавленные брови боксера, Грендон со злостью ответил:

— «Бычий загон». Он от тебя никуда не денется. Как и позорное ощущение того, что тебя победил какой-то провинциальный мексиканский бугай.

Вновь прозвенел гонг. Откуда взялись силы, Мэлони не знал. Втайне он полагал, что то была мгновенная вспышка безумия, и, может быть, он оказался недалеко от истины. По словам же Грендона, в голове Джека взорвалась накопившаяся смесь страха и ненависти. Ненависти к Грендону, готово-

му обречь его на погребение заживо, к мексиканским солдатам, стоящим вокруг ринга и следящим за тем, чтобы он не сбежал, ненависти к Железному Майку Бреннону, первопричине всех его неприятностей... И, разумеется, выплеснулась эта ненависть на человека, оказавшегося перед ним на ринге.

Диас вылетел из своего угла, словно тигр из клетки. Его подогревали азарт хищника, настигнутого добычу, и мысль о том, что некогда знаменитый Мэлони будет лежать у его ног. Но навстречу ему вышел совершенно другой человек. Сам не понимая как, Мэлони поднял свое тело с табурета и на негнувшихся ногах рванулся вперед. Одним коротким прямым в челюсть он остановил атаку Диаса, а затем с силой, удивившей его самого, всадил правый кулак в грудную клетку мексиканца, прямо в область сердца.

Диас содрогнулся, впервые в жизни ощутив полновесный удар первоклассного молотильщика. Ощущение оказалось не из приятных: словно раскаленная чугунная гиря обрушилась на его тело. На миг остановилось сердце. Желание увидеть великого Мэлони нокаутированным исчезло напрочь, уступив место стремлению самому избежать нокаута.

Мексиканец поспешно отступал, а Мэлони, чувствуя, как силы его быстро иссякают, не забывая об угрозе «бычьего загона», бросился в атаку. И у канатов настиг Диаса, так и не оправившегося от удара в сердце. Держась левой рукой за верхнюю веревку, чтобы не упасть, Мэлони провел еще один хук правой — в челюсть.

Как подкошенный, Диас повалился на ринг. Дождавшись, пока судья досчитает до десяти, его примеру последовал Мэлони, в глубине души уверенный, что умрет от усталости и напряжения.

Первое, что он увидел, очнувшись, было лицо склонившегося над ним Грендона. Если старый менеджер и был доволен, то на его физиономии это никак не отразилось.

— Ну, очухался? — буркнул Грендон. — Давай собирайся. Мы уезжаем. Штраф я оплатил.

— Пошел к черту, — огрызнулся Джек, чувствуя, как вновь закипает в нем ненависть к Грендону. — Я выиграл бой, который организовал ты. Спасибо. Своих денег ты не платил. Стало быть, больше я тебе ничего не должен.

— Ты мне должен пятьсот долларов, — огоршил его менеджер. — Букмекер смылся с кассой, в которой были и мои полтысячи. Так что пришлось заплатить штраф из своего кармана. Итого на тебе я потерял тысячу. Ладно, мы друзья, скостим до пятисот. Однако ты должен их отработать.

— Отработать?

— Отбить, если тебе больше нравится. В буквальном смысле. Этот поединок доказал одно: ты не так низко скатился, как я думал. Кое-что от бывлой силы осталось, и, полагаю, хорошие тренировки вышибут из тебя дурь вместе с алкоголем, приведут в форму. Многого ты, наверное, уже не достигнешь, но провести несколько боев и вернуть мне должок — вполне реальная перспектива.

— Ни за что, — отрезал Джек. — Ни за что и ни для кого на свете я больше не сунусь в этот ад.

— Мэлони, ты ведь меня ненавидишь, не правда ли? — Грендон глядел собеседнику прямо в глаза.

— Так, как только может один человек ненавидеть другого, — с обычной прямоотой ответил Мэлони.

— И что, ты собираешься жить с мыслью, что остался должен человеку, которого ненавидишь?

Кривая усмешка скользнула по губам Джека. Помолчав, он кивнул:

— Поймал ты меня... Значит, так: долг свой я отработаю с лихвой, за один поединок, если ты его правильно оформишь. А потом надеюсь больше никогда тебя не увидеть.

Грендон лишь молча улыбнулся в ответ.

Так некогда без пяти минут чемпион, а нынче бывший боксер Джек Мэлони попал в объятия знаменитого менеджера Грендона по кличке Айсберг. Ни единого доброго слова не проронили они друг другу, их общение сводилось к лаконичным требованиям или указаниям менеджера и еще более кратким ответам его подопечного.

Из приграничного мексиканского городка они уехали напрямиком на побережье, откуда первым же пароходом направились в Австралию, на родину Грендона. У Мэлони не было ни гроша, все расходы оплачивал Грендон. Джек решил, что не склонный к благотворительности Грендон готов пойти на все расходы ради возвращения пятисот долларов только потому, что сам возненавидел Джека не меньше, чем тот его. Видимо, жажда мести пересилила в сердце старого менеджера доводы здравого смысла и простой арифметики. Не придумав иного объяснения, Джек предположил, что вдобавок ко всему Грендон вымещает на нем старую обиду: когда-то Мэлони оборвал карьеру одного из его перспективных воспитанников. И хотя Грендона никто никогда не обвинял в злопамятстве, других объяснений Джек найти не мог. Он твердо решил отдать старику не только пятьсот долларов штрафа, но и те полтысячи, с которыми сбежал букмекер. А потом... При этих мыслях кулаки Мэлони сжимались с такой силой, что белели костяшки.

На ферме Грендона, неподалеку от Сиднея, был оборудован тренировочный лагерь. Прибыв туда, Мэлони погрузился в изматывающую рутину восстановительных занятий.

При всех своих недостатках — реальных и кажущихся — Грендон доказал, что тренер он перво-классный. И поняв, что логичнее прислушиваться к советам старика, чем полагаться только на себя во время тренировок, Мэлони стал беспрекословно подчиняться ему.

Шли месяцы. Мало-помалу Джек входил в форму. Он чувствовал, как наливаются силой мышцы, укрепляются легкие, становится подвижнее тело. По спиртному он не тосковал. Не склонный по природе к алкоголизму, он и пил-то только для того, чтобы забыть свои поражения и утопить в стакане страшные воспоминания. Теперь, как и в былые годы, он без труда одолевал многие мили бегом, а тяжелый тренировочный мешок в зале под его ударами летал на канатах, едва не вырывая с мясом крепежные крючья из потолка. Работая со спарринг-партнерами, он понял, что возвращаются главные составляющие его прошлых успехов — сила удара и скорость. Откровенно говоря, Мэлони никогда не был боксером-виртуозом — скорее, просто-лихим драчуном. Но при этом работать ногами и продумывать тактику боя он умел так, как не снилось многим из тех боксеров, что рассчитывают на свой ум и наработанную технику. В целом же его девизом было: догнать противника, измотать и бить, бить, бить до нокаута!

Когда Мэлони уверился, что готов к встрече с серьезным соперником, Грендон еще месяц тренировал его по щадящей программе. Мэлони ждал, хотел боя — чтобы, по крайней мере, вернуть долг.

Не любовь к спорту или драке двигала им, но ненависть: чем скорее он отдаст Грендону его вонючие деньги, тем лучше. И все же едва Джек представлял себе ринг, атмосферу поединка, как тотчас перед глазами возникало ужасное окровавленное привидение, ноги подгибались, руки дрожали.

Однако в глубине души он был рад тому, что благодаря всей этой заварухе из провонявшего виски ничтожества вновь превратился в человека. Он поверил в себя, в свои силы и твердо решил, что впредь не позволит себе раскисать и опускаться. Ему ведь всего двадцать пять. Еще можно найти подходящую работу и жить нормальной, достойной жизнью, раз уж не удалось стать боксером-профессионалом.

Наконец Грендон сообщил Мэлони, что подписал соглашение о поединке.

— Твой противник — американец по имени Пири. Если местные болельщики не забыли тебя, то кассовый сбор будет немалым. Да и в любом случае поединок двух американцев привлечет внимание. Честно говоря, я не понимаю, что случилось с моей милой Австралией. За последние годы с этого континента бойцов вышло — раз-два и обчелся. А вот раньше бывало...

Посыпались имена, прозвища, даты, названия клубов. Лишь рассуждая о былой славе боксерской страны — Австралии Грендон становился излишне говорливым. Мэлони же эта тема вовсе не интересовала.

Давно забытые ощущения испытал Джек Мэлони, выйдя на настоящий ринг в Сиднее. Многие болельщики помнили его, и трибуны взорвались овацией, когда он появился в зале. Но тотчас к приятным впечатлениям и воспоминаниям прибавились другие...

Огромным усилием воли Мэлони отогнал от себя кровавые тени прошлого и присмотрелся к своему сопернику. Сухощавый, собранный рыжий парень был выше его ростом, но весил меньше. Ведущий объявил:

— Джек Мэлони, Соединенные Штаты Америки, вес — сто девяносто пять фунтов. Рыжий Пири, Соединенные Штаты Америки, вес — сто восемьдесят фунтов.

Одновременно с сигналом гонга Грендон сказал:

— Пятисот долларов, помни. Не забывай и то, как ты ненавидишь меня.

У Мэлони не было времени, чтобы задуматься или хотя бы удивиться мелочности и злопамятности своего тренера и менеджера.

Пири, как и Диас, знал прежнего Мэлони, и, подобно мексиканцу, ему вовсе не хотелось стать ступенькой на пути возвращающегося в большой спорт бойца. Однако, в отличие от Диаса, он сразу пошел в атаку, напористо и уверенно. Тренировки Грендона не пропали втуне. Уворачиваясь и блокируя удары Рыжего, Мэлони понял, что с точки зрения техники он еще никогда не был в столь прекрасной форме. Впрочем, техника и навык — это полдела. Важно, чтобы в поединок вступило сердце. А Мэлони, не ощущая угрозы оказаться в «бычьей загоне», даже подогревая себя несколько утихшей ненавистью к Грендону, не сумел забыть прошлое поражение.

Джек уворачивался, ломал атаки противника, порой принимал несильные удары на корпус, но не мог заставить себя перейти в нападение. Первый раунд прошел вяло. Лишь на последней минуте Пири пустил Джеку кровь серией коротких быстрых ударов левой в лицо. Мэлони, почти не почувствовав

их, ответил стремительным левым хуком, который Рыжий умело блокировал.

— Давай, давай, просыпайся! — рывкнул на Мэлони Грендон в перерыве. — Ты же в отличной форме, самые сильные удары тебе как слону дробина. Ты бьешь сильно, сильнее, чем в лучшие свои годы. Сильно, но редко. Нельзя всё время отступать, не то парень победит по очкам. — Не дождавшись от Мэлони ответа, Грендон прорычал: — Ты спишь на ходу! Тебе на все наплевать! Учти, он тебя уложит по твоей же вине — тебе не хочется драться!

Раздумывая над словами менеджера, Мэлони пропустил левый хук в голову, правый прямой в корпус и только после этого вышел из оцепенения. И, к восторгу публики, его боковой по ребрам швырнул Пири на канаты. Но вспышка активности тут же исчезла. Увидев в отходящем от канатов Рыжем нестигаемого Майка Бреннона, Мэлони вновь лишился воли к победе. Умом он понимал, что удар не был достаточно силен и точен для нокаута, однако слепой, безрассудный ужас вновь вызвал в его памяти кошмарную картину: нечувствительный к боли противник.

Минули еще шесть раундов. Пири боксировал аккуратно, не рискуя, Мэлони лишь вяло защищался, и по очкам Рыжий далеко обошел Джека. Очередной перерыв, и вот — восьмой раунд.

Мэлони вышел на ринг свежим, точно перед первым раундом. В теле не осталось ни капли усталости. Пири же, глядя на его разбитые брови и залитое кровью лицо, даже не подозревал, что Мэлони в отличной форме и едва чувствует столь эффектные для стороннего наблюдателя удары. Поэтому Рыжий решил, что перед ним просто-напросто слабак и что стоит сменить стратегию —

выиграть не по очкам; а нокаутировать бывшего без пяти минут чемпиона. С первых секунд восьмого раунда он ринулся в атаку.

Зрители восторженно приветствовали его напор — в конце концов, они пришли поглазеть на настоящий бой.

Мэлони оказался в центре смерча. Пири уступал ему в мощи, но у него были достаточно сильный, хорошо поставленный удар и отличная техника. Остерегаясь боковых контратак, он измолотил Джека прямыми ударами и свалил его в одном из углов ринга.

Мэлони долежал до «девяти», хотя мог подняться и раньше. Голова кружилась, но боли не было. Не успел он встать, как Пири в пылу азарта, словно почувствовавший кровь хищник, вновь налетел на него. Мэлони пропустил сильный удар в область сердца и серию коротких ударов в голову, прежде чем сумел принять оборонительную стойку.

Пири не давал ему передышки. Спровоцировав Джека на размашистый удар правой, он нырнул под летящий камнем кулак и провел короткий, но весьма чувствительный хук в челюсть. В мозгу вспыхнуло, и одновременно Мэлони понял, что дерется он не с Рыжим Пири, а с Железным Майком. Сквозь зативающую глаза кровь он видел злорадно ухмыляющегося Бреннона.

Неожиданно для самого себя Джек Мэлони расвирепел. Достаточно он натерпелся от призраков прошлого! В конце концов, он боксер, и его основная задача — бить, а не бежать. Он забыл обо всем, даже о Пири, и превратился в материализовавшегося духа уничтожения, стремительного, как выпущенный из пушки снаряд. Молниеносный, отчаянно рискованный удар правой Джек нацелил в это сме-

ющеся, окровавленное лицо привидения. Угодил же он в челюсть Рыжего Пири.

Словно очнувшись после кошмарного сна, Мэлони слушал счет рефери и смотрел на лежащего у его ног противника.

В раздевалке к Джеку подошел Грендон.

— Вот твоя доля гонорара. Пятьсот пятьдесят пять долларов.

— Забери свои деньги и катись отсюда, чтоб я...

Не обращая внимания на ругань и угрозы Мэлони, Грендон вынул из кармана вырезку из какой-то газеты и протянул Джеку:

— Вот. Прочти-ка.

Газета оказалась месячной давности. На сгибе бумага истерлась и была кое-как подклеена. Пробежав заметку глазами, Мэлони недоверчиво воскликнул:

— Майк Бреннон был нокаутирован и проиграл?! Быть не может! Нет, погоди. Тут написано: «Сегодня вечером Рыжий Пири в первом же из пятнадцати назначенных раундов победил Железного Майка нокаутом. Это был последний бой Пири перед отъездом в турне по Австралии». Но как?.. Почему?

Все смешалось в голове Мэлони. Только что он победил человека, который нокаутировал Майка Бреннона. Ничего не понимая, не веря, он перевел взгляд на Грендона. Он чувствовал, как ненависть в его душе уступает место другим эмоциям.

— Нет, старик, ты останешься моим менеджером! — вдруг выпалил он, сам не ожидая от себя таких слов. — Организуй мне еще несколько боев. Если я смогу одолеть парня, уложившего Железного Майка, значит, я смогу справиться и с любым из этих горилл-убийц. Даже с самим Бренноном.

— Как-насчет Вояки Хэндлера? — с довольным блеском в глазах сообщил Грендон. — Он сейчас в Англии.

Мэлони по-мальчишески рассмеялся. Словно камень упал с сердца. Какой огромный — он понял только теперь, когда его не стало.

— А почему бы и нет? Я из него дух вышибу. Грендон, ты — менеджер будущего чемпиона! Сначала Хэндлер, потом Бреннон! А потом — любой, кто окажется между мной и чемпионским титулом. Я справлюсь с кем угодно!

Грендон повернулся к двери, и Мэлони крикнул ему в спину:

— Эй, деньги свои заberi.

— Оставь себе, — огрызнулся менеджер. — Я со своих боксеров денег не беру. Рассчитаешься тем, что станешь чемпионом.

Лондонские любители бокса на всю жизнь запомнят матч Мэлони — Хэндлер, который затмил многие другие достойные, красивые, кровавые, более длительные поединки. Этот бой был коротким, но таким, где зрители следят за каждым движением боксеров стоя, сжав кулаки, напряженно и молча, не выплескивая эмоции в улюлюканье и свисте.

До начала поединка Мэлони сидел в своем углу ринга — отдохнувший после морского путешествия; энергия кипела в нем, переполняла его, а со стороны можно было подумать, что боксер нервничает. Хэндлер в другом углу уверенно потирал руки, всхрапывая, как застоявшийся в стойле жеребец. Не он ли свалил этого парня три года назад? А ведь Мэлони наверняка был тогда в лучшей форме. До Вояки доходили слухи о его прозябании в Мексике. Подумаешь — потренировался и нокаутировал двух лотов, никогда не поднимавшихся выше второй лиги.

Хэндлер довольно усмехнулся, чувствуя себя в зените своей славы и в расцвете сил.

По сигналу гонга Мэлони вылетел из своего угла и пронесся по рингу как удар грома. Молнией атаковал опешившего Хэндлера. Исчезли все кровавые призраки, столько лет терзавшие его сознание. Он опять стал Джеком Мэлони, Вирджинским Громом!

Хэндлер не преодолел и половины пути до центра ринга, как попал в эпицентр урагана. Голова его дернулась назад, когда на нее обрушился прямой слева, и нижняя челюсть показалась из-за мощного плеча, которым Вояка, точно баррикадой, защищала лицо. Тут-то Мэлони и вlepил в эту челюсть знаменитый полновесный удар правой рукой, рукой-молотом. Только прирожденный боец мог нанести этот удар: все тело, все мышцы работали в унисон, могучее плечо стремительно рванулось вперед, вслед за несущейся рукой, корпус развернулся в поясе, ноги с силой толкнули тело вперед и вверх, и все это произошло за ничтожную долю секунды!

Хэндлер ничком рухнул на ринг и не двигался, пока его не привели в чувство в раздевалке. Первые его слова, произнесенные после того, как он вновь обрел дар речи, надолго вошли в список классических боксерских выражений.

— Ну и дела! — сказал он, потирая подбородок. — Да этот парень не бьет, он взрывается!

Следующие два боя в Англии стали для Мэлони лишь эпизодами, ступеньками на пути к вершине успеха. Главной его целью был чемпионский титул. В глубине души он, боясь признаться в этом самому себе, жаждал вновь встретиться с Железным Майком. Ради этого он жил, тренировался, проводил бои.

Вскоре после победы над Воякой Хэндлером ему выпало драться с Томом Вэлширом, чемпионом Ан-

глии. Хитрый британец в течение девяти раундов уворачивался от страшных ударов Мэлони, но Джека это не смутило. В десятом раунде он загнал-таки Вэлшира в угол и нокаутировал.

Следующим был Броненосец Слоун. Лучшие его годы уже миновали, но Броненосец все еще оставался первоклассным боксером с потрясающим чутьем, а его левая рука, как и раньше, летала стремительно, неуловимо и смертоносно, точно арбалетная стрела. Боксируя весьма технично, он продержал Мэлони на расстоянии четыре раунда, а в пятом вlepил ему в челюсть левым кулаком — наконечником стрелы. Джек содрогнулся, публика замерла в ожидании неминуемого нокдауна, но вместо того, чтобы упасть, Мэлони ринулся на Слоуна и отправил в нокаут прямым правым в сердце.

Через несколько дней после этой победы Мэлони заглянул в комнату Грендона — с некоторых пор их отношения намного улучшились. Втайне Мэлони восхищался Айсбергом, считал его лучшим пилотом для любого боксера, который стремится к высшим титулам. Да и сам Грендон, скорее всего, под маской неприветливого ворчуна скрывал искреннюю симпатию к своему подопечному.

Заходя к Грендону, Мэлони озадаченно чесал в затылке.

— Смотри-ка,— протянул он менеджеру свежую газету.— Вчера в Америке Железный Майк Бреннон был нокаутирован другим Железным Майком — Костиганом. В первом же раунде! А еще здесь написано, что это первый нокаут Бреннона.

Грендон кивнул.

— Но ведь ты говорил,— удивился Мэлони,— что Рыжий Пири, ну, тот, которого я побил в Сид-

нее, нокаутировал Бреннона еще раньше. Только поэтому я смог собраться и вернуться в большой спорт, смог вновь побеждать.

Грендон еще раз кивнул:

— Согласен, Джек. Тебе нужна была эта подпорка. А теперь ты достаточно окреп, чтобы двигаться вперед самому.

Мэлони нахмурился. Постепенно серьезное выражение на его лице уступило место довольной улыбке. Усмехаясь, он сказал:

— Ты прав. Сейчас я выше этого. Все мои проблемы крылись лишь в одной загвоздке в мозгах. А сейчас мои разум и сердце свободны, значит, путь вперед открыт. И я буду драться, драться и драться.

Тут он прервал свой монолог, пораженный мыслью, до сих пор ему в голову не приходившей.

— Слушай, а ведь Бреннону, поди, здорово досталось, если дело кончилось нокаутом.

— Последний раз я его видел за месяц до того, как поехал к тебе в Мексику. Он выглядел старой развалиной. Кандидат в дурдом. Да и физически он сильно сдал. В том состоянии его мог побить кто угодно. Так обычно и бывает с железными людьми — годами они остаются непобедимыми, а потом вмиг ломаются.

Мэлони покачал головой:

— Столько лет я его ненавидел... но, знаешь, ненависти не осталось. Я даже не хочу встречаться с Майком на ринге. Впрочем, в газете пишут, что он уходит из спорта. Даже если это не так, я все равно не хочу драться с человеком, который стоит на пороге могилы... или психушки. Нет, дайте мне помериться силенками с Костиганом — парнем, который одолел-таки Железного Бреннона!

— Но, Джек, он ведь тоже Железный Майк! Зеркальное отражение Бреннона. Четыре года назад он здорово отделал тебя.

— Ну и что? Кстати, Грендон, давно хотел сказать тебе, да все недосуг было. Я очень благодарен тебе за то, что сейчас могу подумывать о бое с Костиганом, за то, что я победил уже нескольких первоклассных мастеров, за то, что вновь стал человеком, пусть сначала и не хотел этого. Нет, я не знаю твоей цели, но результат меня устраивает вполне.

— Что ж, Джек. — Голос Грендона был непривычно мягок. — Я положил на тебя глаз много лет назад, когда ты только начинал выступать. Но перекупить твой контракт мне не удавалось. Как боксер ты мне нравился всегда. А в последнее время нравишься и как человек. Когда я узнал, что ты пропадаешь, спиваешься в захудалом городишке, я решил выяснить, сможешь ли ты подняться из грязи, если протянуть тебе руку помощи. Помнишь, я сказал тебе, что мэр той дыры — мой приятель? Так оно и есть. Я все это и устроил с его помощью. Никаких полицейских ты не бил. Ты нажрался так, что ударить кого-нибудь или что-нибудь вспомнить уже не мог. И денег на тебя я не ставил. Честно говоря, ставить-то было не на кого и не на что.

Признаю, что отправлять тебя на бой с Диасом в твоем состоянии было жестоко. Но я хотел понять, осталось ли в тебе то главное, что делает нормального человека боксером, бойцом. И даже если б мексиканец уложил Джека Мэлони первой же оплеухой, я все равно не оставил бы тебя пропадать в том паршивом городишке, поверь. Однако в бою с мексиканцем ты доказал, что в тебе сохранилось великое, почти сверхъестественное умение драться. Не думаю, что кто-либо другой после трех лет пьянства

умудрился бы нокаутировать боксера в хорошей форме. И я в тебе не ошибся. Сердце бойца по-прежнему билось в твоей груди. Проблема заключалась лишь в чувствах и разуме. И чтобы справиться с ними, тебе нужна была встряска. Что же касается мнимой победы Пири над Бренноном — пусть этот трюк останется на моей совести. Главное, что он помог тебе, сыграл свою роль катализатора.

— Но как ты все это устроил?

— Очень просто. Проще, чем можно предположить. Помнишь ту заметку? Она еще была порвана и склеена. Немножко работы с ножницами и клеем — и вот результат. Вместо «был нокаутирован» мы видим «нокаутировал в первом же раунде». Я же знал, что ты не будешь всматриваться в эту бумажку. Для тебя был важен смысл заметки.

Мэлони рассмеялся:

— Да, сработано отлично. Я ведь как на крыльях летал, вновь уверился в себе, и эту уверенность теперь из меня никто не выбьет. Нет, старик, теперь я точно настроился на бой с Костиганом.

— Джек, ты ничего не добьешься, встретившись с этим железным парнем. Он сейчас в отличной форме. Ни Демпси, ни даже Фитцсиммонс не смогли нокаутировать его. Если ты уложишь Железного Майка, что ж — слава и известность тебе обеспечены. Но если победит он, тебе наверняка конец. Железные люди — самые страшные противники для нервных, чувствительных боксеров твоего типа. Лучше выйди против смекалистого техничного парня — толк будет при любом исходе.

Мэлони покачал головой:

— Я стал старше и умнее. Теперь я не позволю измотать себя, как в бою с Бренноном. Но я хочу, понимаешь, мне нужно победить человека, побе-

дившего того, кто победил и уничтожил меня. Только тогда я смогу в полной мере восстановить самоуважение и уверенность в себе!

Вот заметка, появившаяся в газетах месяц спустя:

«Джек Мэлони, о сенсационном взлете и падении которого говорит спортивный мир до сих пор, сделал еще один большой шаг на пути возвращения к вершинам бокса, победив по очкам Железного Майка Костигана, победителя Железного Майка Бреннона. Мэлони, похоже, полностью восстановил свой могучий удар и скорость, за которые был прозван журналистами Вирджинским Громом. Теперь ему вновь предсказывают быстрое восхождение к чемпионскому титулу.

Это был первый бой Мэлони в Америке с тех пор, как он решил вернуться в спорт. На протяжении всего поединка он уверенно вел по очкам, а в последней трехминутке дважды посылал Костигана в нокадауны, из которых тот выходил на последней секунде отсчета. Только сверхчеловеческое упорство Майка и его невероятная нечувствительность к боли, которым мог бы позавидовать сам Джо Грим, помогли ему продержаться и избежать первого в его карьере нокаута. Впрочем, почти наверняка следующий раунд был бы для него последним. Противник добился бы своего. Джек Мэлони, хотя он и не одержал победу нокаутом, заслуживает всяческих похвал за великолепную работу на ринге и выглядит наиболее реальным претендентом на чемпионский титул этого года».

КУЛАКИ ПУСТЫНИ

Н

1

ебольшая железнодорожная станция — краска давно облупилась на солнце, — вагоноремонтная мастерская, несколько ржавых складских сооружений да кучка убогих домишек по другую сторону насыпи — вот что представлял из себя разъезд Юкка, изнывающий под палящим солнцем пустыни, пустыни без конца и края.

В скудной, не дающей прохлады тени станции прохажива-

вался взад-вперед Эл Лайман. Маленький, щуплый, с узкими плечами и впалой грудью, он выглядел типичным выходцем из трущобных кварталов. Хищно поблескивающие, маленькие бегающие глазки, острый клювообразный нос — все это, конечно, не добавляло ему обаяния, а говорило лишь о порочности, отсутствии щенетильности в вопросах чести и болезненном тщеславии.

Тот, кто обеспечивал ему кусок хлеба, маячил по соседству — внушающий уважение своими габаритами Спайк Салливэн, хорошо известный посетителям боксерского клуба на Барбери-стрит. Бычьи плечи, длинные, по-обезьяньи висящие руки, немытые черные волосы... Сальное лицо, квадратная, выступающая вперед челюсть, глубоко посаженные глаза...

В общем, ни дать ни взять красавчик с обложки модного журнала. К тому же этой, и от природы «очаровательной» физиономии, видимо, пришлось вынести немало сильных ударов, оставивших весьма милые следы — глубокие шрамы, швы и распущенный нос.

Салливэн со злостью озирался, прохаживаясь рядом с Лайманом. Оба двигались только по одной причине — ходить в такую жару было менее неприятно, чем стоять на месте. Салливэна раздражало все: убогий городишко, станция, человек, едва различимый за немытым сто лет окном зала ожидания, даже бродячий пес, прячущийся от жары под перронной скамейкой.

Добродушная псина сделала ошибку, неправильно истолковав взгляд человека. Пес почесал за ухом, вылез из-под скамейки, потянулся и шагнул к Салливэну, умильно виляя хвостом. Спайк раздраженно послал его куда подальше. На эту тираду отреа-

гировал человек в зале ожидания — он вышел на порог и бесстрастно оглядел незнакомцев.

Человек этот настолько же органично вписывался в окружающий пейзаж и интерьер, насколько оба приезжих казались инородными элементами в этой обстановке. Высокий, как Салливэн, он был лишь чуть более узок в плечах и намного меньше напоминал гориллу. Зато он был пропорционально сложен — выкованный пустыней и отшлифованный солнцем, не оставившим в его теле ни грамма лишнего веса. Мирно сложив на груди могучие руки, он уставился вдаль, в ту сторону, откуда должен был появиться поезд.

Пес прошелся вслед за незнакомцами, несколько напуганный, но все еще ожидающий, что его ласково погладят по голове и почешут за ухом. Дойдя до места, где тень заканчивалась, Салливэн вдруг резко повернулся и бросился на ошарашенного пса, широко разведя руки. Собака отскочила в сторону, и тогда он пнул ее изо всех сил — несчастный зверь поспешил забраться под скамейку, чтобы переждать там очередные жизненные невзгоды. Но в Салливэне вдруг проснулся куда более сильный звериный инстинкт, нежели тот, что присущ любой собаке. Он перестал контролировать себя, его сжигала жажда разрушения всего, что вызывало у него недобрые чувства, а значит — разрушения всего мира... или хотя бы вот этой несчастной псины.

— Перестань, Спайк, — попытался успокоить его Лайман. — Плюнь ты на нее, пусть сидит.

Салливэн не обратил внимания на слова Лаймана, вознамерившись вколотить ногами визжащее животное в асфальт перрона или кирпич стены. Неожиданно в обычный для него ход вещей вме-

шался человек из зала ожидания. Сделав шаг вперед и оказавшись между скамейкой и Салливэном, он сильно отпихнул того в сторону.

— Оставь собаку в покое, — спокойно сказал он.

— Это твоя скотина? — прорычал боец, сжимая кулаки.

— Нет. Была б моя, я бы не разговаривал с тобой, а всадил бы тебе в башку девять грамм свинца. А так я всего лишь прошу тебя.

Не дослушав, Салливэн нанес удар правой рукой. Бить он умел так, как умеют все боксеры клуба «Барбари-стрит». Числились за ним и драки со смертельным исходом. Противник был застигнут врасплох, и его челюсть приняла на себя всю мощь удара Салливэна. Лайман ойкнул и отскочил в сторону. Однако человек из пустыни не упал. Он покачнулся, на губах показалась кровь, но падать он не собирался, чем привел Спайка в замешательство. Вместо того чтобы продолжить атаку, Спайк на миг замер и немного опустил руки. Это было ошибкой, ибо ответ человека из пустыни оказался сильным и быстрым, как бросок тигра.

Скрипнули подошвы ботинок, крутанувшихся на месте вслед за разворотом тела, и левая рука незнакомца впечаталась Салливэну в грудную клетку. Спайк, не ожидавший такого поворота событий, не успел поставить блок. Еще бы, ведь никто в «Барбари», где выступали самые лихие, самые упрямые бойцы Западного побережья, не мог блокировать его удар.

Незнакомец ничего не понимал в боксе, его удары были слепыми, размашистыми, но в каждый из них он вкладывал все свой вес, мощь плечевых мышц, корпуса, ног. Казалось, он сотворен из железа и камня. Кулаки Салливэна ранили его до крови, но он держал удары, и те, казалось, лишь распа-

ляли его злобу. Во взгляде Салливэна мелькнуло отчаяние: ни один человек не может устоять против его ударов, однако для этого незнакомца из пустыни они как семечки!

Болезненный хрип вырвался изо рта Салливэна, когда кулак противника, пробив неумело поставленный блок, врезался ему в живот. Спайк невольно опустил руки. И тут же — в первый раз с начала драки — молотоподобный кулак человека из пустыни ударил ему в лицо, словно гиря в спелый арбуз. Кровь полилась ручьем; Салливэн покачнулся и рухнул.

Поскуливая, пес вылез из-под скамейки и поспешил найти себе более спокойное местечко. Над станцией повисла тишина, нарушаемая лишь стрекотом телеграфного аппарата. Дежурный даже не удосужился выйти на перрон, бесстрастно обозревая поле боя через раскрытое окно.

— Т-ты... кто такой? — прохрипел Эл Лайман, торопливо расстегивая вдруг ставший ему тесным воротник рубашки.

— Кирби Карнес, — коротко ответил незнакомец, глядя на менеджера сверху вниз.

— Боец? — Похоже, Лайман забыл о Салливэне, валяющемся у его ног в луже крови. — В смысле, чем ты на жизнь зарабатываешь? На ринге выступаешь?

Карнес покачал головой.

— Я был разнорабочим на нефтяном плато Сан-Годро, пока компания не закрыла скважины. Теперь ищу работу.

— Эй! — торопливо заговорил Лайман, поглядывая в сторону приближающегося к Юкке поезда. — Ты в эти скважины талант свой зарываешь! Знаешь, что ты сейчас сделал? Думаешь, просто морду

кому-то набил? Нет, ты набил морду Спайку Салли-вэну, одному из самых твердых орешков на всем побережье! Ты мог бы стать сенсацией!

— Драться голыми руками, без перчаток — это мне знакомо. Приходилось. — Кирби задумчиво массирует глыбы бицепсов. — Но боксировать на ринге... Я как-то об этом и не думал.

— Давай так: я буду твоим менеджером, а ты будешь драться, — затараторил Лайман. — Обещаю: за месяц в Сан-Франциско ты заработаешь больше, чем за год, ковыряясь в своем мазуте. Ну, что скажешь?

Карнес оглядел кольшущийся в знойном мареве горизонт, словно прощаясь со столь милой его сердцу пустыней, а затем произнес:

— Всегда хотел побывать в Сан-Франциско. Работы здесь нет и, скорее всего, в ближайшее время не предвидится.

— Отлично! — Лайман не скрывал удовольствия. — Помоги мне перетащить эту развалину в зал ожидания.

Несколько секунд спустя все еще валяющийся без сознания Спайк был перемещен на диванчик в душном зале ожидания. Мухи роем кружились вокруг его окровавленного лица.

— Пошли. — Лайман потянул Карнеса за рукав. — Поезд уже прибыл, стоянка всего две минуты.

— А с ним что? — Карнес ткнул пальцем в лежащего Салли-вэна.

— Да плюнь ты на него, пусть лежит. — Эл настойчиво тянул свою находку к дверям. — Я вконец извелся с этим доходягой. Пусть возвращается в свой поселок и вкалывает на шахте. Там ему и место, коли ничего другого не умеет.

Стук колес уносящегося на запад поезда звучал в ушах Лаймана точно звон монет. Легкие деньги!

Отличный заработок! Эл уже продумал, как правильнее использовать этого дикаря Карнеса. Что-то, а использовать людей на полную катушку жуликоватый менеджер умел превосходно. А сам Кирби, не искушенный в спортивных делах, абсолютно не умеющий распознавать проходимцев вроде Лаймана, предугадывал, как тот собирается выжать его и что ему уготовано судьбой.

2

Элу Лайману не составило труда организовать первый поединок для Кирби Карнеса в клубе «Барбари»: ведь хозяин заведения знал, что у всех бойцов Лаймана есть некая изюминка. Элу же было известно, что именно нужно публике — он чувствовал это нутром. На всякий случай Эл позаботился о том, чтобы первый противник Карнеса оказался не слишком сильным. И выбрал одного стареющего ветерана, даже в лучшие свои годы не хватавшего звезд с неба.

Циничный интерес к предстоящему бою у зрителей возрос, когда Лайман принялся повсюду распространяться о жестокости и выносливости настоящего «льва пустыни».

— Ребята, он абсолютно не умеет боксировать, — говорил он знакомым в кафе. — Да ему это и не нужно. Он сделан из стальных пружин, обмотанных вокруг железных балок, и китовой кости, покрытой невыделанной бизоньей шкурой. Ну, Спайка Салливэна вы все знали. Тупица он был преизрядный, но что-то, а бить умел. Так вот, Спайк с минуту молотил его изо всех сил, со всем старанием, — а этому как об стенку горох. Нет, ребята,

моего парня нокаутировать невозможно. Это я вам серьезно говорю.

По крайней мере, старине Джо Харригану сделать это не удалось. По сигналу гонга Карнес смерчем вылетел из своего угла. Не умея защищаться и уворачиваться, он дрался как мог. И даже не подозревал, что поединок на ринге сильно отличается от тех бесчисленных кабацких драк и стычек на улице, в которых ему доводилось участвовать. Огни ламп и крики зрителей сначала беспокоили его, но после гонга он забыл обо всем. И пулей вылетел на середину ринга.

Харриган никогда не отличался особыми достоинствами. А сейчас и вовсе его мышцы превратились в истертые веревки, костяшки пальцев — в стертые куски мела, и любое прикосновение перчатки противника к его голове отзывалось в мозгу гулким болезненным эхом.

В течение раунда он избегал убийственных, свистящих кулаков Кирби Карнеса — уворачивался, блокировал, зажимал противника в клинч.

То же продолжалось и во втором раунде, и только под конец мощный удар Карнеса снизу со всей силой впился в солнечное сплетение Харригана. Старый боксер, позеленев лицом, рухнул на ринг, и спас его от нокаута лишь прозвеневший гонг.

Лайман шепотом вторил орущей толпе, побуждая Карнеса к активным действиям. В конце концов, публика приходила в «Барбари» именно за этим — насладиться полновесными ударами, кровью, текущей по лицам, расквашенными носами и рассеченными бровями бойцов, видом корчащегося на ринге проигравшего... Лишь один человек в первом ряду, покачивая седой головой, что-то неодобрительно бормотал себе под нос, и, судя по

выражению лица, находил в таком боксе нечто отталкивающее.

На третий раунд Харриган вышел, все еще морщась от резкой боли в животе. Карнес обрушил на него удар правой. Харриган слишком устал, чтобы увернуться, слишком плохо себя чувствовал, чтобы продумать защиту.

Перчатка противника лишь скользнула по его челюсти, но этого оказалось достаточно. Харриган рухнул на ринг (как и в трех предыдущих боях), а рефери, сосчитав до десяти, поднял руку Карнеса. Зрители свистели и восторженно вопили. Свистели — ибо знали, что старина Джо уже вышел в тираж, а кричали потому, что свалить его с ног, в конце концов, было работой Карнеса, и сделал он ее вполне достойно.

— Отлично, Кирби, отлично, — бубнил Лайман, накидывая халат на плечи своего подопечного. — Что я тебе говорил? Дерись как умеешь, не надо ничего придумывать. Принимай все удары, изматывай противника, лупи сам. Наплюй на технику. Тебя все равно никто не сможет нокаутировать.

Когда зрители стали расходиться, один из ботельщиков ткнул пальцем в сторону седого худощавого мужчины из первого ряда и сказал своему приятелю:

— Знаешь, кто это? Сам Джон Рейнольдс. Он был менеджером не менее дюжины парней, которых с самого дна вывел в первую лигу. Время от времени он появляется в клубах вроде нашего — высматривает подходящий материал.

Его собеседник, пораженный услышанным, пробрался поближе к уходящему менеджеру и, сам удивляясь своей дерзости, обратился к нему:

— Мистер Рейнольдс, как вам сегодняшние бои?

— Грязь, как всегда, — сухо ответил тот. — У Лаймана отличный парень, так ведь он, как обычно, изматает его, высосет все соки и бросит.

Справедливость этого пророчества подтвердилась не сразу. Поначалу Карнес быстро завоевывал популярность в «Барбари». Он мог бить сильно, умел держать удар. А большего на Барбари-стрит и не ждали.

Невежество Карнеса в отношении бокса было потрясающим. Он беспрекословно выполнял все требования и рекомендации Лаймана. Он даже не предполагал, насколько тот обманывает его, выдавая подсчитанную им единолично сумму гонорара. Жил Кирби в дешевых меблированных комнатах неподалеку от клуба, тренировался в убогом зале, переделанном из конюшни, а в перерывах между матчами подрабатывал помощником бармена — разливал пиво по кружкам.

Один спившийся, превратившийся в развалину ветеран обучил его азам бокса — но не более. Лайман не хотел, чтобы его подопечный чему-либо учился: он зарабатывал хорошие деньги в основном на способности Кирби выдерживать постоянные побои. Чем меньше тот будет знать, тем зрелищнее будут моменты боев, когда Карнес, не умея уходить от атаки или защищаться, принимает на себя весь шквал ударов противника.

— Напирай, бей, терпи удары и молоти сам! — К этому сводились все инструкции Лаймана.

Первые подюжины боев Карнес выиграл нокаутом. Зеленые юнцы и загнанные ломовые лошади не могли устоять против его ураганных нападений и сокрушительных свингов. Затем он встретился с более серьезным соперником: Джим Харпер не был ни салагой, ни развалиной. Он знал, что такое бокс,

знал технику и умел бить. Карнеса он победил по очкам в десяти сумасшедших раундах. Кирби вовсе не был обескуражен плачевным исходом поединка. Лайман подбодрил его: дескать, с каждым бывает. Любой боксер время от времени проигрывает встречи. Главное, говорил Эл, не позволить никому нокаутировать тебя.

В матче-реванше Карнес, противопоставив навыкам и опыту Харпера безудержную силу и железную челюсть, сумел победить нокаутом. В этом бою зрители впервые по-настоящему оценили упорство и непробиваемость человека из пустыни. Кулаки, ломающие кости другим, отскакивали от его ребер и челюсти, словно мячи от каменной стены.

С этого дня эксплуатация его мускулов, костей, силы и нервов началась всерьез. Его ставили в спарринг с самыми серьезными молотильщиками, каких только удавалось найти среди тех, кто не брезговал выступать в заведениях типа «Барбари». Бой за боем Кирби проигрывал по очкам — не в силах справиться с грамотно действующими, опытными, не желающими рисковать боксерами. Однако хозяина клуба и Эла Лаймана это ничуть не огорчало. Привлекательность Карнеса заключалась не в количестве побед, а в его непробиваемости. Зрители и не ждали от него победы — они приходили заключать пари на то, сколько раундов он продержится и достоин ли до конца боя. Кроме того, время от времени Кирби удавалось победить нокаутом — когда измотавший себя соперник забывал об осторожности и один из слепых свингов «льва пустыни» попадал-таки в цель.

Кирби Карнес получил известность как человек, которого невозможно нокаутировать. Вечер за вечером выходил он на ринг ревущего зала

«Барбари», чтобы подставить себя под град ударов очередного безжалостного мордоворота, и терпел эту пытку до последнего сигнала гонга. И вечер за вечером приходил на его выступления Джон Рейнольдс — с непроницаемым лицом следил он за поединками.

Настал день, когда Эл Лайман решил, что пришла пора большой жатвы. Кирби Карнес был записан на матч с Джеком Миллером.

Миллер выделялся среди тех, кто выступал на ринге «Барбари». Не чемпион, он тем не менее славился отменно поставленным ударом, отличной профессиональной техникой и грамотно построенной тактикой передвижения по рингу. Класс, опыт, выносливость, способность быстро адаптироваться — в общем, все это не оставляло сомнений в том, кто победит в предстоящем поединке. Неясным было лишь, одолеет Миллер Карнеса нокаутом или ограничится победой по очкам. Немалые деньги — по мерке заштатного клуба — были поставлены на кон. Учитывая бои Карнеса, в которых он ни разу не был нокаутирован, а также недостаток настоящего взрывного характера убийцы у Миллера, ставки пили три к одному на то, что Кирби выстоит до конца поединка.

Незадолго до начала матча к Элу Лайману подошел некий Джон Линч по кличке Большой Джон.

— Лайман, запомни, твой Карнес должен лечь в девятом раунде. Можно раньше, но не позже, — пробурчал он, глядя Лайману в глаза.

— Сделаем, — пообещал Лайман. — Я и сам немало поставил через своих ребят. Карнес выдохся: слишком часто его молотили. Долго не простоят. А потом пусть катится обратно к себе в пустыню. Уверен, что Миллер уложит его и без чьей-либо

помощи. Но — рисковать не будем, я все возьму под контроль и, если будет нужно, вмешаюсь.

Лайман был достаточно проницателен — он почувствовал, что Карнес от природы честен и неподкупен и не стоит соваться к нему с предложениями поиграть в поддавки. Он уверял Кирби, что его единственный шанс на победу — идти напролом, не обращая внимания на град ударов противника. Карнес знал, что на любой работе приходится вкалывать в поте лица, и не видел, почему бокс должен отличаться от другой работы. Он никогда не сомневался в словах менеджера. Зато в последнее время стал сомневаться в другом — в своих собственных способностях. Он и не подозревал о том, насколько жестоко и безжалостно его эксплуатируют.

Сидя в своем углу ринга, он рассеянно разглядывал зрителей, угадывая среди них примелькавшиеся лица. Вот худое, вытянутое лицо человека, которого, кажется, зовут Джон Рейнольдс, — известного боксерского менеджера. А вот и широкая грубая рожа Большого Джона Линча в окружении гориллоподобных физиономий его ассистентов-телохранителей — Штеймана, Макгурти и Сорелли. Линч был хозяином букмекерских контор и тотализаторов в квартале, а значит, едва ли не хозяином всей Барбари-стрит и прилегающих улочек.

В противоположном углу готовился к бою Джек Миллер — высокий, мощный, с литыми мускулами, безжалостным лицом и расплюснутым носом. Не чемпион лиги, но наиболее серьезный и знаменитый боксер из всех тех, с кем доводилось встречаться Карнесу.

Лайман, обвешанный полотенцами, время от времени бросал опасливые взгляды в сторону попыхи-

вающего сигарой Линча. Карнес чисто механически ковырял носком покрытие ринга. Его ждала привычная тяжелая работа. То, что нокаутировать Миллера ему не удастся, он уже понял; оставалось стоять насмерть самому и продержаться до конца поединка. В мозгу родилась весьма нерадостная мысль: ведь все его достояние — это железная, «непробиваемая» челюсть. У каждого человека есть свое место в жизни. Он, Кирби Карнес, занял нишу железного человека — кто дерется не столько для победы, сколько для того, чтобы продержаться до конца. Закончить бой стоя уже означало победить. Это казалось странным, но Лайман не раз убедительно доказывал, что так и должно быть, что другого ему не дано.

Жизнь, в которую он окунулся, была слишком сложной для человека пустыни, поэтому Кирби слепо подчинялся Лайману. Он даже понятия не имел о сумме его сборов и своей доле в них. Доля эта выходила весьма скромной. Но думать о сложностях городской жизни ему было втягость. Привычных мыслей не хватало, нужно было шевелить мозгами.

Порой он сравнивал себя с человеком, бредущим по незнакомой местности в густом тумане. Впрочем, туман, рождающийся от огромного количества ударов в голову, действительно начинал окутывать его мозг плотной пеленой. Изувеченные уши, брови, нос — он уже выглядел ветераном, проводившим всю жизнь на ринге. Кирби озарило: несомненно, любое дело человек должен начинать с азов, с самого дна, однако выходило так, что ему суждено остаться на дне, на захудалом ринге, до конца своих дней — видимо, весьма недалекого. Тряхнув головой, Кирби отогнал несвоевременные мысли и

вернулся к реальности, к последним торопливым указаниям Лаймана.

Гонг! Привычный ураганный рывок в сторону противника. Привычный рев толпы в изуродованных ушах: «Карнес! Карнес! Карнес!» Человек, которого невозможно нокаутировать!

Миллер холодно улыбался. Ему и раньше доводилось встречаться с железными бойцами, но он был для них опаснее любого молотобойца-убийцы. Тактика Миллера была проста — растряссти крепкого на удар парня не сокрушительными, но опасными тычками и хуками в голову. Заставить его пропотеть, устать, сбиться с ритма. Не изматывать себя, пытаясь пробить его с первой же атаки.

Миллер, огрызаясь, отступал. Карнес лез вперед. Миллер безошибочно почувствовал, что не следует пытаться резко остановить, сбить эту атаку мощными ударами. Он пятился, время от времени выстреливая короткими прямыми тычками в лицо противника, и лишь иногда прорывался вперед, буравя корпус Карнеса сериями резких апперкотов. Карнес, соображая, что его кулаки молотят воздух где-то за спиной Миллера, замирал в недоумении. Ничего не зная о правилах предельно близкого боя, он в лучшем случае обхватывал Миллера локтями и ждал, пока судья остановит бой и разведет противников. Его брюшные мышцы стальными плитами звенели под молотоподобными кулаками Миллера. Сам же Миллер недовольно кряхтел, понимая, что ему придется немало потрудиться, чтобы довести этого парня.

Раунд за раундом Карнес держался — держался непоколебимо физически и душевно. Когда он проводил удачный удар, Миллер содрогался до самых пяток. Впрочем, случалось это нечасто. Опытный

боксер, Джек быстро приноровился к весьма однообразному стилю соперника. Несмотря на лавину ударов и несколько свежих отметин на лице, Кирби чувствовал себя уверенно, дышал ровно и глубоко. К концу седьмого раунда он не давал ни малейшего повода усомниться в своей решимости закончить бой на ногах.

Вынув сигару изо рта, Большой Джон многозначительно кивнул Лайману. Эл суетливо вынул из кармана маленький пузырек. В перерыве под прикрытием правильно вставшего и расправившего полотенце секунданта он поднес пузырек к окровавленным губам Карнеса.

— Выпей! — прошипел он. — Давай живее!

Не задавая вопросов, Карнес сделал глоток. Приказ менеджера — закон. Жидкость пахла неприятно, рот обожгло горечью. Фыркнув, Кирби хотел спросить Эла, зачем это было нужно... но тут прозвенел гонг.

Карнес привычно вылетел на ринг и понял: что-то идет не так. Фонари поплыли перед глазами, и он на миг замешкался, чтобы проморгаться. В этот момент полновесный хук Миллера угодил ему в неприкрытую челюсть.

Карнеса отбросило к канатам, затем — отдачей — обратно. Ощущение было такое, словно перчатка противника все еще давит на его челюсть — с силой, почти равной силе удара. Ноги дрожали, руки повисли плетью. Однако помутившееся сознание упрямо твердило ему, что этот удар был ничуть не сильнее множества других. А значит, причина странного эффекта лежит в нем самом, в Кирби Карнесе.

Человек пустыни разозлился больше обычного. Зрители приняли это за результат умелого бокси-

рования Миллера, но Кирби понимал, что в нем самом поселилось нечто, тянущее к земле руки, наливающее свинцом взгляд. Миллер чувствовал перемену в состоянии противника, но действовал осторожно. Может быть, это ловушка. А рисковать он не имел права — слишком высока была цена каждого пропущенного удара. Энергично работая вытянутой левой рукой, правую он все время держал наготове — в «заряженном» состоянии.

Конец раунда Карнес встретил на ногах.

Эл Лайман с тревогой поглядывал на Большого Джона, который демонстративно мрачно и злобно загасил окурок сигары о подошву ботинка. Поежившись, Лайман наклонился над Карнесом:

— Ну, Кирби, как дела? Как себя чувствуешь?

— Паршиво, если не сказать хуже, — ответил тот. — Что ты в меня влил?

— Просто чуть-чуть разбавленного бренди, — соврал менеджер. — Ты побледнел, и я подумал, что это поможет тебе взбодриться.

— Я продержусь! — сказал сам себе Карнес и встал с табурета. — Меня не собьешь...

«Никто не сможет нокаутировать меня», — такая мысль билась в затуманенном мозгу Карнеса, пока он вновь и вновь подставлял свое тело и голову под безжалостные кулаки соперника. Миллер, поняв, что заторможенное состояние Карнеса — никакая не уловка, вылил на него всю скопившуюся и до сих пор придерживаемую ярость.

«Не падать! Вытерпеть до конца!» — повторял про себя Карнес. Устоять — вот единственно возможный для него вариант победы. Значит, надо крепче стоять на подгибающихся, дрожащих ногах, чаще работать отяжелевшими руками и, главное, держать, держать, держать все новые и новые удары

противника. Будь что будет, пусть обрушится крыша зала, пусть землетрясение сметет с лица земли весь город, пусть мир рухнет, но он должен выстоять до конца поединка.

В перерыве он точно сквозь туман видел неприглядно бледное лицо Эла. Откуда-то издалека доносился его взволнованный, произносящий странные слова голос:

— Хорошо, Кирби, хватит! Кончай мучить себя. Получи хороший хук в челюсть и валяйся на ринг.

Лайман знал, что выбрасывать полотенце на канаты бесполезно. Большие деньги поставлены на миллеровскую победу нокаутом, и произойти это должно до того, как начнется десятый раунд. Да и зная репутацию Карнеса, судья ни за что не остановит поединок. Лайман попал в свою же ловушку.

— Брось, старик, — не чувствуя подвоха, успокаивал Карнес менеджера. — Я еще в форме. Меня так просто не возьмешь. Я достоин до конца.

Гонг — и рев толпы. Хруст пальцев, согнутых плотной кожей перчатки, пот, что заливает горящие огнем глаза. И Кирби Карнес — все еще на ногах, несмотря ни на что.

Единственный знакомый Кирби прием защиты — в крайнем случае поплотнее обхватить голову руками — против Миллера не срабатывал. Его увесистые апперкоты, проникающие меж локтей Кирби, били по голове, словно падающие с крыши кирпичи. Раскрывшись, Карнес молотил перчатками воздух, а кулаки противника, казалось, срезали кожу с его корпуса острыми ножами.

На этот раз гонг прозвенел, когда Карнес лежал на полу.

Секунданты оттащили его в угол, усадить на табурет. Лайман был вне себя от злости и страха.

Один из ассистентов успокоил его — разглядывая Карнеса, он покачал головой:

— Все. Он и половины раунда не продержится. Такого не вынесет никто.

— Продержусь, — почти в бреду прохрипел Карнес. — Он не сможет меня нокаутировать.

Рев толпы превратился в далекий гул. Огни ринга слились в одно туманное пятно, на фоне которого вырисовывался силуэт Миллера — безжалостного кровавого божества с двумя палицами вместо рук. Гонг — едва различимый звоночек — донесся откуда-то с другого конца Вселенной.

Словно пьяный, пошатываясь, Карнес вывалился на ринг. Миллер, почуяв беспомощную добычу, налетел на него пантерой.

Карнес вяло отмахивался и сквозь застилавший разум туман вдруг понял, что удары противника почти перестали причинять боль его онемевшим нервным окончаниям. Он вошел в то критическое, очень опасное состояние, когда человека легче убить, чем остановить. Еще несколько раундов — и карьере Кирби Карнеса придет конец, как, скорее всего, и его жизни. Но бой заранее был ограничен десятью раундами. И когда последний удар гонга остановил поединок, на ринге остался стоять пошатывающийся, окровавленный, почти обезумевший, но непобежденный «лев пустыни». Карнес дошел до своего угла и рухнул под крики толпы, что приветствовала его и освистывала не оправдавшего надежд, измотанного, вконец выдохшегося Миллера.

Мир погрузился в густой туман. Карнес смутно помнил, как секунданты внесли его в раздевалку, потому что идти он не мог. Послали за врачом, которого, по обыкновению клуба «Барбари», опять не оказалось на месте в самый нужный момент.

Впрочем, невероятная жизненная сила Карнеса и здесь дала о себе знать. Чувствовал он себя все хуже и хуже — ведь только усилием воли он до сих пор умудрялся преодолевать воздействие снотворного. Однако при этом Кирби нашел в себе силы сесть и отрешенно осмысливать происходящее, удивляясь, например, странной суетливости в поведении менеджера. Эл Лайман в ужасе задрожал, когда дверь раздевалки распахнулась от удара тяжелого сапога. На пороге вырос Большой Джон — мрачнее тучи; за ним — его гориλλы-телохранители.

— Вон! — рявкнул Большой Джон; секунданты и ассистент поспешили исполнить его приказ.

Эл Лайман собрался было последовать за ними, но толстая, как стальная балка, рука Джона Линча перегородила дверной проем прямо перед его носом.

— Грязная продажная крыса! — рявкнул Линч, от слов и тона которого Лайман затрясся мелкой дрожью. — Это ты все подстроил. Ты! Видать, ты чего-то не понял. Я из-за тебя потерял три тонны баксов. Нет, ты, наверное, и вправду не понимаешь. Да я...

— Нет, Джон, нет! — взмолился Лайман. — Я сделал все, что мог. Я пытался, пытался уговорить его поддаться и лечь. Честное слово! Видит Бог, пытался! Карнес, скажи ему, скажи. Скажи, я просил тебя поддаться?

— Да, просил, — буркнул Карнес, чей затуманенный мозг не мог уследить за столь резкой сменой событий.

— Вот видишь? — Лайман подобострастно заглядывал Линчу в глаза. — Я ведь и снотворное ему дал. Ты же сам видел. Оно просто не сработало. Этот парень — не человек, он сущий дьявол...

Размашистая оплеуха открытой ладонью отшвырнула Лаймана в угол. Карнес с трудом встал на ноги. О чем весь этот базар, он понятия не имел, но так обращаться с его менеджером значило оскорбить и его самого. Никому он этого не позволит... Никому...

Снотворное, что проникло в воспаленный, измученный страшными ударами мозг, действовало все сильнее, не встречая сверхъестественного волевого барьера. Откуда-то издалека до Карнеса донеслось:

— Так это все из-за тебя! Это ты нас всех подставил. Ишь ты, он тут своевольничать будет, гонор держать, славу завоевывать, а нам что — деньги терять?!

Большой Джон ударил неожиданно. И без того неслабый, его удар был утяжелен зажатой в кулак свинчаткой. Кирби вздрогнул, развернулся, но тут ворвавшийся в комнату Сорелли огрел его тяжелой деревянной дубинкой. Карнес все еще стоял на ногах и пытался защищаться. Помутившееся сознание вновь перенесло его на ринг, где он отражал атаки напавшей со всех сторон темноты. Но возможности любого человека не беспредельны. Только что проведенный бой (десять раундов жестокого избиения) да слоновья доза снотворного делали свое дело. К тому же на этот раз противников оказалось несколько. Кулаки — вот самое безобидное, что обрушилось на него: со всех сторон его били кастетами, дубинками, стволами и рукоятками пистолетов. Слышались приказы Большого Джона. Его подручные вышибли заднюю дверь клуба и, протаскив по коридорам бесчувственное окровавленное тело, вышвырнули его в пыль и грязь темного тупика в безлюдном конце квартала.

3

Джон Рейнольдс присел на край старой кровати, стоявшей в обшарпанной комнате — жилище Кирби Карнеса. После боя с Миллером прошла неделя, и Карнеса все еще трудно было узнать в лицо. Только человек недюжинной внутренней силы и природной выносливости мог очухаться после двух безжалостных избиений.

— Лайман заходил проведать? — осторожно спросил Рейнольдс.

Ответом ему были лишь гримаса презрения и легкий смешок.

— Я так и думал, — вздохнул Рейнольдс, помолчал и резко сменил тему: — Знаешь, Кирби, я давно за тобой наблюдаю. Несколько месяцев. В общем-то это не мое дело, но я не могу видеть, как пропадает человек с отличными задатками. Лайман — жулик, дешевый мошенник и болван. Все, что он в тебе увидел, это возможность сорвать пригоршню грязных долларов.

— А ты что, видишь во мне большее? — цинично усмехнулся Карнес. — Что же именно?

— Все. Скорость, удар, напор. Ты можешь учиться. Но до сих пор ты делал все, абсолютно все неправильно. Лайман ведь тебя ничему не учил.

— Он научил меня главному, — мрачно улыбнулся Карнес. — Показал мне, что из себя представляет этот спорт.

— Нельзя судить о всех людях этой профессии по нескольким мерзавцам, вцепившимся в корку большого пирога. Ты никогда не встречался с настоящими рыцарями ринга. Давай я буду тренировать тебя и вести твои дела. У тебя большое будущее.

Смех Карнеса был не самым приятным звуком для человеческого слуха.

— То же самое не уставал повторять мне и Лайман. А потом, в один прекрасный день, он влил в меня снотворное, продав с потрохами Линчу. Судя по всему, он со страху вкатил мне почти смертельную дозу. Я с трудом пришел в себя через сутки. Что поделать, предусмотрительностью и проницательностью я никогда не отличался. Все, что у меня было, это железная челюсть. Так, кстати, и Лайман говорил. Он мне создал репутацию непробиваемого бойца, а потом решил сорвать жирный куш, подставив меня, организовав ложный нокаут.

— Очень похоже на Лаймана. Но, поверь, у тебя есть нечто более ценное, чем стальные челюсти. И вина Лаймана в том, что он не давал тебе расти, совершенствоваться, проявлять себя по-новому.

— Виноват во всем только я сам. А еще большим идиотом я буду, если останусь в этом гадюшнике, — зло процедил Карнес. — Я возвращаюсь в пустыню. Туда, где вырос, где мне и место... Вот только улажу кое-какие делишки, долги верну — и вперед.

Рейнольдс побледнел.

— Нет, даже не думай! — взмолился он. — Они не стоят того, чтобы из-за них нарываться на неприятности. Оставь этих мерзавцев. Лучше пойдем со мной. Уверен, я смогу сделать из тебя достойного боксера.

— Еще большего болвана, чем сделал из меня Лайман? Ну уж нет. И вообще, проваливай отсюда! Я не хочу видеть никого, кто хотя бы отдаленно напоминает боксерского менеджера. Что я наду-

мал, касается только меня. И не лезь не в свое дело.

Рейнольдс хотел сказать что-то еще, но удержался и вышел из комнаты. Карнес встал с кровати и оделся; двигался он осторожно, чтобы не вызывать боль. Из своих скудных пожигков извлек вороненый кольт сорок пятого калибра, сунул за брючный ремень. На его изуродованном лице застыла мрачная решимость довести задуманное до конца.

Чуть позднее, когда уже стемнело, Карнес вышел из дома, прошел несколько кварталов, свернул в темный переулок. Здесь его походка приобрела легкость и беспумность крадущейся пантеры. В конце переулочка находилась задняя дверь подпольного питейного заведения, где любили промочить горло Большой Джон и его приятели. Но не успел он сделать несколько шагов, как из глубины переулочка навстречу ему метнулся темный силуэт — это был не кто иной, как Рейнольдс.

— Я так и думал, так и думал, — сокрушенно качал менеджер седой головой. — Не зря в твоих глазах горел огонь убийства. Пожалуйста, Карнес, не надо. Одумайся. Тебя или пристрелят эти мерзавцы, или посадят на электрический стул. Пойми, не стоят они того.

— Там, откуда я пришел, — мрачно ответил Карнес, — есть только один ответ на то, как они со мной поступили. Прочь с дороги!

Карнес попытался одной рукой отодвинуть мешавшего ему Рейнольдса, но тот с неожиданной силой вцепился в нее. Карнес попробовал осторожно стряхнуть менеджера, не желая причинять пожилому человеку боль. В суете борьбы задралась пола его куртки и обнажила хорошо заметную в

темноте кожаную накладку на рукоятке револьвера. Рейнольдс схватился за оружие, вытащил его из-за ремня Карнеса и вознамерился забросить кольт за высокий забор. Карнес, проклиная все на свете, перехватил руку менеджера и принялся медленно разжимать его пальцы. В какой-то момент чей-то палец непреднамеренно коснулся курка, и спустя несколько секунд случилось то, что должно было случиться: раздался выстрел — полыхнуло огнем, пахнуло дымом, от грохота заложило уши. Вдруг Карнес осознал, что Рейнольдс больше не держится за револьвер, а лежит на земле, бледный, и вокруг его ноги расплывается кровавая лужа.

В переулочек вбежал полицейский. Рейнольдс, преодолевая боль, подтянулся и выхватил пистолет из онемевшей руки Карнеса.

— Что случилось? — сухим угрожающим тоном осведомился сержант. — Кто стрелял?

— Несчастный случай, — морщась от боли, ответил Рейнольдс. — Я показывал другу мой револьвер и случайно нажал на курок. Моя вина.

Карнес открыл было рот, но промолчал, повинуясь молчаливому приказанию Рейнольдса. Наклонившись над раненым, он умело наложил на его ногу жгут из ремня, пока полицейский вызывал «скорую помощь».

...

Несколько дней спустя Карнес сидел на краю больничной койки старого менеджера. Комкая в руках шляпу, Кирби искоса поглядывал на правую ногу Рейнольдса, оканчивавшуюся обмотанной окровавленными бинтами культей. Тяжелая пуля, войдя в ногу, пробила артерию и разворотила кость так, что восстановить ее оказалось невозможно.

Врачам пришлось ампутировать Рейнольдсу ногу выше колена.

Рейнольдс спокойно смотрел в потолок. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Не дрожали и руки, когда он опирался на простыни, чтобы сесть поудобнее.

— Что вы теперь собираетесь делать? — спросил Карнес, чувствуя, как его грубый голос буквально физически вспарывает больничную тишину.

— Ну, кое-каких денег мне скопить удалось.

— Немного, полагаю. Я тут узнал о тебе кое-что. Ты честный, не то что Лайман. Эх, знать бы раньше. Ты вывел в люди немало отличных парней, но на них состояния не сколотил. А теперь... Это все из-за меня, из-за моего упрямства. Я даже не знаю, как искупить свою вину.

— Если хочешь сделать мне доброе дело, забудь о мести Лайману и Линчу, — улыбнулся Рейнольдс. — Не стоит укусившая тебя крыса того, чтобы ты ее ненавидел.

— Договорились. Я их не трону. Но это ничего не меняет. Знаешь, если ты еще не передумал, возмись тренировать меня. Согласись, что... что нога не самое важное для тренировки боксера. Я хочу драться под твоим руководством — и для тебя. Мне не нужно ни цента, только самое необходимое, чтобы прожить. Все остальное я отдам тебе. Я, конечно, никакой не боксер, но кое-что заработать могу. В конце концов, нокаутировать меня еще никому не удавалось.

Слабая улыбка осветила измученное болью лицо Рейнольдса. Его рука, с трудом поднявшись над одеялом, крепко пожала загорелую до бронзового цвета руку «льва пустыни».

4

Семь месяцев спустя Джон Рейнольдс, прихрамывая на еще не притершемся протезе, пришел к координатору поединков «Золотой перчатки».

— Билл, сделай одолжение, — попросил он, — поставь моего парня — Кирби Карнеса — против Джека Миллера.

— Карнес? — удивился Билл Хопкинс. — Это не тот ли кретин, которого Лайман в «Барбари» чуть ли не каждую неделю швырял, как кость голодным собакам? Да ну тебя, Джон. Этот парень не годится для нашего клуба.

— Еще как годится, особенно теперь, — настаивал Рейнольдс. — Я с самого начала знал, что из него выйдет толк. Все, что ему было нужно, это хороший тренер. Из инвалидной коляски я учил его боксу, с самых азов,ставлял ему самых разных спарринг-партнеров. Он ведь ни черта не знал о технике бокса, обо всех премудростях. Да еще эта скотина Лайман вдолбил в парня, что он якобы не сможет ничему научиться. Это он-то, который все на лету схватывает! Он был почти насмерть «пробит», когда я взял его к себе, но сейчас, спустя больше полугода, он здоров как бык и стремителен как стрела. Он готов ко всему. Ну, зеленый еще — отрицать не стану. Так вот именно опыта, и только опыта, ему и не хватает. Он быстро двигается, технично боксирует, крепко, очень крепко бьет. Он именно тот боец, о котором я мечтал годами. Ни один из моих бывших воспитанников ему и в подметки не годится. Наконец-то я получил в подопечные настоящего кандидата в чемпионы. Так что я очень прошу тебя, назначь его на бой с Миллером.

— Ладно, Джон, убедил, — негромко, словно из телефонной трубки, прозвучал голос Хопкинса.

Билл деликатно не смотрел на протез Рейнольдса, но ход его мыслей предугадать было нетрудно. Тяжело отказать человеку, который всю жизнь тянулся до заветной цели, а едва предоставилась возможность претворить свою мечту в жизнь, как он оказался инвалидом, к тому же — на пороге старости. В конце концов, независимо от результата, этот матч должен стать бенефисом Джона Рейнольдса.

Миллер не пришел в восторг от решения администрации. Среди спортсменов и болельщиков до сих пор ходили разговоры о том, как он не сумел свалить Карнеса. На этот раз Джек твердо решил с первых же секунд идти в отчаянную атаку и добить-таки ненавистного Карнеса — любой ценой. Почему такой разумный и просчитывающий все наперед человек решил вдруг посоревноваться в упорстве, упрямстве и способности терпеть боль со славящимся именно этими качествами противником — рациональному объяснению не поддается. Видимо, главную роль в этом сыграла жажда мести.

«Золотая перчатка» — современный клуб с большим залом, просторными и светлыми раздевалками — показался Карнесу, привыкшему к грязному, сумрачному, обшарпанному «Барбари», волшебным сном. Все было другим. Во-первых, поразила непривычная чистота. Во-вторых, публика оказалась куда респектабельнее и достойнее, нежели сброд, посещавший клуб на Барбари-стрит. Впрочем, как ни странно, Кирби Карнес очень скоро почувствовал себя в своей тарелке — словно попал в родную стихию.

Рейнольдс, опираясь на угловой столб ринга, шнуровал его перчатку.

— Это, сынок, лишь первая ступенька твоей лестницы, — сказал он.

Карнес улыбнулся. Улыбнулся впервые с тех пор, как попал в Сан-Франциско. В противоположном углу ринга ухмылялся и скалил зубы Миллер. Наконец прозвенел гонг.

Карнес вышел на центр ринга быстро, но не открытой мишенью, как раньше, а легко скользя по мешковине, чуть опустив и выдвинув вперед плечи. Миллер, бросившийся было на него, как орел на жертву, замешкался в нерешительности. Что-то резко изменилось в Карнесе. Что именно? Скорее всего, перемена была вызвана появлением динамической уверенности, целенаправленности. Тень седоволосого пожилого менеджера, стоявшего за спиной Карнеса, не могла не привлечь внимания осторожного Миллера.

Карнес продолжал двигаться вперед, сохраняя профессиональную стойку. Миллер бросил пробный камень — провел прямой удар левой вытянутой. Корвес ответил яростно, но не беспорядочным размахиванием руками, а предельно сжатой контратакой.

Нырнув под вытянутую руку противника, он всадил ему в ребра правый кулак с таким звуком, что зрители вскочили с мест. У Миллера перехватило дыхание, горло сжалось. Левый кулак Карнеса, словно начиненный динамитом, обогнул замершие на миг руки противника и вонзился ему в челюсть. Человек пустыни более не тратил время на широкий замах с длинной траекторией. Его свинги сменились короткими, быстрыми как молнии хуками, производящими эффект попадания пушечного ядра.

Ноги Миллера подкосились, он стал заваливаться вперед, но прежде, чем Джек успел упасть, хук справа поднял его в воздух и швырнул спиной на канаты, по которым он и сполз на пол — без сознания. Восторженно аплодируя виртуозной работе Карнеса, зрители, увы, не поняли главного.

Ведь именно в этот момент на небосводе спорта зажглась звезда Кирби Карнеса — новая звезда старой закалки. Да, в мир джаза, коктейлей, сброшенных идолов ворвалось свежее дыхание прошлого — человек-боец, искренне верящий, что его главное дело в жизни — бой, борьба, поединок.

Остановись, мгновенье! Вернитесь назад, года! Вот он, Кирби Карнес. Бронзовокожий варвар из пустыни, обладающий ловкостью пантеры и всеразрушающей яростью песчаной бури.

Кирби Карнес был любимым творением Джона Рейнольдса, в которое он вложил все свое мастерство, весь свой опыт. Великие тени прошлого ступали по рингу бок о бок с Карнесом. Тени тех дней, когда бокс был искусством, а не шоу-бизнесом.

Вынырнув из ниоткуда, Карнес сверкающим метеором пронесся по спортивному небосклону. Журналисты писали, что он не просто дерется, но сражается за победу в высоком смысле этого слова. В то время как чемпионы-тяжеловесы изображали на публике этаких бродвейских попрыгунь, Карнес, не рисуясь, тяжело, потом и кровью пробивал себе дорогу по крутой, шаткой лестнице спортивных успехов.

Его больше не называли железным человеком — не потому, что он утратил свою фантастическую выносливость, нет. Просто в бою он уже не зависел только от нее — единственного козыря железного бойца. Под руководством Джона Рейнольдса он стал

настоящим боксером. Непредсказуемый, как само проведение, быстрый, как дикая кошка, с кулаками, словно начиненными взрывчаткой, Кирби Карнес был тем бойцом, о котором менеджеры мечтали, пожалуй, со времен Джема Фичча.

За год, прошедший после победы над Миллером, Карнес поднялся почти на самый верх лестницы, разрушил все устоявшиеся представления о рангах. Восемнадцать боев — восемнадцать побед — восемнадцать нокаутов, из которых ни один нокаут не был договорным или подставным! Теперь лишь один человек стоял между ним и званием чемпиона — легендарный гондурасец Лопес. Не блещущий острым умом, он был силен, как буйвол, а его правая рука напоминала булаву средневекового рыцаря — и по силе удара, и по виду. Пока Карнес переезжал из города в город Западного побережья, одерживая победу за победой, Лопес на востоке превращал в отбивные соперника за соперником.

Встреча этих двоих была неминуема. Лучше всех создавшуюся ситуацию обрисовал Лундгрэн — известный в спортивных изданиях карикатурист. Он изобразил Карнеса и Лопеса стоящими на груди тел поверженных соперников и свирепо разглядывающими друг друга с противоположных концов континента.

Их встречу, пожалуй, можно было назвать матчем на звание чемпиона. Ведь после этого боя с победителем должен встретиться официальный чемпион, но всем было ясно, что любой из двух претендентов запросто выиграет у чемпиона, который с тех пор, как завоевал титул, переместил свои тренировки в ночные клубы и дорогие рестораны.

Крупнейшие боксерские клубы Чикаго и Нью-Йорка дрались за право проведения этого матча.

Но предпочтение было отдано куда более скромной «Золотой перчатке». Так Рейнольдс расплатился с Хопкинсом за оказанную когда-то услугу.

Газеты наперебой кричали о предстоящем матче. И где-то в пыльных переулках, прилегающих к Барбари-стрит, кое-кто из посетителей боксерского клуба грустно вздыхал, вспоминая «льва пустыни», и шептался о чем-то с соседом, склонив голову над очередным номером «Спортивного обозрения».

5

Наступил вечер поединка. Боксеры прошли окончательное взвешивание, результаты которого были занесены в протокол: Карнес — 196 фунтов, Лопес — 210. Врачи пришли к единодушному выводу: оба в отличной форме.

Теперь, когда все организационные волнения остались позади, Карнес устроился в дальней, пустынной комнате отдыха, сел почитать книжку. Несмотря на то что денег у него и у Рейнольдса было достаточно, запросы их оставались весьма скромными. Кирби по-прежнему тренировался в простеньком зале в нескольких кварталах от «Золотой перчатки». И он очень любил несколько часов перед поединком побыть в одиночестве, почитать, подумать о своем. Секунданты и ассистенты охраняли дальние подступы к его крепости от настилка журналистов и вездесущих болельщиков-фанатов. Вот-вот из клуба должен был вернуться Рейнольдс и занять пост непосредственно перед комнатой Кирби.

В заднюю дверь неожиданно постучали.

— Войдите, — сказал Карнес, нахмурившись: это явно не Рейнольдс.

В комнату неуверенно вошел худенький юркий человек в дешевом, безвкусном костюме. Карнес молча уставился на него, переживая, пока схлынут воспоминания о самом тяжелом, самом омерзительном периоде его жизни.

— Ну,— сказал он наконец,— и что тебе от меня нужно?

Эл Лайман облизнул губы. Он был мертвенно-бледен.

— Меня прислал Большой Джон Линч,— пробормотал он.

— И что?

— Они захватили Рейнольдса! — выпалил Лайман. — Они схватили его на улице... примерно час назад.

— Что?!

— Подожди, Кирби! Только не бей! — взмолился Лайман, отскакивая от вскочившего Карнеса. — Это не я придумал. Я вообще был против. Линч заставил меня. Он как с цепи сорвался в последнее время. Заикнись я, и он бы прикончил меня. Линч поставил кучу денег на Лопеса. Еще больше поставили другие люди — те, на кого он работает, кто планирует миллионные ставки на бой Лопеса с нынешним чемпионом. Так вот, Линч передает тебе, что ты должен лечь в пятом раунде, или они вышибут из Рейнольдса дух. И они это сделают, Кирби, я не сомневаюсь. Если ты обратишься к легавым, они его все равно убьют. А если ты слушаешься, Рейнольдса отпустят живым и невредимым сразу после матча.

Карнес остолбенел. На него пахло аловонным дыханием прошлого. Далекое, но не забытого. Память Кирби была памятью пустыни, закон которой ничего не прощает и ни о чем не забывает.

Только ради Джона он отмел прочь мысли о мести. Ярость настолько глубоко проникла в душу Карнеса, что он едва сумел сохранить спокойствие на лице, во взгляде и голосе.

— Могу я лично побеседовать с Линчем?

— Разумеется, — кивнул Лайман. — Линч сказал, что ты можешь прийти — один. Он так и подумал, что ты захочешь поговорить. Только умоляю, Кирби, не держи на меня зла. Я даже не знаю, где они схватили Рейнольдса и где его держат. Честно, не знаю. Пойдем. Моя машина за углом.

Темными улицами и глухими переулками они добрались до того самого тупика, где в подпольной распивочной ошивался Линч, где пуля продырявила ногу Рейнольдса. Кулаки Карнеса сжались с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Молча он проследовал за Лайманом в темную прихожую, а затем в комнату.

Большой Джон сидел за столом, мрачный, как прежде толстый, с неизменной сигарой в зубах. За его спиной стоял Сорелли — рука в кармане пальто. Липкой от пота ладонью Лайман провел по лбу и срывающимся голосом произнес:

— Вот он, Джон.

— Сам вижу, кретин! — рявкнул Линч. — Запри дверь!

— Где Рейнольдс? — сухо спросил Карнес.

— А что, не видишь старика? — криво усмехнулся Линч.

Карнес отрицательно помотал головой, одновременно внимательно оглядывая помещение. Его взгляд остановился на ковре, на котором стояло кресло Большого Джона.

— Он там, где никакая полиция его искать не будет. — Большой Джон опять усмехнулся и ткнул

сигарой в сторону Карнеса.— И пожалуйста, Кирби, без глупостей. Итак, Лайман передал тебе наши условия. Ты их принимаешь?

— Похоже, что выбора у меня нет,— буркнул Карнес.

Линч довольно покачивался в кресле, две ножки которого время от времени повисали в воздухе. Карнес, будто бы случайно, уронил шляпу; та упала на край ковра. Наклонившись за ней, Карнес резко дернул ковер на себя. Линч потерял равновесие и, катапультировавшись из кресла в сторону Сорелли, повалил того на пол. Карнес мгновенно бросился вперед; глаза его сверкали яростью.

Сорелли повернулся, нащупал курок пистолета и выстрелил сквозь ткань пальто. Не попал. Отпустил застрявшее в складках оружие и вытянул перед собой правую руку, чтобы защититься от набросившегося на него Карнеса. Лево́й же рукой он привычным движением выхватил из-за пояса длинный, узкий нож-заточку.

Карнес почувствовал острую боль в паху, и в тот же миг его железный кулак настиг телохранителя, швырнул того на пол; Сорелли потерял сознание.

Лайман пулей вылетел в переулочек. Линч пошарил рукой по полу, нащупал пистолет. Давненько, уже много лет ему не доводилось драться самому, и сейчас его движения были медленными и беспорядочными. Даже схватив пистолет, он долго не мог нащупать пальцем предохранитель. Карнес же, не тратя времени, перехватил его толстое, волосатое запястье и резко крутанул в сторону, излив таким образом часть накопившейся на Большого Джона ненависти.

Что-то хрустнуло, как сухая ветка, и Линч взвыл. Пистолет со стуком упал на пол. Большой Джон

позеленел. Он стонал и бился в безжалостной, подобной тискам хватке Карнеса.

Снаружи, из-за двери, донеслись голоса:

— Что случилось, босс? Все в порядке?

— Скажи им, чтобы убирались прочь, — негромко произнес Карнес в ухо Линчу. — И поторопись, пока я не оторвал тебе руку.

— Ненавижу, — простонал Линч, а потом громко прокричал: — Пошли вон, болваны! Чтоб я вас тут не видел.

Люди, бормоча извинения, отступили от двери.

— Где Рейнольдс? — спросил Карнес.

— Его взяли Макгурти и Штейман, — прохрипел Линч, закатывая глаза от боли.

Подтащив Большого Джона к столу, Карнес ткнул его лицом в телефон.

— Звони им! — рявкнул он. — Живо!

Трясущимся пальцем Джон Линч набрал номер.

Голос ответившего был хорошо слышен Карнесу, стоявшему совсем близко к аппарату.

— Скажи им, чтоб они немедленно вернули Рейнольдса в наш зал, — приказал Карнес, чуть крепче сжимая запястье Линча. — Живого и невредимого!

Линч поспешил исполнить приказ — не дай Бог, Карнес сожмет сильнее свои стальные клещи.

— Эй, Макгурти, слышишь меня? Значит, так: дело отменяется, понял, да? Ну вот, берешь сейчас этого одноногого и целехоньким доставляешь обратно. Что? Я тебе покажу, кто из нас сдурел! Нет, ты что, не врубился? Живо!

— Ладно, — донесся из трубки голос разочарованного, но готового подчиниться боссу Макгурти. — Все сделаю. Прямо сейчас.

Карнес набрал номер зала и сообщил удивленно-му спарринг-партнеру, который поднял трубку:

— Слушай меня внимательно. Как только приедет Рейнольдс, двигайте все в «Золотую перчатку». Я скоро там появлюсь. Да, Рейнольдс уже выехал, вот-вот будет у вас.

Посмотрев на скорчившегося от боли толстяка, Карнес развернулся и без единого слова вышел на улицу.

По ноге текла кровь. Остановившись под фонарем у темного подъезда, он осмотрел себя. Стреляя, Сорелли промахнулся, зато нож оказался более метким.

Брюки и белье Карнеса были залиты кровью, сочащейся из раны в том месте, где живот переходит в пах. Судя по боли, не царапина — глубокая рана. С каждым шагом ее края расходились все шире, и кровь лилась все сильнее.

Повернувшись, он как можно быстрее заковылял к знакомому дому. Постучал в дверь давнего приятеля, надежного, проверенного человека.

— Доктор Аллистер! — позвал он. — Впустите меня. Пожалуйста, быстрее!

Открывшего дверь врача поразила не рана Карнеса, а сам факт его появления. Что касается травмы, то на Барбери-стрит даже куда более серьезные увечья были не в диковинку.

— Не станем терять время, — деловито поторопил врача Карнес, снимая перепачканную кровью одежду. — Я очень занят. Через час мне выходить на ринг.

— Да ты что, приятель? — изумился врач. — С такой раной нельзя драться! Это исключено!

— Кстати, я возьму у тебя займы кое-какую одежду, — перебил его Карнес. — Все журналисты в городе на уши встанут, если я появлюсь на людях в залитых кровью штанах.

6

Рейнольдс нервно ходил из угла в угол раздевалки «Золотой перчатки», когда в дверях неожиданно появился Карнес.

— Ты в порядке, Джон? Они ничего с тобой не сделали?

— Нет-нет, — отмахнулся Рейнольдс, для которого все его приключение по-прежнему оставалось сплошной загадкой. — А ты-то как? Где ты был? Что случилось, объясни наконец! Ты очень бледен.

— Я так волновался, так беспокоился о тебе, — пробормотал Карнес, рассматривая собственные ботинки. — Потом все объясню. А сейчас выстави всех отсюда, пока я переодеваюсь. И сам иди, пообщайся с репортерами. Не доводи дело до скандала, они и так наверняка что-то почуяли.

Оставшись один, Карнес переоделся и с облегчением увидел, что форма полностью прикрывает аккуратную повязку, наложенную на рану доктором Аллистером. Накинув халат, он открыл дверь. В раздевалку ввалились секунданты, ассистенты и журналисты. Карнес почти не слышал их суетливых голосов и ждал, пока, нафотографировавшись всласть, репортеры удалятся. Он поймал на себе взгляд Рейнольдса — счастливый взгляд человека, как никогда близкого к своей заветной цели и не знающего о том, что поражение было так близко... да и сейчас оно неподалеку.

Один из журналистов затараторил:

— Ставки делаются в соотношении четыре к трем в пользу Карнеса. Утверждают, что за счет более грамотной и точной работы ногами он сможет еще больше склонить чашу весов в свою пользу.

Рейнольдс улыбнулся и кивнул:

— Согласен, хорошо подмечено. Во многом благодаря грамотной работе ногами Кирби и завоевует для нас обоих чемпионский титул.

Карнес слегка наклонил голову. Никто и не подозревал, как болит свежая рана на животе. Какая уж тут виртуозная работа ногами, какие полеты над рингом...

Дверь широко распахнулась, и представитель администрации клуба распорядился:

— Все, интервью окончены. Карнес, пора на выход!

Медленно, точно неживой, Карнес вышел в зал. На ринг он не взлетел, как Лопес, а аккуратно пробрался между канатами.

Лопес пришел первым — гора костей и мускулов. Широченная лохматая грудь, густые черные брови над глубоко посаженными глазами, узел черных как смоль волос на затылке. Вылитый пещерный человек, неандерталец. Выслушивая ритуальные указания судьи, он с людоедским интересом рассматривал противника. Затем боксеры вновь разошлись по своим углам. Зрители замерли в ожидании.

— Боксируй, сынок, боксируй, — в последний раз повторял распоряжения Рейнольдс. — Переиграй его техникой, летай по рингу. Загоняй его! В общем, делай все так, как мы с тобой задумывали.

Карнес молчал, вспоминая долгие часы тренировок и теоретических занятий, на которых они составляли план поединка с помощью специально подобранных спарринг-партнеров и фрагментов спортивной кинохроники с участием Лопеса.

Прозвенел гонг. Лопес понесся по рингу как ураган, намереваясь нанести удар правой рукой.

Зрители взревели от восторга. Бой начинался отлично. Карнес не принял своей знаменитой стой-

ки; он сделал несколько осторожных шагов вперед, плотно закрылся и встретил атаку стоя на месте, перейдя в глухую оборону.

Этот маневр озадачил знающих толк в боксе зрителей, не говоря уж о профессионалах. А в следующую секунду Карнес еще больше удивил всех. Вместо того чтобы уйти с линии атаки и ответить Лопесу хорошим, трудно блокируемым хуком справа или слева, он нырнул под его руку и, перейдя в ближний бой, два раза коротко ударил гондурасца в грудь. Лопесу это пришлось по душе. Оказывается, столь опасный в движении противник решил не использовать своего главного преимущества и решиться на прямой, жесткий обмен атаками и контратаками. Рука-палица занялась своим привычным делом — стала наносить страшные, крушащие удары.

Рейнольдс не верил своим глазам. То, что приятно удивило Лопеса, не могло не напугать старого тренера. Как же так? Столько работать над техникой движения ради того, чтобы в решающий момент затеять обмен жесткими ударами с самым, пожалуй, мощным «молотильщиком» последних лет!

Нет, Карнес не дрался абсолютно открытым, как раньше. Он с поразительным мастерством уворачивался, уходил от ударов, блокировал их. Но удары сыпались на него с такой частотой, что, даже контратакуя, он неизбежно пропускал часть из них. Кровь капала из носа Кирби, выступила на старых шрамах на голове.

По сигналу гонга обалдевший радиокомментатор проорал на весь континент, что первый раунд с большим перевесом выиграл Лопес, а Карнес, по всей видимости, слегка повредился умом, если не сказать резко.

Прямо на глазах постаревший Рейнольдс отчаянно шептал на ухо своему ученику, своей последней надежде:

— Кирби, прошу тебя, блокируй! Двигайся, сынок, действуй свободнее, техничнее! Дерись так, как мы планировали, ради всего святого!

Карнес молча смотрел на перчатки, чтобы не встречаться взглядом с полными боли глазами тренера.

Второй раунд Карнес начал с того, что, нырнув под руку противника, сделал выпад и резко, изо всех сил полоснул боковым ударом по волосатому корпусу гондурасца. Несмотря на броню мышц, Лопес сполна ощутил, что такое удачно проведенный удар «льва пустыни». Содрогнувшись всем телом, он был вынужден свернуть начатую атаку и отступить на шаг, чтобы позволить себе мгновение передышки.

Однако в любом случае Диего Лопес был не тем парнем, которого можно свалить одним — даже самым мощным — ударом. Зарывав, словно приближающийся тайфун, он снова пошел вперед. Его правая рука все время висела дамокловым мечом над противником, угрожая, как минимум, нокдауном в случае полновесного, не ослабленного защитой удара. Порой Лопес действовал ею не как частью тела, а, скорее, как ударно-дробильным инструментом. Каждый ее удар сотрясал все тело Карнеса, отдавался не меньшей болью в душе Рейнольдса. Во втором перерыве секундантам пришлось поработать уже по полной программе, приводя в форму беззвучно шевелящего губами Карнеса. Тренер не мог уразуметь, почему такой техничный боксер заставляет свое тело «держаться» столь сильные удары, которых не так уж трудно избежать?

Карнес знал, что изменить тактику сейчас он не в состоянии. Он поднялся очень высоко, следуя советам и указаниям Рейнольдса, но последнюю ступеньку на пути к успеху предстоит одолеть одному, без помощи тренера.

Кровь заливала ему глаза, знакомый соленый вкус ощущался на языке. С мучением принимая каждый удар убийственной правой руки-булавы, он, тем не менее, раз за разом наносил ответный удар и с удовлетворением видел, как все яснее отражается в глазах великана Лопеса резкая боль. Дикая, первобытная радость охватила Кирби. Он снова стал железным человеком, дерущимся по-осбенному — противопоставляя стальную броню мышц и черепа динамиту в перчатках противника. Кровь сочилась из его трусов, но оба боксера были уже настолько окровавлены, что ни судья, ни зрители, ни секунданты ничего не заметили. Перед тем как начался пятый раунд, Рейнольдс взмолился в последний раз:

— Кирби, сынок, перестань, ради Бога! Неужели ты хочешь погубить меня?

Карнес молчал, опустив голову. Толпа ревела, требуя, чтобы ее любимец вышел из ступора и продемонстрировал подвижный бокс — свой конек. Начался еще один сеанс пытки.

Рука-булава превратила левую половину лица Карнеса в кровавое месиво. В отбивную превратилась и левая сторона грудной клетки. По меньшей мере одно ребро было сломано. Но на этот раз, в отличие от всех железных людей, он не только принимал и терпел удары. Нет, на каждый из них он отвечал отчаянным, разящим хуком в голову или корпус противника.

Удар, еще удар! Четыре перчатки, со свистом рассекая воздух, поочередно вонзаются в челове-

ческую плоть. Знатоки утверждали, что выстоять против ударов Диего Лопеса и одновременно контратаковать невозможно. Но что эти знатоки слышали о «Барбари», как они могут судить о человеке, почти год проработавшем там мешком для отработки удара? Перед внутренним взором Карнеса возник обшарпанный ринг, прокуренный зал, оскаленные лица зрителей. А он — он вновь был железным человеком, подставлявшим под удар железную челюсть и стальные балки ребер. «Меня нельзя нокаутировать! Никто не может меня нокаутировать!» — на разные лады эта фраза повторялась в его мозгу, перекрывая крики и шум зала.

Наконец Карнес увидел сквозь кровь и багровую пелену столь знакомое по взглядам других бойцов отчаяние в глазах Лопеса. «Меня невозможно нокаутировать», — повторял про себя Кирби, удваивая усилие, с которым вгонял кулаки в тело гондурасца. Лопес покачнулся, попытался уйти от очередного хука «льва пустыни» и начал отступать. Увлеченный Карнес шагнул вперед и раскрылся, догоняя отступающего противника. Расплата последовала незамедлительно. Промажнувшись, Карнес получил полновесный удар булавой в солнечное сплетение. Ощущение было такое, словно с него живьем срезают мясо тупым раскаленным ножом. А главное, из раскрывшейся раны на животе хлынула кровь, вызвав на трибунах возгласы ужаса и изумления. Оторпевший судья замешкался, не зная, что предпринять, но прежде, чем он решился остановить бой, Карнес последним усилием воли швырнул в тигрином прыжке свое тело вперед. Теперь все было поставлено на одну карту — эту последнюю атаку.

Он не чувствовал адской боли в животе и в груди. Не чувствовал ударов булавы, становивших-

ся с каждым разом слабее и слабее. Он дрался так, как дрался в старые времена, в прошлой своей жизни. В каждый удар он вкладывал всю накопившуюся в нем первобытную, животную злость и ярость. Ошеломленный этим натиском Лопес, с кружащейся от пропущенных ударов головой, с затуманенным взглядом, пятился на подгибающихся, дрожащих ногах, отчаянно и безуспешно пытаясь нанести ответный удар, перейти в контратаку.

Левой в голову, правой в корпус, левой, правой — с постоянством метронома и энергией парового котла, двигающего многотонные колеса. Последний хук — от бедра, всем корпусом, плечом, рукой — в голову... И вот великан Диего Лопес лежит на ринге без движения, его голова — в луже крови.

Время снова отступило на год назад, снова замаячили тусклые фонари над рингом «Барбари», снова на холсте корчилося, пытаясь встать, человекообразное существо. «Десять!» — выкрикнул рефери, и Карнес, не дождавшись, когда поднимут в знак победы его руку, рухнул на ринг, на того самого человека, у которого он только что вырвал, выбил свой триумф.

...

Первое, что Карнес услышал, придя в себя, был полный тревоги и ужаса голос Джона Рейнольдса:

— Господи, ну и рана! Она была наскоро зашита, а тот страшный удар Лопеса сорвал все швы! Кирби! Кирби, сынок! Ну почему ты мне ничего не сказал?!

На избитых, окровавленных губах появилось подобие улыбки.

— Ты бы ни за что не разрешил мне драться в таком состоянии, отменил бы матч. Вот почему я

был вынужден неподвижно стоять и молотить Лопеса в ответ на его удары. Я закрылся, как мог, дабы обезопасить корпус, поскольку боялся, что из-за слишком резкого движения в сторону рана может раскрыться. Но сейчас все кончено, Джон, я в полном порядке. Да не убивайся ты так! Не забывай, тебе еще нужно дотренировать будущего чемпиона. И помни: меня никто не сможет отправить в нокаут! Никто! Никогда!

БОЙЦЫ ПОБЕРЕЖЬЯ

ЧЕМПИОН ПОЛУБАКА

П

о выпяченной челюсти и хищному блеску глаз я сразу же могу определить человека, желающего подраться.

Поэтому, когда Свен Ларсен рывком сбросил свое огромное тело с койки и обвинил меня в краже его кисета, мне сразу стало ясно, что у него на уме. Но мне не хотелось драться со Свенем. Я уже раза три или четыре колотил этого болвана, и у меня не было

желания снова лупить его. К немалому удивлению команды, я сказал:

— Свен, это уж слишком! Незачем врать, чтобы затеять со мной драку. Я понимаю, ты очень хочешь быть чемпионом «Морячки», но у остальных ребят нет шансов победить тебя, а я не намерен тебя калечить!

Тут я замолчал, потому что он заревел, как бешеный бык, и бросился на меня. Ну до чего же, черт побери, знакомая картина — напряженные, безжалостные лица вокруг, жесткие койки вдоль стен, тусклый свет фонаря, качающегося над нашими головами, и в центре я, босой, голый до пояса, не имеющий ничего, кроме своего громкого титула!

Нет ни одного дюйма палубы этого полубака, не обогрЕННОГО моей кровью. Нет ни одного края койки, о который я не ударился бы головой. А с тех пор, как я повзрослел, не найдется ни одного моряка на всех Семи Морях, который мог бы похвастаться победой надо мной в поединках на этом полубаке.

Ни крен судна, ни качающаяся палуба, ни теснота и грязный, прокуренный воздух не мешают мне. Это моя стихия, и, если бы я мог драться на ринге, как на этом полубаке, где нет никаких канатов, я был бы чемпионом чего-нибудь посolidнее, чем наше грузовое парусное судно.

Ну так вот, Свен шел на меня по старинке, прямой, открытый для ударов, беспорядочно размахивая правой рукой. Я нырнул под эту руку и левой нанес удар прямо ему по ребрам. Не дав парню осесть, сразу же ударил правым хуком в челюсть. Свен стал падать. В этот момент судно накренилось, и его отбросило почти на противоположную койку. Когда на полубаке идет бой, пощады не жди!

Здесь всегда бьются до конца! Я подскочил к нему. И не успел швед поднять руки я подскочил к нему и снова заехал в квадратную челюсть.

— На сегодня хватит, Свен!— прорычал я.— Мне неохота снова тузить тебя!

Но он опять пошел на меня, качаясь, сплевывая кровь и что-то неразборчиво рыча. Он попытался взять меня в клинч, но правый хук в челюсть снова сбил его с ног.

Страхивая с глаз пот, я не без раздражения взглянул на него, удовлетворенно сознавая, что опять доказал свое право на титул чемпиона самого прочного судна, плавающего по морям. Вы, может быть, подумаете, что это не так уж и много, но это мой единственный титул, и я горжусь им!

Мне не хотелось добивать Свена. Вообще-то, мы с ним хорошие друзья, но он никак не мог примириться с мыслью, что не может одолеть меня в бою.

На следующий день, встретившись с ним между вахтами, я увидел, что он сердит и мрачен. Окинув взглядом его огромную фигуру, я удовлетворенно покачал головой, подумав, что если мне так легко удастся сбить с ног такого гиганта, как Свен, то о каких победах можно было бы мечтать, выпусти меня на настоящий ринг!

Свен был ростом шесть футов и четыре дюйма и весь состоял из двухсот сорока пяти фунтов сплошных мускулов. Я могу пальцами согнуть монету, разорвать колоду карт и смять пополам подкову. Но Свен, вне всякого сомнения, еще сильнее меня. Однако размеры и сила — это еще не все!

— Свен,— спросил я,— почему ты так стремишься победить меня?

Он помолчал, но потом разговорился.

— В Стокгольме у меня есть девушка,— начал Свен.— Ничего себе девушка, но у нее есть еще один ухажер. Его зовут Олаф Эрикссон, он владелец «Таверны Рыбака». Каждый раз, когда я выхожу с моей девушкой прогуляться, он налетает на меня и сбивает с ног. Если бы я сумел победить тебя, я сумел бы справиться и с Олафом!

— Так ты что, хочешь потренироваться на мне? Так вот, Свен, тебе никогда не побить ни меня, ни Олафа, ни любого другого, кто умеет владеть руками, если ты не научишься боксировать по-настоящему! Конечно, ты настоящий тигр, когда дерешься с неопытными докерами или матросами, которые и перчатки-то никогда не видели и умеют только кусаться да увертываться. Но что будет, когда ты встретишься с настоящим боксером? Свен,— продолжил я, поддавшись внезапному порыву,— сдается мне, что негоже моряку дальнего плавания быть побитым балтийским рыбаком! Это бросает тень и на профессию, и на судно! Свен! Я потренирую тебя, чтобы ты показал этому болвану, где раки зимуют!

Вообще-то, Свен никогда не занимал много места в моих мыслях.

Нельзя же интересоваться каждым шведом, болтающимся в море на торговом судне, но в последующие недели я как мог старался сделать из него настоящего боксера.

Я наспех соорудил грушу и между вахтами боксировал с ним. Когда мы не стояли за штурвалом, не драили палубу, не скребли якорь, не тянули канат, ставя паруса, и не перебранивались с товарищами, я пытался обучить его всему, что знал сам.

Понятно, я не сделал из него настоящего боксера. Этот слюнтяй немногому мог у меня научиться: ведь я и сам не очень большой мастер. На ринге я

груб и напорист, но в сравнении с хулиганом, вроде Свена, я просто чудо!

Ему доступны простые увертки, обманные движения, блокировки, которые на ринге выполняет даже неумеха-боксер, а вот о том, как правильно наносить удары, швед, конечно, и слыхом не слышал. Он просто отводил назад правую руку и выбрасывал ее вперед без всякого прицела, словно отбивая такт.

Я обучил Свена лишь азам: правильной стойке с выдвинутой вперед левой ногой и прицельному удару левой. Я отучил его от лишней суеты и бесцельного размахивания правой рукой, а также намуштровал правильно наносить боковые и прямые удары. Немало времени ушло на укрепление его мускулатуры — это было, пожалуй, самое слабое его место.

Огромный швед быстро привык к тренировкам, почти так же, как утка привыкает к воде. Каждое простое движение я объяснял не менее тысячи раз, но уж если он понял и освоил его, то никогда не забудет. Как многие скандинавы, Свен обучался медленно, но запоминал заученное навсегда. А огромный рост и сила говорили сами за себя.

Билл О'Брайен как-то сказал:

— Стив, ты натренируешь этого огромного дурня так, что он отнимет у тебя титул!

Эта мысль только рассмешила меня.

Удар каждой руки Свена был похож на удар мула, и, научившись пользоваться ими, он стал опасен для любого человека. А еще он стал очень выносливым, а может быть, был таким и прежде. Быстротой реакции он не отличался, но я научил его глубоко сгибаться в обороне, как это делал Джеффриз. Теперь он схватывал все на лету и неожиданно развил сильный удар левой.

Хорошенько поработав с ним месяцев шесть, я почувствовал уверенность, что Свен в состоянии одолеть среднего боксера. А пока мы бороздили воды Балтики и направлялись в Стокгольм. По мере приближения к родине Свен становился все беспокойнее и нетерпеливее. Теперь, ощутив уверенность в себе, он с нетерпением ждал встречи со своим соперником, Олафом. Свен уже перестал быть просто огромным увальнем. В результате постоянных тренировок со мной и Биллом О'Брайеном он научился владеть собой и пользоваться своими весом и силой. За несколько дней до прихода в Стокгольм он сразился с Муши Хансеном, двухсотфунтовым гигантом, и так нокаутировал его, что лишь через полтора часа мы смогли привести датчанина в чувство!

Эта победа вдохновила Свена, и, когда мы вошли в порт, он сказал:

— Пойду повидаюсь с Сигридой, моей девушкой, и выясню, здесь ли Олаф. Он живет в «Таверне Рыбака». Я с Сигридой пройду мимо, а он, как обычно, выскочит и набросится на меня. Только на этот раз ему не поздоровится!

В назначенный час мы с Биллом и Муши слонялись около «Таверны Рыбака», бара, где ошиваются шведские рыбаки, ужасные головорезы.

Вскоре мы увидели Свена. С ним была его девушка, симпатичная высокая блондинка, из тех высоких, сухоощавых и в то же время крепких девушек, что пышут здоровьем и жизнелюбием. Она была настолько хорошенькой, что я просто диву дался, что она нашла в таком неотесанном парне, как Свен. Но кто их разберет, этих женщин!

Иногда они влюбляются в увальней и не замечают действительно достойных кавалеров, таких, на-

пример, как я! Сигрида выглядела немного взволнованной и, когда они подошли к Таверне Рыбака, с опаской взглянула в ее сторону.

Дверь таверны распахнулась, послышался раздраженный рев, и перед нашими глазами предстал Олаф.

Вот это был парень! Такой же большой, как Свен, но не такой тяжеловесный, высокий, гибкий, сильный, он был красив, как снежный барс. Я сразу же понял, почему Сигрида колебалась, выбирая между ним и Свеном,— нет, скорее, я не мог понять, почему она вообще колебалась! Олаф напоминал одного из тех викингов, о которых мы читали в детстве, буйных и выходивших победителями из любой схватки. Суровый, жесткий взгляд прекрасно дополнял его облик.

Позади него, в дверях таверны, показалось несколько парней, но они не вышли, а только наблюдали, как Олаф вразвалку подошел к парочке и остановился прямо перед Свеном. Презрительно ухмыляясь, он что-то сказал Свену, но я не разобрал, что именно. Муши перевел нам, и я передаю их разговор со слов Муши.

— Ну что, не терпится сцепиться, да? — спросил Олаф. — Твой дружок-морячок снова в порту и ищет повод кого-нибудь отвалтузить, да, Сигрида?

— Олаф, прошу тебя, — испугалась Сигрида, — пожалуйста, не затевай драки!

— Я предупреждал тебя, что будет, если ты опять появишься с ним!

В этот момент Свен, до сих пор молчавший, прорычал наглому сопернику:

— Хватит болтать, а ну принимай стойку!

Немало удивленный, Олаф тем не менее, поднял руку и мгновенным ударом левой разбил Свену губу,

прежде чем тот успел встать в позицию. Сигрида закричала, но полицейских поблизости не оказалось, и поединок продолжился.

Явно, что Олаф где-то учился боксу и в своем весе был одним из самых проворных бойцов, каких мне удалось повидать. В течение первых нескольких секунд он прилично отвалтузил Свена, но, увидев, как наш великан выгнул плечи и подался к Олафу, я уже не сомневался в исходе поединка.

Свен принял оборонительную стойку глубокой защиты, которой я его обучил, и я заметил, как удивился Олаф. Сам он бился в прямой, английской манере и, по-видимому, впервые встретился с противником, боксирующим в американском стиле.

Нагибаясь, Свен защищал свое тело. Его огромная правая рука прикрывала челюсть, и Олафу было некуда бить, разве что в глаза, гневно сверкавшие над согнутой рукой.

Олаф нанес поверхностный удар в крепкую руку Свена, не причинив тому никакого вреда, а Свен сделал бросок вперед, направив свою увесистую лапу в диафрагму Олафа.

Из груди Олафа вырвался тяжелый вздох, он побелел, пошатнулся и задрожал, как лист на ветру. Второго такого удара он бы не выдержал, и я заорал Свену, чтобы тот бил снова в то же место, но огромный болван решил продемонстрировать свинг и, распрямившись, нацелил удар в челюсть Олафу. Тот ловко увернулся и правой двинул Свену в ухо. Свен тотчас вернулся в прежнее положение и наконец врезал левой Олафу под ребра. Колени Олафа подогнулись, он судорожно ловил воздух, а Свен навис над ним всей своей массой. Каким-то чудом, почти инстинктивно, Олаф ухитрился нанести свинг

в челюсть Свену, но месяцы тренировок не прошли даром, и швед только тряхнул головой, саданув соперника правой по ребрам.

Это доконало Олафа, его колени подогнулись, и он стал медленно оседать, цепляясь за Свена.

Я никогда не слышал, чтобы Свен так злобно смеялся. Со смехом он оттолкнул Олафа и правой рукой нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Олаф вытянулся на дощатой панели и замер.

Низкий, гневный рокот предупредил нас, и обернувшись, мы увидели, как разъяренные дружки Олафа бросились к победителю. Мы с Биллом, Мупси и Майком кинулись наперерез, и они при виде трех крепких американских матросов, да еще со злощим ирландским бульдогом, резко остановились, сделав вид, что просто хотят унести Олафа.

Свен одарил всех безмятежной широкой улыбкой и повернулся к Сигриде, готовый принять ее в свои объятия, но тут-то судьба и преподнесла ему самый жестокий удар. Вместо того чтобы упасть на мужественную грудь Свена, Сигрида, стоявшая до тех пор словно замороженная, пробудилась от оцепенения и разразилась великолепным словесным потоком. Много бы я дал, чтобы разобрать ее речь! Свен стоял с широко открытым ртом и только тяжело вздыхал, а дружки, подобравшие Олафа, слушали ее с замороженными лицами.

Выпалив очередную гневную тираду, она с размаха, словно кнутом, ударила Свена по щеке и убежала к Олафу. Вся группа исчезла в таверне.

— Что она сказала? Ну хоть в общих чертах! — спросил я, сгорая от любопытства.

— Говорит, что видит меня насквозь, — изумленно ответил Свен, — говорит, что я скотина и она больше не хочет встречаться со мной!

— Ну, это ты загнул! — легкомысленно сказал я. — Неужели так и сказала? Раньше она предпочитала Свена, потому что Олаф всегда бил его, а теперь не простит моряку, что он побил Олафа! Да уж, правду говорят, что все женщины — сумасшедшие!

— Не переживай, старик, — похлопал Свена по спине Билл. — Во всяком случае, ты разгромил Олафа в пух и прах! Пойдем лучше выпьем чего-нибудь!

Но Свен только мрачно покачал головой и в гордом одиночестве медленно удалился, а мы с Биллом и Муши отправились в одно местечко, где можно было получить хорошее виски, а не ту гадость, что подают в скандинавских странах.

Сначала бармен завыступал, видя, что я поставил на пол кружку пива моему белому бульдогу Майку, но мы оставили без внимания его протесты и завели разговор о Свене.

— Не понимаю я этих дамочек, — сказал я. — Если она налетела на Свена за то, что он поколотил Олафа, то почему она раньше не набрасывалась на Олафа, когда он колотил Свена?

— Потому что на самом деле ей больше по душе Олаф! — объяснил Муши.

— Может быть, — предположил Билл, — а может быть, просто Олаф более настойчив. Но все женщины добросердечны. Они жалеют бедных дурачков, которым лишь хорошенько съездили по носу, и, пока Свен был жертвой, она всегда жалела его. А теперь, естественно, вся ее жалость и любовь обращены на Олафа.

Свена мы увидели только поздно вечером, когда в бар, где мы сидели с Биллом и Муши, вошел Фриц, скандинав из нашей команды, и сказал:

— Стив, Свен спрашивает, не приедешь ли ты на Хольмер-стрит, он кое-что тебе покажет?

— Что еще потребовалось этому дурню? — раздраженно проворчал Билл, но я ответил:

— А что еще нам остается делать?

И мы пошли на Хольмер-стрит, узенькую улочку в портовом районе. Место было не из приятных: грязная, темная, пустынная в этот поздний час улочка с рядами дешевых магазинчиков.

Фриц привел нас к дому с закрытыми ставнями, сквозь которые пробивался свет. Он постучал в дверь. Нам открыл толстый коротышка-швед. Впустив нас, он тотчас же захлопнул дверь. К моему удивлению, мы оказались в плохоньком спортивном зале.

Там висела замызганная груша, стоял турник, а в углу валялось множество штанг, гантелей, кожаных мячей. Пол был покрыт джутовым матом, а в центре лежал кусок брезента величиной с небольшой ринг. И там стоял Свен в боксерской форме с перебинтованными руками.

— С кем ты собрался бороться, Свен? — полюбопытствовал я.

Он слегка нахмурился, смущенно потер огромные руки, выдохнул из могучей груди воздух и кротко ответил:

— С тобой!

С тем же успехом меня можно было сбить утлегарем.

— Со мной? — удивился я. — Ты шутишь?

— Ничего я не шучу, — спокойно ответил он. — Мой приятель Кнут заправляет этим залом и обучает борцов и штангистов. Он позволит нам потузить друг друга.

Кнут, тот самый коротышка-швед, с массивными руками и большим животом бывшего штангиста, виновато взглянул на меня.

— Ну и за что же ты хочешь тузить меня? — огрызнулся я, ничего не понимая. — Разве не я научил тебя всему, что ты знаешь о боксе? Разве не я помог тебе побороть Олафа? Неблагодарный...

— Да я не держу на тебя зла, Стив, — мирно ответил огромный дурень. — Но я буду благодарен судьбе, если сумею стать чемпионом «Морячки»! А для этого я должен одолеть тебя, правда?

Били с Муши выжидательно глядели на меня, но я пребывал в полной растерянности. Когда полгода потратишь, чтобы научить человека своему ремеслу, накачаешь ему мускулы и сделаешь из него что-то приличное, не очень-то хочется все разрушать!

— Зачем тебе надо быть чемпионом «Морячки»? — раздраженно спросил я.

— Ну, — ответил этот дикарь, — для начала, я спал и видел, как одолею тебя, а потом побью Олафа. Сигрида ведь любила меня! Но я побил Олафа, и она дала мне отставку! Это ты виноват, что научил меня, как победить Олафа! Но я тебя не упрекаю. Я тебя очень люблю, Стив, но теперь мне хочется стать чемпионом нашей «Морячки»! У меня больше нет девушки, так что я должен стать кем-то. Я побил Олафа, так что и с тобой теперь справлюсь. Я побью тебя, стану чемпионом, и мы останемся хорошими друзьями, да?

— Но я не хочу драться с тобой, осел ты эдакий! — зарычал я, обозлившись.

— Тогда я побью тебя на полубаке, или еще где-нибудь! — весело произнес Свен.

Тут моему далеко не ангельскому терпению пришел конец. С кроважидным ревом я сорвал с себя рубаху.

— Неси перчатки, скандинавская обезьяна! — ревел я. — Если уж мне предстоит вбить немного ума в эту дубовую башку, так нечего откладывать!

Спустя несколько минут я был облачен в потрепанные трусы, которые откуда-то вытащил Кнут, и боксерские перчатки, немного легче стандартного веса, полученные, вероятно, Кнутом в подарок от Джона Л. Салливана или кого-то другого. Мы договорились, что Билл будет рефери, но Свен, боясь Майка, заставил меня согласиться, чтобы Муши держал его, хотя я уверял, что Майк никогда не набросится на боксеров. Вокруг брезента не было канатов, в углах не стояли стулья для отдыха, не было и гонга. Да они нам особенно и не требовались.

По мере того как мы приближались друг к другу, я лучше, чем когда-либо, понял, что за человек Свен. Шесть футов четыре дюйма роста и 245 фунтов костей и мышц! Он возвышался надо мной, как сказочный великан; и я чувствовал себя совсем малышом со своими шестью футами роста и 190 фунтами веса. Под его белой кожей, как железные мячики, перекачивались огромные мускулы, а грудь напоминала скорее грудь гориллы, чем человека.

Но габариты — это еще не все! Старый Фитц отделявал противников тяжелее его на сто фунтов, а уж что творили с такими великанами Демпси и Шарки! А я крепок так же, как и Шарки, и могу одолеть любого неумеху, хотя и не силен в теории бокса.

Нет, насчет Свена я не тревожился и даже перестал сердиться на тупого шведа. В чем-то я понимал его. Свен вовсе не злился на меня. Просто он хотел стать чемпионом нашего судна, и это желание вполне естественно. Его девушка дала отставку, и парню

необходимо удовлетворить свое уязвленное самолюбие.

Нет, я остыл и в некотором роде даже сочувствовал Свену, хотя считал, что незачем затевать драку. Пользы от этого не больше, чем от праведного гнева на ошибки всего человечества. Когда мы сошлись, Свен предупредил:

— Никаких раундов, Стив, деремся до конца, да?

— Ладно, — согласился я без особого энтузиазма, — но все-таки, Свен, последний раз спрашиваю: тебе очень нужно подраться со мной?

Ответом послужил неожиданный удар левой в челюсть, от которого я еле успел увернуться. В ответ я нанес ему сокрушительный удар правой, который он неуклюже, но достаточно эффективно блокировал. Затем, согнувшись пополам, как я его учил, он врезал мне левой поддых. Но я знал, как парировать такие удары. Однажды я видел такую же ситуацию во втором раунде матча между Фитцсимменсом и Джеффризом.

Я сделал круговой оборот, блокировал его левую руку и апперкотом ударил в челюсть. Зубы Свена хрустнули, голова запрокинулась, открывшись для правого хука, который я и не преминул нанести, раскроив ему висок до глубокой раны.

Свен оглушительно взревел, забыл об обороне и, как бешеный бык, набросился на меня. Я решил, что вот сейчас-то, как и всегда, поединок быстро закончится в мою пользу. Но уже через полсекунды стало ясно, как жестоко я ошибся.

Свен не рванулся, как обычно, с грудью, широко открытой для удара, беспорядочно молотя руками. Он налетел на меня комком железных мускулов, яростно нанося согнутой рукой хуки и прямые удары, прижав подбородок к волосатой груди, согнув

плечи, чтобы защитить грудь, полусогнувшись в оброне. Даже начатки боксерской науки вкупе с огромными ростом и весом сделали его угрозой для любого человека.

Я не знаю, что такое сдаваться и отступать. Даже если бы на меня рванулся сам Джефффриз, я мог бы встретить его достойными ударами своих кулаков и бороться, пока не свалюсь замертво.

Я встретил Свена сокрушительным ударом правой, сразу же остановив его. Брызнула кровь, он покачнулся, как огромное дерево, готовое упасть, но не успел я опомниться, как швед снова ринулся в бой, нанося удары обеими руками. Он бил, бил и бил!

Его руки только мелькали, и за каждым ударом стоял весь его вес. В порыве борьбы Свен развил необыкновенную скорость. Такое иногда случается. Ни до, ни после я не видел, чтобы такая махина двигалась с таким проворством. Это был сплошной дождь ударов, на которые невозможно ответить. Я видел лишь сверкающие глаза, мощные согнутые плечи и мелькание дубинок, облаченных в боксерские перчатки.

Он не утруждался раздумьями, не тратил время на прицеливание — слишком уж быстро он бил! Он буквально подавлял меня преимуществом своих пятидесяти пяти фунтов и наносил удары так часто, что я не успевал ответить.

Как я ни пытался, мне не удавалось подобраться ни к его ребрам, ни к челюсти. Голова Стена была опущена, и мои норовистые апперкоты просто отлетали от его лица, не причиняя никакого вреда.

На его ребрах и плечах уже появились синяки, но благодаря неукложему полунаклону жизненно важные органы оставались защищенными.

Невероятно тяжело заставить открыться такого гиганта, если к тому же стараешься помешать ему оторвать себе голову. Я пробивался поближе к нему, отбиваясь двумя руками, позволяя ударам Свена скользить по моей шее. Нет, обе стороны действовали явно не по правилам! Мы просто колотили друг друга.

В одном из редких клинчей Свен поднял меня и швырнул через зал. Я ударился о стену — бом! — словно хотел проломить ее. Билл, наш рефери, рассердившись на Свена, ругаясь и пыхтя, старался оттолкнуть его подальше, но огромный болван не обращал на него никакого внимания. Теперь большей частью удары наносил я, и они заставляли этого дурака содрогаться от носа до кормы, но большого значения уже не имели. Лицо Свена стало похоже на отбитый бифштекс: один глаз заплыл, губы расквашены, из носа текла кровь, левая щека покрыта ссадинами, но, казалось, он становился все сильнее. Мои тренировки закалили его гораздо больше, чем я думал!

Бам! От молниеносного удара в челюсть у меня посыпались искры из глаз. Бом! Удар правой пришелся мне по голове, и я, пролетев полкомнаты, снова ударился о стену. Мы уже давно сошли с брезента и бились на мате.

Свен снова кинулся на меня, как бешеный бык. Я вскочил и остановил его левым хуком, разорвав при этом ухо. На мгновение у моего противника подкосились колени, но неугомонный швед вошел в такой раж, из которого можно вывести человека, только убив его.

Правой согнутой рукой он заехал мне в висок, и на секунду мне показалось, что мой череп треснул, как яичная скорлупа. По шее текла кровь, но, выб-

рав момент, когда Свен поправлял перчатку, я в полном отчаянии изо всей силы ударил его правым куком. Наверное, именно тогда я сломал ему ребро, потому что услышал какой-то хруст.

К этому моменту мы оба были уже хороши. Словно во сне я увидел, как Кнут, размахивая руками, умолял Билла, Муши и Франца остановить нас. Наверное, он никогда не видел настоящего бокса, совсем не похожего на мирное поднятие тяжестей. Естественно, они, выпучив глаза и вопя, как ненормальные, не обращали на него ни малейшего внимания.

Тогда Кнут повернулся и выскочил на улицу, вероятно за полицейскими. Но меня это не касалось. Впервые за долгие годы я подобным образом дрался с членом своей команды. В Свене появилось что-то нечеловеческое, биться с ним было все равно что сражаться с быком или со слоном!

Сумасшедший швед снова осыпал меня крепкими ударами, пусть неуклюже, но сильно, словно удары копра: ведь за ними стояли все его 245 фунтов веса.

Свен умел двигаться только в одном направлении — вперед! И он бросался и бил, бросался и бил до умопомрачения.

Я помотал головой, и у меня брызнула кровь. Страшная сила его ударов отбросила меня назад. Я еще раз, целя в голову, попытался покрепче ударить его в челюсть. Левым апперкотом мне удалось разбить ему губы и выбить пару зубов, но согнутая шея шведа оставалась твердой, как железо. В отчаянии я стукнул его прямо по крепкой башке. Кровь брызнула струей, словно от удара гандшпуготом, Свен покачнулся, как пьяный, и вдруг, согнувшись, двинул меня в диафрагму, вложив в этот удар всю силу.

Черт возьми! Все произошло так неожиданно, что я не успел увернуться. В этот момент я стоял почти прямо, и его огромный кулак погрузился в мое солнечное сплетение. Резкая боль в спине заставила меня упасть, и я извивался и корчился на мате, как змея с перебитым хребтом, хватая ртом воздух. Позже Билл говорил, что мое лицо приобрело пурпурный оттенок.

Словно сквозь густой туман я видел Билла, ошеломленного, бледного, как смерть. Склонившись надо мной, он отсчитывал секунды.

Не знаю, какая сила заставила меня подняться. Меня тошнило, и мне казалось, что я умираю. Но передо мной стоял Свен. Я смотрел на него, и вихрь мыслей пронесся в моей избитой голове.

«Новый чемпион «Морячки», — подумал я. — Сколько лет я удерживал этот титул, не уступая его никому из новичков! Скольких людей я побеждал, чтобы удержать мой единственный титул! Сколько выдержал жестоких побоев, сколько крови пролил, а теперь уступил этому шведу, которого сам побеждал с полдюжины раз!»

Как во сне я увидел тускло освещенный, зловонный, грязный полубак, орущих проклятья матросов и себя в центре этого задиристого сброда. А теперь мне никогда не вернуть мой титул, никогда больше не услышать, как докеры восхищенно шепчут мне в спину:

— Это Стив Костиган, чемпион самого крепкого судна!

Задышавшись от злости, я ухватился за Свена и стал подниматься. Вскоре я уже был на ногах, тесно прижатый к груди Свена. Он мог бы оттолкнуть меня и пригвоздить к полу одним ногтем, но не сделал этого.

Билл все еще считал, а я, поднявшись, захватил Свена таким клинчем, на который тот был не способен. Я держался как мог, пользуясь передышкой, и судорожно глотал воздух, как вдруг увидел ворвавшегося в дверь Кнута, а с ним бледную, как смерть, девушку. Но в тот момент я почти ничего не соображал и даже не понял, что это Сигрида — девушка Свена.

Наконец Свен, высвободившись из клинча, оттолкнул меня. Я упал и на этот раз, отдыхая, сам считал до девяти, а моя жизненная сила, предмет удивления многих, снова возвращалась ко мне. На счет «девять» я поднялся и сильным ударом правой заехал шведу в нос. Как у всех боксеров, мой кулак остается крепким, как бы сильно я ни был побит. Я опасен до последней секунды, и в этом могли убедиться драчуны получше, чем Свен Ларсен.

Силы Свена тоже истощились. Теперь он двигался туго, механически, снова неуклюже размахивая руками. Флегматично приблизившись ко мне, Свен ударил меня в лицо правой рукой, словно дубиной.

Брызнула кровь, я отскочил, а потом бросился на него и двинул правой рукой прямо под сердце. Еще один сокрушительный удар пришелся Свену по разбитому рту, и он, выплевывая крошки зубов, начал молотить меня левой. Я почувствовал, что мои ребра вот-вот сломаются.

Тогда я врезал левой ему в висок, а он правым свингом расплющил мне ухо, качаясь при этом, как высокое торговое судно под всеми парусами. Следующий удар правой скользнул по моей голове, но увернулся и тут увидел его незащищенную челюсть.

Я выпрямился и нанес мощный апперкот правой от бедра, используя каждую унцию своего веса и всю движущую силу ног, пояса, плеч и руки.

Я тяжело хлопнулся назад, перчатка у меня повралась, рука онемела... Я услышал крик, увидел потухший взгляд Свена, увидел, как он пошатнулся, словно сломанная мачта, увидел, как он рванулся вперед... Бац! И искры посыпались из глаз!

...

Я неподвижно сидел в кресле, а Билл поливал меня водой. Очнувшись, я с удивлением оглядел зал и все вспомнил. Меня охватило странное, печальное чувство. Я стал дряхлым стариком! В конце концов, я уже не мальчик. Все трудные, горькие годы борьбы с морем и боксерами нахлынули на меня и легли на плечи холодным облаком. Казалось, жизнь медленно покидает меня.

— Поверь мне, Стив,— сказал Билл, похлопывая меня полотенцем.— После этого поединка Сигрида станет больше ценить Свена! Как раз сейчас она рыдает над его расквашенным носом, подбитым глазом и всем прочим, сжимает в объятиях и клянется в вечной любви! Я знал, что так и будет! Кнут привез ее сюда, и она остановила схватку. Черт возьми, даже мы, моряки, не могли остановить вас! Муши от волнения сгрыз половину ошейника Майка! Скажи, думал ли ты, что такой неумеха, как Свен, за шесть месяцев станет боксером?

— Да,— равнодушно ответил я, почесывая за ухом Майка, лизавшего мою руку.— Этого следовало ожидать. Он усердно работал. И ему повезло с хорошим учителем. Сам-то я научился всему, что знаю, в жестоких, упорных поединках. Но, Билл, теперь я не могу остаться на «Морячке»: мне не привыкнуть к положению бывшего чемпиона!

Билл уронил полотенце и уставился на меня:

— Ты это о чем?

— Нет, ты только подумай, Билл: Свен — новый чемпион «Морячки» — запросто разгромил меня в пух и прах! Странно, ведь он мне отомстил, когда я ничуть не сомневался в своей победе!

— Да ты окончательно свихнулся! — фыркнул Билл. — Ей-богу, легкий удар по башке иногда забавно действует! Свен только сейчас приходит в себя! Муши, Фриц и Кнут десять минут поливали его водой! Последним хуком ты нокаутировал его! Я так и подскочил!

— Что? Так я все-таки победил Свена? Я остался чемпионом? Но кто же нокаутировал меня, если не Свен?

Билл рассмеялся:

— А ты что, не знаешь, что ни один парень не смог бы нокаутировать тебя? Шведские девушки очень вспыльчивы! Это сделала Сигрида — железной гантелей!

ОПАСНЫЕ АЛЛЕИ

К

огда я увидел человека, который должен был судить поединок между мной и Рэдом Мак-Коем, он мне сразу не понравился.

Джек Ридли, так звали этого человека, служил первым помощником капитана «Кэстлтона», фешенебельного судна, на котором весь командный состав носил форму. Ба! Первый капитан, у которого я начал свою морскую службу, носил

только старые штаны, обтрепанную нижнюю рубашку да отрошенные за месяц бакенбарды!

Он любил повторять, что форма хороша только для адмиралов и стюардов, во всех остальных случаях она неуместна.

Так вот, этот Ридли был молодым парнем, стройным и высоким, как мачта. У него был холодный взгляд и довольно грубые манеры. Наверное, будь его воля, он бы не позволил своему экипажу поиграть на палубе даже в кости!

Но я решил не обращать на него внимания, поскорее нокаутировать Мак-Коя и оставшийся вечер провести в свое удовольствие.

Между «Морячкой» и «Китом», судном, на котором ходил Мак-Кой, давно установились крепкие связи. Узнав, что оба судна пришвартовались в порту, владелец берегового боксерского ринга буквально атаковал нас и заключил с командами договор на пятнадцать раундов. Он объявил о поединке и пригласил всех желающих.

Экипажи обоих судов заполнили места вокруг ринга и портовая полиция с трудом справлялась с толпой, стремясь не допустить разрушений и драк.

Какой-то старик сидел в первом ряду, ежесекундно отхлебывая из бутылки, и орал:

— Эй, Стив, дай-ка этой обезьяне по его паршивой башке!

Он потрясал кулаками и обменивался с Бреннером, капитаном «Кита», такими любезностями, от которых даже у готтентота волосы встали бы дыбом.

Вы уже поняли, что нравы берегового боксерского ринга довольно свободны? Так и есть. Здесь собирается неотесанная, простецкая публика, жаждающая острых ощущений как на ринге, так и вне его.

Боксируют обычно моряки или портовые грузчики, но, если вы в состоянии выдержать подобное окружение, вы увидите, что увечья, наносимые здесь за один вечер, более ощутимы, чем те, которые наносятся в изысканнейших боксерских клубах мира за целый год!

Похоже, этим вечером в зале собрались все моряки Гонконга. Наконец распорядителю удалось перекричать толпу, и он возвестил:

— А теперь главное развлечение вечера! Моряк Костиган, сто девяносто фунтов, с «Морячки»...

— Самое достойное судно! — пророкотал старик, запустив пустой бутылкой в капитана Бреннера.

— ...против Рэда Мак-Коя, сто восемьдесят фунтов, с «Кита», — продолжал распорядитель, привычный к подобным выходкам. — Судит поединок первый помощник капитана парохода «Кэстлтон». Вы все, господа, знаете, что это не дружеский поединок! Вам знакомы эти парни...

— Если ты не заткнешься и не начнешь матч, мы разнесем в щепки твое заведение, а твой труп найдут под его развалинами! — заорали обезумевшие фанаты. — Давай начинай!

Распорядитель мягко улыбнулся и ударил в гонг. Мы с Рэдом сошлись, как пара диких котов. Рэд — крепкий, приземистый, широкоплечий парень. Мой рост — шесть футов; он на четыре дюйма поменьше, но вес у нас почти одинаковый. Крепкий, проворный Рэд с мордой бульдога обладал ударом, соответствующим силе этого невинного существа.

В первых трех раундах ничего интересного не произошло. Борьба была грубой, но ведь мы оба не отличались боксерским мастерством! Будучи достаточно сильны, мы с самого начала матча прилично

отвалтузили друг друга. Он рассек мне губу, содрал кожу с уха и разбил несколько зубов, а я пару раз нокаутировал его, но тем дело и кончилось.

Три раунда мы стояли лицом к лицу, молотя направо и налево. Ни один из нас не отступил ни на шаг, но к концу третьего раунда на гранитном монументе, именовавшемся Рэдом Мак-Коем, стали проявляться следы моих непрекращающихся атак. Он впервые сдвинулся назад, когда я, как раз перед ударом гонга, заехал правым свингом ему в живот. Рэд застонал и заморгал глазами.

К четвертому раунду я подошел полный энергии и воодушевления, но был сразу же сбит с ног правым хуком Рэда. Толпа обезумела, матросы с «Кита» на радостях начали целоваться, но я, не дожидаясь счета, поднялся, увернулся от жестокого свинга и всадил левую руку до запястья в живот Рэда, а правой ударил в диафрагму. Рэд пошатнулся от кормы до носа, понял, что если не предпримет решительных мер, то будет побит, и изо всей силы ударил меня правой. В этот удар он вложил всю жажду крови, кипевшую в нем, а уж когда он нанес сокрушительный удар мне в ухо, толпа вскочила и завопила:

— Так его!

Но я, если можно так выразиться, ненасытен до наказания. Поэтому, тихо хихикнув и тряхнув головой, чтобы утрясти мозги, левым хуком разбил противнику нос.

Его растерянный вид искренне рассмешил меня, но тут-то Рэд заехал мне в глаз ударом правой, которому научился в Месопотамии.

Разъярившись впервые за этот вечер, я нанес парню сокрушительный удар в диафрагму, ударом левой откинул его голову назад, а правой с ужасающей силой ударил в живот, как раз над талией.

Он отлетел с брезента, на котором рассчитывал продержаться весь матч, а его дружки заорали:

— Нечестно!

Держу пари, они орали так, что их крики могли донестись до Бомбея! Они отлично видели, что ничего нечестного здесь не было, но, услышав их, Рэд незамедлительно прикрыл обеими руками пах и скорчился, как змей с перебитой спиной. Подошел рефери. Стоя перед ним со смущенной улыбкой и слушая оглушительный рев насчет нечестного боя, я вдруг заметил, что Ридли считает.

— Слушайте, а может, плюнуть на этого неуме-ху? — спросил я.

— Заткнись, хам! — огрызнулся он, к моему крайнему изумлению. — Убирайся с ринга! Ты дисквалифицирован!

Пока я стоял с открытым ртом, он помог Рэду встать и поднял его руку.

— В этом нечестном поединке победил Мак-Кой! — крикнул он.

На секунду все присутствующие потеряли дар речи, а после началась настоящая свалка.

Старик двинулся на капитана «Кита», оба экипажа в сердцах набросились друг на друга, остальные, приняв чью-то сторону, начали бить друг другу носы, а помощники Рэда занялись им. Он самодовольно взглянул на меня, нагло подмигнул и этим окончательно вывел меня из равновесия.

Когда Ридли хотел перешагнуть через канат и убраться с ринга, я схватил его за плечо.

— Ах ты хитроумная вошь! — зарычал я. — Тебе это так просто не сойдет с рук! Ты прекрасно знаешь, что ничего нечестного здесь не было!

— Прочь руки! — огрызнулся он. — Ты нарочно ударил противника в пах, Костиган!

— Это ложь! — как сумасшедший взревел я и, тут же получив молниеносный удар в зубы, грохнулся задом на брезент. Не успел я подняться, как на меня навалились несколько человек и держали, пока я изворачивался, вопил и сквернословил.

— Ты еще ответишь за это! — орал я. — Я разорву тебя на куски и скормлю акулам, вор, мошенник, скунс вонючий!

Ридли насмешливо посмотрел на меня:

— Ну ты и спортсмен! — фыркнул он, резанув меня этими словами, как бритвой. — Пошел вон с глаз моих или пожалеешь! Отпустите его, я сам с ним справлюсь!

— Я его попридержу, — крикнул один из парней, навалившихся на меня. — Сматывайтесь, пока он не вырвался. Нас десять, и мы пока удерживаем его, но скоро уже не справимся! Или мы хорошенько побьем его, или давайте еще семь-восемь парней на помощь!

Ридли коротко рассмеялся, сошел с ринга и направился к выходу сквозь толпу беснующихся, дерущихся и орущих фанатов, многие из которых только что были готовы пустить этому рефери кровь. Странно, как некоторые способны быстро остыть! Сотни крепких парней были готовы растерзать Ридли, но, когда он спокойно поглядел им в глаза, проходя мимо, отступили и пропустили его.

«Ему крупно повезло, — подумал я, — что мой белый бульдог Майк слишком занят нежностями с полицейской собакой Бреннера и ему не до Ридли!»

В конце концов полицейским удалось восстановить порядок, разнять собак и даже уговорить ста-

рика и капитана Бреннера разойтись полюбовно, оставив в покое бакенбарды друг друга.

Я постарался поскорее уйти от этого скандала. Одевшись и заклеив коллодием раны, я направился к себе.

Майка я оставил с Биллом О'Брайеном, опасаясь, что пес набросится на Ридли. Мне хотелось лично расправиться с ним и отколотить его до кровавого поноса. Больше его холодные глаза не смогут терроризировать меня, потому что я намеревался закрыть их навечно!

Если говорить честно, не припомню, чтобы я был когда-нибудь так взбешен. Я был уверен, что весь поединок подстроен и что хуже всего — Ридли ударил меня по зубам, а сам вышел сухим из воды!

Перед глазами плыл красный туман, и я шатался по портовым улочкам, ругаясь по-черному, так что люди останавливались и с удивлением глазели на меня.

Через некоторое время, очнувшись в одной забегаловке, я наткнулся на знакомого бармена, у которого справился, не видел ли он Ридли.

— Нет, — ответил тот, — но если ты его ищешь, дам тебе бесплатный совет — держись от этого парня подальше! С ним шутки плохи!

Я совершенно обезумел.

— Я буду держаться от него подальше только после того, как превращу его в котлету и скормлю рыбам! Да, скормлю рыбам эту грязную, хитрую, вороватую крысу! Я...

В это время бармен начал судорожно переставлять стаканы, словно предупреждая меня. Оглянувшись, я увидел стоящую за моей спиной девушку. Она была белой и очень красивой. Ее бледное лицо

обрамляли черные волосы, и на этом светлом лице выделялись ярко-красные губы. Глубоко посаженные серые глаза затеняли густые черные ресницы. Взгляд ее казался загадочным. Она выглядела обыкновенной американской девчонкой, но ни у кого из них я не видел таких глаз! Взор ее был глубок и жесток. В глазах незнакомки плясали желтые искры, и я бы не удивился, заметив, что они светятся в темноте, как у кошки!

— Вы встречались с мистером Джеком Ридли с «Кэпиттона»? — спросила она.

— Да, мисс, — ответил я, стягивая с головы потрепанную кепку.

— Кто вы?

— Стив Костиган, матрос с торгового судна «Морячка» из Сан-Франциско.

— Вы ненавидите Ридли?

— Ну, если честно, особой любви к нему я не испытываю, — признался я. — Он только что украл у меня победу, добытую в честном бою!

С минуту она молча разглядывала на меня. Вообще-то я не красавец. Заклятые враги говорили, что я скорее похож на гориллу, чем на человека, но девушка, казалось, была удовлетворена.

— Пройдемте в заднюю комнату, — предложила она и обернулась к бармену: — Принесите нам два виски с содовой!

В задней комнате, когда мы потягивали виски, она спросила:

— Так вы точно ненавидите Ридли? Что бы вы с ним сделали, будь ваша воля?

— Все что угодно, — ожесточенно ответил я. — Такого крысу и повесить не жалко!

Девушка сидела, подперев руками подбородок и глядя мне в глаза. Потом спросила:

— Вы знаете, кто я?

— Пожалуй, да, — ответил я — Я, правда, никогда не видел вас, но вы, несомненно, та, кого китайцы называют «Белой Тигрицей»!

Сверкнув глазами, девушка кивнула.

— Верно. Хотите узнать, что привело добропорядочную девочку на Восток? Что привело невинного, доверчивого ребенка в банду разномастных мошенников и сделало предводительницей отчаянных головорезов? Так вот, в двух словах: бессердечие друга, человека, который увез меня из родительского дома в Англии, обманул и бросил на милость желтого мандарина в центре Китая!

Я беспокойно зашаркал ногами: мне стало очень жаль ее, но я не знал, как поступить, что сказать. Она наклонилась ко мне, испепеляя горящим взглядом, и почти шепотом произнесла:

— Человек, который предал меня, и человек, который украл у вас победу, — одно и то же лицо! Это Джек Ридли!

— Как, эта грязная свинья? — вырвалось у меня.

— Я тоже мечтаю отомстить ему, — выдохнула она. — Мы можем пригодиться друг другу. Я пошлю Ридли записку, в которой назначу встречу в одном местечке в Крысиной Аллее. Он придет. Там вы и встретитесь. Тогда уж вам никто не помешает!

Я усмехнулся, по-волчьи оскалил зубы:

— Остальное предоставьте мне!

— Никто ничего не узнает, — прошептала она, чем несколько озадачила меня. — Гонконгский порт хранит множество тайн. На место вас проводит мой человек. Завтра вечером встретимся здесь, вы можете мне понадобиться. Незачем такому человеку, как вы, всю жизнь торчать на торговой шхуне!

Она щелкнула пальцами, и в комнату влетел бой. Девушка что-то сказала ему по-китайски, он поклонился и ушел. Она встала:

— Ну, мне пора. Через несколько минут придет ваш проводник. Слушайте его во всем. Удачи вам. Может быть, вы отомстите за нас обоих.

Она выскользнула из комнаты, оставив меня попивать виски и думать, что все это значит. Я слышал о Белой Тигрице, да и кто в Китае о ней не слышал? Эта белая девушка имела над желтыми парнями больше власти, чем правительство. Кто она? Почему обладает таким влиянием? Те, кто знал, предпочитал помалкивать. Она сама только что подтвердила, что руководит бандой мошенников. Кое-кто говорил, что она успешно занимается контрабандой, другие рассказывали, что она тайная жена крупного мандарина. Поговаривали даже, что она шпионит в пользу крупной европейской державы. Никто ничего не утверждал с уверенностью, но все признавали, что встреча с Белой Тигрицей не сулит ничего хорошего.

Я продолжал лакать свою выпивку, и вскоре ко мне подошло самое тщедушное и костлявое существо на свете. Это был оборванный, грязный человек со злым, подвижным лицом.

— За мной, приятель! — пропищал он. — Скажу тебе прямо: этой ночью нам предстоит нешлюхо поработать!

— Идет! — ответил я и направился вслед за ним на грязную, тускло освещенную улочку, приведшую нас к темным, извилистым аллеям.

Кругом стояла страшная вонь и слышались крадущиеся, странно звучащие шорохи. Возможно, это были крысы, но я ничуть не удивился бы, если мне на шею вскочило желтолицее привидение!

Казалось, мой спутник отлично знал путь, хотя я тоже неплохо ориентируюсь на местности. Наконец он открыл какую-то дверь, и я вслед за ним вошел в убогую, обшарпанную комнатенку, темную, как и приведшие сюда аллеи. Проводник включил свет и зажег свечу, стоящую на столе, окруженном стульями. На столе откуда-то мгновенно появилась бутылка. Осмотревшись, я заметил и другую дверь, выходящую, видимо, в другие помещения. Окна были плотно занавешены, а в середине пола я заметил люк. Оттуда доносился плеск воды, из чего я заключил, что дом стоит на сваях над водой.

— Послушай, приятель, — обратился ко мне человек после того, как мы с ним осушили полбутылки. — Сдается мне, что мы с тобой два дурака, попавших на приманку этой юбки!

— Ты это о чем? — спросил я, отпивая очередной глоток.

— Да о том, что мы, два мужика, выполняем приказы маленькой паршивой шлюшки и делаем за нее всю работу, а меж тем могли бы и сами неплохо пожить! Только сделай чисто свою часть работы...

Я уставился на него:

— Что-то не врубаюсь!

Проводник воровато огляделся и понизил голос:

— Приятель, давай сами обчистим клиента, сцапаем цацки и смоемся! Мы можем удрать в Голландию или в Штаты, хоть немного поживем, как господа! Надоело мне это чертово захоlustье!

— Куда ты клонишь? — зарычал я. — Кого это обчистим?

— Не гоношись, — бросил он. — Прежде чем бросить в люк труп Ридли, мы прилично обдерем его!

— Хватит! — Я вскочил в полной растерянности. — На мокрое дело я не пойду!

— Что? — возмутился человечек. — Хочешь все испортить? Тигрица сказала, что ты хочешь разделиться с Ридли!

— А я и хочу! — проревел я. — Но она меня неправильно поняла. Я вовсе не собирался убивать его, хотя, возможно, ей так и показалось. Я не убийца, хотя за то, что он сделал с этой бедной девочкой, ему положена смерть. Когда он войдет в эту дверь, я отдюю

его до полусмерти, но убивать не стану, по крайней мере сегодня! Если хочешь, можешь сам прикончить его попозже. Я отлущу его, но в убийстве участвовать не стану!

— Но нам нужно прикончить его, а не то он или То Ян напустят на нас всех полисменов мира!

— Послушай! Я слыхом не слыхал ни о цацках, ни о То Яне! При чем тут они? Тигрица сказала, что Ридли заманил ее в Китай и бросил без гроша.

— Чепуха! — фыркнул он. — Она тебя надула. Ридли никогда и не видел ее! Мне самому невдомек, как она дорвалась до такой власти. Поговаривают, что у нее были какие-то шашни с мандарином или с кем-то из правительства. Девка была плутовкой, еще писая в штанишки. Послушайся меня, приятель, и мы перехитрим ее! Я не хотел тебе говорить, ведь собирался сам обчистить Ридли после того, как ты с ним разделаешься, понимаешь? Мне осточертело ходить у нее на поводу! Старый То Ян, шеф Ян Тонга, души не чают в Ридли, они дружат уже много лет. Сейчас старшая дочка То Янга получает западное образование в Голландии. Старик То Ян не отстает от жизни! Так вот, скоро у этой желтой девчонки день рождения, и То Ян посылает ей пода-

рок, от которого у тебя вылупились бы глаза! Только подумай! Это знаменитый рубин Тинг! Он стоит десять тысяч фунтов, а может, и поболее. Старый То Ян отдал его Ридли, чтобы тот вручил его девчонке, потому что завтра судно Ридли отливает в Голландию. Уж не знаю, как об этом пронюхала Тигрица, но она места себе не находит.

— Понятно, — сказал я, скрипнув зубами, — а я, значит, оружие? Я за нее должен сделать всю грязную работу? Она решила, что я хочу прикончить Ридли? А почему она не поручила это своим бандитам?

— Да она просто баба, и это ее когда-нибудь погубит! Зачем в таком деле рисковать своими людьми? Она нашла обозленного матроса, имеющего на Ридли зуб! Она ведь действительно решила, что ты хочешь прикончить его! Откуда ей знать, что тебе надо только поколотить его? Если бы ты убил Ридли и смылся, никто бы не доказал, что она причастна к этому делу: ведь ты не из ее парней! Она решила, что ты очень подходящий для этого дела, потому что, приятель, скажу тебе честно, очень уж ты похож на прирожденного убийцу! Ну да ладно, мы ее обдуем и возьмем свое!

— Не выйдет! — огрызнулся я. — Отопри дверь и выпусти меня!

— Чтоб ты заложил меня? — возопил он, сверкая маленькими красными глазками. — Не на того напал! Берегись, паршивый янки!

Когда он кинулся ко мне, я увидел сверкнувший нож и быстро швырнул стул ему под ноги. Пока он поднимался, визжа, как кот, я двинул его в челюсть и уложил в нокаут.

Мельком взглянув на бесчувственное тело, я отпер дверь и крадучись шагнул в темноту. Некото-

рое время я ощупью пробирался по бесчисленным извилистым аллеям, ожидая в любую минуту получить в спину нож или свалиться в воду. В конце концов я благополучно выбрался на узкую, плохо освещенную улочку и вскоре оказался в более цивилизованном квартале. Через пару минут из бара на встречу мне вышел не кто иной, как кочегар с «Кэстлтона».

— Привет! — вежливо поздоровался я. — Не знаешь, где ваш первый помощник, этот мошенник?

— Попробуй найти его сам, тупоголовый осто-лоп! — грубо ответил он. — Подумай сам!

— Подумаю на досуге, — проворчал я и изо всей силы дал ему в зубы. В течение нескольких секунд мы неплохо повеселились. Однако очень быстро я неосторожно заехал ему правым хуком поддых, и он отключился.

Приведя парня в чувство обильной порцией воды из лошадиной поилки, я сказал:

— Ну вот, не упрямысь и ответь на вежливый вопрос! Позволь кое-что сказать тебе, а ты перелей мои слова вашему паршивому помощнику. Когда я до него доберусь, я забью ему в глотку его вонючее решение, но сейчас найди и предупреди его, что если он будет носить с собой то, что ему дал То Ян, он рискует расстаться и с этим, и с жизнью! Он поймет мой намек. И еще скажи ему, чтобы он за три мили обходил Крысиную Аллею!

Было уже очень поздно. Опустели даже те улицы, на которых обычно и ночью было полно гуляющих. Очень хотелось спать, но, зная, что утром «Кэстлтон» отплывает, я бродил неподалеку от судна, надеясь встретить помощника капитана. Я предполагал, что он еще не вернулся на судно, потому что знал, как он любил проводить ночи на берегу.

Прослонявшись с час, а может быть и поболее, я уже почти сдался, но тут из темной аллеи ко мне скользнуло белое привидение. Легко было узнать Белую Тигрицу.

— Минуточку, Костиган,— приветливо обратилась она ко мне,— можно вас на пару слов?

— И у вас, мисс, хватает наглости говорить со мной,— укоризненно ответил я,— после того как вы чуть не сделали меня убийцей?

— Ну не сердитесь на меня,— заворковала она,— забудем об этом! Пойдемте со мной, и я возмещу вам моральный ущерб. Такие люди, как вы, всегда меня восхищают!

И я попался на лесть! И я пошел, как привязанный, следом за ней по маленькой, темной, зловонной улочке, скользнув в дверцу, закрывавшую арочный проем в высокой стене, и попал в маленький дворик, освещенный коптящими лампами. Девушка повернулась ко мне, и я похолодел от страха.

Ее глаза сверкали, как у кошки! Лицо побелело еще больше, а губы кривились в злобной усмешке. Сейчас она была воплощением всей женской злобы. Передо мной стояло само убийство, пытки, проклятие и смерть!

— Пожалуй, я лучше пойду, мисс,— неуверенно промямлил я,— уже поздно, и Старик будет волноваться...

— Ни с места! — прошипела она.

— Но наш кок, наверное, напился, и мне нужно приготовить завтрак для экипажа,— отчаянно взмолился я.

— Молчи, кретин! — воскликнула Тигрица голосом, не предвещавшим ничего хорошего.— Я вправлю тебе мозги, тупое, сумасшедшее животное! Это ведь ты предупредил Ридли, не так ли? А он

спрятал рубин и не пришел в Крысиную Аллею! Нам повезло, что мы сумели добраться до него и прежде, чем мы его прикончим, он расскажет, что сделал с рубином! А что до тебя...

С минуту она молчала, не без злорадства оглядывая мою огромную фигуру и облизываясь, как кошка при виде мышки.

— Когда я тебя проучу, ты забудешь, как вмпиваться в мои дела,— сказала она, щелкнув в воздухе тонким хлыстом из сыромятной кожи, невесть откуда появившимся в ее руке.— Я засеку тебя до смерти, и ты не будешь первым! Я сдеру с тебя шкуру и разорву на куски! Я буду хлестать тебя, пока ты не превратишься в кусок сырого мяса!

— А теперь, мисс, послушайте меня! — произнес я со спокойным достоинством.— Я люблю делать дамам приятное, но не хочу слишком далеко заходить в своей вежливости. Я не позволю вам даже прикоснуться к себе этой плетью!

— Я так и предполагала,— усмехнулась Тигрица,— и все предусмотрела!

Она щелкнула пальцами и, откуда ни возмись во дворике появились пятеро китайцев. Самый мелкий из них был ростом поболее меня, а самый крупный вообще походил на слона. Они, как тени, надвигались на меня со всех сторон, беря в кольцо.

— Хватайте его, ребята! — скомандовала Тигрица по-английски.

Я по-волчьи оскалил зубы. Сейчас, когда меня окружали эти страшилища, я вдруг почувствовал себя совершенно свободно и легко. Предстоял бой, и я был к нему готов! Тренированный боксер может утихомирить целую толпу белых, а уж о китайцах, которые не держат настоящего удара, и говорить нечего!

Изо всей силы я нанес молниеносный удар в желтую физиономию

китайца, подошедшего первым. Брызнула кровь, и он осел на землю. В следующее мгновение на меня, как стая волков, навалились остальные, но я увернулся от пары рук и свалил их обладателя правым хуком в диафрагму, а в течение следующих нескольких секунд я бултыхался в водовороте молотящих меня рук и ног.

Сначала они пытались взять меня живым, но, убедившись в бесплодности своих попыток, решили пустить кровь. По моей руке полоснул нож, и я взревел от боли. Совершенно озверев, я в ярости врезал правой по шее китайца, кинувшегося мне под ноги, и опрокинул его на землю. От удара желтое лицо треснуло, как помидор.

Подавшись назад, я схватил желтомордого, задумавшего задушить меня сзади, и перебросил его через голову. Он ударился головой и больше не поднялся. Тут же мне удалось увернуться от клинка, брошенного самым крупным парнем из всей банды. Поднявшись на цыпочки, я сразил его ужасающим левым хуком в челюсть. Больше тому уже ничего не потребовалось!

Драка продолжалась от силы минуты полторы. Я презрительно взглянул на распростертые тела моих жертв и посмотрел на Тигрицу.

Она стояла, вжавшись в угол дворика, ошеломленно глядя на меня, а в ее руке беспомощно висел кнут. Девка с ужасом смотрела на меня, содрогаясь от страха, и что-то лепетала о горилле.

— Вот так-то! — не без сарказма произнес я. — Похоже, сегодня ты уже никого не отхлещешь кнутом. Или у вас есть еще кто-нибудь с ножичками? Если так, то убейте их, я человек действия!

— Боже правый,— пробормотала она,— да человек ли вы? Вы хоть понимаете, что только что уложили пятерых профессиональных убийц? А что вы собираетесь делать со мной?

Я видел, что она испугана, и меня осенила мысль: а что, если мне удастся заставить ее рассказать что-нибудь о Ридли?

— Вы пойдете со мной,— прорычал я и, взяв Тигрицу за руку, потащил со двора.

Мы вышли в соседний дворик, как две капли воды похожий на предыдущий, но более просторный. Здесь я бы заметил людей, решившихся подкрадываться ко мне.

Несмотря на отвратительный поступок Тигрицы, мне было стыдно за учиненное побоище, ведь я впервые напугал девушку. У нее подкашивались колени, и похоже, она боялась, что я съем ее! Бросив на меня виноватый взгляд, она постаралась незаметно уронить хлыст. Наверное, она боялась, что я пройду стеклом по ее коже. Это меня ужасно оскорбило!

— Где Джек Ридли? — спросил я.

Она назвала место, о котором я никогда не слышал.

— Не бейте меня,— взмолилась девушка, хотя я в жизни не бил женщин, а по отношению к ней не сделал ни малейшего движения.— Я вам все расскажу! Я послала Ридли записку и ждала, когда придет проводник и доложит, что дело сделано. Я приказала ему после завершения дела спрятать вас в безопасном месте, а самому вернуться. Но через некоторое время он появился избитый и рассказал, что вы решили выйти из игры. Он сказал, что вы откуда-то узнали про рубин и предложили убить Ридли, взять рубин и скрыться...

«Ага,— подумал я,— наверняка он и еще наврал ей с три короба».

— Но я поняла, что про камень вы могли узнать только от него, и отхлестала проходимца кнутом. Тогда он признался, что сам проговорился о рубине. Но он сказал, что вы решили перехитрить меня, а он не согласился. Поэтому вы избили его, а сами сбежали! Он рассказал, что, придя в себя, остался ждать Ридли, но тот так и не появился. Я понимаю, что половину он наврал, но когда проводник сказал, что вы сами решили убить Ридли, взять рубин и удрать — я поверила. Мне пришлось поднять на ноги всех своих ребят, чтобы разыскать вас, но вместо того они наткнулись на Ридли. Это, конечно, чистая случайность! Они привели его на наше место и обыскали, но рубина при нем не оказалось. Ридли не сказал, куда он его дел... Нам только удалось выпытать, что, получив записку, он отправился в Крысиную Аллею, но по пути встретил кочегара со своего судна, который его предостерег. Мы уже почти разговорили его, но тут доложили, что на улице заметили вас, и я решила, что неплохо бы свести счеты. Мне очень жаль, обещаю, что больше это не повторится! Что вы собираетесь со мной сделать?

— Почему я должен вам верить?

Она пожала плечами:

— Я боюсь вам врать. Вы — единственный мужчина, которого я боюсь. Не сердитесь, но однажды я видела, как на западном американском берегу горилла убила шесть или семь негров! Когда вы дрались с этими китайцами, вы напомнили мне эту гориллу!

Я был так оскорблен, что не находил слов, а она захныкала:

— Ради Бога, скажите, что вы собираетесь со мной сделать? Пожалуйста, отпустите меня!

— Сейчас вы отведете меня туда, где держите Ридли,— прорычал я, вытирая кровь с разрезанной руки.— Я должен свести счеты с этой важной шишкой. И запомните, пока я стою на ногах, вы не посмеете мучить ни одного американца. Ведите меня!

Если бы она отказалась, я оказался бы в большом затруднении. Не в моих правилах грубо обращаться с женщинами. Но на сей раз все сработало. Она не посмела спорить и повела меня со двора. Выйдя на улицу, какими-то закоулками добрались до узкой дверцы. Войдя в нее, мы оказались в темной комнате, освещавшейся лишь светом наружного фонаря. Сквозь щели в стене из соседней комнаты пробивался свет.

Мы прислушались. Я крепко держал ее руку, чтобы она не улизнула от меня. Однако, думаю, девка поняла, что я сверну ей шею, если она что-нибудь выкинет, и прошептала:

— Ридли там, но с ним работает целая шайка...

— Сколько их и кто они? — тихо спросил я.

— Копченый, Косоглазый, Змей с Годландцем да еще Влалек и...

Тут послышался голос, и я сразу узнал его. Голос принадлежал Копченому, сомнительному типу, но я не подозревал, что он замешан в делах Тигрицы.

— Ладно, проклятый янки, посмотрим, как ты запоешь, когда мы припечем тебя утюжком, а, ребята?

Я отпустил руку девушки и мягко, бесшумно скользнул к двери. И сразу обнаружил, что Тигрица вовсе не так напугана, как хотела показать, потому что она отскочила назад и завопила:

— Ребята, берегитесь!

Понятно, что ни о каком внезапном появлении не было речи и самое лучшее, что я мог сделать,— это нанести первый удар. Я кинулся в дверь и как тайфун влетел в комнату. Мельком мне удалось заметить коптящую лампу, газовый рожок на стене, связанного человека на койке и кольцо испуганных, злобных лиц.

— Караул! — завопил тот, в ком я узнал своего проводника. — Опять этот чертов моряк!

И он молниеносно выскочил в окно.

В комнате остались китаец, малаец, огромный русский и еще шесть головорезов.

Ворвавшись в дверь, я ударил русского в челюсть и вырубил его на весь вечер; потом схватил за шею китайца и малайца и избавился от них, стукнув голову о голову. Остальные весельчаки пошли на меня, как волки на овчарню. Началось настоящее веселье!

Это был просто водоворот. Кулаки, ботинки, бутылки, стулья — все пошло в ход вместе с кастетами и ножами. Возня шла по всей комнате, стулья уже были сломаны, стол качался на трех ногах.

Я обрабатывал троих парней, лежащих подо мной на грязном полу, а по мне сверху буквально танцевали еще трое. В этом положении я исхитрился ухватиться за ножку тяжелого кресла. Получив хоть какую-то опору, я сбросил с себя соперников, поднялся и перебросил через голову голландца, чем сократил число врагов до пяти. Следующим ударом я сломал руку Змею, но в этот момент Косоглазый ударил меня ножом под ребра. Я раздраженно взревел и мощным ударом одновременно прикончил и его, и ножку стула.

Тотчас же рыжий громила парой ударов кастетом содрал мне скальп, а Копченый всадил мне в

ребро ботинком с острыми шипами. Удар оказался настолько сильным, что я свалился на спину, а бандиты, завыв от радости, снова навалились на меня. Но я был еще жив, хотя едва дышал.

Какой-то тип с расцарапанной рожей попытался пальцами ткнуть мне в глаза, но я укусил его за палец, и он отстал.

Лежа рядом, Копченный старательно грыз мое ухо. Это привело меня в негодование, пришлось вскочить и мощным ударом сломать негодяю три ребра. Тут снова ожил расцарапанный тип и бросил в меня стул. Я увернулся, левой расплющил ему нос и выбил все передние зубы. Рыжий, размахивая кастетом, норовил добраться до моей челюсти, но я оказался проворнее и правым свингом разбил ему физиономию.

Как пишут в стихах, бой утих. Задыхаясь, я стоял в центре комнаты, стряхивал с глаз кровь и пот и оглядывался вокруг, нет ли кого поблизости.

Однако на ногах стоял я один. Вся моя одежда, кроме брюк, была изорвана. Из дюжины порезов сочилась кровь. Все тело было в синяках, а под глазом красовался кровоподтек, полученный в дополнение к заработанному от Мак-Коя.

Глазами я поискал Ридли и увидел, что он по-прежнему лежит на койке и изумленно смотрит на меня.

Тигрица исчезла.

Я подошел к Ридли и развязал его. Он не произнес ни слова и вообще выглядел ошеломленным. Сидя на лежбище, он разминал затекшие пальцы и поглядывал на плоды моих трудов, валяющиеся на полу.

Кое-кто стонал и ругался, а кое-кто мирно дремал.

— Ну что, можете шевелить руками? — спросил я. Он молча кивнул. — Хорошо. Надевайте перчатки. Я нокаутирую вас ...

— Боже мой, приятель, — возразил он, — вы спасли мне жизнь и теперь хотите, чтобы я дрался с вами?

— А что вы, черт возьми, думали? — заревел я. — Что я скажу вам спасибо за то, что вы несправедливо дисквалифицировали меня? Я еще в жизни никого не обманывал!

— Но сейчас вы не можете драться! — воскликнул он. — Вы только что уложили целую банду и вытерпели столько боли, сколько не вынесет ни один человек. И вы остались живы! Вы же истекаете кровью, как заколотый боров! Оба глаза затекли, кожа на голове содрана, ухо искусано, и на вас дюжина ножевых ран! Я видел, как один бандит полоснул ножом вам по ребрам!

— Да, но нож только скользнул по ним! — гордо возразил я. — Если вы думаете, что со мной все кончено, то ошибаетесь! Видели бы вы меня после пятнадцати раундов с Железным Майком Бреннером! Ну ладно, хватит! Вы же боксер, пусть и не такой классный, как я! Будьте мужчиной и надевайте перчатки!

Ридли уронил руки.

— После всего что вы для меня сделали, я не буду драться с вами. Вы хоть понимаете, что оказались в притоне самой опасной бандитки Китая и практически голыми руками уложили девятых самых отпетых мерзавцев?

— А как же насчет нечестного поединка? — настаивал я.

— Тут я ошибся. Я стоял за спиной Мак-Коя и не очень хорошо разглядел, каким финтом вы его

уложили. Честно говоря, мне показалось, что удар был нанесен ниже пояса, а уж когда Рэд схватился за пах и стал корчиться, я возмущился вашей нечестностью. Теперь я понимаю, что вы никогда бы не ударили боксера по яйцам! Вы даже этих головорезов не били ниже живота, хотя, Бог видит, имели на это право! Я прошу извинить меня за несправедливое решение, за удаление и за то, что наговорил лишнего. Если хотите уложить меня свингом, я не обижусь, но драться с вами не стану!

Он решительно посмотрел на меня, и я понял, что он меня не боится и не блефует. В некотором смысле я был удовлетворен.

— Ну что же,— сказал я, вытирая с головы кровь.— Ладно. Я просто хотел, чтобы вы знали, что я всегда веду честный бой. А теперь пошли отсюда. Слушайте, здесь была Тигрица, вы не представляете, куда она могла уйти?

— Не знаю, да и не хочу знать. Если я не увижу ее, то, по-видимому, скоро услышу о ней. Наверное, эту записку послала она?

— Конечно, она. И я не могу понять, как вы не попались. Вы должны были прийти в Крысиную Аллею раньше, чем кочегар встретил вас и передал мое предостережение!

— Получив записку, я раздумывал почти час, но в конце концов решил пойти. Рубин То Яна я предусмотрительно оставил у капитана. По дороге мне встретился кочегар и передал ваш совет. Правда, он ничего не понял, но сказал, что я должен сообщить. Конечно, я не пошел в Крысиную Аллею, но позже бандиты разыскали меня, связали и привели сюда. Кстати, а вы-то как ввязались в эту историю?

— Это долгий разговор,— ответил я, идя рядом с ним по освещенной улице.

— Вам надо перевязать все раны и ушибы. Идемте, я помогу. Пока я буду обрабатывать ранения, вы мне все расскажете.

— Ладно,— согласился я,— только побыстрее, меня ждут дела!

— Вас ждет девочка?

— Нет. Мне нужно найти владельца берегового боксерского ринга. Он, наверное, в своем баре. Я хочу попросить его устроить завтра вечером мой поединок с Рэдом Мак-Коем!

ЗАКОН ПОРТА

П

ервый день в Кейптауне ознаменовался тем, что мой белый бульдог Майк цапнул полицейского, и мне пришлось уплатить десять долларов за порванные штаны. И вот не прошло и часа, как «Морячка» пришвартовалась в порту, а я остался без гроша в кармане.

Следующим, кого я встретил, был не кто иной, как Шифти Керрен, менеджер Крошки Делрано, жуликоватый тип,

скупавший денежные расписки. Я наградил этого достойного человека суровым взглядом, но у того хватило наглости приветливо улыбнуться и со счастливым видом протянуть мне руку.

— Вот это да! Стив Костиган! Не может быть! Привет, Стив! — старательно изображая радость, затараторил бесчестный лицемер. — Рад тебя видеть! Ты прекрасно выглядишь, парень! И старый, добрый Майк с тобой! Славная собака!

Он наклонился погладить пса.

— Рррр! — прорычал старый, добрый Майк, явно намереваясь сжевать руку Шифти. Я оттолкнул Майка ногой и произнес:

— У тебя еще хватает наглости любезничать со мной после того, как в последнюю встречу ты поносил меня всякими непотребными словами?

— Да ладно, Стив! Не глупи и не держи на меня зла! Я всегда тебе говорил, Стив, бизнес есть бизнес!

— Гаххх! — выдохнул я. У меня не было ни малейшего желания связываться с этим парнем, и хотелось поскорее отделаться от него.

Мне приходилось драться с Крошкой дважды. В первый раз он победил меня в десятираундовой схватке в Сиэтле, но не причинил ни малейшего вреда моему телу, потому что, хотя он и был первоклассным боксером, удар у Делрано был слаб.

В следующий раз мы встретились на ринге во Фриско. Крошка победил меня в честном поединке из десяти раундов, затем, в напрасной попытке остановить меня, нанес удар самому себе и разразился бранью. Я нокаутировал его в одиннадцатом раунде, потом в двенадцатом, а в четырнадцатом нанес удар правой, погрузив кулак в солнечное сплетение, отчего тот вырубился. Однако у него хватило

ума схватиться за пах и скорчиться от боли, а Шифти скакал возле него и вопил:

— Нечестно!

Он вопил так, что рефери испугался, смутился и дисквалифицировал меня. Клянусь, я вел честный бой! Я тяжело рухнул на канат. Решение было принято официально, и это больно задело меня.

Поэтому сейчас я сверкнул глазами и спросил Шифти:

— Чего тебе от меня надо?

— Стив,— ответил он, дружески положив мне на плечо руку.— Я знаю, что у тебя золотое сердце! Ты не оставишь в беде своего соотечественника, правда? Нет! Конечно, не оставишь! Ты же старый, добрый Стив! Так вот, слушай: мы с Крошкой попали в передрагу и разорились. Крошка в тюрьме. Мы тут провернули одно дельце, а эти британцы дисквалифицировали Крошку за то, что он побил одного из английских неумех. Крошка не имел против парня ничего плохого, просто он очень возбудим!

— Да уж я знаю,— проворчал я.— Эта крыса оставила мне зарубку на шее. Со мной он тоже очень быстро возбудился!

— Ну так вот,— поспешно произнес Шифти,— нам здесь не позволяют устроить поединок, и мы решили отправиться в Иоганнесбург. Там сейчас гастролирует юный Хилан, и Крошка мог бы сразиться с ним. Но Крошка в тюрьме, и его не выпустят, пока мы не внесем штраф в шесть фунтов. Это, знаешь ли, тридцать долларов! А мы разорены, Стив! Я взываю к твоей национальной гордости! Крошка — такой же американец, как ты, но сидит в заточении только за то, что вступился за честь своей страны!

— Ух ты! — Я наострил уши.— Как это?

— А вот так! Он ворвался в паб, где трое британцев-моряков возводили напраслину на американский флот. Ну, ты же знаешь Крошку — гордый, свободолюбивый импульсивный парень! Настоящий мужчина! Он, конечно, не моряк, но такие заявления в адрес его страны оскорбили его и заставили ввязаться в драку. Он хорошо поддал этим англичанам, но тут появилась полиция, его схватили, отвели в магистрат и назначили штраф, который мы не можем заплатить. Ты только подумай, Стив! — разглагольствовал Шифти. — Крошка, чьего триумфального возвращения в Штаты ожидают тысячи поклонников, сидит в тюрьме на хлебе и воде! А тюремщики издеваются над ним за то, что он вступился за свой флаг и нацию! За то, что защитил честь американских моряков, к которым, напомню тебе, принадлежишь и ты! Я спрашиваю тебя, Стив, неужели ты останешься в стороне и допустишь, чтобы твой соотечественник томился в цепях британской тирании?

— Ни за что! — воскликнул я, охваченный внезапным патриотизмом.

— Кто старое помянет, тому глаз вон! У всех моряков есть неписанный закон: на берегу они обязательно должны заступаться друг за друга.

— Не для того я дрался с англичанами во всех портах мира, чтоб теперь отдать им на растерзание американца! Сейчас, Шифти, у меня нет ни цента, но я достану деньги! Встретимся через три часа в Американском Морском Баре. Я или добуду деньги для Крошки, или буду знать, как их достать. Понимаешь, я это делаю не только для Крошки. Я все еще мечтаю когда-нибудь победить его! Но он американец, а я не настолько мелочен, чтобы из-за личной неприязни не помочь соотечественнику в беде!

— Вот слова настоящего мужчины! — заплотировал Шифти, и мы с Майком поспешили прочь.

После непродолжительной прогулки мы оказались у здания в портовом квартале, на котором красовалась вывеска: «Южно-Американский Спортивный Клуб». Все здание было ярко освещено, а изнутри доносились вопли, говорившие о том, что идет поединок. Билетер сообщил, что матч только что начался. Я попросил вызвать владельца, Херди, по прозвищу Буйвол, с которым имел честь когда-то сразиться, но человек поведал, что Буйвол у себя в офисе, небольшой комнатке рядом с билетной кассой, и мне стоит пройти прямо туда.

Я вошел и увидел Буйвола, беседующего с высоким, тощим джентльменом, при виде которого мои волосы на голове зашевелились.

— Привет, Буйвол! — произнес я, игнорируя его дурака-собеседника и сразу же переходя к делу. —

Я хочу сразиться сегодня, прямо сейчас. Если у тебя есть кто-нибудь, кто желает подраться, ты решишь мне выйти на ринг и подзаработать немного денег?

— Странное совпадение! — заметил Буйвол, подергивая длинные усы. — Brent-Хвастун просит меня о том же!

Мы с Brentом с неприязнью посмотрели друг на друга. Мне уже приходилось иметь дело с этим хлыщом. Добрая часть моей боксерской репутации обязана тому, что я всегда побеждал долговязого Хвастуна.

А он, как вам должно быть известно, крепкий орешек! Являясь бессменным победителем во всех боях на своем судне, Brent и на берегу не упускал возможности выступить на профессиональном ринге; впрочем, я тоже не терялся.

Несколько лет назад моей глупости хватило наняться на «Элинор», на которой Брент служил помощником капитана. Он австралиец, а «Элинор» — австралийское судно. Обычно команды австралийских судов славятся своей дисциплиной, но «Элинор» была исключением. Ее капитан представлял собой настоящий пережиток прошлого, а все помощники — прирожденных забияк, а среди них особенно выделялся Брент. Недаром к нему прочно прилипло прозвище «Хвастун».

Однако, будучи на мели, и стремясь добраться до Мадагаскара, где надеялся перехватить «Морскую Леву», я в Бристоле нанялся на «Элинор».

Брент начал задирать меня задолго до того, как мы снялись с якоря. Несколько дней я сносил его злые шутки, но вскоре мое терпение иссякло, и мы сошлись в бою. Бой длился на протяжении почти всей вахты и перемещался от бизаниевого салинга до бушприта.

И все же я не назвал бы это настоящей проверкой стойкости, потому что в ход шли не только кулаки, но и свайки, и гандшпуги. Все это смахивало на грубую потасовку.

В конце концов бой выиграл я, швырнув Хвастуна на полуют. Он крепко ударился о палубу и в течение всего рейса чувствовал себя неважно, страдая от боли в сломанной руке, трех треснувших ребрах и сломанном носе.

С тех пор капитан подходил ко мне с приказом почистить якорь только с пистолетами в руках, хотя я и не помышлял о том, чтобы хоть пальцем тронуть эту старую, пропахшую ромом развалину.

И вот сейчас мы с Хвастуном сидели в офисе Буйвола, поглядывая друг на друга, а уж воспоминаний в наших головах было предостаточно!

— Вот что я вам скажу, мальчики,— произнес Буйвол,— после основного матча я позволю вам десять раундов. Даю пять фунтов, и победитель получит еще!

— Это меня устраивает,— проворчал Хвастун.

— Шесть фунтов сойдет,— сказал я.

— Договорились! — заключил Буйвол, не понимая, какую ошибку совершает, позволив мне бороться за тридцать долларов на его ринге.

Хвастун противно захихикал:

— Наконец-то я разделаюсь с тобой, проклятый янки! На этот раз я не поскользнусь и не свалюсь! А ты не будешь бить меня гандшпугтом!

— Хорош же ты, если вспомнил о гандшпуге,— зарычал я,— после того, как пытался оторвать планшир, чтобы ударить меня!

— Хватит! — прервал нас Буйвол.— Приберегите свой гнев до ринга!

— А есть здесь люди с «Морячки»? — осведомился я.— Хотелось бы, чтобы распорядитель проследил и прихвостни этого хулигана не подсыпали допинг в мою воду.

— Странно, Стив, но ребят с «Морячки» я здесь сегодня не видел, а вот распорядителя непременно обеспечу!

Закончился основной поединок. Казалось, он длился целую вечность, и моему негодованию не было предела: ведь из-за каких-то увальней откладывалось выступление такого боксера, как я. В конце концов рефери объявил ничью и выставил обоих с ринга. Буйвол прыгнул за канат и остановил публику, спешившую к выходу, словами:

— Теперь я предлагаю бесплатно посмотреть матч между моряком Костиганом и Хвастуном Брен-том!

Для Буйвола это был хороший бизнес. Толпа возбужденно заревела и расселась по местам. Многие видели нас на ринге, хотя и не в схватке друг с другом.

Буйвол оказался прав: в зале не оказалось ни человека с «Морячки». Возможно, многие валялись пьяными по канавам или отсиживали срок в тюрьме, зато было много шпаны с «Нептуна», теперешнего судна Брента. Все они, как один, поднялись и стали выкрикивать в мой адрес всякие колкости. Забавные все-таки люди, эти моряки! Я знал, что Brent сидит у них в печенках, но сейчас они подбадривают его, как братья!

Я не реагировал на крики, сохраняя спокойное и равнодушное молчание, предварительно заявив, что разорву на части их любимчика и предупредив, чтобы они не вздумали валять дурака за моей спиной, иначе Майк съест их ноги. Они приветствовали мои замечания оглушительным хриплым ревом, но на пса взирали с почтительным страхом.

Судил поединок англичанин, имени которого я не запомнил. По-видимому, он давно не бывал в этой древней стране, а все больше околачивался в изысканных атлетических клубах Англии.

Он начал с того, что сказал нам:

— А теперь, паршивцы, уразумейте: когда я скажу «брек», то не потерплю никаких грубостей! Помните, пока я здесь — это зал для настоящих джентльменов!

По американским правилам рефери находился на ринге вместе с нами. Хвастун, длинный, тощий, бледный и костлявый, с продолговатым лицом и невыразительными светлыми глазами. Не ошибусь, если замечу, что Brent — плохой актер. У меня же

десять футов роста и сто девяносто фунтов веса. Он выше меня на дюйм

и три четверти, а весит, пожалуй, на фунт меньше. Бой начал Хвастун, ударив левой, но мое внимание было приковано к его правой руке. Я знал, что удар правой Брента подобен взрыву тротиловой пашки и он очень умело этим пользовался.

Секунд через десять он так врезал правой, что искры посыпались из моих глаз. Я попятился, и через миг он оказался вплотную ко мне, молотя обеими руками и явно стремясь нокаутировать. Ударами он гонял меня по всему рингу. Я не получил серьезных повреждений, хотя он, возможно, считал иначе. Его друзья, видевшие меня на ринге раньше, орали:

— Постерегись!

Но Хвастун не внял их советам.

Прижатый спиной к канату, я не смог блокировать удар правой, а Хвастун тяжелым левым хуком еще и откинул назад мою голову.

— А ты не так уж и крепок, паршивый янки,— усмехнулся он, заехав мне в челюсть.

Бам! Я ответил правым апперкотом в левую руку противника, и сильный удар сотряс его тело.

Я помог подняться Бренту с пола и усадил, а он сидел и смотрел на рефери пустыми ледяными глазами. Его болельщики орали:

— Мы тебе говорили, будь осторожен с этой гориллой, самодовольный осел!

Но Хвастун был крепок. Он собрал всю свою волю и при счете «девять», пошатываясь, вскочил, полный жажды борьбы и совершенно озверевший. Я решил окончательно добить Хвастуна и ударил прямо по его смертоносной правой руке. На какое-то мгновение показалось, что у меня снесена

половина головы, но я собрался и треснул Брента левым хуком в диафрагму. Он поспешно ретировался, прикрывая свое отступление меткими ударами левой. Гонг застал меня безуспешно гоняющим противника по всему рингу.

В начале следующего раунда многие держали пари, что победит Хвастун, и подначивали его крепче колотить меня и уворачиваться от ударов. Те же, кто ставили на меня, орали, чтобы он уклонялся от боя.

Но он продолжал придерживаться своей тактики и не шел на открытый бой. Закрывшись, согнутой правой рукой он прикрывал диафрагму, подбодренно оперся в плечо, а левую выставил вперед, чтобы отразить мой удар. Этой левой он периодически поколачивал меня, но я не обращал на это ни малейшего внимания, хотя из моей разбитой губы текла кровь. Еще нет такой левой, что могла бы вырубить меня! К концу раунда он опять пустил в ход правую, ударил меня в лицо, а я, приняв удар, ответил ему правой по ребрам.

От его удара у меня брызнула кровь. Толпа всколыхилась и начала орать, не заметив меткого удара, который я нанес по его ребрам. Но он, держу пари, заметил, повалившись на землю и тяжело дыша. Изумленные фанаты орали, чтобы он не придурился и добил проклятого янки. Толпа обычно не видит многого, что происходит на ринге прямо у нее на глазах. Она видит бешеные свинги, жестокие хуки, но пропускает большинство настоящих ударов, наносимых с близкого расстояния.

Теперь я стал преследовать Брента, сосредоточив внимание на его худом, длинном теле. Согнув плечи, опустив голову на волосатую грудь, я смело ринулся вперед, позволив ударить себя в ухо и по

макушке, а сам обеими руками одновременно нанес удары в живот и диафрагму. От левого хука под печень у Хвастуна перехватило дыхание. Он завил, как мачта на ветру, но отчаянным апперкотом заехал в мой подбородок, да так, что у меня закружилась голова. Когда прозвучал гонг, мы боролись у каната в клинче. Помощник Буйвола, охваченный азартом, поставил фунт, что я выйду победителем и нокаутирую Хвастуна. Он чуть не исколотил ни в чем не повинного служащего ринга, который, болея за Брента, показывал знаменитый «смокер» Фитцсиммонса. Я никогда не слышал о таком ударе! Повидимому, Хвастун понял, что дело худо, и с ударом гонга выскочил из своего угла, как кенгуру, прыгнув на меня. Я не сразу понял, что Брент изменил тактику.

В бешеной схватке проворный, способный боксер может на несколько минут выставить своего соперника в неприглядном виде, нанося удары быстрее и чаще. Но в итоге все решает мастерство. Удары неумех в счет не идут.

Когда Хвастун набросился на меня, толпа обезумела. Он колотил обеими руками мою голову и корпус так быстро, как только мог. Со стороны казалось, что я окончательно побит, но те, кто меня знал, устроили свои ставки. Брент не причинил своим наскоком никакого вреда, ну, подумаешь, немного поцарапал! Его удары были слишком быстрыми, чтобы повредить!

Вскоре, сквозь шквал ударов, мне все же удалось до него добраться. Рычание Брента раздавалось по всему залу. Он бросил обе руки к моей голове, но я ответил ему ударом левой по корпусу.

Наша борьба напоминала схватку быка с тигром. Он бросался на меня, быстро колотя, словно коша-

чьими лапами, а я, пригнув голову, время от времени бодал его в живот. Сильные удары моих рук несколько спустили пары соперника, и его шаги замедлились, а удары все больше напоминали легкие шлепки. Наконец я заметил его дрожащие колени! Именно тогда мне удалось изо всей силы двинуть его в челюсть.

Хвастун даже не пошевелился при счете «девять», и прозвучал гонг. Зрители ревели как сумасшедшие. Им казалось, что последний удар случайный, и нанес его отчаявшийся, потерянный человек. Ну как же: ведь Хвастун повалился именно тогда, когда все думали, что он победитель!

Но старые, опытные болельщики были не так просты. Откинувшись в своих креслах, они удовлетворенно подмигивали друг другу, как бы говоря:

— Видели? А мы что говорили?

Приятели Хвастуна хорошо поработали над ним и к началу четвертого раунда привели того в чувство. Что они с ним делали, я не видел, но он казался абсолютно свежим и полностью восстановившим силы.

Он двинулся на меня с вытянутой левой рукой, и я заметил, что перчатка у Брента влажная. Наверное, на него вылили немало воды!

Я проворно скользнул вперед, а Хвастун сунул мне прямо в лицо вытянутую руку. Сначала я не обратил на это никакого внимания, но, когда перчатка оказалась в дюйме от моих глаз, в мой нос ударил специфический, противный запах. Я увернулся, но не достаточно быстро. В следующее мгновение мои глаза буквально обожгло огнем! Его перчатка была полита скипидаром!

Увернувшись, я схватил его за запястье. С бешеным ревом, который и по сей день стоит в моих

ушах, другой рукой я схватил противника за локоть и, не обратив никакого внимания на его удар правой по уху, мазнул по лицу Брента его же перчаткой. Раздался душераздирающий вопль. Зрители недоуменно заорали, а рефери бросился к нам выяснять, что происходит на ринге.

— А ну! — пронзительно кричал он, пытаясь разнять клубок сцепившихся тел. — Что здесь происходит? Как вам не стыдно? Ох-х-х!

По несчастливому стечению обстоятельств, ослепший от скипидара Хвастун принял рефери за меня и нанес последнему сокрушительный свинг между глаз смоченной скипидаром перчаткой.

Я же, упустив врага, испугался нападения сзади. К этому моменту, будучи уже совершенно ослепшим и не зная, где находится Хвастун, я, опустив голову, начал молотить наугад обеими руками. Позже мне рассказали, что Хвастун проделывал то же самое, а рефери бегал по рингу, как скаковая лошадь, призывая на помощь полицию, армию, флот и всех остальных! Толпа совершенно спятила, не понимая, что происходит.

— Ох уж этот гад Брент! — выл скачущий рефери. — Он плеснул в меня купоросом, чтоб ему повылазило!

— Выше голову, приятель! — кричали из толпы. — Надо же, оба слепы!

— Как же тут судить? — вопил рефери, совершая замысловатые кульбиты. — Что происходит на ринге?

— Хвастун свингом заехал своему тренеру! — весело орала толпа. — Моряк вошел в клинч со стойкой!

Услышав это, я с досадой понял, что налетел на какой-то предмет и, приняв его за Хвастуна, пова-

лил его. По восхищенному реву зрителей понятно было, как я ошибся. Обезумев от боли в глазах и постигшей меня неудачи, я бросился вперед и левым хуком заехал кому-то в голову. Так как рефери метался по рингу, я решил, что это Хвастун, и не ошибся, потому что немедленно получил удар в живот.

Проигнорировав эту грубость, я держал его за шею и молотил почем зря. Примерно рассчитав, где должна быть челюсть Брента, я нанес сокрушительный удар и оттолкнул его. По тяжести удара о брезент я понял, что отключил противника на всю ночь.

Ощупью пробравшись в угол ринга, я стал протирать глаза. Рефери, поднявшись на ноги, вопил:

— Ну как можно слепым судить матч в этом сумасшедшем доме? Что там происходит?

— Хвастун лежит! Считай! — кричали ему.

— Где он? — вопил несчастный рефери, носясь по рингу.

— В трех футах по левому борту! — орали сочувствующие.

Споткнувшись, он упал на корчащегося Хвастуна.

Рефери поднялся и торжествующе стал считать, при каждом счете ударяя ногой по ребрам Брента.

— Восемь! Девять! Десять! С тобой все кончено, проклятый убийца, пират паршивый! — заорал он, нанося последний пинок.

Я же перелез через канаты, и тренер повел меня в раздевалку. Вам когда-нибудь попадал в глаза скипидар? То-то же! Никогда не знал ничего болезненнее! Так можно ослепнуть насовсем!

Но когда тренер умело промыл мне глаза, я пришел в полный порядок. Забрав у Буйвола свой

заработок, я направил стопы в Американский Морской Бар, где меня должен был ждать Шифти Керен. Время, назначенное для встречи, давно прошло, а его все не было. Я поинтересовался у бармена, знавшего этого пройдоху, не видел ли он Керена, на что тот ответил: «Шифти был, подождал с полчаса и снялся с якоря». Он же поведал мне, где живет Шифти.

Бармен любезно согласился до моего возвращения поддержать у себя Майка, потому что пес люто ненавидел Делрано, а я не хотел, чтобы он покусал Крошку, когда мы с Шифти будем забирать его из тюрьмы. Придя по указанному адресу, я поднялся в комнату Шифти, которую мне, ворча, показала хозяйка дома, и уже было хотел постучать, как услышал голос. Похоже, что говорил Крошка, но смысла я не разобрал, поэтому постучал и вошел.

В комнате трое мужчин играли в карты. Это были Шифти, Билл Слейн, тренер Крошки, и сам Крошка.

— Привет, Стив,— воровато подмигнул Шифти.— Что ты здесь делаешь?

— Как это что делаю? — удивился я.— Я принес деньги, чтобы уплатить за Крошку штраф, но вижу, что это уже не требуется, раз его выпустили!

Делрано вытянул шею, желая удостовериться, не привел ли я Майка, и с довольно противной усмешкой спросил:

— Что это с твоей физиономией, Стив? Тебе по носу заехала уличная девчонка?

— Если хочешь знать,— зарычал я,— я заработал для тебя шесть фунтов! Шифти сказал, что ты попал в передрагу, а у меня не было денег, поэтому я дрался в Южно-Африканском Клубе, пытаясь вытащить тебя, заплатив штраф!

Крошка со Слейном разразились хохотом, к ним присоединился и Шифти.

— Над чем смеетесь? — взбесился я. — Думаете, вру?

— Да нет, не врешь, — смеялся Крошка. — Но ты, парень, все же дурак! Впрочем, чего можно ждать от такой обrazyны, как ты!

— Видишь ли, Стив, — начал Шифти, — Крошка...

— Заткнись, Шифти! — бросил Делрано. — Пусть этот простофиля узнает как его прокатили! Я расскажу, каким дураком он оказался! С ним ведь нет его проклятого бульдога, а с нами троими ему не справиться.

Делрано встал и придвинул ко мне ухмыляющуюся физиономию.

— Из всех слабоумных простаков, которых я знал, — чеканил он, словно ударяя хлыстом, — ты просто супер! Успокойся, Костиган, я не разорился и не сидел в тюрьме! Хочешь знать, почему Шифти надул тебя? Мы с ним заключили пари на десять долларов, что ты, при всей твоей ненависти ко мне, обязательно попадешься на душещипательную сказочку и выложишь последний цент! Так и произошло! Подумать только, ты дрался за деньги ради меня! Ха-ха-ха! Ну ты и болван! Непроходимый болван! Веришь всему, что бы тебе ни сказали! Никогда ты ничего не добьешься! Посмотри на меня — я бы и слепому не дал ни цента, даже если бы он помирал с голоду! Но ты! Ну и дурак! Да если бы Шифти и очень хотел выиграть свои десять баксов, он не стал бы ждать тебя в баре, а ты все равно отдал бы эти деньги! Ну да ладно! Я полностью удовлетворен нашим розыгрышем и рад, что тебя крепко побрили, когда ты зарабатывал деньги на мой штраф! Ха-ха-ха!

Гневный туман застил мне глаза. Мои огромные кулаки сжались так, что побелели суставы, а когда я заговорил, мой голос срывался от злости.

— Такие крысы, как вы, живут везде! Если бы вам удалось обчистить мои карманы или избить толпой из-за денег, я бы понял. Если бы вы обыграли меня краплеными картами, я бы и тогда не возмутился. Но вы воззвали к лучшей части моей натуры! Вы воззвали к моему патриотизму и прирожденному чувству товарищества, а против этого не устоит ни один приличный человек! Вы воззвали к моей национальной гордости. Я сделал это не ради тебя, Крошка, и не ради такого тупицы я пролил кровь и рисковал глазами! Я сделал это ради принципов, над которыми вы смеетесь и которые втаптываете в грязь: ради чести нашей страны и дружбы американцев во всем мире! А вы просто грязные свиньи! Вы недостойны называться американцами. Слава Богу, на одного такого, как вы, есть десять тысяч приличных людей вроде меня. И если выручить соотечественника в чужой стране по-вашему называется быть дураком, я благодарю Бога за то, что оказался болваном. Пусть я дурак, но не такой уж размазня, чтобы не проучить вас! Почувствуйте это для разнообразия!

С этими словами я неожиданно ударил левой Крошке в глаз. Он завопил и ответил мне ударом в челюсть, но ему не повезло. Он побеждал меня на ринге, но ничего не мог сделать со мной голыми руками в тесной комнатенке, где парню негде было увернуться от моих хуков. Ослепленный яростью, я боднул его в живот и перевернул, как норовистого быка. Не помню, ударил ли он меня в ответ. Знаю только, что каскадом сокрушительных ударов отбросил Крошку в угол комнаты, где он и остался

лежать с заплывшим глазом и переломанной рукой на обломках трех или четырех стульев. Затем я повернулся к его войску и уложил Билла Слейна ударом в челюсть. Шифти бросился к двери, но я поймал его и с размаха отшвырнул в угол.

Тихо и величаво я прошел по всей улице, но меня переполняло чувство горечи. Из всех грязных, подлых делишек, с которыми мне приходилось сталкиваться, это было самое мерзкое. А может быть, они правы, называя меня простаком? Мне уже казалось, что я поддаюсь на любые уловки. Я сошел с ума! Я окончательно сошел с ума!

К немалому удивлению прохожих, я погрозил кулаком всему миру, чем напугал ни в чем не повинных людей.

Теперь, решил я, я буду более твердым! Я не поддамся ни на какие провокации! Больше никто не получит от меня ни цента!

В этот момент поблизости послышался какой-то шум. Несмотря на поздний час, перед дверьми третьегоэтажного пансиона собралась многочисленная толпа. Довольно привлекательная молодая блондинка, рыдая, умоляла о чем-то крепкую на вид даму, которая, подбоченившись, сурово и непреклонно стояла на крыльце.

— О, пожалуйста, не прогоняйте меня! — причитала девушка. — Мне некуда идти! У меня нет работы! Ну, пожалуйста!

Для меня невозможно слышать рыдания женщины. Протиснувшись поближе, я спросил:

— Что здесь происходит?

Девушка продолжала рыдать.

— Эта шлюха задолжала мне десять фунтов, — прорывалась дама. — Пусть платит или выметается!

— Где ее вещи? — спросил я.

— Я забрала их в счет долга! — огрызнулась дама. — А вам-то что за дело?

Девушка стала тихо оседать на землю. Я подумал, что если сегодня ее выпшвырнут на улицу, то завтра в заливе выловят еще один труп, и сказал хозяйке:

— Вот, возьмите, здесь шесть фунтов ровно.

— А больше у вас нет?

— Нет! — честно признался я.

— Ладно, сойдет и это! — она выхватила деньги, как чайка хватает рыбу. — Так и быть, — обратилась она к девушке, — можешь остаться еще на недельку! А там или найдешь работу, или еще какой-нибудь тупоголовый янки заплатит за тебя!

Она скрылась за дверью, а толпа разразилась хвалебными криками, отчего моя грудь выпятилась чуть ли не на полфута. Девушка подошла ко мне и робко произнесла:

— Благодарю вас! Я не могу выразить, как ценю ваш поступок!

Совершенно неожиданно она обняла и поцеловала меня, а потом взбежала по ступенькам крыльца и скрылась в доме. Толпа продолжила восхвалять меня, а я в приподнятом настроении зашагал по улице.

«Игра стоила свеч! — думал я. — Никогда не жаль денег на доброе дело, но темными делами меня больше не проведут!»

Я зашел в Американский Морской Бар, где меня заждался Майк. Он завилял обрубок хвоста и оскалил широкую морду. Нащупав в кармане штанов два американских пятицентовика, о которых совсем забыл, я заплатил бармену одну монету за миску пива для Майка. Когда мой пес лакал угощение, бармен, посмотрев на зал, сказал:

— Похоже здесь появилась пансионерка-Кейти!

— Что ты хочешь сказать? — не понял я.

— Кейти, — объяснил он, пригладив усы, — обдeldывает свои делишки по всей Австралии и западному берегу Африки, но в Южной Африке я вижу ее впервые. Она промышляет тем, что берет в долю какую-нибудь хозяйку пансиона и та делает вид, что выгоняет ее за долги. Кейти рыдает, причитает и все такое, а тут обязательно появляется какой-нибудь сердобольный морячок и отдает хозяйке деньги, которые ей якобы должна Кейти. А потом они делят выручку пополам!

— Ух ты! — сказал я, скрипнув зубами. — А эта Кейти часом не блондинка?

— Естественно! — подтвердил бармен. — И чертовски пикантная. А что?

— Да нет, ничего! Налей-ка мне пивка и возьми этот пятицентовик, пока его никто у меня не отобрал!

ТЕХАССКИЕ ДРАЧУНЫ

Н

е прошло и нескольких часов, как «Морячка» пришвартовалась в Тампико, а я уже успел сцепиться с огромным скандинавом с грузового судна. Не помню, о чем мы спорили, кажется, как сказать правильное — судно или пароход. Во всяком случае, дискуссия накалилась настолько, что этот парень врезал мне свингом. Весил он, наверное, фунтов триста, но я легко с ним

разделался: ударил разок, и он остался лежать под разбитым столом.

Испытывая отвращение, я вернулся к своему пиву и тут заметил группу парней, с удивлением глазевших на меня. Это были ковбои, прямо со своих ранчо, все белые, высокие, мускулистые, в широкополых шляпах, кожаных штанах, с большими мексиканскими шпорами, пистолетами и прочим снаряжением. Их было человек десять.

— На ловца и зверь бежит! — сказал самый высокий. — Бьюсь об заклад, ребята, это свой парень! Эй, приятель, выпей с нами! Иди к нам! Поговорим!

Мы принялись за пиво. Высокий ковбой бросал восхищенные взгляды на скандинава, который уже отошел и затеял ссору с барменом, плеснув в того водой.

Высокий сказал:

— Разреши представиться. Мы — работники с ранчо старого Билла Дорнли «Алмаз-Д», что лежит на холмах. Меня зовут Слим, а это — Рэд, Текс, Джо, Юма, Бак, Джим, Шорти, Пит и Кид. Сейчас узнаешь, зачем мы приехали в город! На холмах, недалеко от «Алмаза-Д», есть рудник, и среди тамошних горняков имеется один парень, самый

сильный в здешних местах. Они натравливают его против всех приходящих, и мне даже противно говорить, что он сотворил с нашими ребятами, которые имели неосторожность сцепиться с ним.

Горняки устроили ринг, на котором проводят бои для всех, кто пожелает сразиться с этим чудовищем. Он нокаутировал на этом ринге Джо, мощным ударом расправился с Рэдом, который вышел против него с голыми руками. Он просто медведь, и его друзья-горняки обходятся с нами довольно круто. На нашем ранчо нет человека, способного

завалить этого гризли, вот мы и приехали в город, чтобы найти парня, который согласился бы помахать кулаками. Мы-то привычней к своим пушкам, чем к рукам. Так вот, только я углядел, как ты уложил этого громадного шведа, тут же сказал себе: Слим, это тот, кто тебе нужен! Как думаешь, амиго? Поднимешься с нами на холмы и утихомиришь этого забияку? У нас хорошие ставки, мы за ценой не постоим!

— Далеко ваше ранчо? — поинтересовался я.

— Примерно в дне езды на лошади, а может, чуть меньше.

— Исключено! С четвероногим транспортом мне не справиться! Я ездил верхами раза три-четыре и больше не хочу повторять эти эксперименты!

— Ладно! Достанем автомобиль и довезем тебя по высшему разряду!

— Наверное, я откажусь. Хотелось бы отдохнуть в порту. За плечами очень тяжелый рейс. Нам не повезло с погодой, кидало из одного шторма в другой. Старику пришлось нанять нового помощника капитана — старый остался в тюрьме Мельбурна, и мы воевали с этим помощником всю дорогу от Мельбурна до Панама, где он не выдержал и сбежал.

Ковбой наперебой заспорили, но Слим остановил их:

— Ладно, ребята. Наверное, джентльмен знает, чего хочет. Найдем кого-нибудь другого. Не расстраивайтесь. Выпьем еще?

В его глазах, почудилось мне, мелькнул загадочный блеск, и, когда он подходил к бармену, мне показалось — он подал тому какой-то знак. Но в голове у меня на этот счет не промелькнуло ни единой мысли. Бармен поставил на стол бутылку

крепкого напитка, и Слим, разлив его по стаканам, спросил:

— Как, ты говоришь, тебя зовут, амиго?

— Стив Костиган с «Морячки». Друзья, я хочу, чтобы вы познакомились с моими товарищами, Биллом О'Брайеном и Мушси Хансеном. Они скоро будут здесь и приведут моего бульдога Майка. Я их жду. А у этой дряни забавный вкус!

— Это первосортная текила, — объяснил Слим. — Костиган, мне очень хочется, чтобы ты передумал, поехал на ранчо и отстоял нашу честь!

— Не выйдет! Хочется хоть немного мирно и спокойно отдохнуть. Слушай, что за черт... черт...

Я выпил всего лишь глоток этого пойла со странным вкусом, а бар уже поплыл перед глазами. Я тряхнул головой и сквозь наплывающий туман смутно увидел ковбоев. Сгрудившись, они о чем-то шептались. Словно сквозь сон я услышал:

— Он уже готов! Хватайте его!

Собрав силы, я с трудом поднялся, в ярости опрокинув стол.

— Ах вы сухопутные акулы! Вы подсыпали мне наркотик!

— Хватайте его, ребята! — заорал Слим.

Трое или четверо ковбоев бросились на меня, но я отмел их, как мусор, и саданул Слива в подбородок. Он упал. Рэду я до крови разбил нос, и в этот момент Пит врзал мне по голове дулом своего пистолета. Взыв, как сумасшедший, я повернулся к нему, но он почему-то побледнел, открыл рот и выронил пистолет. Воткнув левую руку почти до запястья в его живот, я почувствовал, как на меня навалились остальные. В общей свалке я почти сжевал большой палец Юмы, но противникам удалось связать меня какими-то веревками. Наркотик начал

свое губительное действие, и я надолго отключился. Смутно помнились толчки и удары, когда меня везли на автомобиле по ухабистой дороге. Потом меня бросили на койку и развязали. Все.

Я проснулся от звуков голосов, сел и выругался. Болела голова, а во рту все еще ощущался отвратительный вкус. Пощупав затылок, я обнаружил повязку и раздраженно ее сорвал. Черт подери! Неужели царапина от дула пистолета требует перевязки?

Я осмотрелся и обнаружил, что нахожусь в маленькой хижине, сложенной из тяжелых плит.

Снаружи раздался голос Слима:

— Нет, мисс Джоан, я не пушу вас туда! Он еще не пришел в себя: все стены еще целы! Но в любую минуту он может очухаться, и я не знаю, что сотворит с вами этот монстр! Прощу вас, мисс Джоан!

— Ну что же, — ответил женский голос, — ваши ребята, видимо, славно поработали, чтобы похитить этого бедного моряка и привезти сюда только ради того, чтобы он отлупил горняка.

— Ей-богу, мисс Джоан, — обиделся Слим, — если и хотите посочувствовать кому-то, то уж не этой горишке! Посочувствуйте лучше нам! Заказывая выпивку, я подмигнул бармену, чтобы тот принес наркотик, и он, наливая моряку, всыпал ему в стакан здоровенную дозу, способную вырубить двух-трех человек. Зелье ударило ему в голову, но он еще держался и учинил мордобой. Нанося удары, он чуть было не дошел до членовредительства! Только посмотрите на мой подбородок! Когда он мне вдарил, я целую секунду опасался за свой позвоночник! Он расквасил нос Рэду, вы это сегодня могли видеть. Пит так засадил ему по башке, что согнул дуло своего сорок пятого, но Костиган от этого точно спятил. У Пита до сих пор

болит живот от его удара! Поверьте, мисс Джоан, мы заслуживаем медалей: рисковали жизнью, хотя сразу этого и не понимали. Если бы не наркотик, Костиган всех бы нас уничтожил! Если ваш папа меня не пристрелит, я пойду работать в цирк укротителем тигров!

Тут я решил дать понять, что очнулся, и показать им, что их проделка не сойдет с рук. С ревом оторвав койку от стены, я швырнул ее в дверь; девушка закричала, а Слим распахнул то, что осталось от двери, и вошел в хижину. Через его плечо я увидел стройную, миловидную девушку, удаляющуюся по направлению к жилому дому.

— Хотел грохнуть мисс Джоан? — зарычал Слим, потирая синяк на подбородке.

— Я вовсе не хотел пугать даму, — взбеленился я, — но через пять минут разнесу тут все! Думаете, вы безнаказанно могли меня опохмелить? Желаю плотно позавтракать и вернуться в порт!

— Получишь все, если согласишься выполнить наши требования, — ответил Слим. — А пока не договоримся, не получишь ни шиша!

— Лишаете человека пищи, да еще и опаиваете? — бушевал я. — Я скажу тебе, кухаркин сын без кожи и рожи...

— Ничего ты не сделаешь! — заревел Слим. — Выхватив пистолет с длинным дулом, он приставил его к моему лбу.

— Или ты сделаешь то, что я тебе прикажу, или распрощаешься с жизнью!

От этого я разъярился еще больше. Кулаком выбил оружие, повалил его навзничь и, упиваясь своей силой, начал топтать ногами.

Услышав крики, ковбои набросились на меня, пытаясь защитить своего друга. Некоторое время

мы клубком катались по полу, оглушительно вопя и молотя друг друга кулаками и ботинками. Но их было слишком много, да и бойцы они были отменные. Когда в конце концов им удалось снова связать меня, боковая стенка хижины отошла, крыша обвалилась, а Джо, Шорти и Бак валялись в полном отрубе.

Слим, хромая, выбрался из-под обломков хижины и укоризненно взглянул на меня единственным здоровым глазом, — другие тем временем ощупывали себя на предмет сломанных костей и окатывали водой павших гладиаторов.

— Ну ты, сопатый буйвол, — рычал Слим. — Как у меня чешутся руки врезать тебе под ребра! Как, будешь драться или останешься связанным?

Поблизости располагалась кухонька, откуда доносился аппетитный запах яичницы с беконом. Со вчерашнего дня я ничего не ел и был так голоден, что готов был живьем съесть хоть морского ежа.

— Развяжите меня! — заорал я. — Есть хочу! Черт с вами, я побью вашего паршивого горняка, а потом разнесу вашу лачугу, разобью вам головы и оставлю ваше дурацкое ранчо!

— Парень, — произнес Слим, улыбаясь и сплевывая выбитый зуб, — если ты его сделаешь, мои ребята отпустят тебя на все четыре стороны! Ты свободен, вперед!

— Пошлем кого-нибудь на рудник Буэно-Оро и скажем этим мерзавцам, что мы нашли боксера, — предложил Пит, пытаясь вправить большой палец, вывихнутый о мою челюсть.

— Неплохая идея, — одобрил Слим. — Эй, Кид, съезди и скажи им, что у нас есть парень, который уделает их длиннорогого. Думаю, деньков через пять мы сможем устроить драку, а, моряк?

— Так уж и через пять дней! — проворчал я. — «Морячка» отплывает послезавтра, и я должен быть на ней. Скажи им, что у нас свободен только сегодняшний вечер!

— Вот это да! — восхитился Слим. — И тебе не надо тренироваться хотя бы несколько дней?

— Не будь я в форме, пять дней меня не спасли бы. Но я всегда в форме! А теперь — к столу. Умираю, хочу есть!

Ковбои злобы на меня не держали. Кид оседлал жеребца с хвостом, похожим на метлу, и пустил его по холмам, а все мы отправились на кухню.

Джо орал вслед Киду:

— Ищи ужасного Лопеса!

Все дружно смеялись.

Мы уселись за стол, и повар принес яичницу с беконом, жареное мясо, хлеб, кофе и консервированную кукурузу с молоком: можно было наесться досыта. Я налег на еду, а ковбои смотрели на меня в некотором замешательстве.

— Эй, — сказал Слим, — не слишком ли ты набираешься для вечернего поединка?

— Да что вы, ковбои, понимаете в тренировках? Главное, чтобы сил хватило. Дай-ка мне еще бобов да попроси повара поджарить лишних пять-шесть яиц и дать мне побольше гречки! И кто этот Лопес, над которым вы смеялись?

— Ей богу, — хохотнул Текс, — ты говоришь совсем как техасец. Угадал я? Откуда ты родом?

— Из Галвестона.

— Вот это да! — заорал Текс. — Ну прости! Я на тебя поставлю! Кто такой Лопес? О, это мексиканский бандит, красивый парень, ничего не скажешь, но уж очень подлый. Живет на этих холмах, украл часть нашего имущества и совершил рейд на Буэно-

Оро. Всегда хвастает, что как-нибудь наведается на «Алмаз» и умыкнет Джоан. Это девчонка старого Билла Лорили. Правда, силенок у Лопеса для этого маловато!

— Маловато, — согласился Джим. — Жаль, старого Билла сейчас нет на ранчо, да и миссис Дорнли уехала к сыну в Захалтон. Они, конечно, получили бы удовольствие от драки. Но, держу пари, мисс Джоан объявится!

— Это та дама, которую я напугал, когда звал тебя? — спросил я Слима.

— Звал меня? Ты звал меня? — удивился он. — Черт, а я решил, что в старой хижине сидит разъяренный бык! Да, это она.

— Тогда передайте ей, что я не хотел ее пугать. Просто я привык в море кричать, чтобы меня слышали, когда шторм, вот у меня и выработался такой зычный голос.

Завтрак кончился, и Слим спросил:

— Что собираешься делать, Костиган? Мы хотим тебе помочь чем можем.

— Отлично. Дайте мне хорошую койку! Нет лучшей тренировки перед доброй стычкой, чем долгий, крепкий сон.

— Ладно. Тебе, видно, лучше знать, что нужно! Пока спишь, мы съездим в Буэно-Оро и сделаем ставки!

Ковбой указали мне укромное местечко в сарае, и вскоре я задремал.

Наверное, мне стоит описать ранчо. Стоял там очень симпатичный большой дом в испанском стиле, сложенный из камня. Вдоль задней стены располагались загоны для скота, кухня, длинный сарай, где жили ковбой, и несколько мексиканских хижин. Однако на «Алмазе-Д» работало не так уж мно-

го мексиканцев. На мексиканских ранчо, как правило, работают белые — на белых же хозяев. Холмы вокруг ранчо покрывала голубая полынь, росли там кактусы и карликовые дубы. Вдали виднелись горы. Проснулся я от дурманящего аромата еды: повар готовил обед. Сев на койке, я — о чудо! — обнаружил перед собой хрупкое создание, которое ковбой именовали «мисс Джоан». Она глазела на меня, как на морское чудо — что-то вроде морского конька.

Я было начал извиняться за то, что напугал ее утром, но она при звуке моего голоса тихо охнула и на всех парусах понеслась к дому. Меня это несколько обескуражило, но потом я уразумел, что она никогда раньше не видела моряков и, наслушавшись рассказней Слима, представляла меня кем-то вроде пирата!

Голодный как волк — с завтрака ничего не ел — я направился к кухне, куда уже подъехали веселые и довольные ковбой.

— Вот так так! — завопил Слим, увидев меня. — О, моя крошка, ну и кусачие же эти горняки! Хватают все, что плохо лежит! Боюсь, мы невыгодно поместили наши центы, а еще заложили и лошадей, и сбруи, и даже рубахи!

— Думаю, — добавил Рэд, указывая на свой разбитый нос и помахивая пистолетом, — тебе лучше победить!

— Не надо выставять меня клоуном, — фыркнул я. — Если не смогу одолеть соперника, никакой пистолет не поможет! Но не волнуйтесь, я его уложу, а потом и тебя, и всю твою родню! А теперь похаваем — умираю с голода!

Пока мы подкреплялись, Слим рассказал, что все улажено, горняки готовятся и схватка намече-

на на вечер. Потом ковбои начали наперебой хвастаться своими подвигами. Замечу, что более беспардонной лжи я никогда не слышал!

Кид бахвалился, как однажды он наткнулся на пуму, и у него не было с собой ни пистолета, ни ружья, ни веревки. Поэтому он, поймав голыми руками гремучую змею, сделал из нее аркан, поймал пуму и выжег ей клеймо! Он болтал, что в «Алмазе-Д» много клейменных пум, и если я встречу когда-нибудь одну из них, то, посмотрев на ее бок, смогу убедиться в правдивости его рассказа.

На это я ответил, что как-то раз в Персидском заливе поднялся такой ветер, что судно вылетело из воды, пролетело над Аравией и упало в Средиземное море! При этом снесло все мачты вместе с оснасткой, но мы, поймав акул, привязали их к носу судна, и они привезли нас в порт!

Мой рассказ немного поубавил им спеси, и Слим произнес:

— Не хочешь перед боем немного поразмять мускулы?

Продолжая злиться на них за учиненное надомной насилие, я ехидно сказал:

— Да, пожалуй, а то они у меня совсем затекли, так что, ребята, кому-нибудь из вас придется подражаться со мной — для тренировки!

Они, конечно, казались довольно утомленными, но согласились. Достав откуда-то пару потрепанных боксерских перчаток, мы приступили к тренировке. Первым со мной сцепился Джо...

Отливая его водой, они решили тянуть соломинку: кому быть следующим. Жребий пал на Слива.

— Эй богу, Костиган, — проговорил он, взглянув на часы, — я бы с удовольствием побоксировал с тобой, но уже пора двигаться в Буэно-Оро!

— Черт подери, у нас же еще полно времени! — возразил Бак.

Слим сердито взглянул на него:

— Бригадиру, то бишь мне, лучше знать, который теперь час! Я говорю: пора ехать к руднику! Мисс Джоан сказала, что доставит тебя на машине, а мы с Шорти будем сопровождать. Всякое может случиться, кто знает, какие шальные мысли могут взбрести в голову Лопесу! Парни поедут на лошадях!

Вот так. Джоан была очень миловидной девушкой и очень приветливой. Но, когда Слим нас познакомил, я заметил, что она нервничает, находясь поблизости от меня. Довольно обидно, но я не подавал вида, что заметил ее беспокойство.

Слим расположился на переднем сиденье рядом с Джоан, а мы с Шорти разместились на заднем. Мы ехали по колдобистой дороге, которая вскоре и вовсе исчезла. Однако мисс Джоан хорошо знала дорогу и уверенно вела машину к руднику.

Рудник и несколько домов вокруг него располагались на холмах, а примерно в полумиле от них, на широкой равнине, был устроен ринг. Недалеко от него проходил узкий каньон. Ближе к руднику нам пришлось выйти из машины и остаток пути пройти пешком, потому что ехать здесь было невозможно.

Вокруг ринга уже собралась огромная толпа. Я успел заметить, что в Буэно-Оро, так же как и на ранчо, преимущественно жили белые. Все горняки были высокими, крепкими людьми в тяжелых ботинках: все бородатые и все с пистолетами! Еще больше было ковбоев.

Они съехались со всех окрестных ранчо, сильные ребята, все с пистолетами. Ей богу, никогда в жизни я не видел столько пистолетов сразу!

Среди зрителей были и мексиканцы, мужчины и женщины, однако Джоан была единственной белой женщиной. Все мужчины снимали перед ней шляпы — я заключил, что она пользуется популярностью у этих грубых парней, некоторые из которых весьма напоминали пиратов.

Увидев меня, толпа заревела, а Слим закричал:

— Ну, горняцкое отродье, вот и он! Подумать страшно, что он сотворит с вашим любимцем!

Ковбой радостно завопил, а горняки только захохотали. К нам подошел управляющий рудником, человек, в руках которого была сосредоточена вся здешняя власть, — некий малый по имени Менли.

— Наш боксер одевается в палатке, — объявил он Слиму. — Подготовьте вашего человека и начнем!

Мне сказали, что где-то неподалеку шатается Лопес. Рудник сейчас не охраняется, все собрались здесь. Ему нечего там стянуть: руду мы отослали, а денег еще не получили... Однако кто его знает, что он может сотворить со зданием и оборудованием!

— Мы будем настороже, обещаю, — заверил Слим и повел меня в палатку возле ринга, служившую раздевалкой. В Тампико Слим купил пару боксерских перчаток. Он сказал, что ковбой хотят, чтобы я был снаряжен по всей форме!

На ринг я вышел первым. Поднялся шум. При виде моей мужественной фигуры многие ковбой стали снимать часы и вытягивать пистолеты, чтобы сделать ставки. Горняки последовали их примеру, и по скорости, с которой они расставались со своими ценностями, я понял, что они верят в своего бойца, как в самих себя.

Минуту спустя их боец появился на ринге, и воздух содрогнулся от приветственного воя. Я взглянул на него и открыл рот от удивления.

— Гримасник Лири, провалиться мне на этом месте! — воскликнул я.

— Это мы его так называем, — заметил Слим. — Ты его знаешь?

— Знаю ли я его? Да я, можно сказать, первые четырнадцать лет только и делал, что с ним махался! В Галвестоне нет ни одной улицы, не обгащенной нашей кровью! Я с детства его не видел, потому что стал моряком, а он пошел по другой стезе. Слышал только, что он имеет отношение к боксу. Ей богу, если бы я знал, что это он, вам бы не пришлось меня опаивать!

Нас вызвали на середину ринга, чтобы дать последние указания, и тут Лири, узнав меня, рывкнул:

— Будь я неладен! Зачем тебе драться для ковбоев? Ты же моряк!

— Точно! — отвечал я. — Чертовски рад видеть тебя здесь! Мы ведь так и не выяснили, кто из нас лучше! Если помнишь, во всех стычках никто из нас не смог одержать настоящей победы. Мы дрались до тех пор, пока не могли даже поднять перчатку или когда кто-нибудь не приводил копов! Теперь выясним раз и навсегда наши отношения!

— Ладно, — сказал он, оскалившись, словно троглодит. — Ты, Стив, классный парень, но, думаю, боксер я лучший! У меня крепкие свинги! Да и прозвище Драчун кое-что значит!

— Всегда ты был хвастунишкой. Драчун! Болтаешь, в отличие от меня! Разве я стану всем и каждому бахвалиться, какой я классный боксер? Мне это не нужно! И так все видят, что я чуть ли не самый лучший из всех ходивших по палубе! Давай, отряхнись, и начнем!

Рефери пытался дать нам какие-то указания, но мы обращали на него столь мало внимания, что, пробормотав под нос что-то невнятное, он велел нам приготовиться к рауту.

Толпа бушевала, требуя начала зрелища. Для мисс Джоан поставили легкий складной стул, а все мужчины встали как можно ближе к рингу — их носы почти высовывались из-под канатов!

— Ради всего святого, Стив, — шепнул мне Слим, покидая ринг, — не подведи нас! Похоже, Лири еще подлее, чем мы думали!

Должен признаться, Драчун — крепкий орешек. Ростом всего пять футов против моих шести, а весит на пять фунтов больше. У него широкая, словно дверь, грудь, огромные кулаки и руки, как у гориллы. Он весь зарос волосами, под которыми, словно стальные бугры, перекачиваются мускулы. Лицо его не отличается красотой из-за сломанного носа и уха, похожего на кочан цветной капусты. И все же выглядит он выносливым, классным боксером.

Ударил гонг, и он, как тайфун, вылетел из своего угла. Мы встретились в центре ринга. По чистой случайности он первым нанес мне сокрушительный левый хук по голове и чуть не свернул мне шею. Зрители завопили, как сумасшедшие, но я ответил хуком в его похожее на цветную капусту ухо — словно пистолетным выстрелом. Мы начали энергично мутузить друг друга, как в детстве, не желая отступать.

Он исхитрился нанести мне левый апперкот в согнутую руку, отразив мой правый хук. Этот трюк он проделывал еще на галвестонских улицах и хорошо его помнил. Прежде я никогда не успевал увернуться от этого хитрого и сильного удара.

Мы дрались, и он снова и снова запрокидывал назад мою голову. Но шея у меня как сталь, и не каждому дано оттянуть ее назад.

Он не забывал и о своей правой. Любил бить мне по уху именно с правой. Я же тем временем молотил его в печень, в живот и в диафрагму, время от времени поддавая ему по голове то правой, то левой. Первый раунд прошел без преимущества сторон, но перед ударом гонга он левым апперкотом разбил мне губу, из которой ручьем полилась кровь.

— Первая кровь,— ухмыльнулся Драчун и вернулся в свой угол.

Обеспокоенный Слим вытирал мне кровь.

— Хорошо он тебя отделал, Стив,— ворчал он. Я кивнул.

— А ты думаешь, я только его похлопываю? Через раунд-другой он почувствует силу моих ударов! Не волнуйся: я годами ждал этого часа!

Когда удар гонга возвестил о начале второго раунда, мы начали все сначала. Драчун подлетел ко мне так, словно собирался разорвать меня на части, но я встретил его левым хуком в подбородок. Глаза у него закатились, но он, скрежеща зубами, начал загонять меня в угол, да так рьяно, что, несмотря на все мое сопротивление, ему удалось отбросить меня назад.

Опустив голову, он орудовал обеими руками с молниеносной быстротой, носясь по рингу, словно разъяренный бык. От его правого хука в живот я пошатнулся, но устоял и тут же остановил его атаку правым апперкотом в голову. Драчун заворчал и со своего положения заехал мне правым свингом. Я не успел увернуться. Удар был мощным — меня отбросило назад.

Горняки восторженно заревели, ковбои вопили от досады, но я был в полном порядке. Презритель-

но фыркнув, я встретил рванувшегося ко мне Лири прямой левой. Его голова дернулась и тут же я нанес правый апперкот.

Драчун хуками колотил меня в голову, не забывая правой рукой наносить удары под сердце, а я отвечал ему ударами левой в диафрагму — он только хрюкал. Ударом сверху я попытался разбить ему челость, но он блокировал удар и моментально ответил мощным правым свингом.

Я нырнул под его левую руку, намереваясь обеими руками достать его корпус, но он обхватил меня, прижал к себе и тем самым смягчил мои удары.

Мы оторвались друг от друга раньше, чем Менли успел разнять нас, и тотчас же угостили друг друга: я его хуками по голове, а он меня таким ударом по переносице, от которого у меня посыпались искры из глаз. Так мы и стояли голова к голове в центре ринга, обмениваясь крепкими ударами, пока у обоих не закружились головы.

Гонга мы не слышали. Рефери пришлось разнять нас и растащить по углам.

К тому времени толпа окончательно озверела: ковбой кричали, что этот раунд выиграл я, горняки же клялись, что Драчун сделал меня по всем статьям. Я лишь посмеивался, а Драчун неприязненно хныкал. Надо сказать, что, начиная поединок, я вовсе не рассчитывал на победу по очкам. Самое главное для меня — уложить соперника в глубокий нокаут! И я знал, что Драчун думает так же.

Лири оказался в моем углу в начале следующего раунда раньше, чем я успел подняться со стула, и принял мой убийственный удар правой. Я продолжал орудовать правой, однако Драчун, восстановив равновесие, припечатал меня левым апперкотом. Он почти подкосил меня этим ударом, но я с ревом

ринулся на него и загнал в центр ринга серией коротких сильных ударов, которые он не смог остановить. Левым хуком по корпусу я сотряс его до самых пяток и ударил правым хуком в голову. Он взметнул вверх левую руку, стремясь нанести хитрый апперкот, подняв правый локоть, чтобы поставить блокировку. Он с силой врезал мне правой по незащищенному подбородку. Брызнула кровь, и я, шатаясь, отступил, а Драчун, одержимый жаждой убийства и воодушевленный криками зрителей, потерял голову и, молотя обеими руками, бросился вперед, совершенно забыв о защите!

Я наказал его сокрушительным левым хуком в челюсть, и он зашатался, как клиппер во время шторма. Я ударил его правой под сердце и треснул левой по уху. Тогда он, словно медведь-гризли, повис на мне, мотая головой, чтобы унять головокружение. Крепкий парень! Очень крепкий! К тому времени, когда рефери удалось разнять нас, его голова прояснилась и он, взревев от ярости, что есть силы ударил меня в нос. Потекла кровь.

Звук гонга разнял нас, бодающихся головами. Слим и его ребята были настолько удручены, что даже не могли вытереть кровь и дать мне пососать ломтик лимона! Мне казалось, что поединок длится уже раундов пятнадцать—двадцать. Не могу сказать, чтобы я устал или ослабел, но я знал, что Драчун вынослив, как гранитный булыжник. Мне хотелось сломить его сопротивление, избив его тело, но ему было все нипочем!

Как и я, он в большинстве своих поединков побеждал, беря противника измором.

И все же, принимая во внимание силу наших рук, всякое могло случиться. Как показало дальнейшее — случилось!

Четвертый раунд начался так же, как и предыдущие. Мы на равных боролись за победу. В пятом раунде я рассек Драчуна висок, а он мне ухо. К началу шестого наши силы были на исходе. Один глаз у меня наполовину заплыл, из губы, носа и рассеченного уха ручьем текла кровь. Драчун потерял зуб. Рана на виске сочилась кровью, а на левых ребрах появились следы моих ударов.

Мы снова сцепились — Драчун левым хуком снова разбил мне губы. Его правая рука скользнула по моей голове, и снова он меня припечатал левым апперкотом. Я со всей силы всадил правую в его ребра, и оба мы выбросили вперед левые руки. Но он опередил меня и нанес мне сокрушительный удар. Его перчатка ударила меня прямо в заплывший глаз, и я на мгновение ослеп.

Теперь обеими руками он наносил свинги, вкладывая в удары всю свою бычью силу. Баммм! Этот мастер свинга врезал мне прямо в подбородок, словно трахнул кувалдой! Земля ушла у меня из-под ног, затылок ударился о брезент так, что чуть мозги не выплеснулись.

Я помотал головой и огляделся, намереваясь вычислить Драчуна. Он стоял за спиной у рефери и, оскалив зубы, смотрел на меня. Рефери считал, зрители буйствовали. Драчун улыбался и махал мне перчаткой, выкрикивая всякие непотребности — горняки плясали, прыгали и чуть не целовались от радости, а побледневшие ковбои, вытаскивая свои пистолеты, орали, чтобы я поднимался. Думаю, если бы я не встал, они начали бы палить из своих пушек. Но я встал. Впервые я был вне себя от ярости на Драчуна, но не потому, что он меня чуть не нокаутировал, а из-за выражения его самодовольной физиономии!

Я-то знал, что я лучше него!

Взревев, я вскочил в бешенстве. Драчун быстро утер свою самодовольную физиономию и встретил меня ударом левой. Но меня уже было не остановить. Ощувив свое преимущество, я начал усердно работать обеими руками. Быстро сообразив, что в схватке на ближнем расстоянии ему со мной не справиться, Драчун со страшной силой оттолкнул меня и тотчас же крепким свингом ударил в голову. Я увернулся и ответил ему левым хуком. Тогда последовал удар левой в корпус и одновременно — правой в ухо. Я исхитрился залепить ему в висок левым хуком, мазнул по голове и, как молотом, ударил в челюсть. Удар пришелся на секунду раньше, чем ответный. Драчун рухнул как подкошенный.

Однако он жаждал наказать меня. Пофыркивая и ворча, он лежал посреди ринга, мотая головой, словно пьяный, и при счете «семь» встал. Правда, стоял он нетвердо: нечасто достается удар такой силы! Лири бросился на меня и правым свингом врезал мне по ребрам. Я пошатнулся, но все же снова опрокинул его сокрушительным левым хуком в подбородок.

На этот раз я был уверен, что Лири не ведет в счете, а посему позволил себе отступить в дальний угол и улыбнуться Слимму и всем остальным ковбоям, отплясывающим, словно индейцы, снявшие скальп. Горняки орали Драчуну, чтобы тот поднимался.

Менли считал, выбрасывая пальцы. При счете «семь» внезапно прогрехотали выстрелы. Менли резко осекся и оглянулся в сторону рудника.

Все посмотрели туда же. В полумиле от нас, около зданий рудника, палили какие-то бандиты. Все они были на лошадях. Менли отчаянно завопил и быстро смылся с ринга.

— Это Лопес со своими бандитами! — кричал он. — Рудник без охраны! Если не остановить их, они сожгут дома и все разрушат! Марш, марш!

Он вскочил в седло и, вздымая облака пыли, поскакал по равнине. Толпа последовала за ним, кто верхом, а кто и просто пешком — но все без исключения с оружием.

Слим спрыгнул с ринга и обратился к мисс Джоан:

— Оставайтесь здесь, вы будете в безопасности, а мы вернемся и закончим поединок, как только прогоним этих проклятых мексиканцев! Меня охватила досада. Все эти болваны помчались спасать рудник, оставив нас с Драчуном на ринге — в то время когда я почти выиграл поединок!

Драчун отряхнулся и лениво фыркнул.

Я раздраженно бросил ему:

— Хватит ломать комедию!

— Что такое? — переспросил он, оглядываясь. — Куда делся Менли? Где зрители? Что это за стрельба?

— Все зрители отправились выгонять Лопеса с его весельчаками, — огрызнулся я. В тот момент, когда я тебя нокаутировал, этот придурок рефери прекратил счет!

— Хотя что-то, — пробормотал Драчун, а потом оживился, — теперь понятно! Если это банда Лопеса, то, конечно...

Не успел он закончить, как снова поднялась стрельба. Было видно, как, отстреливаясь, мексиканцы начали отступать под натиском ковбоев.

— Эй, Стив, — проговорил Драчун, — зачем ждать, когда они вернутся? Давай закончим поединок!

— Не стоит драться, пока все не вернется, — несколько нервно попросила Джоан. — Я что-то себя неважно чувствую. О...

Она вскрикнула и побледнела. Оглянувшись, я увидел мексиканца, выезжавшего из каньона, что лежал позади ринга.

Парень был молод и хорош собой, если бы не злое, насмешливое лицо. Под ним была прекрасная лошадь, а его одежда, должно быть, стоила не меньше шести месячных жалований. На нем были узкие штаны, обшитые снизу серебряными долларами, хорошие сапоги с блестящими шпорами, на голове — дорогое сомбреро, самое дорогое из тех, что мне приходилось видеть. К седлу приторочен карабин в кобуре, а на бедре поблескивал люгер.

— О Боже, — пробормотал Драчун, — да ведь это сам ужасный Лопес!

— Приветствую вас, сеньорита, — произнес всадник, сверкнув из-под черных усов ослепительными зубами. Он снял сомбреро и отвесил глубокий поклон, насколько позволяло седло. — Лопес держит слово! Говорил я вам, что еще встретимся! Ого, я не так уж глуп! Я послал своих ребят, чтобы они немного пощипали американцев! А теперь вы поедете со мной в мое логовище, где вас никто не найдет.

Джоан задрожала, стараясь не показала вида, как она испугана.

— Ты не посмеешь тронуть американку, убийца! — выкрикнула девушка. — Мои ковбои вздернут тебя на кактусе!

— Я все же рискну, — промурлыкал всадник, — идемте, сеньорита!

— Ступайте на ринг, мисс Джоан, — сказал я, протянув ей руку, — и встаньте вот здесь, рядом со мной и Драчуном. Мы не позволим вас обидеть! А вам, мистер Лопес, или как вас там, позвольте дать морской приказ: — с якоря сниматься, и курс

на другой порт... Пока я не раздробил вашу челюсть!

— Присоединяюсь! — поддержал Драчун, натянув перчатки и хлопнув ими о трусы.

Лопес сверкнул зубами и зарычал, словно волк. В мгновение ока люгер оказался в его руке.

— Вот как, — промурлыкал он, — эти туши, эти боксеры бросают вызов самому Лопесу!

Он перепрыгнул через канат ринга, держа в руке револьвер. Когда Лопес стал приближаться к нам, словно кот, охотящийся за мышкой, Джоан отступила на другую сторону ринга.

— Девчонку я забираю, — тихо и неумолимо произнес он, — а вы, если вам дорога жизнь, стойте там, где стоите!

— Вот что, Драчун, — сказал я, — давай заждем его с обеих сторон! Кто-то из нас, может, и пострадает, но зато второй с ним расправится!

— Не надо! — закричала Джоан. — Он убьет вас! Лучше я...

— Вперед! — скомандовал Драчун, и мы одновременно набросились на Лопеса.

Однако Лопес был проворнее дикого кота! Он поочередно кидался на каждого из нас, и его пистолет выстрелил дважды. Я услышал, как чертыхнулся Драчун, и увидел, как он споткнулся. Меня ударило в левое плечо чем-то горячим. Прежде чем Лопес успел выстрелить снова, я уже выбил из его руки револьвер и трахнул его по голове. Драчун, не теряя времени, врезал ему в челюсть. Страшный Лопес рухнул как подкошенный, и остался лежать без движения.

— Боже мой, да вы оба ранены, — запричитала Джоан, подбегая к нам. — Я чувствую себя убийцей! Не надо было позволять вам ввязываться в драку! Дайте-ка я посмотрю ваши раны!

Левая рука Драчуна повисла плетью, из маленькой дырочки над локтем сочилась кровь. Моя левая рука тоже была неподвижна, и по груди у меня текла кровь.

— Право, мисс Джоан, — успокаивал я, — не стоит беспокоиться! Нам повезло, что у Лопеса были не разрывные пули — раны не рваные и чистые. Однако жаль, что не удалось закончить поединок!

— Эй, Стив, — произнес вдруг Драчун, — похоже, парни отвалили. Выстрелы смолкли! Но они вернутся. Давай быстренько закончим наше дело, пока они не появились. Они не позволят нам драться, а другого шанса, может быть, никогда не представится! Ты завтра смоешься на своем судне, и мы, может быть, никогда не увидимся! Давай! У меня прострелена левая рука, у тебя — левое плечо, но ведь правыми-то мы можем орудовать! Давай сбросим этого остолопа с ринга и немного поколотим друг друга!

— Справедливо, Лири, — одобрил я. — Начнем, пока мы оба не истекли кровью!

Джоан заплакала и замахала руками.

— Прошу вас, парни, не деритесь больше! Вы же истечете кровью! Лучше я перевяжу ваши раны!

— Полно, мисс Джоан, — похлопал я ее по плечу. — Мы с Драчуном ранены, но нам надо разрешить наш спор. Не берите в голову!

Мы бесцеремонно спихнули бесчувственного, неподвижного бандита с ринга, встали в позицию, выбросив вперед правые руки, опустив левые вдоль бедер, — и тут подъехали ковбои. До нас донеслись удивленные крики Менли, Слива и остальных.

Мы слышали, как мисс Джоан умоляла их остановить нас, но было поздно: мы уже расставили ноги пошире, глубоко вздохнули и начали. Разом мы замолотили правыми — и по делу. Оба свали-

лись. Я почти мгновенно поднялся: в голове шумело, я только отчасти понимал, что происходит. Драчун неподвижно лежал на брезенте.

И тут разом Менли, Слим, Текс и все остальные, вопя, полезли через канаты, не понимая, что же творится, а мисс Джоан пыталась что-то им объяснить. Видно, беспокоилась о ране Драчуна.

— Эй, парни,— крикнул Юма,— все это наделал Лопес! Я видел, как он только что отъехал от ринга! У него пробита голова и сломана челюсть!

— Вот об этом тебе мисс Джоан и говорит! — огрызнулся я. — Лучше помоги ей перевязать Драчуна, пока он не истек кровью! Займитесь им, я в порядке!

Драчун уже почти пришел в себя, но, не уразумев, где находится, едва не нокаутировал Менли...

Когда его перевязывали, он заговорил, обращаясь ко мне:

— Скажу тебе, Стив: все равно я не считаю, что ты меня победил! Я тебя обязательно отыщу, как только заживет рука.

— За мной, парень, не заржавеет! — улыбнулся я. — Драться с тобой — одно удовольствие! Считаю, что между нами родовая вражда техасцев!

— Однако, Стив,— протянул Слим,— мы обещали, что ты не останешься в накладе! Сколько хочешь?

— За поединок со старым другом грех брать деньги! Доставьте меня вовремя в порт, чтобы я успел к отплытию «Морячки». Надеюсь, мисс Джоан, вы больше не боитесь меня?

От ее ответа мы с Драчуном покраснели, как школьники. Она нас расцеловала!

ЛУЧШАЯ БОЙЦОВСКАЯ ПАРА

К

огда мы с моим белым бульдогом Майком мирно попивали пиво в портовом кабачке, к нам, пыхтя от возбуждения, причалил Порки Страус.

— Эй, Стив! — завизжал он. — Как тебе это нравится? В порту объявился Джо Ритчи со своим Злодеем!

— Ну и что? — удивился я.

— То есть как это — ну и что? Ты, видать, не слышал о

Злодее, тигровом боевом бульдоге Ритчи? Он же чемпион! Задрал больше бойцовых собак, чем...

— Ну да, — нетерпеливо перебил я. — Слышал. В каждом азиатском порту только о них и говорят!

— Жаль, что не поглядеть его в деле! — опечаленно произнес Порки.

— Почему? — вмешался тут хитроглазый бармен Джонни Бленн.

— Да потому, что в Сингапуре нет ни одной собаки, которая могла бы противостоять ему! Фриц Штайнман, тот, что заправляет собачьими боями, прочесал весь порт и не нашел ни одной псины, чей хозяин выставил бы на поединок своего питомца против Злодея. А вот мне, кажется, повезло! Самое большое удовольствие в жизни — увидеть на ринге самую боевую собаку! Слушай, Стив, почему бы тебе не выставить против него Майка?

— Не выйдет — сказал я. — Майк и так зарабатывает на улицах немало царапин! Кроме того, скажу честно: считаю собачьи бои грязной игрой! Пару прекрасных, здоровых собак, полных боевого задора, бросают в бетонную яму перегрызать друг другу глотки на потеху кучке безмозглых, жестоких идиотов, жаждущих поймать несколько вшивых долларов!

— Но собакам нравится драться! — возразил Порки. — Это у них в крови!

— Подраться любит всякий храбрец, и человек, и собака! Но собаки дерутся на улицах из-за косточки, или для забавы, или просто чтобы выяснить, кто сильнее! Но драка в яме — слишком подлое дело, чтобы я в него ввязался. И Майка я на эту живодерню не отдам!

— Да отвяжись ты от него, Порки, — ухмыльнулся Джонни Бленн. — У него нервишки слава-

ты, чтобы глазеть на такие грубые игры! Правда, морячок?

— Ну хватит,— заревел я,— повежливее, ты, портовая крыса! Никогда не связываюсь с такими, как ты, но для тебя могу сделать исключение! Затрещина тебе не помешает!

И я замахнулся своим огромным кулаком. Джонни побледнел и принялся скрести стойку с таким остервенением, словно собирался поставить рекорд чистоты!

Бросив взгляд на Порки, я произнес:

— Я прекрасно знаю, что Майк может победить этого Злодея. Мне надоели слухи об этом пестром убийце. Майк может победить в этом паршивом порту любую собаку. Так же, как я могу одолеть здесь всякого. Если Злодей схлестнется с Майком на улице и посмеет напасть на него, Майк задаст ему перцу. Но втянуть моего пса в грязную аферу Фрица Штайнмана я не позволю!

Эту гневную тираду я завершил таким ударом по столу, что треснула столешница и стаканы на стойке подпрыгнули.

— Ну конечно, Стив.— примирительно залепетал Порки, трясущейся рукой наливая себе выпивку.— Я не хотел тебя обидеть! Ей богу, не хотел! Ладно, мне пора.

— Будь здоров,— проворчал я, и Порки отчалил.

Когда мы с Майком вышли на улицу, к нам прогулочным шагом подошел человек, тусовавшийся поблизости от кабачка. Я узнал его — это был Филип Д'Арси. Имя его хорошо известно во всех частях света. Высокий, стройный, атлетически сложенный парень, с холодными серыми глазами, крепкой челюстью, одетый в неизменно элегантный

костюм. Филип принадлежал к числу так называемых джентльменов-авантюристов и занимался всем, что попадалось под руку: руководил революцией в Южной Америке, летал на военном самолете во время Балканского конфликта и даже участвовал в исследовательской экспедиции в Конго. Он мастерски владел огнестрельным оружием и славился сокрушительным ударом — если кто смел ему перечить.

— Славная у тебя собачка, Костиган, — произнес он. — Совсем белая, ни единого пятнышка! Это приносит хозяину счастье!

Я слышал, что у Д'Арси было множество всяких предрассудков, свойственных людям, которым не на что положиться, кроме своих рук и ума...

— Это самый боевой пес в мире! — похвастался я.

— Сразу видно! — согласился он, пристально осматривая Майку. — Сильные челюсти, хорошие зубы, широко расставленные глаза, мощная грудь и железные лапы! Костиган! Даю тебе за него сто долларов! Он того стоит!

— Хочешь, чтобы я продал тебе Майку? — не поверил я своим ушам.

— Ну да, а почему бы нет?

— Почему бы и нет? — возмутился я. — А ты не хочешь за сто долларов продать родного брата? Майк не продается, забудь об этом!

— Но он мне нужен! — настаивал Д'Арси. — Белая собака со смуглым хозяином — это принесет мне счастье! Белые собаки всегда приносили счастье! А оно в последнее время от меня отвернулось! Даю сто пятьдесят, идет?

— Д'Арси! Ты можешь стоять здесь и повышать цену сколько влезет, но я все равно не продам

Майка! Мы с ним истоптали весь мир и слишком давно живем вместе — так что не о чем и говорить!

На секунду в его глазах мелькнул огонек: очень уж он не любил, когда выходило против его желания. Однако на этот раз он сдержался и пожал плечами:

— Ну ладно, забудем об этом! Давай выпьем!

Мы вернулись в кабачок и выпили. Он ушел, а мы с Майком отправились... Вернее, я отправился в парикмахерскую, чтобы побриться: вечером мне предстояло сразиться с неким типом на ринге, и мне хотелось быть в полном порядке.

После бритья мы с Майком прогуливались вдоль доков, и вдруг я услышал какой-то свист. Оглядевшись по сторонам, я увидел желтую руку, призывно махавшую мне из-за ящиков. Я двинулся в том направлении и обнаружил маленького китайца. Он приложил палец к губам, протянул сложенный вчетверо лист бумаги и тут же исчез, прежде чем я успел что-либо спросить.

Развернув бумагу, я прочел записку, написанную женским почерком:

«Дорогой Стив! Я ваша давняя поклонница, но у меня не хватало смелости познакомиться с вами лично. Не сочтете ли вы за излишнюю дерзость, если я попрошу вас предоставить мне возможность высказать свое восхищение при личной встрече? Если не возражаете, встретимся, как только стемнеет, возле Манчу-Хауз на Танген-Роуд. Ваша поклонница. Умоляю, приходите. Вы похитили мое сердце!»

— Майк, — задумчиво обратился я к другу, — почему я так нравлюсь женщинам? Я не знаю даже имени этой девушки, а она в одночасье по мне сохнет? Боюсь, — я тихо вздохнул, — во мне есть что-то роковое.

Майк с ленцой зевнул. Нет, он совершенно лишен романтизма!

Я вернулся в парикмахерскую, попросил уложить волосы гелем и опрыскать одеколоном. Встречаясь с дамами, я всегда стараюсь выглядеть элегантно!

Когда, по выражению поэтов, на землю пал вечер, я отправился из порта по извилистой окраинной улице. Местные почему-то называют ее Танген-Роуд, хотя причин для этого я не заметил. Грязные, тусклые фонари, стоявшие очень далеко друг от друга, едва освещали улицу. По обеим сторонам тянулись неказистые лавочки и убогие лачуги. Казалось, я бреду среди каких-то развалин.

Вдруг из узкого переулка донеслись звуки шумной ссоры. Послышался звук удара, и кто-то закричал по-английски:

— Помогите! Помогите! Этот китаец меня убьет!

— Держитесь! — заорал я, и мы с Майком бросились в темноту. — Стив Костиган не даст вас в обиду!

В переулке было темно, как у негра в заднице. Пробираясь вслепую, я на кого-то наткнулся и тут же ударил кулаком. Невидимка охнул и осел. Внезапно Майк зарычал и тут же страшно завыл.

И тут на меня обрушилась боль! Что-то похожее на дубинку опустилось на мою голову, и я упал на колени.

— Дело сделано, проклятый янки, — услышал я противный голос.

— Врепшь, ублюдок, — выдохнул я, ожесточенно молотя невидимого противника кулаками. Должно быть, один из ударов попал в цель: невидимка грязно выругался. Потом снова — бамм! Опять дубин-

кой по макушке! Фонарь был за моей спиной, и противник различал меня лучше, чем я его. Подлым ударом он нокаутировал меня и, когда я упал, поддал мне по ребрам. Я был без сознания не более нескольких минут и пришел в себя, лежа в темном, грязном переулке, с раскалывающейся от боли головой, весь в крови. Нащупав в кармане спички, я зажег одну и огляделся.

Переулок был пуст. Земля вокруг меня была точно вспахана и полита кровью. Ни Майка, ни нападавших видно не было. Я вскочил и устремился по переулку, но оказался в каменном тупике. Выругавшись, я вернулся на Танген-Роуд, но и там никого не увидел.

Я словно сошел с ума.

— Филип Д'Арси! — завопил я. — Твоих рук дело! Ты уколол Майка! Ты написал мне эту дурацкую записку! Тоже мне, неизвестная поклонница! Опять меня обвели вокруг пальца! Думаешь, Майк принесет тебе счастье? Сукин сын! Я покажу тебе счастье! Так тебе врежу, что локти будешь кусать! Распотрошу тебе брюхо так, что кишок не соберешь!

Повторяя свои угрозы мысленно, я пулей мчался по улицам, и люди оборачивались и удивленно глядели мне вслед. Но мне было не до них! Я бежал к Европейскому Клубу — довольно значному месту, где обычно ошивался Д'Арси.

На крейсерской скорости я подлетел к широким каменным ступеням Клуба, но был остановлен напыщенным швейцаром. Он презрительно взглянул на мою изорванную, грязную одежду, всклокоченные волосы и запекшуюся на лице кровь.

— Пропустите меня, — заскрежетал я. — Мне нужен один подонок, и я знаю, что он здесь!

— Проваливай, — фыркнул швейцар, — для тебя хода нет! Не знаешь, что это элитный клуб? Сюда входи только джентльмены! Я не пущу такую гориллу! Убирайся по-хорошему, пока я не позвал полицию!

Времени на разговоры не было.

Яростно взревев, я схватил швейцара за шею и поволок к пруду с золотыми рыбками. Оставив его барахтаться в воде, я толкнул дверь и влетел внутрь. Промчавшись по широкому коридору, я очутился в просторном зале с большими французскими окнами. Это было прекрасно обставленное помещение, стены которого украшали головы всевозможных животных и различное оружие, из которого этих животных убивали.

За многочисленными столиками сидели американцы и европейцы, потягивали виски с содовой и играли в карты. Среди членов Клуба я увидел Филиппа Д'Арси, оживленно болтающего с дамами о своих приключениях. Кровь ударила мне в голову.

— Д'Арси! — заорал я, подбегая к нему и спшибая по пути столики. — Где мой пес?

Он вскочил, разинув рот от изумления, а окружающие возмущенно заверещали.

— Клянусь Богом! — произнес английский офицер. — Кто впустил сюда этого хама? Приятель, убирайтесь отсюда!

— Не вступай, сволочь, или я расквашу тебе нос! — завопил я, помахав правым кулаком перед вышеназванной частью тела. — Не суйся не в свое дело! Д'Арси! Что ты сделал с моим псом?

— Похоже, ты пьян, Костиган, — огрызнулся Филип. — Не понимаю о чем ты толкуешь!

— Все-то ты врешь! — Гнев совсем затмил мой взор. — Ты хотел купить Майка, а когда не вышло,

украл его, а меня приказал избить! Я до тебя добрался, Д'Арси! Думаешь, если ты важная шишка, а я простой моряк, так ты можешь делать все, что взбредет в голову? Не выйдет! Ты украл Майку, и ты его вернешь, иначе я все кишки тебе вырву! Где он? Говори, пока не поздно!

— Костиган, ты сошел с ума! — прорычал Филипп, побледнев от ярости. — Ты понимаешь, кому угрожаешь? Я убивал людей и за меньшее!

— Ты украл моего пса! — орал я, вряд ли понимая, что делаю.

— Лжец! — дребезжащим голосом произнес он и тотчас получил удар в челюсть. Д'Арси свалился, словно зарезанный бык, и застыл неподвижно, а из уголка его губ бежала струйка крови. Я подскочил, чтобы добить его, но мне преградили дорогу члены Клуба.

— Хватайте его! — орали они. — Он убил Д'Арси! Он псих, сумасшедший или попросту пьяный! Вызывайте полицию!

— Хватит! — кричал я, отбиваясь от них. — Хотел бы я увидеть того, кто схватит меня! Да я ему все мозги вышибу и по стенке размажу! Когда эта крыса очнется, скажите ему, что счета не закончены, пусть не надеется! Я до него доберусь, даже если это будет последнее дело в моей жизни!

Выбив французское окно, я устремился по улице, отчаянно ругаясь. Некоторое время мои глаза застилал туман, и я совершенно забыл о назначенном поединке на Ринге Эйса, хотя время поджимало.

Вдруг мне в голову пришла идея. Я твердо намеревался выбить из Д'Арси правду о Майке, но сейчас это было безнадежно. Поймаю его этой ночью, подумал я, когда он покинет Клуб. Пока же я зашел в бар, попросил лист бумаги и карандаш и с боль-

шим трудом нацарапал объявление. Выйдя из бара, я прицепил лист к фонарному столбу, где его мог прочесть каждый. Вот что я написал: «Заплачу пятьдесят долларов каждому, кто найдет моего белого бульдога по кличке Майк, украденного подлым подонком. Стив Костиган».

Перечитывая написанное на предмет ошибок, я вдруг услышал за спиной голос какого-то бродяги:

— Украли Майка? Худое дело, морячок! Но где ты возьмешь пятьдесят долларов? Всем известно, что у моряков деньжата не водятся!

— Не беспокойся,— ответил я и приписал: «Пятьдесят долларов я собираюсь получить за победу над каким-нибудь обалдуем на Ринге Эйса. С. К.».— Вот откуда возьмутся денежки! — успокоил я бродягу.

Продолжая думать о Майке, я незаметно подошел к Рингу Эйса. Хозяин возбужденно бегал у входа, нервно ероша волосы..

— Где ты шляешься? — закричал он.— Ты хоть понимаешь, что заставил зрителей ожидать себя почти час? Живей переодевайся!

— Ничего, подождут! — буркнул я, садясь и стаскивая ботинки.— Какой-то поганый сукин сын украл моего пса!

— О чем ты? — возмутился Эйс, вынимая часы и глядя на них.— Дело дрянь, Стив! Поторапливайся и выходи на ринг. А то зрители разнесут все мое заведение!

Я натянул трусы, накинул халат и двинулся между рядами, не обращая внимания на свист и приветственные крики. Взойдя на ринг, я глазами поискал соперника.

— Где Грисон? — спросил Эйс.

— Еще не появлялся,— ответил рефери.

— Господи помилуй! — завопил Эйс, хватаясь за голову. — Эти бестолочи сведут меня в могилу раньше срока! Они думают, что мне нечего делать, как только весь вечер утихомиривать зрителей! Если мы сейчас же не начнем поединок, это хулиганье нас линчует!

— А вот и он, — прервал рефери его тираду, увидев шагающего между рядами человека в купальном халате. Эйс горько усмехнулся и, повернувшись к зрителям, поднял руки.

— Перед вами — виновники задержки, — мрачно возвестил он. — В этом углу — моряк Стив Костиган с «Морячки», вес сто девяносто фунтов, а этот дурак, что лезет через канат, — Лими Грисон, вес сто восемьдесят девять фунтов... Начинайте! Надеюсь, скоро вы оба свалитесь, как пьяные!

Рефери пригласил нас в центр ринга, чтобы дать последние указания, а самодовольный осел Грисон угрожающе взглянул на меня, словно хотел напугать еще до начала поединка. Но мне было наплевать. Я инстинктивно отметил, что его рост примерно равен моему, рот кривится в противной усмешке, глаза черные и плутоватые, а под ухом синяк, вероятно полученный в недавней драке.

Мы разошлись по своим углам. Я спросил у назначенного секунданта:

— Послушай, тупица, ты не видел моего бульдога?

— Нет, не видел, — ответил тот, пролезая под канат. — Кроме того... Эй! Осторожно!

Я не услышал гонга, и Грисон оказался в моем углу раньше, чем я сообразил, что бой начался. Мне удалось увернуться от его удара правой, захватить противника в клинч и вытолкать из угла.

За это он пригвоздил меня тяжелым левым хуком в голову, а я ответил ему ударом левой по корпусу, правда без особого энтузиазма. Мои мысли были заняты отнюдь не поединком! Я бессознательно оглядывался туда, где обычно сидел Майк, и, не видя его, чувствовал себя покинутым и осиротевшим.

Вскоре Лими заметил, что я не в своей тарелке, и начал форсировать события, колотя меня по голове обеими руками. Я неуклюже парировал его удары, толпа же, соскучившись по моим молниеносным атакам, зароптала. Лими совершенно обнаглел и почти перестал защищаться. Он пропустил сильный удар правой, за которым тотчас же последовал левый хук в диафрагму, отчего у него подкосились колени, и он поспешил отступить. Я неторопливо его преследовал.

Потом он стал вести себя осторожнее и перестал рисковать. Лими колотил меня от души, правой рукой все время прикрывая лицо. Я всегда игнорирую удары левой, и, хотя ему сполна удалось потешиться надо мной, особого вреда он мне не причинил. В конце концов он пустил в ход правую, и у меня из носа потекла кровь! Очнувшись от спячки, я буквально сложил его пополам левым хуком в живот. Зрители были ошеломлены, но завопили от гнева и удивления, увидев, что я прекратил атаку. Говоря по совести, дрался я не лучшим образом!

Когда окончился первый раунд и я вернулся в свой угол под неумолчные крики зрителей, рефери сказал мне:

— Дерись как следует, паршивый янки! Иначе выпытрю тебя с ринга!

Подобное предупреждение я получил впервые!

— Что с тобой, морячок? — спросил секундант, энергично обмахивая меня полотенцем, — никогда не видел, чтобы ты так отвратно дрался!

— Я беспокоюсь о Майке! Ты знаешь, где еще кроме Европейского Клуба может опиваться Д'Арси?

— Откуда мне знать? А что?

— Хотел бы подловить его без свидетелей, — проворчал я. — Держу пари...

— Гонг, болван! — завопил он, выталкивая меня из угла. — Ради всего святого, возьми себя в руки и дерись! Я поставил на тебя пять баксов!

Я прошествовал в середину ринга и с отсутствующим видом заехал правой в подбородок Лими. Тот опустился на четвереньки, но быстро вскочил, не дожидаясь счета. Я уже решил разделаться с ним, как вдруг услышал, что кто-то колотит в дверь зала.

— Пустите меня! — бушевал кто-то за дверью. — Мне нужна масса Костиган! У меня его собака!

— Стоп! — заревел я ошеломленным Лими и рефери, бросившемуся под рев зрителей на канаты. — Впусти его, Бат!

Парень, стороживший дверь, миролюбиво ответил:

— Хорошо, Стив, вот он!

Я увидел мальчика-китайца: широко улыбаясь, он бежал между рядами и протягивал мне маленького дохленького щенка пестрого бульдога.

— Вот ваш любимый собака, масса Костиган! — кричал он.

— Вот черт, — разочарованно вздохнул я. — Это не Майк! Майк совсем белый! Я думал, в Сингапуре все знают Майка!

В этот момент я обнаружил, что Грисон подкрадывается ко мне сзади. С минуту все мое внимание

сосредоточилось только на нем. Я загнал его обратно за канат, осыпая ударами то в корпус, то по голове. И тут Бат снова завопил:

— Стив! Здесь еще один!

— Извини, еще минутку! — бросил я Лими и побежал навстречу улыбающемуся кули, спешащему ко мне навстречу с собакой, в которой от силы было две-три капли бульдожьей крови.

— Я поймать, босс! — ликовал кули. — Он прекрасный белый собака! Я получу пятьдесят долларов?

— Ты получишь пинок в задницу! К черту, это не Майк!

А Грисон меж тем подкрался сзади и врезал правой мне по уху. Вzbесившись, я развернулся и так ударил его в живот, что он сложился пополам, скорчился, как раздавленный червяк, и лежал без движений, пока рефери считал над ним и пока не прозвучал гонг. Лими оттащили в угол и принялись колдовать над ним. А мой секундант все сетовал:

— Ну что это за бой, морячок? Ей-богу, этот обалдуй не выстоял бы против тебя и минуты, если бы ты постарался! Тебе нужно было уделать его в первом раунде! Посмотри-ка!

Я рассеянно взглянул в противоположный угол и увидел, что, пытаясь привести Лими в чувства, его секунданты сочли необходимым снять с него правую перчатку и теперь возились с его голой рукой.

— Они явно что-то замышляют! — воскликнул мой секундант. — Пойду позову рефери!

— Эй, Стив! Здесь еще какие-то бродяги! — заорал Бат, а по проходу уже бежали китаец-кули, японский моряк и индус. И все с псами! Собаки все лаяли!

Если сначала зрители возмущались, то теперь они хохотали. Псы завывали, словно стая гиен. Ре-

фери бегал по рингу, отчаянно ругаясь, а Эмс подпрыгивал и рвал на голове оставшиеся волосы.

— Это профессиональный бокс или собачье шоу? Вы разрушили мой бизнес! Я превращусь в посмешище! А все из-за тебя, Костиган!

— Нашел отличный собачка, масса Костиган! — визжал китаец, держа на руках вонючую собачонку, норовящую его укусить.

— Ах ты дубина! — орал я. — Да ведь это не бульдог, а щенок чау-чау!

— Ты ошибся! Он хороший бульдог!

— Не слушай его, — оттолкнул китайца японец. — Вот бульдог! — И он протянул мне крошечного бостонского бультерьера.

— Ничего подобного! — пронзительно завизжал индус. — Вот собака для тебя! Чистокровный рангпурский гончий! Самый лучший собака во всей где ни попадя!

— О Боже! — взвыл я. — Вы что, все ума посходили? Вот уж не думал, что мое объявление прочтут все нехристи!

— Берегись, моряк! — взревели тут зрители.

Я снова не услышал гонга, и Грисон напал на меня сзади. Я обернулся как раз во время, чтобы получить удар в челюсть! Удар был силен и стремителен. Свет померк, и я, ударившись затылком о брезент, сразу подумал: дело нечисто! Я прекрасно знал, что ни один обычный кулак в боксерской перчатке не смог бы сбить меня с ног. Ясно, секунданты Лими, когда колдовали над ним, сунули в его перчатку кастет! Рефери подскочил и, вытупив глаза, начал считать. Я корчился, пытаясь подняться и разделаться с противником, но понял, что со мной все кончено! В голове плыл туман, челюсть онемела, а ноги стали ватными, словно отделенными от

туловища. Голова кружилась, чудились какие-то псы, а над ними — пылающая звезда.

— Четыре! — послышался сквозь вопли зрителей голос рефери и отчаянный скулеж моего секунданта, проигрывавшего пять баксов.

— Пять! Шесть! Семь!

— Так-то вот! — злорадно прошипел Лими, отступая в свой угол и искоса поглядев на меня. — С тобой кончено, проклятый янки!

Хлоп! Меня словно ударили по голове! Этот же голос, эти же слова! Где я их слышал? Не в том ли переулке, около Танген-Роуд?!

Волна ярости вдохнула в меня новые силы. Я совершенно забыл о своих ватных ногах и вскочил с таким ревом, что фонари вокруг ринга задрожали. Словно бешеный бык я набросился на перепуганного Лими. Он встретил меня прямым ударом левой, но я даже не приостановился. Он опустил руку, и я воткнул свою правую ему под ребра так глубоко, что даже почувствовал биение его сердца. Лими позеленел и рухнул на брезент, словно огромный студень. Ошеломленный рефери принялся считать, но я сорвал перчатки и вцепился пальцами в горло противника.

— Говори, где Майк, ты, паршивая крыса? Что ты с ним сделал? Отвечай, или я вырву тебе глотку!

— Прекрати! — завизжал рефери. — Не имеешь права! Отпусти его, говорю! Отпусти, черт!

Он схватил меня за плечи и попытался отодрать от Лими, но, поняв тщетность своих усилий, начал пинать меня ногой по ребрам.

С гневным ревом я схватил его за голову и за штаны и перебросил через канат. Потом вернулся к Лими.

— Ублюдок! — ревел я, — говори, или я придушу тебя!

— Легче, легче, приятель, — лепетал позеленевший Лими. — Я все скажу! Это мы украли твоего пса! Он нужен Фрицу Штайнману!

— Вот как? — Холодная волна ужаса поднялась в моей груди.

— Да. Ему хотелось, чтобы твой пес подрался со Злодеем Ритчи! Джонни Бленн предложил изловить твоего Майка и для этого нанял меня и еще нескольких парней. А записку написала девчонка Джонни! Но как ты догадался, что я замешан в этом деле?

— Я должен был догадаться о Бленне! Грязная крыса! Он слышал наш разговор с Порки и придумал это грязное дело! Где Бленн?

— Видно, пьет где-то и зализывает раны! — задыхаясь, прошипел Лими. — Похоже, пес разодрал его на кусочки, прежде чем удалось засадить твою скотину в бамбуковую клетку!

— Где Майк? — снова потрянул я его.

— У Штайнмана, дерется со Злодеем, — простонал Лими. — О, Господи, меня тошнит... Я умираю!

Я поднялся и пошел в свой угол. Рефери уже вылез из-под обломков стульев и, гневно сверкая глазами, тряс кулаками перед моим носом.

— Стив Костиган! Ты проиграл! Ты дрался нечестно!

— Да пошел ты подальше вместе со своим хозяином! — рыкнул я, вырывая красный купальный халат из рук оторопевшего секунданта.

В этот момент у двери Ринга началась какая-то свалка и в проходе появился Бэт, летящий так, словно за ним гнался сам дьявол.

Следом в зал ворвалась свора туземцев — кули, рикши, лоточники, лодочники и еще не знаю кто,

многие с собаками — с тремя, а то и с четырьмя! Такую свору чау-чау, пекинесов, терьеров, болонок и дворняг я никогда не видел! И все они лаяли и грызались между собой!

— Масса Костиган! — орали пришельцы. — Платите пятьдесят долларов за собак! Мы поймать...

Зрители вскочили и все, как один, обратились в паническое бегство, давя друг друга, а я спрыгнул с ринга и помчался к запасному выходу, преследуемый толпой. Захлопнув дверь прямо перед их мерзкими рожами, я выскочил на тротуар. Прохожие бросились врассыпную при виде изрядно побитого верзилы, сумасшедшего, бегущего по улице в красном халате! Я не обращал на них ни малейшего внимания... Кто-то заорал истошным знакомым голосом, но я метнулся на мостовую и остановил проезжающее мимо такси.

Распахнув дверцу, я выпалил в лицо испуганному шоферу:

— Заведение Фрица Штайнмана на Кам-стрит! Если не привезешь за три минуты — сверну шею!

Мы помчались, скрипя тормозами на поворотах. Придя в себя, шофер спросил:

— Ты что, сбежал из тюрьмы? За нами гонится машина!

— Пошел ты к черту! — заорал я. — Мне плевать, пусть хоть тысяча машин! По-моему, тот китаец с розовым шпичем хочет втохать его мне как белого бульдога!

Вскоре мы подъехали к вполне невинному с первого взгляда заведению, где на самом деле помещался тайный притон Штайнмана. Преследователя больше не было. Я выскочил из такси и ринулся вниз по ступенькам — в подвал, откуда был вход в заведение. Готовясь к бою, я на бегу сбросил халат. Дверь

оказалась закрыта, возле нее прохаживался чернокожий громил. Заметив мой костюм, он удивленно вытупил глаза и проворчал:

— Постой! Ты это куда?

— С дороги! — прохрипел я и дал ему в челюсть.

Перескочив через распростертое тело, я бросился на дверь, не заметив, что она не заперта. От моего бешеного натиска дверь рухнула, и я влетел внутрь. В большом подвале, возле глубокой ямы в бетонном полу, собралась толпа подонков. Из ямы доносился леденящий кровь низкий рык. Похоже, там были собаки, вцепившиеся в глотки друг друга и уже не способные разжать свои челюсти.

Когда я влетел в подвал, толстый голландец, владелец этой ямы, побелел, вскинул руки и тонко заверещал. Я дал ему затрещину, разбил нос и выбил шесть передних зубов.

Тут кто-то завопил:

— Берегись, парни! Это Костиган! Он нас всех перебьет!

Подонки разлетелись, как солома под сильным ветром, когда я налетел на них, словно тайфун, орудуя кулаками направо и налево! Мне было все равно: убил ли я кого или нет. Через миг все бросились к выходу, а я спрыгнул в яму.

Там сцепились две собаки — моя и большая пестрая, хотя обе были так окровавлены, что вряд ли с уверенностью можно было различить их окрас. Оба пса были жестоко искусаны, но Майк мертвой хваткой вцепился зубами в горло Злодея, а тот только выл да сверкал глазами.

Джо Ритчи, лицо которого было багровым от натуги, стоя на коленях, пытался разжать челюсти Майка, но безуспешно.

Есть только два способа разнять мертвую хватку бульдога: либо обливать пса водой до тех пор, пока он почти не захлебнется и инстинкт самосохранения заставит разжать его челюсти, чтобы вобрать в легкие воздух, или — просто его задушить! Ритчи пытался сделать именно это, но ему не удавалось добраться до горла Майка сквозь кольцо мощных мышц на его бычьей шее.

— Ради Бога, Костиган, — взмолился он, — заberi своего белого дьявола! Он же загрызет Злодея!

— Да уж, конечно, заберу, — проворчал я, склонившись над собаками, — но не ради тебя, а ради хорошего бойцового пса!

Я нежно похлопал Майка по задку и мягко сказал ему:

— Хватит, Майк, отпусти его!

Майк разжал челюсти и, виляя обрубок хвоста, словно улыбнулся мне окровавленной пастью. Он явно собирался что-то сказать и наострил одно ухо. Второе Злодей разорвал ему в клочья.

Ритчи поднял своего пестрого бульдога и стал выбираться из ямы. Я с Майком на руках последовал за ним.

— Отнеси свою собаку к ветеринару, да побыстрее, — прорычал я. — В ней больше человеческого, чем в тебе, и она больше, чем ты, достойна жизни! Прочь с моих глаз!

Ритчи крадучись вышел, Штайнман, придя в себя, увидел меня и на четвереньках пополз к двери, истекая кровью, словно подрезанный боров.

Склонившись над Майком, я рассматривал его раны и в этот момент ощутил, что рядом кто-то есть.

Повернувшись, я увидел человека, сочувственно за нами наблюдавшего. Это был Филипп Д'Арси с

синяком на челюсти и рукой, засунутой в карман плаща.

— Д'Арси! — произнес я, подходя к нему. — Кажется, я наломал дров! Я окончательно спятил и искренне поверил, что это ты украл Майка! Понимаю: извинения тут не помогут. Если хочешь, можешь хорошенько трахнуть меня по моей дурной голове! Ей-богу, я не обижусь! Дело в том, что я всегда стараюсь поступать по справедливости, но делаю это неумело и неуклюже.

И я подставил ему свою челюсть.

Он медленно вытащил руку из кармана, и я увидел шестизарядный револьвер.

— Костиган! Еще никому не удавалось безнаказанно бить меня! Сегодня я пришел на Ринг Ларнигена, чтобы убить тебя. Я ждал снаружи, видел, как ты выскочил и прыгнул в такси, и тут же погнался за тобой. Однако ты мне нравишься! Ты — честный парень! Мне глубоко симпатичны люди, которые, как и ты, прекрасно обращаются со своими собаками! Видишь, я кладу пистолет обратно и протягиваю тебе руку. Хочешь заключить мир?

— Еще как хочу! — от всей души обрадовался я. — Ты — настоящий джентльмен!

Мы пожали друг другу руки, и он вдруг рассмеялся:

— Я ведь видел твое объявление! Проходя мимо, заметил, как какой-то индус переводил написанное толпе оборванцев и, конечно, все переврал! Сейчас ты будешь смеяться до упаду и все поймешь! Он сказал им, что Стив Костиган покупает собак по пятьдесят долларов за штуку. Так что, пока ты в порту, тебе не избавиться от торговцев собаками!

Мы оба расхохотались.

— Слава Богу, «Морячка» завтра снимается с якоря! Но мне еще надо залатать несколько ран Майка!

— Моя машина стоит у входа. Отвезем пса ко мне. У меня есть опыт по этой части, мы быстро вылечим собаку!

— Ей сильно досталось. Когда доберусь до Джонни Бленна, поотрываю ему уши! Но, — добавил я, выпятив грудь на семь-восемь дюймов, — наверное, мне больше не придется колотить тех, кто будет утверждать, что Злодей — чемпион среди бойцовых собак! Мы с Майком самые лучшие бойцы в мире!

ЗМЕИНАЯ ЯМА

два сойдя на берег, я почуял: быть беде. Причиной моих дурных предчувствий послужили отиравшиеся неподалеку ребята с «Даунтлесс». Они команду «Морячки» недолюбливают.

С тех самых пор, как наш шкипер в Занзибарском порту вчистую разделал их капитана. Тогда эти злопамятные типы пустили слух, что у нашего Старика на правой руке был

кастет. Нелепая и грязная ложь! Кастет он надевает на левую.

Словом, когда я встретил этих грубиянов в Маниле, то иллюзий никаких на их счет не питал, однако и на неприятности нарываться не хотелось. Я чемпион «Морячки» в тяжелом весе, и ежели вам угодно отпускать шуточки насчет великой важности моего титула, так сходите на полубак, поглядите на Хансена-Мухомора, Грэннигена Один Раунд, Плоскорожего О'Тула, Хеннига-Шведа и прочих бугаев, из которых набрана команда «Морячки». Однако несмотря на такое окружение, меня никто не сможет обозвать задирой, и потому я, вместо того чтоб последовать зову натурального инстинкта да уложить рядом семь-восемь этих чудиков с «Даунтлесс», обошел их стороной и отправился в ближайший Американский Бар.

Через некоторое время я обнаружил, что нахожусь в дансинг-холле. Да, верно, я не шибко представлял себе, как туда попал, но, уверяю вас, выпивки в моем трюме плескалось вовсе не так уж много. Пиво, несколько рюмочек виски, самую чуточку бренди да, может статься, бокал вина — для заправки. Но уж велю я себя во всех отношениях заправским благородным джентльменом, что и было подтверждено фактом: танцевал я с самой симпатичной девушкой в Маниле, да, пожалуй, и на всем белом свете. Яркие губы, черные волосы, а лицо! О, что за лицо!..

Я и дальше повел себя, точно сама вежливость.

— Слушайте, мисс, — спросил я, — где же вы были всю мою прошлую жизнь?

— О-о-о-ля! — ответила она с таким мелким, серебристым смехом. — Вы, американцы, говорить та-кие вещи! О-о-о, сеньор такой огромный, сильный!

Я разрешил ей пощупать мои бицепсы, и она взвизгнула от удовольствия и удивления, захлопав в ладоши, словно девочка, получившая новую куклу.

— О-о-о! Сеньор может просто поднять меня, такую маленькую, и унести! Верно, сеньор?

— Не стоит вам ничего бояться,— мягко сказал я.— Я просто сама вежливость со слабым полом и никогда грубостей не допускаю. Ни разу в жизни не ударил женщину, даже ту дамочку в Суэце, что метнула в меня нож. Малышка моя, кто-нибудь хоть намекал вам, что ваши глазки просто валят с ног?

— Ну что вы! — засмузилась она.— О-ох-х!

— Вам на ногу кто-то наступил?

Я оглянулся в поисках, кому это надо дать по башке.

— О да. Давате лучше сесть, сеньор. Где вы учиться танцевать?

— Наверное, само по себе вышло,— скромно признался я.— До нынешнего дня вовсе не представлял, что умею танцевать. Просто ни разу не пробовал.

Из всего вышесказанного вам наверняка отлично ясно, что я поддерживал светскую беседу и ни с кем не связывался. И не моя вина в том, что случилось дальше.

Значит, сидели мы с этой девушкой — звали ее Ракель ла Коста, и была она, стало быть, испанкой — тихо-мирно. Я ей еще хотел выдать такую замечательную штуку: мол, глаза ее — словно темные озера ночи (наповал бьет, я ее у Хансена-Мухомора позаимствовал, он у нас вроде как поэт). Вдруг вижу: она через мое плечо кому-то подмигивает. Меня это привело в легкое раздражение, однако я все равно не стал бы обращать особого внимания, только в голове почему-то было мутно-

вато и фразочка Хансенова вдобавок позабылась. Поэтому я сказал:

— Постушай, милашка... Эй, кому это ты там подмигиваешь? А, в глаз что-то попало... Так о чем это я? Ну да. Есть, значит, у нас на «Морской деве» такой парень, Хансен его фамилия, так он стихи пишет! Вот послушай:

К славе нам маршрут пролет
Мимо филиппинских вод,
Где испанцев мы надрали
В знойный солнечный денек!

И тут подваливает к нашему столику какой-то гад, вроде как меня в упор не видя, кланяется девушке и приглашающе на нее зыркает:

— Пойдем, детка, стряхнем пыль с копыт!

Я его сразу узнал — это был Слейд-Упырь, чемпион «Даунтлесс» на кулачках.

Мисс ла Коста ничего не сказала, а я поднялся и отодвинул Слейда от столика.

— Леди, — пояснил я вежливо, — занята, дубина! И ежели есть у тебя какие дела, займись лучше ими!

А он грязно ухмыльнулся:

— Не шути так, Костиган! Или теперь дамы вправду предпочитают orangutanов нормальным людям?

К этому времени вокруг нас уже народ столпился. Я сдержал естественное негодование и сказал:

— Слышь, ты, гусь! Убери свою харю из поля видимости, пока я ее не расквасил!

Упырь, доложу вам, парень симпатичный, к дамам имеет подход, и ясно было: если он один раз потанцует с моей девушкой, то наверняка успеет изобрести против меня какую-нибудь подлянку. Вокруг не было больше никого с их посудыны, однако и с «Морячки» в баре был только я один.

А он вдруг заявил:

— Пусть леди сама выбирает!

Нет, видали такого наглеца? Сначала лезет, куда не просили, а после еще требует равноправия! Это уж было слишком. Я взревел и ударил левой от бедра, но Упыря почему-то в том месте, куда я бил, не оказалось — верткий, зараза! Я промахнулся едва не на ярд, а он врезал левой мне в нос, так что я полетел кувырком через кресло.

В голове у меня мгновенно прояснилось, и я понял, что малость зол. Зарычал, поднялся на ноги, но, прежде чем бой возобновился, мисс ла Коста встала между нами.

— Фи! — сморщила она носик, шлепая нас веером. — Фи! Что это значит? Или я публичный девка, что меня оскорблять два большой бродяга, которые драться из-за меня на публика? Фи! Вы хотите драться — идите в лес или в другой место, где не будет скандал, и делать что хотите! Пусть будет победить лучший! Нет, сэр, из-за меня — нет драться на публика!

С этими словами она повернулась и пошла прочь. И тут же подбежал к нам этаким весь из себя масляный тип.

— Тихо, ребята, тихо, — заговорил он, потирая руки, словно от непрерывного самодовольства. — Пусть все будет по чести. Хотите драться? Ай-яй-яй, как нехорошо! Но если уж собрались драться, пусть все будет по чести, вот что я вам скажу! Пусть все живут в мире и согласии, если могут, но если уж вы, ребята, собрались драться, пускай все будет по чести!

— Отойди-ка с курса! Я ему сделаю, так его и растак, по чести! — рявкнул я, трясаясь от ярости.

Сами подумайте: получить в нос и не дать сдачи, да еще у дамы на глазах!

— Да ну? — ухмыльнулся Упырь, поднимая грабки. — Ну, выходи! Поглядим!

— Тихо, ребята, спокойно, — взмахнул ручонками этот гусь. — Давайте все устроим по чести! Костиган, ты согласен драться со Слейдом в моем клубе?

— Да где угодно! — заревел я. — На кулачках, в перчатках или хоть свайками!

— И замечательно! — воскликнул тот, масляный, потирая руки пуще прежнего. — Просто замечательно! А... Э-э... Костиган, согласен ты драться со Слейдом в змеиной яме?

Мне бы еще тогда следовало подметить, что Слейда он ни о чем не спрашивал и тот только тихонько ухмылялся. Но слишком уж я был зол, чтобы мыслить ясно.

— Хоть в преисподней с дьяволом вместо рефери! Где твой клуб, или там ринг, или палуба — веди!

— Вот это разговор! — обрадовался тот масляный тип. — Идемте.

Он направился к выходу, а мы со Слейдом и еще несколько человек последовали за ним. Если б я малость поразмыслил, так понял бы: слишком гладко все вышло для простого совпадения. Однако я все еще пытал гневом и не мог спокойно думать.

Успел, правда, прикинуть свои шансы против Слейда. В росте я имел преимущество: во мне ровно шесть футов, а Слейд на два дюйма ниже. Вдобавок я был на несколько фунтов тяжелее, но не настолько, чтоб разница для тяжеловесов вышла существенная. Однако Слейд был мне известен как самый проворный и хитрый боец всего торгового флота. Я с ним ни разу не дрался только по той простой причине, что ни один устроитель матчей ни в едином порту не желал сводить вместе ребят с «Морячки» и бродяг с

«Даунтлесс» с тех самых пор, как Слейд дрался в Сингапуре с Грэннигеном Один Раунд. Там дошло до всеобщей махаловки и кончилось тем, что весь зал разнесли. Слейд в тот раз нокаутировал Грэннигена, который был в те времена чемпионом «Морячки» — это уже позже я его победил.

Ну, а по сравнительным результатам никогда не скажешь наверняка. Я одержал победу по решению судей над Хэгни-Хвастуном, чемпионом Британско-Азиатского ВМФ, а он однажды в Гонконге нокаутировал Слейда. С другой стороны, Слейд выиграл нокаутом у Майка Лири с «Голубого родника», ужасно вздрючившего меня в Бомбее...

Мои размышления прервал тот масляный тип. Мы как раз вышли из бара на мостовую, где стояло около десятка авто и зрители битком набивались в них. Гусь этот подтолкнул меня к одной из машин, и я влез тоже.

И вот понеслись мы по улицам, фонари уже горели, а я сидел и ни о чем не спрашивал, даже когда мы оставили деловые кварталы позади, вихрем промчались сквозь пригород и выехали на дорогу, которой явно никто особо не пользовался. Сидел, значит, и молчал.

В конце концов мы подъехали к большому зданию, стоявшему в отдалении от города и очень похожему на заброшенный дворец. Зрители повывлезали из машин, и я тоже выбрался наружу, хотя был совершенно озадачен. Других домов поблизости не было, вокруг повсюду густо росли деревья, да и само здание выглядело темным и мрачным. Словом, местный пейзаж мне крайне не понравился, однако не мог же я дать слабину, когда Слейд-Упырь этак надменно на меня взирал. «В конце концов,— подумал я,— не убьют же меня тут! Не

настолько Слейд подл, хотя, вообще-то, от него чего угодно можно ожидать».

К дому вела дорожка с тропическими деревьями по обеим сторонам. Отперев двери, тот масляный тип зажег свет, и мы спустились в подвал. Просторное такое оказалось помещение, с бетонным полом, а в центре — яма примерно восемь на десять футов и футов семи в глубину. В тот момент я не обратил на нее внимания, зато потом пришлось, да еще как!

— Слышь, — сказал я, — на кой ты меня сюда приволок? Я дурачиться не расположен! Где ринг?

— Здесь, — ответил этот гусь.

— Да где же? Где мы будем драться?

А он указал на яму:

— Там. Внизу.

— Что?! — заорал я. — Ты что мне тут вкручиваешь?

— Охолони, охолони, — вмешался Упырь. — Ты ведь согласился драться со мной в змеиной яме, так? Значит, не ной и вылазь из штанов!

— Ладно, — согласился я, весь изнутри пылая гневом. — Не знаю, что ты такое затеял, но дай только дотянуться до твоей смазливой рожи кулаком, больше мне ничего не надо!

— Гр-р-р! — зарычал в ответ Слейд, направляясь к противоположной стороне ямы.

С ним в качестве секундантов пошли два каких-то бандита — судите сами, что он за человек. Какая бы ни собралась жуткая публика, у него везде найдутся знакомцы. Оглядевшись по сторонам, я узнал одного карманника, с которым познакомился на Кубе, и попросил его секундировать мне. Он согласился, но добавил, что от секунданта в данных обстоятельствах пользы мало.

— Слушай,— спросил я его, пока раздевался,— во что это я встрял? Что за малина такая?

— Был тут один испанец,— ответил мой парнишка, помогая мне переодеться.— Капусты — куда больше, чем мозгов. Без ума был от боя быков и всякого такого прочего, а потом изобрел новую потеху. Велел устроить эту яму, послал слуг за разными змеями. Двух змей бросали вниз, и они дрались, пока не убивали друг друга.

— Что?! Значит, мы будем драться в змеином логове?!

— А, да не волнуйся. Здесь уже много лет нет никаких змей. Испанца того убили, и дом обветшал. Устраивали здесь петушиные бои, а несколько лет назад хмырь, что организовал вашу встречу, додумался купить этот дом и использовать для поединков из-за личной злобы.

— А деньги-то ему с чего капают? Я не видал, чтобы кто-нибудь платил за билеты. Да и всей публики здесь — человек тридцать или сорок.

— На этот раз у него просто не было времени. Деньги он делает на ставках, а ставит всегда на победителя. И судит всегда сам. Он узнал, что ваши корабли завтра уходят, и не успел ничего приготовить. А этот клуб — для немногих избранных, слишком пресыщенных либо жестоких, чтобы довольствоваться обычными призовыми матчами. Все это, конечно, незаконно, и никто в городе этого клуба не знает, кроме некоторых шишек, которые за удовольствие заплатят, не торгуясь. Когда Слейд дрался с Хэндлером-Моряком, здесь было сорок пять человек, и каждый заплатил за вход сто двадцать пять долларов. Считай сам.

Тут до меня мало-помалу начало доходить, в чем штука.

— Так Слейд и раньше здесь дрался?

— Конечно. Он в этой яме чемпион. Месяц тому назад нокаутировал Хэндлера-Моряка на девятом раунде.

Господи Иисусе! Только пару месяцев назад мы с Хэндлером (рост шесть футов четыре дюйма, вес двести двадцать фунтов) целых двадцать раундов только что ножами не резались — и закончили вничью!

— Э-э! — протянул я. — Значит, Слейд нарочно подвалил и затеял ссору, зная, что он тут фаворит, что меня обжулят...

— Нет, — возразил мой карманник. — Не думаю. Просто ему очень уж понравилась та испаночка. Если б они стоворились наперед, новость непременно дошла бы до всех богатеньких клиентов в городе. Да хозяину все равно ваша встреча ничего не стоит, потому он и за вход платы не брал. Подумай сам, что он теряет? Два крутых матросика сами друг друга хотят побить, им платить не нужно. Организационных расходов — никаких. А клубу — реклама. И на пари он выиграет кучу денег.

— И на кого же он ставит?

— На Слейда, конечно. Он здесь чемпион.

Не успел я усвоить все эти радостные известия, как Слейд заорал с другого края ямы:

— Эй, так твою и растак, готов?!

Он остался в носках, башмаках да подштанниках. Перчаток на руках не было.

— А перчатки? — спросил я. — Мы что, собрались мериться, у кого кулак ширше?

— Никаких перчаток, — ответил Слейд с довольной ухмылкой. — Драться будем так. Ты правил ямы не знаешь?

— Понимаешь, Костиган, — заговорил тот масляный тип, вроде как слегка нервничая, — у нас

бойцы перчаток не надевают. Обычная жесткая мужская игра, понимаешь?

— Эй, начинайте! — заорала публика. — Действуйте! Не отдыхать пришли! Вперед!

Ишь, ни цента не выложили, а прибыль подавай!

— Тихо! — рявкнул я, успокоив их одним-единственным злобным взглядом. — Что, вообще, за дела?

— Разве ты не согласился драться со Слейдом в змеиной яме?

— Да. Но...

— На попятный пошел, — сказал Слейд со своей обычной грязной ухмылкой. — Все они, эти бродяги с «Морячки», такие...

— ...! ...! — завопил я, срывая тельник и прыгая в яму. — Иди сюда, так-твою-разэтак, я из тебя сделаю последнюю рожу лета...

Слейд соскочил в яму со своей стороны, и публика тут же принялась воевать за места поудобнее — кому-то, верняк дело, суждено было вовсе ничего не увидеть. Стенки ямы оказались твердыми и шершавыми, пол тоже — чего еще ждать от бетона? И никаких стульев для бойцов, понятное дело, не было.

— Ну, — сказал тот, масляный, — начинаем решающую схватку между Стивом Костиганом с «Морячки», вес сто восемьдесят восемь, и Непобедимым Слейдом, вес сто семьдесят девять, с «Непотопляемого», чемпионом Филиппин по кулачному бою, каковой титул им был завоеван в этой самой яме! Раунд — три минуты, минутный перерыв, число раундов не ограничено! Побед по решению судей у нас не бывает! Бойцы дерутся до тех пор, пока кто-то один не отключится! Рефери — я. Правилами не запрещено ничто, кроме ударов ниже пояса. Разве что случайно... По команде «брэк» — расцепляться,

бить можно в тот же момент, если желаете. Секундантов почтительнейше просят не бить бойцов противной стороны ведерком для воды! Готовы?

— Сотня, что я разложу тебя, как половик, — сказал Слейд.

— Принимаю, и еще сотня сверху! — прорычал я.

Толпа принялась ругаться и вопить, хронометрист ударил по куску железа стволом шестизарядной пукалки, и драка началась.

Я немедленно понял, что ввязался в бой при совершенно незнакомых условиях. Наряду со всем дозволенным в любом спортзале допускаются откровенные грубости. Простора для перемещений — никакого, падать в случае чего — на бетон, лампы, свисающие с потолка, почти не дают света, да плюс еще этакое неприятное чувство, будто заживо замурован, не говоря уж про мысли о дравшихся в этой яме змеях. Бр-р-р! Змей я, должен признаться, не выношу!

Я прикинул так, что у меня как более тяжелого и мощного будет преимущество. Проворство Слейду не поможет, загоню его в угол да размажу по стенке. Однако не прошло и двух секунд, как выяснилось: все мои прикидки придется забыть. Слейд бился — точь-в-точь повзрослевший Малыш Гриффо. Не столько работал ногами, сколько нырял и усакальзывал из-под удара. Ну да, он-то и прежде дрался в этой яме, успел найти подходящую для себя манеру: перемещался едва-едва, чтобы только держаться на расстоянии, а удары мои все пропускал под мышкой, мимо шеи, над плечом или же поверх головы.

Так вот, со звуком гонга я шагнул вперед, пригнулся и заработал обеими руками в обычном и единственном своем стиле. Слейд пропустил мою левую над плечом, парировал правую локтем и —

бац! бац! — дважды ударил левой мне в лицо. А удар костяшками, доложу я вам, совсем другое дело, чем в перчатках. Он не так оглушает, зато гораздо больнее. Но терпеть боль я привык давно и потому просто продолжал наступать. Свинг левой в ребра заставил Слейда всхрюкнуть, а уж правой в корпус я промазал.

Таково было начало того жестокого, кровопролитного боя без всякой денежной выгоды. Когда у меня выдавалось время на то, чтоб чувствовать хоть что-то, кроме Слейдовой левой, я ощущал себя диким животным, спущенным для драки в эту окруженную кольцом орущих, искаженных рож яму. Тот масляный тип, рефери, склонился над самым краем, рискуя упасть нам на головы, и, стоило войти в клинч, орал: «Брэк, так вашу растак!» — и тыкал нас тростью.

Чтобы доставать до нас, ему приходилось бегать вокруг ямы и сыпать проклятиями, когда под ноги подворачивался кто-то из публики — словом, ругался он без умолку. В яме для него места не оставалось. Нам там и вдвоем было не повернуться.

Немедля после того как я попал левой, Слейд повязал меня в клинче, наступил мне на ногу, ткнул пальцем в глаз и ударил правой в подбородок, едва мы расцепились. Слегка взбешенный подобным обхождением, я подобрал губу и едва не по запястье воткнул левую в его диафрагму. Похоже, ему это нисколько не понравилось. Он ответил левой в корпус и правой в голову и принялся за дело всерьез.

Нырком уйдя от удара правой, он приблизился вплотную и принялся обрабатывать мое брюхо короткими тычками, а когда я в отчаянии вошел в клинч, выстрелил апперкотом с правой в грудь, сбив мне стойку. Не успел я восстановить равновесие,

он всем весом толкнул меня, так что я порядочно ободрал плечо о шершавый бетон. Я взревел, высвободился, швырнул его через всю яму, бросился следом, но он как-то ухитрился сместиться в сторону, и я головой врезался в стенку. Бам-м-м! Перед глазами вспыхнули миллионы искр, я рухнул на пол, а тот, масляный, заорал:

— Раздватричетырепятя!..

Я вскочил на ноги — со мной все было в порядке, только малость кружилась голова. Упырь тут же кинулся на меня, чтобы прикончить. Бац! Бац! Бац! Я ударил правой — это был бесподобный удар! — но он уклонился.

— Осторожно, Упырь! — заорал тот гусь. — Парнишка-то опасен!

— Я тоже!

С этими словами Упырь рассек мне губу, увильнул от встречного правой и сам ударил правой под дых, заставив меня охнуть. После этого он послал два удара левой в и так уже расквашенную мою физиономию, а вот следующий удар правой отчего-то пришелся мимо. Все это время я работал быстрыми и увесистыми свингами, но — разрази Бог! — это было все равно что бить привидение. А Упырь еще ловкими движениями оттеснил меня в угол, так что я и защищаться как следует не мог: едва отводишь руку назад в замахе — ударяешься локтем о стенку. Наконец я втянул голову в плечи и ринулся вперед, прорываться сквозь сыплющиеся на меня удары, надеясь на свой вес. Столкнувшись со Слейдом, я выбросил вперед руки, и оба мы рухнули на пол.

Он, будучи проворнее, поднялся первым и ударил меня левой в голову, чуть за ухом, пока колено мое еще касалось пола.

— Фол! — заорал кто-то из публики.

— Заткнись! — рявкнул тот, масляный:— Эту встречу сужу я!

Когда я поднялся, Слейд был совсем рядом, и мы обменялись правыми. Тут ударил гонг. Я отошел в свой угол и сел на пол, привалившись спиной к стенке. Парнишка мой перегнулся через край:

— Надо тебе что-нибудь?

— Ага,— говорю.— Вышиби мозги из того, такого-сякого, что с понтом «судит» наш матч.

«Такой-сякой» в это время сунул рыло в яму с другой стороны и тревожно так шепчет:

— Как думаешь, Слейд, раунда за два справишься?

— Будь спок,— скривился Упырь,— удваивай ставки, утраивай! В следующем раунде уложу.

— Да, ты у нас лучше,— заявил сей судия праведный.

— Как с ним, вообще, хоть кто-то заключает пари? — спросил я.

— А-а,— ответил мой парнишка, подавая мне губку — кровь утереть. — Некоторые вообще заложатся на что угодно. К примеру, я самолично поставил на тебя десять монет.

— Что я выиграю?

— Не-е. Что продержишься пять раундов.

В это время зазвучал гонг, и я ринулся на ту сторону ямы с весьма достойным намерением — стереть Слейда с лица земли, да только опять плоховато соотнес мощь своего броска с размерами ямы. Слейду явно некуда было убраться с дороги, но он решил задачу, упав на колени и предоставив мне кувырком лететь через его голову. И не просчитался.

— Фол! — закричал мой парнишка.— Он упал, когда его не били!

А этот гусь морду скорчил:

— Хрен те — «фол»! Слепому ясно, что он просто случайно поскользнулся!

Поднялись мы со Слейдом одновременно, но мне от этого падения лучше вовсе не сделалось. Упырь пропустил мою левую над плечом и ответил левым хуком в корпус. За сим последовали прямой правой в зубы и левый хук в ухо. Я вошел в клинч и молотил его правой по ребрам, пока трость рефери не заставила нас расцепиться.

И снова Слейд заманил меня в угол! Он-то в этой треклятой яме уже освоился, а я со своей привычкой к нормальному рингу все время забывал про тесноту, понимаете? Казалось, стоит шевельнуться — тут же натыкаешься на грубый цемент бедром или локтем или сдираешь шкуру с плеча. А на Слейде вовсе никаких отметин не было, кроме синяка на ребрах! Глаза мои от его прямых левой и тычков пальцем быстро заплывали, губы кровоточили, весь я был в ссадинах, но все же дела обстояли не шибко плохо.

Словом, выбрался я снова на середину и до самого гонга обменивался с Упырем ударами, причем здорово попал ему в висок — так что он, к немалому моему удовольствию, зашатался и «поплыл». Словом, дела во втором раунде было немного, больше вязали друг друга в клинче.

Зато третий раунд начался — точно ураган! Со звуком гонга Слейд вскочил, оказался в моем углу еще до того, как я успел подняться, ударил с левой, с правой, чем совершенно меня ошеломил, уклонился от моей левой, нырнул под правую и гвозданил мне в солнечное сплетение. Я согнулся вдвое. Да, этот малец, без сомнения, умел бить!

Разогнувшись, я ответил левым свингом в голову и в бешеном ближнем бою пропустил по два хука с каждой руки — все заради того, чтобы раз попасть

ему правой по ребрам. Слейд крякнул, попробовал было сбить меня на пятки, а когда это не удалось, пригнулся, боднул меня в брюхо, задел коленом подбородок и черт знает, что еще проделал бы, кабы я не прекратил на время эти процедуры, выбив из него прыть ударом правой сверху в затылок.

Мы сцепились в клинче. Казалось, у любого осьминога щупалец меньше, чем у этого прощельяги рук, когда он входит в клинч! Всякий раз он ухитрялся не только связать меня до полной беспомощности, но и наступить на ногу, ткнуть пальцем в глаз или ребром ладони ударить по загривку. И вдобавок еще частенько притирал меня к стенке. Теперь вам, надеюсь, вполне понятно, с каким типом мне пришлось драться? Превосходство в весе и росте не давало никакого преимущества — тут требовались ловкость и быстрота. То, что Упырь был поменьше, как раз помогало ему, а не мне.

Однако я тоже задал ему приличную колотовку. К концу третьего раунда Упырь щеголял отличным синяком и несколькими отметинами на ребрах. Тут-то это и случилось. Я пошел вперед, работая свингами, он шагнул в сторону, выбрался из угла и, пока я старался оторваться от стены, чтоб было место для замаха, пару раз здорово достал меня левой.

Я ударил правой в корпус, и, хотя не думал, что попаду, Упырь, пошатнувшись, чуть приопустил руки. Я выпрямился, замахнулся правой и немедленно просек, что купился. Слейд переиграл меня. Стоило мне забыть об обороне и приподнять подбородок, он тут же ударил в него с правой. Голова моя треснулась о стенку так, что шершавый бетон рассек шкуру. Ошеломленный, не слишком-то понимая, что происходит, я отшатнулся от стенки — и прямехонько наткнулся челюстью на Слей-

дов кулак. Р-раз! В то же мгновение я сам изо всех оставшихся сил вогнал правую ему под сердце, и на пол мы рухнули вместе.

Ох ты! Где-то далеко-далеко в вышине орали зрители, а лампы, свисавшие с потолка, казалось, плясали в густом тумане. А я понимал лишь одно: нужно как можно скорее подняться на ноги!

Тот масляный тип принялся отсчитывать секунды нам обоим:

— Раз... Два... Три... Четыре... Пять... Упырь, так твою растак, поднимайся! Шесть... Семь... Проклятье, Упырь, шевели копытами! Восемь... Хуан, бей в гонг! Что ты за хронометрист?!

— Раунд еще не кончился! — заорал мой парнишка, видя, что я подтягиваю под себя ноги.

— Кто здесь рефери?! — завопил в ответ этот склизкий гусь, выдергивая из кармана пушку сорок пятого калибра. — Хуан, бей в гонг! Девять...

Хуан ударил в гонг. Секунданты Упыря спрыгнули в яму, уволокли его в угол и принялись приводить в чувство. Я уполз в свой. Там мой парнишка вылил на меня ведро воды, и мне здорово полегчало.

— Как ты? — спросил он.

— Отлично, — ответил я, хотя в голове еще все плыло. — В следующем раунде я из этого гуся половик сделаю. За честь и любовь прекрасной дамы. К славе наш маршрут пролег...

Он пожал плечами и откусил от плитки жевательного табака.

— Ладно. Бывает, людям еще хуже мозги отшибают...

Четвертый раунд! Слейд заметно ослаб, однако в глазах его еще горел дьявольский огонек. Я, в общем, был в порядке, только ноги что-то отказывались работать, как надо. Слейд явно чувствовал себя

куда лучше. Видя это или чувствуя, что теряет силы, он отбросил осторожность и начал обмен ударами.

Публика обезумела. Правая! Левая! Правая! Левая! Я получал четыре удара за один, однако мои были гораздо мощней! Долго бой в таком темпе продолжаться не мог.

Тот, масляный, всюду орал на Упыря, что-то советуя, и скакал на самом краю ямы, точно чокнутый. Мы сцепились в очередном клинче, он нагнулся, чтобы, как обычно, разогнать нас тростью... Уж не знаю, сам он нагнулся дальше, чем надо, или ему кто-то пособил — в общем, он шмякнулся на нас в тот самый миг, как мы расцепились и снова начали обмен ударами. Ну, а свалившись промеж нас, он поймал челюстью чей-то правый кулак, рухнул ничком — и больше не вставал!

Мы с Упырем по молчаливому соглашению приостановили военные действия, взяли нашего несчастного рефери за шкурку и за штаны, раскачали, выбросили наверх, а затем без единого слова возобновили бой. Конец был близок.

Еще несколько ударов — и Упырь вдруг подался назад. Я последовал за ним, работая свингами с обеих рук, и тут увидел, что он прижат чуть не к самой стенке. Ха! Вот теперь-то не уйдет! Я ударил прямым правой в лицо, но он опять упал на колени. Уй-й-я! Кулак мой, пройдя вскользь по его тылке, врезался в бетонную стенку...

Треснула кость. Руку пронзило нестерпимой болью, и она бессильно повисла вдоль тела. Слейд, поднявшись, налетел на меня, но мучительная боль заставила вовсе забыть о нем. Это был конец, хотя я еще стоял на ногах. Упырь изо всех сил ударил левой, метя в челюсть, однако я поскользнулся в какой-то луже на полу, и удар пришелся по лбу. Я

упал, но тут же услышал визг и поднял взгляд. Слейд корчился от боли, прижимая левую к груди.

Нокдаун малость прочистил мне мозги. Рука мгновенно онемела, и боль поэтому почти не чувствовалась, а Упырь, видимо, сломал левую о мой череп, как многие до него. Ну, это только справедливо! Я вскочил, и Слейд с отчаянием во взгляде бросился на меня, полностью раскрывшись, ставя все на один завершающий свинг правой.

Я нырнул под удар, вонзил левую ему в диафрагму и ею же ударил в челюсть. Он зашатался, руки его повисли, и тогда я послал левую «в пуговку», вложив в удар все, что только во мне оставалось.

Упырь рухнул наземь.

Человек восемь из публики выставили рыла над краем ямы и принялись считать — тот масляный гусь все еще был в отключке. Считали вразнобой, так что я как-то ухитрился опереться о стенку и, чтобы все было наверняка, держался, пока последний из них не сказал «десять». А уж после перед глазами моими все завертелось, я шмякнулся поверх Слейда и угас, точно фитилек в ночи.

Ну, что было дальше, мы с вами пропустим — сам не шибко помню, как оно все продолжалось. Проснулся я лишь назавтра в полдень, и из постели, куда мой парнишка отволол меня накануне, выбрался только из-за того, что вечером «Морячка» поднимала якорь, а Ракель ла Коста дожидалась победителя, то бишь меня.

И вот, у самого порога кабака, с которого все началось, сталкиваюсь я не с кем другим, как со Слейдом-Упырем!

— Х-хе,— усмехнулся я, обозрев его наружность. — И ты еще смог подняться?

— Ты на себя погляди.

Что да, то да... Правая на перевязи, оба глаза подбиты, весь в ссадинах... Однако Слейду нечего было вякать — его левая была загипсована, во весь глаз красовался чернящий синяк, и физиономия была не лучше моей. Я от души понадеялся, что двигаться ему так же больно, как и мне. Хотя в одном он взял надо мной верх — шкуру о стенки ободрал куда меньше.

— Где мои две сотни? — прорычал я.

А он осклабился:

— Хе-хе, попробуй получи! Мне сказали, что нокаут был неофициальным. Рефери его не зафиксировал! Значит, и победа твоя не засчитана.

— Хрен с ними, с деньгами, подлый желторожий прохиндей! Я уложил тебя, и тому есть три десятка свидетелей, а вот здесь тебе что понадобилось?

— Пришел встретиться со своей девчонкой!

— Со своей? За что же мы вчера дрались?!

— Ежели, — сказал он с диким блеском в глазах, — тебе и повезло меня побить, это еще не значит, что Ракель выберет тебя! Сегодня она сама скажет, кто ей больше по нраву, ясно? И после этого тебе придется убираться восвояси!

— Отлично, — зарычал я, — я тебя честно побил и могу доказать это! Идем! Пусть она выбирает. А ежели не выберет лучшего, так я и еще раз тебя разложу! Давай, идем!

Не тратя больше слов понапрасну, мы распахнули дверь и вошли. И, окинув беглым орлиным взглядом интерьер, увидели: сидит Ракель за столиком, подперев ладонями подбородок, и душевно этак смотрит в глаза какого-то смазливового офицерики в форме испанского ВМФ!

Ну, значит, подвалили мы к столику. Она посмотрела на нас с удивлением. Ну, не ее вина — нас и впрямь нелегко было узнать...

— Ракель, — вежливо начал я, — мы вот вчера бились, как вы нам велели, за вашу честную руку. И я, как следовало ожидать, победил. Однако вот этот олух бессмысленный думает, будто есть в вас какая-то скрытая приязнь к нему, и требует, чтобы вы сами, своими собственными розовыми губками, произнесли, что любите другого, то есть, значит, меня. Одно ваше слово — и я его выпшвырну вон. Мое судно покидает порт сегодня вечером, а мне еще так много нужно сказать вам...

А Ракель вдруг возмутилась:

— Санта Мария! Какие такие дела? Что это такое — вы, два бродяги, приходить в таком виде и говорить вздор? Разве я виновата, если два громилы набить друг другу морда, так? Что мне до этого?

Эти ее слова меня вовсе сбили с курса.

— Но вы же сказали, идите, мол, деритесь, и лучший из нас...

— Я говорить: пусть лучший будет победить, так! Разве я давала какой-нибудь обещаний? Что мне два бродяги-янки, дерущиеся на кулаки? Ха! Иди домой, приложи на глаз бифштекс. Ты оскорбить меня, если говорить со мной на публике с разбитый нос и лицо в синяках!

— Так ты не любишь никого из нас? — уточнил Упырь.

— Я любить два горилла? Ха! Вот мой мужчина — дон Хозе-и-Бальза Санта-Мария Гонсалес!

Сказала она так и тут же завизжала: мы с Упырем, не сговариваясь, одновременно ударили этого дона Хозе-и-Бальза Санта-Марию Гонсалеса, Упырь — правой, я — левой. Затем мы повернулись к ошарашенной Ракели спиной, взяли за руки, переступили через ее поверженного любимого, с достоинством вышли вон и навсегда исчезли из ее жизни.

Так же молча, ни о чем не сговариваясь, завернули мы в бар, присели к стойке, и я сказал:

— Вот и кончен наш роман, и маршрут к славе завершился лишь разочарованием и обманом...

— Все они — вертихвостки, эти бабы, — мрачно согласился Упырь.

Тут мне кое-что вспомнилось.

— Слушай! — воскликнул я. — А как насчет двух сотен, которые ты мне должен?

— За что?

— За то, что уложил тебя.

— Стив, — Упырь этак по-братски положил мне руку на плечо, — ты ж понимаешь: я и не думал тебя надувать. В конце концов, Стив, оба мы с тобой моряки, только что втоптаные в грязь какой-то иностранкой. Оба мы американские матросы, хоть и пришлось встать друг против друга. Я тебе скажу: что было, то быльем поросло! Фортуна изменчива, сам знаешь. Мы с тобой дрались по-честному, на сей раз повезло тебе. Так давай же примем еще по одной и разойдемся в мире и согласии!

— И ты не затаишь злобы, что я тебя уложил? — подозрительно спросил я.

— Сти-ив, — ответил Упырь, вроде как в праведном гневе, — все люди — братья, и если тебе уж так повезло меня побить, это не поколеблет моих братских чувств! Завтра мы будем в море, разделенные многими милями... Так давай же вспоминать друг друга с братским уважением! Забудем старую вражду и старые распри! Пусть нынешний день станет для нас зарей новой эпохи — эпохи дружбы и чистосердечия!

— А как насчет моих двух сотен?

— Стив, ты ж понимаешь, я к концу увольнения всегда на нуле. Вот мое слово: отдам я тебе

эти паршивые две сотни! Разве слова товарища недостаточно? А теперь давай выпьем за нашу грядущую дружбу и за дружбу между командами наших достопочтенных судов! Вот моя рука! Скрепим рукопожатием нашу дружбу. Никаким бабам впредь не разрушить ее! Счастливо, Стив! Счастливо! Всего тебе доброго!

Ну, пожали мы друг другу руки и повернулись, чтобы идти. То есть я повернулся и тут же крутанулся обратно, как раз вовремя, чтоб уклониться от удара правой и вырубить Упыря схваченной со стойки бутылкой.

БУЛЬДОЖЬЯ ПОРОДА

В

от так, — подытожил наш Старик. — Махнул этот бычок бутылкой с сельтерской, и вышибло у меня из головы все, что только там было. Мне вдруг показалось, будто «Морячка» тонет со всей командой и со мной в придачу, но это просто какой-то болван облил меня водой с ног до головы, чтобы привести в чувство. Ох, да... И этот бугай-лягушатник, с которым я

сцепился, оказался всего-то навсего, не стоило б и разговоров, Валуа-Тигром, чемпионом французского флота в тяжелом весе...

Ребята, и я в их числе, принялись перемигиваться. Пока капитан не решил прилюдно излить свои обиды Пенрину, старшему помощнику, мы все гадали, с чего это он в Маниле, проведя ночь на берегу, вернулся на борт с роскошным синяком во весь глаз и с тех пор пребывал в необычайно мерзком расположении духа. А все оказалось очень просто. Старик наш был валлийцем и французов ненавидел пуще змей.

А он вдруг повернулся ко мне и этак брюзгливо проговорил:

— И ты, ломоть ирландской ветчины, если в тебе осталась еще хоть что-нибудь от мужика, никогда не позволил бы этому, распротудить его, французишке вот так уложить своего капитана. Да-а, конечно, я понимаю, тебя там с нами не было. Но, если б ты подрался с ним...

— Ага! — саркастически ответил я. — Я уж не буду говорить, что весьма польщен сравнением с Валуа. Отчего бы вам не подыскать мне что-нибудь попроще, Демпси например? Вы хоть понимаете, что пытаетесь меня, обычного оболтуса, сравнять с единственным и неповторимым Валуа-Тигром, побившим всех в европейских и азиатских водах? У него и на мировое чемпионство шансы — будь здоров!

Старик наш зарычал:

— И я-то еще хвалился в каждом порту Семи Морей, будто плаваю с самой крутой командой со времен Гарри Моргана...

Он с отвращением отвернулся от меня, и тут же на глаза ему попался мой белый бульдожка Майк,

который мирно прилег вздремнуть на задраенном люке. Тут Старик снова как зарычал да как вмазал изо всех сил ни в чем не повинному псу ногой! Майк немедля вцепился в его икру, от которой мне в конце концов едва удалось оторвать его, правда вместе с куском мяса и клоком штанины.

Принялся наш капитан скакать по палубе на одной ножке, так виртуозно выражая свои чувства, что все ребята бросили на время работу, дабы послушать и восхититься.

— Не пойми превратно, Стив Костиган, — заявил он наконец, — но наша «Морячка» слишком тесна для меня и этого треклятого бульдога. И он в следующем же порту отправится на берег. Ты слышал, что я сказал?

— Тогда и я отправлюсь на берег вместе с ним, — с достоинством ответил я. — Вовсе не из-за Майка вы заработали синяк под глаз. Если б вам не пришлось в голову обидеться на меня, вы б на него и не взглянули. Майк — настоящий дублинский джентльмен, и никакой валлийский бобр не сможет, пнув его, уйти целым. Если хотите вытурить с корабля лучшего матроса — ваше дело. Но, пока не дойдем до порта, держите свои башмаки подальше от Майка, иначе я — заметьте, лично! — сломаю вам хребет. Хотите назвать это бунтом на борту — давайте. Эй, господин старший помощник, я вижу, вы подбегаете к кофель-нагелю! Вспомните-ка, что стало с последним, кто ударил меня кофель-нагелем!

После этого между мной и Стариком появился этаким холодок. Старикан, конечно, всегда был неласков и вздорен, но сердце имел доброе, и скорее всего, стыдно ему было за самого себя. Однако исключительное его упрямство не позволяло признать в этом, а кроме того, он еще был здорово

обижен на нас с Майком. И вот в Гонконге он без звука выплатил мне причитающееся жалование, и мы с Майком спустились по сходням на пирс. На душе было как-то погано и страшновато, хотя я и не показывал виду, а вел себя так, точно безумно рад распрощаться наконец с этой старой лоханью. Однако я с тех самых пор, как вырос, не знал другого дома, кроме «Морячки», и, хоть покидал ее время от времени, чтобы малость побездельничать или поучаствовать в боксерских состязаниях, всегда возвращался назад...

Теперь же было совершенно ясно, что обратного пути нет, и от этого я чувствовал себя хуже некуда. Чемпионом я был опять-таки только на «Морячке» и, сойдя на берег, тут же услышал, как Хансен-Мухомор и Билл О'Брайен пытаются решить промеж собой, кому из них отныне будет принадлежать этот почетный титул.

Что ж... Быть может, некоторые и скажут, что мне следовало спровадить Майка на берег, а самому остаться. Но, по-моему, если человек вот так запросто бросит своего пса, это еще хуже, чем оставить в беде товарища.

Майка я подобрал несколько лет назад в Дублинском порту, где он бродил сам по себе, дрался с любым попадавшимся на пути четвероногим и тяпнуть при случае какого-нибудь двуногого обормота тоже не возражал. Майком я его назвал в честь моего брата, Железного Майка Костигана, отлично известного в тех высших бойцовских кругах, куда мне никогда не попасть.

Так вот, побродил я малость по местным забегаловкам и вскоре наткнулся на Тома Роуча, тощего такого механика; я однажды в Ливерпуле его нокаутировал. Мы немного потрепались, кочуя из заве-

дения в заведение и понемножку выпивая, и наконец забрели в кабачок, несколько отличающийся от других. Сплошь, понимаете ли, одни французы, в великом множестве, да такие важные, разодетые в пух и прах, спасу нет! Бармены с официантами, тоже все французы, покосились на Майка нехорошо, но ничего не сказали. Я принялся было выкладывать Тому свои горести, но тут заметил, что прямоком к нашему столику движется высокий молодой человек в элегантном костюме, при перчатках и трости. Его в этом кабаке хорошо знали, судя по тому, как местные олухи повскакивали с мест, салютуя ему бокалами и вопя что-то по-французски. Он им всем снисходительно улыбнулся и этак замысловато взмахнул тростью. Вот этот его жест меня здорово разозлил. То есть этот чужак с самого начала себя повел вызывающе, понимаете?

Ну а Майк дремал себе спокойно подле моего стула — он, как и всякий настоящий боец, не слишком привередлив. А этот здоровый франт вполне мог бы через него перешагнуть или же обойти, однако он остановился и ткнул Майка своей тростью. Майк приоткрыл один глаз и вежливо этак приподнял верхнюю губу, словно бы говоря: «Нам неприятностей не нужно. Иди куда шел и оставь меня в покое».

Тогда этот французский идиот — что бы вы думали? Поднял ногу вшитой на заказ кожаной туфле и изо всех сил пнул Майка по ребрам! Мне кровь ударила в голову, и в какую-то секунду я был на ногах, но Майк оказался проворнее. Он прыгнул и целью себе наметил уж никак не ногу этого лягушатника, а глотку. Однако француз, оказавшийся на удивление шустрым, опустил тяжелую трость Майку на голову. Бульдожка мой упал и замер. В

следующий же миг француз тоже грохнулся на пол и тоже замер, да, вы уж поверьте, еще как! Мой удар с правой в челюсть его уложил, а стойка бара, к которой он, падая, приложился маковкой, помогла ему не подняться.

Я нагнулся к Майку, но он уже и сам очухался, хотя о голову его сломали трость со свинцом внутри. Да, чтобы отключить Майка хоть на несколько секунд — это постараться надо. Как только он снова начал соображать, глаза его налились кровью и забегали в поисках обидчика. Я тут же схватил его и целую минуту был занят только тем, как бы его удержать. Затем глаза его вновь стали нормального цвета, он завилял обрубком хвоста и лизнул меня в нос.

Однако я отлично знал, что при первой же возможности он перегрызет этому французу глотку, если только раньше не сдохнет. Взять верх над бульдогом можно, только убив его.

Будучи занят Майком, я не слишком-то обращал внимание на то, что творится вокруг. Но банда французских моряков, возжелавших было броситься на меня, остановилась, заведя в руке Тома Роуча револьвер. Том — боец серьезный, к дурачкам не расположенный.

К этому времени мой француз очнулся. Стоял, прижимая платок к кровоточащей губе, и, слава Юпитеру, никогда еще не видел я такого взгляда! Лицо его было мертвенно-бледным, а черные глазницы, устремленные на меня!.. Нет, ребята, в них была не просто ненависть и желание разделаться со мной. В глазах его сверкала мгновенная смерть! Однажды, в Гейдельберге, я видел известного фехтовальщика, убившего на дуэлях десять человек; вот у него глаза были точно такие же.

А вся тамошняя французская банда меж тем суетилась вокруг Майкова обидчика — орали, выли, лопотали что-то по-своему, так что ни слова не разобрать. Потом один подскочил к Тому Роучу, потряс кулаком перед его носом, указал на меня, заорал, и вскоре Том обратился ко мне:

— Стив, этот гусь вызывает тебя на дуэль. Что скажешь?

Я снова вспомнил того немецкого дуэлянта, подумал: «Этот петух наверняка родился с рапирой и дуэльным пистолетом в руках!» — и только открыл рот, чтобы сказать: «Ну уж дудки!», как Том шепнул:

— Это ведь тебя вызывают! Значит, и выбор оружия — за тобой.

Тут я облегченно вздохнул, а лицо мое, просто-душное, но честное, расплылось в улыбке.

— Скажи, что я выбираю боксерские перчатки. По пять унций.

Конечно же, я так прикидывал, что этот хлыщ в глаза никогда не видал перчаток. Поэтому вы, может, думаете, будто я с ним играл нечестно, ну а он-то сам? Я-то, рассчитывая, что он не отличит левого хука от нейтрального угла, намеревался только задать ему небольшую взбучку. Ну да, верно, чувствуя за собой явное преимущество. Но он-то намерен был убить меня! Я ведь вовсе никогда не держал в руках шпаги, а из пистолета не попаду даже в стену сарая...

Ну, Том перевел им мои слова, и они снова залопотали по-своему, и, к изумлению моему, на красивом, но злобном лице моего визави заиграла холодная, убийственная улыбка.

— Они спросили, кто ты такой, — пояснил Том. — Я сказал, мол, Стив Костиган из Америки. А этот петух ответил, что его зовут Франсуа и этого, как

он полагает, для тебя достаточно. Сказал, что будет драться с тобой прямо сейчас, в частном клубе «Наполеон». Там, похоже, держат ринг на случай, если кому-нибудь вздумается выставить приз для боксерского матча.

По дороге в вышеупомнутый клуб у меня было время как следует поразмыслить. Весьма вероятно, что этот Франсуа, кто бы он ни был, кое-что смыслит в нашем мужественном искусстве. Похоже, размышлял я, парень — из богатеньких клубменов, боксирующих удовольствия ради.

И обо мне он, видать, не слышал, так как даже самый богатенький любитель не мог бы возомнить себе, будто у него имеется шанс против Стива Костигана, который всюду известен как самый крутой матрос во всех азиатских водах (если только позволительно мне самому о себе это говорить), чемпион (то есть теперь уже экс-чемпион) «Морячки», самой крутой посуды среди торговых судов.

При мысли, что деньки мои на нашей старой лоханке кончены, меня словно бы пронзило насквозь острой, мучительной болью. Интересно, что за оборот теперь займет мое место в кают-компании и будет спать на моей койке и что отмочат над ним наппи баковые... А будет ли ребятам не хватать меня? И одолел ли Билл О'Брайен Хансена-Мухомора? Или же датчанин выиграл? Кто там теперь чемпион на «Морячке»?

В общем, было мне здорово не по себе, и Майк это понял, заворочался на сиденье рикши, что вез нас в клуб «Наполеон», придвинулся поближе и лизнул мою руку. Я потрепал его за ухо, и на душе сделалось полегче. Уж Майк-то, всяко, ни за что меня не оставит!

Клуб оказался заведением — будь-будь! Дворецкие при входе, или там дворовые, или еще кто, один черт, в ливреях, не хотели было пускать внутрь Майка, однако пришлось, еще как! Раздевалка, которую мне отвели, тоже была самой роскошной из всех, что я видел в жизни, и выглядела скорее дамским будуаром, чем боксерской раздевалкой.

— У этого типа, видно, монет — куры не клюют, — сказал я Тому. — Ишь как они все за него держат мазу! Как считаешь, жульничать не станут? Кто будет рефери? Если француз, как же я услежу за счетом?

А Том ухмыльнулся:

— Вот так-так! Ты что же, вправду полагаешь, будто ему придется считать секунды для тебя?

— Нет, — ответил я. — Но предпочел бы следить, как он отсчитывает секунды над тем типом.

— Ну, — улыбнулся Том, помогая мне влезть в зеленые трусы, которые мне принесли, — можешь не волноваться. Я так понял, этот Франсуа говорит по-английски, и потому поставил условие, чтобы рефери судил весь бой только по-нашему.

— Так отчего же этот Франсуа не заговорил по-английски со мной?

— Он с тобой вовсе ни по-каковски не говорил. Весь из себя такой шикарный... Думает, что замечать тебя — ниже его достоинства. Ну, разве только для того, чтобы дать по физиономии.

— Хм-м, — задумчиво протянул я, коснувшись небольшой царапины, оставленной тростью Франсуа на невероятно твердой голове Майка.

При виде этой царапины, должен признаться, перед глазами моими появилась легкая красная дымка.

Взойдя на ринг, я отметил сразу несколько деталей. Помещение было небольшим и роскошно об-

ставленным. А еще — народу немного. В основном — французы, да несколько англичан, да один китаеза, одетый на английский манер. Всюду сплюшь цилиндры, летние пальто и трости с золотыми набалдашниками. Но, к удивлению моему, были среди этой публики и французские матросы.

Я сел в своем углу, а Майк, как всегда, устроился у самого ринга, стоя на задних лапах, а передние и голову положив на ковер, чтобы удобнее заглядывать под канаты. На улице, если кто пытался ударить меня, Майк без разговоров бросался к его горлу, но старый мой пес отлично понимал, что ринг — дело другое. Тут он не вмешивался, хотя порой, когда я оказывался на брезентовом ковре или сильно истекал кровью, глаза его краснели, а из горла вырывалось глухое рычание.

Том слегка разминал мои мускулы, а я почесывал Майка за ухом, когда на ринге появился этот Франсуа, мистер Сама Таинственность.

— Уи! Уи! — завопили зрители.

Только тут я как следует разглядел, каков он из себя, и Том шепнул, чтобы я подобрал хлебало хоть на пару футов и не выглядел полным олухом. Когда Франсуа сбросил свой расшитый шелком халат, мне окончательно стало ясно, что встреча предстоит тяжеленькая, даже если этот гусь всего-навсего любитель. Парень был из тех, кто хоть, может быть, и не видал никогда перчаток, но выглядит и ведет себя как боец.

Росту в нем было добрых шесть футов полтора дюйма, то есть на полтора дюйма выше моего. Мощная шея плавно переходила в широкие, упругие плечи, торс — гибкий, точно сталь, а талия — тонкая, прямо-таки девичья. Ноги — стройные и сильные, с узкой ступней, значит, в скорости ему не

откажешь. Руки — длинные и крепкие, прекрасно тренированные. Да, скажу я вам, этот Франсуа был похож на чемпиона-победителя больше, чем кто-либо другой! С тех самых пор, как я в последний раз видел Демпси.

И лицо... Блестящие черные волосы были гладко зачесаны назад, придавая его злобному лицу некоторое благообразие. Глаза его так и жгли меня из-под тонких черных бровей, и теперь уж не были глазами обычного дуэлянта. То были глаза тигра! И когда он, опершись о канаты, сделал пару махов назад для разминки, мускулы его заиграли под гладкой, точно шелк, кожей, и весь он сделался точь-в-точь огромная кошка, которая точит когти о ствол дерева.

Том Роуч сразу посерьезнел.

— С виду востер, — сказал он. — Похоже, в боксе что-то смыслит. Ты лучше, как только гонг, — иди вперед, тесни его, не давай опомниться...

— А когда я дрался иначе? — ответил я.

Тут какой-то прилизанный француз с лихо закрученными усами вылез на ринг, поднял руки, прося тишины, так как публика все еще вопила, приветствуя Франсуа, и разразился длинной французской фразой.

— Что он говорит? — спросил я у Тома.

— Да повторяет, что и так всем известно, — ответил он. — Что это не обычный бой за приз, а вопрос чести между тобой и... Э-э... Этим самым Франсуа.

Том окликнул француза, сказал ему что-то, и тот вызвал из публики англичанина. Том спросил, не возражаю ли я против того, чтоб этот англичанин был за рефери. Я не возражал. Тогда о том же спросили Франсуа, и он этак высокомерно кивнул.

Затем рефери спросил, сколько я вешу, и я ответил, и после этого он заорал:

— Бой будет проходить без учета весовых категорий, по правилам маркиза Куинсберри, раунд — три минуты, минутный перерыв! До полной и окончательной победы, даже если схватка займет всю ночь! В этом углу — месье Франсуа, вес двести пять фунтов! В том углу — Стив Костиган из Америки, вес сто девяносто фунтов! Вы готовы, джентльмены?

Прозвучал гонг. Рефери наш, вместо того чтобы убраться за канаты, как делают англичане, остался на ринге, на американский манер. Я рванулся на середину, видя перед собой только холодную усмешку на красивом лице, и хотелось мне лишь одного: как следует это лицо разукрасить. Спешил, точно на пожар, и — наудачу — с ходу послал верхний правый хук Франсуа в челюсть. Удар пришелся слишком высоко, но все же сбил его с носков на пятки. Издевательская улыбка на его лице поблекла.

Прямой левой, так быстро, что и глазу не уследить, он парировал мой хук и сразу, с той же руки, ударил в голову. В следующую минуту, промахнувшись с обеих рук, я снова получил этот прямой левой в лицо и понял, что против меня дерется настоящий боксер.

Я явно уступал ему и в скорости, и в мастерстве. Он был точно кошка: двигался быстрее молнии, а если уж бил, то бил быстро и жестко и притом еще продумывал на ходу каждый шаг, так что застать его врасплох было невозможно.

Единственным шансом моим было продолжать наступать, и я шел вперед, нанося быстрые и тяжелые удары. Выстоять ему не удалось бы, поэтому он

принялся отходить, передвигаясь по всему рингу. И все же я понимал, что не шибко-то он меня испугался, а отступает с какой-то вполне определенной целью. Но я никогда не медлю, чтобы прикинуть, что там замышляет вышедший против меня гусь.

А Франсуа продолжал жалить меня своим прямым левой, пока я в конце концов не нырнул под его удар и не воткнул свою правую в его диафрагму. Удар здорово потряс его. Вообще-то, должен был свалить, однако он вошел в клинч и так связал меня, что я больше не мог сделать ничего. А когда рефери разводил нас, этот тип еще скребанул шнуровкой перчатки мне по глазам! С приличествующим случаем замечанием я изо всех сил послал правую ему в голову, но он уклонился, и сила моего же собственного свинга бросила меня на канаты. Толпа издевательски завывала.

Тут прозвучал гонг.

— Малец-то крутенок,— заметил Том, разминая мне мышцы живота,— но ты продолжай теснить его, ныряй под его левую, если сможешь. Только не забывай следить за правой.

Я протянул руку назад, чтобы почесать Майку нос.

— В следующем раунде посмотришь.

Да, в следующем раунде вправду было на что посмотреть. Франсуа решил сменить тактику и, едва я пошел вперед, встретил меня левой, разбив нос, отчего глаза мои немедля заполнились слезами. А потом, пока я соображал, что творится, правой подбил мне левый глаз и ею же ткнул в солнечное сплетение. Тут я очухался, левым хуком достал его печень, заставив согнуться пополам, и добавил, пока он не выпрямился, правой сверху в голову, за ухом. Он встряхнул головой, прорычал какое-то фран-

цузское проклятие и отступил, заслонившись все тем же прямым левой.

Я ринулся к нему, точно смерч, снова и снова пропускаю его короткий прямой левой в корпус, пытаюсь достать его, но мои свинги всякий раз оказывались чуть короче, чем нужно. Эти прямые в корпус мне пока не шибко-то вредили, их нужна целая уйма, чтобы человек ослаб. Однако это было — точно все время натыкаешься на каменную стену, понимаете? А потом он пустил в ход перекрестные удары правой — бац! бац! бац! Правая, братики мои, у него работала просто отменно!

Его рывок вперед был таким неожиданным и ударил он так быстро, что я и в оборону уйти не успел. Правая его сработала, словно молния! В тот же миг я «поплыл», а Франсуа ударами с обеих рук погнал меня назад через весь ринг. Бил он с такой скоростью, что я успевал парировать не больше четверти его ударов. Бил и бил, полностью раскрывшись. Наконец я почувствовал спиной канаты и на какой-то миг увидел его, пригнувшегося передо мной, словно огромный тигр. Он совсем забыл об обороне, и левая его как раз устремилась ко мне. Вот в эту долю секунды моя правая, взметнувшись от бедра, парировала его удар и угодила точно в подбородок. Франсуа, будто под копер попав, рухнул на ковер, рефери прыгнул вперед — и тут ударил гонг!

Пока я шел в свой угол, публика безмолвствовала. Обернувшись, я увидел, как Франсуа с остекленевшими глазами поднимается на ноги и ковыляет к своему табурету, опираясь на плечо секунданта.

Но к третьему раунду он снова был свеж, как ни в чем не бывало. Он понял, что удар мой не хуже его и что я, как большинство кулачных бойцов, опасен, даже когда «плыву». Он был взбешен, улы-

бочка исчезла с его лица, вновь сделавшегося мертвенно-бледным, глаза полыхали черными угольями, однако осторожности он не утратил. Отступил перед моим натиском в сторону, и я, пронесшись мимо, получил жесточайший хук в ухо, а когда развернулся и ответил хуком правой, Франсуа уклонился от него нырком, отступил назад и снова ударил левой в голову. Так прошел весь раунд: он, держа правую в резерве, разукрашивал мою карточку короткими прямыми левой, а я бил по корпусу, причем большей частью промахивался или же попадал в его перчатки. Перед самым гонгом он пошел в атаку, достал меня молниеносным правым хуком в голову и получил в ответ сокрушительный левый хук в ребра.

В четвертом раунде он сделался еще агрессивнее прежнего. Он посылал удары прямой левой мне в голову и затем с той же руки наносил хук в корпус. Или делал ложный выпад левой в лицо и только в последнее мгновение бил по ребрам. Да, с этих хуков в корпус вреда немного, но хорошего — вовсе ничего. Да и прямые в голову начали меня раздражать. Я и так уже бы краше некуда.

Работал он с такой скоростью, что я обыкновенно не успевал парировать или уклониться, и потому, едва он шевелил левой, я наугад бил правой ему в голову. После того как несколько таких моих ударов достигли цели, он прекратил финтить, посвятив большую часть времени ударам по корпусу.

Именно тогда-то я и понял: коготок у него востер, а вот с выносливостью — хуже. То есть он умел многое, гораздо больше моего, но на себе все это испытывать никак не любил. В ближнем бою он всегда наносил три удара на один мой, но отступал всегда первым.

Так дошло у нас дело до седьмого раунда. Мне к тому времени уже здорово досталось. Левый глаз быстро заплывал, а под правым была довольно мерзопакостная ссадина. Ребра начали побаливать от ударов, пропущенных в ближнем бою, а правое ухо на глазах принимало форму капустного листа. А мой быстроногий противник помимо нескольких синяков на тулове имел лишь одну-единственную отметину — небольшую ссадину на подбородке, оставленную моим кулаком в том кабаке, с которого все началось.

Но сил терять я еще не начал: подобную колотровку я могу, так сказать, глотать, не поморщившись. Я загнал Франсуа в угол, втянув голову в плечи, сократил дистанцию и тут же отошел, ударив слева в голову.

Франсуа ответил весьма болезненным встречным правой под сердце, и тогда я еще раз ударил левой. Франсуа шагнул навстречу моему правому свингу, наступил мне на ногу, ткнул большим пальцем в глаз и, зажав мою правую, принялся своей крушить мне ребра. Рефери не выказывал никакого намерения вмешиваться в эту забаву, и потому я, от всего сердца выругавшись, рывком высвободил свою правую и сокрушительным апперкотом едва не снес Франсуа башку.

Тут смешок его перешел в рык. Он снова принялся обрабатывать мою физиономию левой. Обезумев, я бросился на него, что есть силы ударил правой под сердце — и почувствовал, как ребра его прогнулись под ударом. Он побледнел, пошатнулся и вошел в клинч прежде, чем я смог хоть что-то извлечь из своего выигрыша. Я чувствовал, как отяжелело его тело, как подгибаются его колени, но он прилепился ко мне, и рефери не собирался

разводить нас. А когда я, ругаясь, наконец-то высвободился, мой очаровательный дружок, конечно же, успел вполне прийти в себя.

И тут же доказал это на деле, достав левой мой поврежденный глаз и той же левой ударив в ноющие ребра. Дальше последовал правый в челюсть, в первый раз за весь этот вечер опрокинувший меня на спину. Все это он проделал с кошачьим проворством. Раз! — два! — три! — и я на ковре.

Том Роуч заорал, чтобы я выждал счет, но я никогда не остаюсь на ковре дольше, чем нужно. Я вскочил на счете «четыре». В ушах еще звенело, слегка кружилась голова, но во всех прочих отношениях я был в порядке.

Однако Франсуа этого не понял, рванулся ко мне, но был остановлен левым хуком и повис на канатах так, что просто загляденье...

Ударил гонг.

В начале восьмого раунда я пошел вперед так же, как в самом начале, принял удар правой в переносицу, сам ударил левой по корпусу, и он снова отступил, жалея меня прямым левой. Я начал наносить боковые удары, промахнулся правой — кр-рак!

Должно быть, он впервые за весь тот вечер ударил с правой в полную силу — и как раз точно в челюсть. В следующее мгновение я вдруг увидел себя со стороны: лежу, скорчившись калачиком, на ковре, челюсть моя, по ощущениям, вроде бы напроць оторвана, а рефери, слышу, произносит: «...Семь!..»

Уж не знаю, как мне удалось подняться на колени. Казалось, рефери где-то далеко, в тумане, милях в десяти от меня. Однако в этом тумане я различил улыбку, вновь появившуюся на лице Фран-

суа, на счете «девять» поднялся на ноги и устремился к этому лицу.

Крак! Кр-рак!

Уж не знаю, как именно он снова послал меня на ковер... В общем, я снова упал, и все тут. Поднялся буквально за долю секунды до того, как рефери сказал «десять», и снова пошел вперед — на одном самолюбии, толкавшем меня к Франсуа!

* * *

Он мог бы тут же меня и прикончить, да только хотел действовать наверняка — знал, лягушатник, что я и в последний миг могу быть опасен. Достал меня пару раз прямым левой, ударил правой. Я нырнул под удар, пришедшийся вскользь по лбу, и вошел в клинч, мотая головой, чтобы в ней хоть малость прояснилось. Рефери развел нас. Франсуа снова ударил в голову — осторожно, но ощутимо и погнался меня через весь ринг. Мне оставалось только пригнуться и обороняться из последних сил.

Когда он прижал меня к канатам, мне удалось развязаться с ним, изо всех сил ударив с правой, но Франсуа ожидал этого. Уклонившись, он нанес встречный удар левой в челюсть, а за ним — правой в висок. Еще один хук левой снова швырнул меня на канаты, и на сей раз мне пришлось обеими руками ухватиться за них, чтобы не упасть. Я нырял и уклонялся, но его перчатки раз за разом били то в ухо, то в висок, вызывая гул в голове, раз от разу становившийся все глуше — пока сквозь этот гул не прорезался звук гонга.

Я отпустил было канаты, чтобы идти в свой угол, и тут же рухнул на колени. Перед глазами стояла сплошная кровавая пелена. Где-то в миллионе миль от меня ревела публика. Сквозь ее рев я услышал

презрительный смех Франсуа, а затем Том Роуч потащил меня в наш угол.

— Ты, ей-богу, здорово держишь удар, — сказал он, обрабатывая мои избитые глаза, — Джо Гриму делать нечего, но лучше уж, Стив, позволь мне выбросить полотенце, а? Это же настоящее смертоубийство...

— Ему и придется убить меня, чтобы победить, — прорычал я. — Иначе — я выстою.

— Но, Стив, — возразил Том, отирая мне губы и вливая в рот лимонный сок, — этот француз...

Но я не слушал его. Майк понимал, как плохо приходится его хозяину, и с коротким утробным рычанием зарылся носом в мою правую перчатку. И тут я кое-что вспомнил.

Было так: лежал я со сломанной ногой в маленькой рыбацкой деревеньке на аляскинском берегу и, не в силах ничем помочь, наблюдал через окно, как Майк дрался с огромным серым упрямым дьяволом — скорее волком, чем псом. Со здоровенным серым убийцей. Они забавно выглядели рядом — низенький, коренастый, кривоногий Майк и жестокий, поджарый, жилистый волчина...

И вот, пока я лежал, и бесновался, и пытался подняться, а четверо ребят прижимали меня к койке, этот проклятый волк — или пес — располосовал Майку бок до кости. Он был словно молния, как и Франсуа. Он точно так же, как и Франсуа, наносил удар и отступал. И весь, совсем как Франсуа, точно из стали пополам с китовым усом.

А бедный старина Майк все шел на него, рвался вперед — и промахивался, потому что волк всякий раз успевал отскочить в сторону. И всякий раз умудрялся полоснуть Майка длинными острыми клыками, так что вскоре бульдожка мой весь

был изранен и выглядел просто ужасно. Не знаю уж, сколько времени все это продолжалось, однако Майк не сдавался. Ни разу он не заскулил, не сделал ни единого шага назад, он только шел и шел вперед.

В конце концов он достиг цели! Пробился сквозь оборону волка, сомкнул челюсти, перегрыз ему глотку и тут же сам рухнул наземь. Его принесли ко мне в койку скорее мертвым, чем живым. Но мы подлечили его, и вскоре бульдожка мой совсем поправился. Только шрамы у него остались с тех пор на всю жизнь.

И вот, пока Том Роуч массировал мне живот и промакивал кровь с лица, а Майк терся холодным влажным носом о мою перчатку, я подумал: ведь мы с Майком оба одной породы, и единственное наше преимущество в бою — настырность. Чтобы победить бульдога, его нужно убить. Настырность! А чем еще я выигрывал схватки? Благодаря чему одолевал противников Майк? Проще простого: идешь и идешь вперед, на противника, и нипочем не сдаешься, как бы худо ни приходилось! нас всегда превосходят во всем, кроме хватки да выдержки!

Дурацкие ирландские слезы обожгли мне глаза. Не от мази, которую Том втирал в мои раны, не от жалости к себе — уж не знаю отчего! Дед мой, помнится, говаривал: ирландцы плачут о Бенбарбе, где англичане задали им здоровую трепку...

Тут зазвучал гонг, и я снова оказался на ринге, играя с Франсуа в старую бульдожью игру, то есть идя вперед и вперед и без звука глотая все, чем он меня угощал.

Я не шибко-то помню, как прошел этот раунд. Левая Франсуа раскаленной пикой вонзалась в лицо, а правая, точно кувалда, сокрушала ребра и голову.

К концу раунда ноги мои онемели, а руки сделались тяжелей свинца. Не знаю, сколько раз я падал и поднимался. Помню только, как один раз, войдя в клинч, едва не с рыданием вытолкнул сквозь расквашенные губы:

— Не остановишь, пока не убьешь, ты, мясо!

И когда нас разводили, увидел странную какую-то усталость в его взгляде! Тогда я ударил изо всех сил и — повезло! — попал ему под сердце. Затем все вокруг снова заволокло кровавым туманом, и я оказался на своем табурете, а Том Роуч поддерживал меня, чтобы не упал.

— Какой следующий раунд? — еле выговорил я.

— Десятый, — сказал Том. — Стив, ради всего святого, хватит!

Я завел руку за спину — посмотреть, где там Майк, и почувствовал его холодный, мокрый нос, который ткнулся мне в запястье.

— Не хватит, — отвечал я, точно в бреду. — Пока еще стою на ногах, вижу и чувствую... Это — как бульдог против волка. И Майк в конце концов разорвал ему глотку. И я — рано ли, поздно — разорву этого волчину на части...

Я снова вышел на середину. Грудь моя была сплошь в крови, так что перчатки Франсуа намочили и при каждом ударе брызгали кровью пополам с водой, но внезапно я обнаружил, что удары его будто бы утратили часть своей силы. Уж и не скажу, сколько раз он сбивал меня с ног, зато теперь-то я знал, что он старается изо всех сил, а я все же держусь. Ноги, конечно, почти отказывали, зато руки еще вполне годились в дело. Франсуа здорово обработал мои глаза, и они совсем закрылись, но, пока он занимался ими, я три раза попал ему под сердце, и с каждым разом он хоть чуточку да ослабевал!

— Какой следующий раунд?

Я зашарил вокруг в поисках Майка, так как вообще ничего не мог видеть.

— Одиннадцатый, — сказал Том. — Стив, это же сущее смертоубийство! Верно, ты из тех гусей, что могут драться еще двадцать раундов, хоть уже избиты до бесчувствия. Но я хочу тебе сказать: этот француз...

— Вскрой мне веки карманным ножом, — перебил я его, нашарив закривок Майка. — Должен же я видеть!

Том заворчал, однако ж я почувствовал острую боль, и правому глазу сделалось полегче. Теперь я мог разобрать хоть что-то перед собой. Тут зазвенел гонг, но я не сумел подняться: ноги точно отнялись.

— Том, ирлашка проклятый, помоги же! — зарычал я. — Выбросишь полотенце — забью тебе в глотку эту бутылку!

Том покачал головой, помог мне встать и вытолкнул на середину. Определив, где нахожусь, я чудным, механическим каким-то шагом пошел вперед, к Франсуа. Тот медленно двигался мне навстречу, и лицо у него было такое, словно он предпочел бы сейчас оказаться где угодно, только бы подальше от этого ринга. Да, он измочалил меня в хлам, бесчисленное число раз сбил с ног, но я — вот он, снова иду за добавкой! Бульдожий инстинкт ничем не перешибешь. Это не просто храбрость, не просто кровожадность, это... В общем, такова сама бульдожья порода.

Оказавшись лицом к лицу с Франсуа, я заметил, что глаз его совсем почернел, а под скулой — глубокая рана, хотя я напрочь не помнил, откуда они взялись. И на туловище отметин тоже хватало. Выходит, и наносить удары могу, не только получать!

Глаза его горели отчаянием. Он бросился на меня и несколько секунд молотил с прежней силой. Удары сыпались на меня градом, так что в голове моей все окончательно перемешалось. Я решил, что он вовсе отшиб мне мозги — казалось, я слышу знакомые голоса, оружие, выкликающие мое имя, и голоса эти — ребят с «Морячки», которые уж никогда не станут орать, поддерживая меня...

Тут я снова оказался на ковре и на сей раз почувствовал, что больше не встану. Где-то далеко, точно в тумане, маячил Франсуа. Я еще мог различить, как дрожали его ноги, да и сам он весь трясся, словно от холода. Однако мне было не достать его! Я попробовал подтянуть под себя ноги, но они окончательно отказали. Я осел на ковер, плача от ярости и бессилия.

И тут сквозь гвалт публики до меня, точно звон старого ирландского колокола, донесся лай Майка! Он у меня, вообще-то, был не из пустобрехов и подавал голос лишь в особенных случаях. И сейчас всего-навсего коротко гавкнул. Я взглянул в его сторону — он словно бы плавал в тумане, и взгляд его яснее всяких слов говорил:

— Стив, старина, поднимайся! Ну, еще удар! Ради чести нашей породы!

Нормальному человеку, доложу я вам, непременно нужно драться за что-то еще помимо самого себя. За свой флаг, например, за свой народ, за женщину, за ребенка или же за своего пса. Вот тогда он не может не победить! И я поднялся на ноги, уж не могу сказать как! Взгляд Майка точно вздернул меня за шиворот — и как раз в тот миг, как рефери открыл рот, чтобы сказать: «Десять!» И прежде чем он успел это сказать...

Сквозь застлавший глаза туман я увидел лицо Франсуа, бледное и отчаянное, и выражение его тоже говорило яснее слов. Мои удары под сердце, нет-нет да достигавшие цели, подточили его силы, да и выдохся он, молотя меня. Но главное — он понял, что вышел драться против старой бульдожьей породы! Это-то его и dokonало.

Я изо всех сил ударил правой в его лицо, и голова Франсуа запрокинулась назад, словно на петлях. Брызнула кровь. Он ответил правым свингом в голову, но удар оказался так слаб, что я засмеялся, тоже брызгая кровью пополам со слюной. Смеясь, я ударил левой в корпус, согнув Франсуа едва не пополам, и добил правой в челюсть. Он рухнул на ковер, скорчился, приподнялся было, опираясь на руки, но так и не смог встать до счета «десять». Шатаясь, я прошагал в свой угол и обнял Майка, а он, поскуливая, принялся вылизывать мне лицо.

Первым, что я почувствовал, придя в себя, был холодный, мокрый нос, который тыкался в мою правую ладонь, казалось совсем бесчувственную. Затем кто-то схватил эту ладонь и едва не оторвал напроць, и я услышал голос:

— Эй, старая ракушка! Хочешь ему, бессознательному, руку сломать?

И тут до меня дошло, что все это сон, так как голос-то принадлежал Билту О'Брайену, который в это время должен быть уже далеко в море!

— Кажется, приходит в чувство, — сказал Том Роуч. — Эй, Стив, глаза открыть можешь?

Я собрался с мыслями, разлепил пальцами веки, и первым, кого я увидел — или же хотел видеть — был Майк. Он на свой обычный манер завилял куцым хвостом и вывалил язык, улыбаясь, как ни в чем не

бывало. Потрепав его по ушам, я огляделся вокруг: возле меня стоял Том Роуч, а рядом с ним... Билл О'Брайен, и Хансен-Мухомор, и Олаф Ларсен, и старший помощник Пенрин, и второй помощник Ред О'Доннели, и наш Старик собственной персоной!

— Стив! — завопил Старик, чуть не прыгая от восторга и трясая мою руку так, точно вознамерился ее оторвать. — Ты просто чудо! Сказка!

— Э-э... — только и сказал я. — Что бы это все зна...

— Дело-то в чем, — начал Билл О'Брайен. — Мы только-только собрались поднимать якорь, и тут прибежал малец, говорит: ты, в клубе «Наполеон», дерешься с...

— Как только я услышал, с кем ты дерешься, тут же приказал все бросить, и мы всей командой отправились сюда, — перебил его Старик. — Но парнишка, присланный Роучем, заплутал, олух этакий...

— ...И нам еще пришлось уложить нескольких лягушатников, чтобы войти в клуб, — добавил Хансен.

— Поэтому мы видели только последних три раунда, — продолжил Старик. — Но дело того стоило. Он превосходил тебя во всем, кроме выдержки. Он избил тебя в хлам, но никак не мог заставить понять это, и я тут заключил пари-другое...

И, провалиться мне на месте, если Старик при этих словах не вложил в мою болезненно ноющую пятерню пачку купюр!

— Половина выигрыша, — пояснил он. — И больше тебе скажу: «Морячка» останется в порту, пока не поставим тебя на ноги!

В голове моей все поплыло.

— А как же с Майком?

— Растреклятый кривоногий ангел, — проворковал Старик, любовно почесывая Майка за ухом. —

Да я отдам за вас обоих все оставшиеся зубы! Я и так в долгу перед тобой, Стив. Ты уйму всего для меня сделал. Но никогда еще я не чувствовал себя в таком долгу перед тобой, как сейчас. Я отдал бы правую руку, чтобы только видеть этого здоровенного лягушатника битым, и...

— Эй! — Тут до меня дошло, в чем дело, и я сразу почувствовал себя слабым и разбитым. — То есть это был...

А Том вдруг сказал:

— Ты уложил Валуа-Тигра, чемпиона французского военного флота в тяжелом весе! Следовало тебе знать, что в увольнения на берег он одевается франтом и ходит туда, где публика пошικарнее. Он не представился, боясь, как бы ты не отказался драться с ним, а я поначалу опасался обескуражить тебя, а после уж ты не дал мне возможности сказать...

Тогда я повернулся к старику:

— Могу заверить, я не знал, что этот гусь — тот самый, с кем вы сцепились в Маниле. И дрался с ним не из-за вас, а из-за того, что он пнул Майка.

— К черту повод! — воскликнул Старик и улыбнулся шире крокодила. — Ты его одолел, и этого достаточно. А теперь надо бы откупорить бутылочку и выпить за американские суда и янки-моряков и отдельно за Стива Костигана!

А я ответил:

— Прежде выпейте за парня, который стоит всех названных судов и моряков, — за Майка из Дублина, почтеннейшего джентльмена и лучший талисман для любого бойца!

МОРЯЦКАЯ ЗЛОСТЬ

В

Лос-Анджелесе я сошел на берег в поисках мира и покоя. Быть чемпионом в тяжелом весе на судне «Морячка», капитан которого всюду хвастает, что плавает с самой крутой командой Семи Морей, это вам не шутки. Мы встали в док, и я пошел себе гулять, открыто заявив о намерении пару деньков повалить дурака. Я даже бросил своего белого бульдога Майка на борту. Нет,

я вовсе не хотел оставлять его без берега. В доке мы должны были простоять самое малое неделю, и мне хотелось побыть одному, вроде как для успокоения нервов. Майк, он только и смотрит, как бы откусить кому-нибудь ногу, а я потом либо плати за порванные штаны, либо дерись с их хозяином.

Словом, сошел я на берег в одиночестве и забрел в жилые кварталы, тянувшиеся вдоль берега, знаете, там, где такие маленькие летние коттеджики, которые занимают замечательные, высоких, можно сказать, помыслов и чувств, люди.

Так вот, побродил я по берегу, поглазел на игравших в песочке ребятишек и загоравших девушек, причем из этих последних большинство были просто сногшибательными, но вскоре понял, что попал в такие малолюдные места, куда наш брат забредает редко. Одет я был хоть без претензий, но прилично и никак не мог уяснить, с чего владельцы коттеджей так косо на меня посматривают.

Сначала я услышал чей-то голос:

— О-о-о, моряк! Йох-хо!

Это меня слегка разозлило. Нет, я своей работы не стесняюсь, никоим образом, только убей не понимаю, отчего во мне постоянно узнают моряка, даже если я и не в рабочей одежде! Однако ж злость моя мигом улетучилась: обернувшись, я увидел, что на меня застенчиво смотрит прекрасная миниатюрная девчонка со светлыми волосами. Не теряя времени даром, я устремился к ней. Она стояла возле лодки, держа над курчавой головкой дурацкий крохотный зонтик-парасоль.

— Мистер моряк, я не умею грести... Покатайте меня, пожалуйста,— вкрадчиво проворковала она, скользя взглядом по моим мужественным формам.— Просто обожаю моряков!

От взгляда ее у меня вроде как малость закружилась голова.

— Мисс, — вежливо ответил я, — для вас я готов грести до Панамы и обратно, только скажите!

С этими словами я помог ей подняться на борт и прыгнул в лодку сам. Как кавалер я всегда на высоте. Хоть и рос в грубости да невежестве, однако ж никогда не ленился подмечать, как принято держаться среди людей любезных и вежливых.

Так мы обогнули всю бухточку. Я греб, а она, поуютнее устроившись на банке и заслоняясь от солнца своим розовым зонтиком, с восхищением смотрела на меня из-под длиннющих шелковых ресниц.

Мы поболтали о разных пустяках вроде того, как жарко в это время года и какая мерзкая погода стояла в холода, а затем она спросила, с какого я судна. Я назвал ей судно и еще прибавил, что мое имя — Стив Костиган, что было сущей правдой, а она сказала, что ее зовут Марджори Харпер, и принялась, как все девчонки, расспрашивать о моих плаваниях и обо всем таком прочем. Ну, и я рассказал ей в ответ уйму историй, большей частью позаимствованных из библиотеки Хансена-Мухомора — у него полно книжек, какие всюду продаются по десять центов штука.

Однако я ни слова не сказал ей, что я боец, боксер, отлично известный во всех портах как крутой парень в перчатках, божья кара для старших помощников и боцманюг из тех, что всегда рады угостить матроса «персиком». Не сказал потому, что видел: девочка — примерная дочь почтенных родителей и ничего такого не знает о нашем грубом, огромном мире, хотя и не из последних в искусстве легкого флирта.

Ближе к вечеру мы расстались, и, признаться, она здорово понравилась мне. Она обещала встретиться со мной завтра на том же месте, и я, весело насвистывая, зашагал к своему отелю.

Назавтра я с самого утра отправился на наше место, хотя и понимал, что Марджори вряд ли появится раньше полудня. Проходя мимо укромной тенистой бухточки, куда парочки частенько прячутся от лишних глаз, я услышал спор на повышенных тонах. Конечно, я подслушивать не люблю, но и на ухо не тут, а потому отлично расслышал, что там говорили, по крайней мере мужчина, обладавший замечательно сильным голосом и пользовавшийся им на всю катушку. Сперва я решил, что он отчитывает ребенка, призывает вроде как умерить прыть...

— ...Сколько раз тебе говорил: держись подальше от моряков, вертихвостка этакая! Они не твоего круга!.. Неважно, как я узнал, что вчера ты гуляла с каким-то насквозь просоленным кретином! И все! И не смей возражать! Поймаю с ним — так отплепаю, своих не узнаешь! Ступай домой и нос наружу не смей показывать!

Тут я подумал, что это он уж слишком, и тут же проникся к этому парню неприязнью. Я вообще не люблю, когда мужик грубит женщине. Но в следующую же минуту я просто окаменел от удивления и гнева. Мужчина с девушкой, обойдя бухту кругом, вышли с другой стороны. Шли они спинами ко мне, но я хорошо запомнил лицо мужчины, когда тот невзначай оглянулся. Он был молод и симпатичен с виду, одни золотистые кудри чего стоили. А девушка... Девушкой была Марджори Харпер!

Какое-то мгновение я стоял как вкопанный. Ах ты!.. Запрещать девушке гулять со мной!.. 'Оскорблять моряков!.. Обзывать меня кретином, когда даже не знаком!.. И то, как повела себя Марджори, меня тоже изумило и разозлило — она покорно, как ребенок, пошла за ним и даже на словах ничего не возразила. Прежде чем я собрался с мыслями, они сели в машину и укатили.

Нечего и говорить, что я покраснел как рак! И ведь по сложению и походке этого молодого да раннего ясно было видно: он тоже моряк! Вот же мерзавец!

В общем, ровно в назначенный час я явился на то место, где накануне познакомился с Марджори, хотя не шибко-то надеялся, что она придет. Однако она все же пришла, и вид у нее был совершенно подавленный. Даже маленький розовый зонтик едва не тащился по земле.

— Я пришла только сказать,— волнуясь, заговорила она,— что не смогу сегодня кататься на лодке. Мне нужно сейчас же идти домой.

— А вы ведь, похоже, говорили, что незамужем,— горько сказал я.

Марджори изумилась.

— Но я и вправду не замужем! — воскликнула она.

— Ну,— нахмурился я,— если так, то должен вам сказать: я слышал, как утром вас отчитывали за то, что вы гуляли со мной. И не понимаю, как вы можете такое терпеть.

— Не знаете вы Берта,— вздохнула она.— Он сущий тиран и обращается со мной, как с маленькой.— Марджори гневно сжала кулачки. На глазах ее блеснули слезы.— Хулиган! Будь я мужчиной — башку бы ему свернула!

— А где же этот Берг сейчас? — спросил я с древним, как мир, зловещим спокойствием.

— Где-то в Голливуде, — ответила она. — Кажется, ему дали какую-то маленькую рольку в кино. Но остаться я все равно не могу. Нельзя, чтобы Берг узнал, что я выходила встретиться с вами.

— Значит, я так больше никогда вас и не увижу? — спросил я уже напрямик.

— О, Господи, нет! — Она, вся дрожа, промокнула глаза платочком. — Я боюсь! Берг в ярость приходит, стоит мне только взглянуть на какого-нибудь моряка!

Я чуть слышно скрипнул зубами и мягко спросил:

— А разве этот олух сам не моряк?

— Кто? Берг? Да. Но он заявляет, что моряки — неподходящее общество для приличных девушек.

Отчаянным усилием я подавил желание взвыть и сказал как можно спокойнее:

— Что ж, я ухожу. Но помните: я еще вернусь к вам!

— О, пожалуйста, не надо! — взмолилась она. — Мне ужасно жаль, но, если Берг застанет нас вместе, нам обоим придется плохо!

Мне ничего не оставалось, как только вежливо поклониться, и я, ног под собою не чуя, помчался в Голливуд. Марджори казалась весьма мужественной девушкой, а значит, с этим Бертом наверняка что-то неладно. Что ж за власть у него такая над ней, если он позволяет себе разговаривать подобным образом? Отчего она не даст ему от ворот поворот? Не может же она любить такого грубияна, когда рядом есть парень вроде меня! И уж всяко: если б она его любила, то не стала бы флиртовать со мной!

Тут, решил я, должно быть, положение вроде того, что показывали однажды в кино. Проклятие

рома» называлось. Там главный негодяй много чего знал про старика отца главной героини, так что ей приходилось терпеть все его пакости, пока не явился главный герой и не напинал ему как следует. Я и решил, что Берт, должно быть, знает что-то этакое на папашу Марджори, и уж собрался вернуться и спросить, что именно. Но тут же подумал: пускай-ка лучше сам Берт и расскажет.

* * *

Так вот, прибыл я в Голливуд и принялся, как дурак, бродить, надеясь, что посчастливится мне наткнуться на этого Берта. И почти сразу повезло! Вижу: сидят в кафе трое или четверо, и Берт среди них! Он, конечно, выглядел еще шикарнее прежнего, лучше одет и все такое, но его золотистые, выющиеся волосы я узнал, едва взглянув.

В следующий же миг я оказался у их столика, ухватил Берта за шкирку и поднял его на ноги.

— Значит, командовать над моей девушкой, так?! — зарычал я и что было сил ударил его правой в челюсть.

Он чудом уклонился, избежав-таки полного и немедленного поражения, а потом, к величайшему моему удивлению, полез под стол и заорал, зовя на помощь! В следующее же мгновение на меня навалились словно бы все официанты, сколько их там есть в мире, но я разметал их по сторонам, точно солому, и закричал:

— Берт, остолоп кудрявый, вылазь! Я-те покажу, как...

— Какой он тебе Берт! — взвыл толстенный низенький мужичонка, повисая на моей правой. — Это Реджинальд ван Вир, знаменитый киноартист!

В изумлении от его слов я утерпел пыл, и эта самая знаменитость боязливо высунулась из-под стола. Тут-то до меня окончательно дошло, что вышла ошибка. Не Берт оказался, хоть и замечательно похож.

— Извините, — буркнул я. — Обознался...

С этими словами я швырнул одного официанта на стол, другого — в угол и выпел наружу, исполненный безмолвного величия. А оказавшись на улице, нырнул в аллею и промчался бегом до самого ее конца — что-что, а уж копов на мою голову они наверняка позовут.

Словом, сдать я решил, только когда уже зажглись уличные фонари. И в это-то самое время наткнулся не на кого другого, как на Томми Маркса, с которым еще мальчишкой дружил во Фриско. И отправились мы, значит, отмечать такую встречу кружечкой пива с бифштексом. Томми с тех пор успел отрастить усики с бачками и сказал, что работает ассистентом режиссера — во как! — аж в самой кинокомпании «Тремендоуз Артс».

— И мы, — похвастал он, — такую штуkenцию снимаем, блеск! Сногсшибательную просто! Боксерскую картину снимаем, и называется она «Слава победителя!» Главный герой — Реджинальд ван Вир, главная героиня — Хони Прешиз! Киношки будут набиты битком!

— Надуваловкой занимаетесь, — хмыкнул я. — Скажешь, этот хлыщ ван Вир позволит себя метелить ради искусства?

— Ну, правду сказать, — признался Томми, — не позволит. Да и компания не позволит себе рисковать целостью его профиля. На счастье, нам — просто чудом! — подвернулся под руку парень, похожий на Реджи, точно родной брат. Крутой такой

морячина, настоящий боец, и драться перед камерой будет он. А для крупных планов, когда клинч, скажем, снимется сам Реджи, в гриме, будто он весь вспотел, да в синяках, да в крови. А потом эти крупные планы так вклеют в настоящий бой, что ни одна собака не отличит.

Внезапно меня осенило:

— И кто таков этот его дублер?

— Не знаю. Подобрал в Лос-Анджелесе. А имя его...

— Берт! — выпалил я.

Томми вроде как удивился:

— Ну да, верно. Так и есть.

— А-а-ар-р-ргх! — Я стиснул зубы. — Ну, завтра я приеду на студию. Нужно мне этому Берту сказать пару слов.

— Э-э! — закричал Томми, видно догадавшись о моих намерениях. — Оставь его совсем, Господа Бога ради, пока не закончим картину! Завтра мы снимаем большую сцену на ринге, кульминацию всей картины, понимаешь? На роль противника Реджи приглашен настоящий боксер — Терри О'Рурк из Сиэтла, ему заплатили уйму денег! Если ты оставишь нас без дублера, это же... Страх подумать!

— Ладно, — буркнул я. — Завтра с утра буду на студии, а там поглядим. Внутри меня, я так полагаю, не пустят, но я и снаружи подожду, когда он выйдет.

На следующее утро я приехал на студию Тремендоуз Артс еще до открытия. И — в такую-то рань! — обнаружил возле бюро по найму четверых крутых с виду парней. Одного даже узнал — это был Спайк Монахан, матрос первой статьи с купе-

ческого судна «Хорнсвогль». Вряд ли на флоте когда-нибудь бывали бойцы лучше.

— Отчего такое сборище головорезов, Спайк? — спросил я.

— А ты не слыхал, да? — ответил он. — Терри О'Рурк прошлым вечером дал раза вышибале в ночном клубе и сломал запястье! Ну, мы и пришли наниматься вместо него. Не, деньги-то мне особо не нужны, понимаешь? А вот начистить ряшку этому красавчику ван Виру — это да!

— Ну, тогда не повезло тебе, — сказал я. — Вместо него дерется дублер.

— Да плевать! — возразил один из парней. — Ведь в кино попадем! Здорово ведь, да?

— Ну, ребята, — с этими словами я скинул куртку, — подумав немного, я решил взять эту работу на себя.

— Стив, — отозвался Спайк, плюя в кулаки, — я ничо такого особого против тебя не имею. Но это ж мой долг перед народом: чтобы появилась моя физия на серебристом экране и чтобы зрители, уставшие глазеть на расфуфыренных олухов вроде ван Вира, просто жаждущие посмотреть, каков из себя есть настоящий мужик, получили свое. Только без обид, Стив...

Тут он выстрелил правым хуком мне в подбородок. Я нырнул, уклонился, уложил его хорошим апперкотом, заслонился от свинга другого здоровяка и левым хуком под ложечку уложил его поперек Спайка. Потом я обернулся к двум другим, воинственно размахивавшим руками, наткнулся глазом на кулак и сокрушил владельца этого кулака левым хуком в пуговку.

Четвертый успел как следует приложить мне дубинкой, и я, будучи этим малость раздражен, пря-

мым левой расплющил ему нос, правой сломал пару ребер и ею же ударил в челюсть, после чего он тоже лег и лежал спокойно, точно колода.

Спайк тем временем пытался подняться. Видя обиду в его глазах и бронзовый кастет на левой руке, я не стал дожидаться, пока он окажется на ногах, и ударил правой чуть позади уха. Ну, Спайк и осел на землю с ангельской улыбкой на страхолюдном лице. А я перекинул куртку через локоть и направился к дверям бюро — их как раз открывал какой-то невысокий человек в очках.

— Что вам угодно? — спросил он, не отводя взгляда от моего быстро темнеющего глаза.

— Я новый боксер, — ответил я. — Вместо Терри О'Рурка.

В его взгляде появилась озадаченность.

— Да, я знаю, что вчера поздно вечером было дано объявление... Но предпочтительнее было бы выбирать из нескольких претендентов.

— Здесь были еще четверо, — пожал я плечами, — только им дожидаться надоело.

Он выглянул наружу, увидел тех четверых нескладех, ковыляющих прочь, снова взглянул на меня и слегка вздрогнул.

— Заходите в следующем месяце, — сказал он. — Мы будем снимать картину о джунглях.

Я не понял, в чем дело, и спросил:

— Это вы что? Хотите сказать, что я вам не подхожу, или как?

— Нет-нет, — быстро ответил он. — Господи Боже, конечно же подходите! Идемте.

Я пошел следом за ним, и, миновав уйму помещений и предметов непонятного смысла и назначения, мы пришли туда, где все было устроено, как на настоящем открытом стадионе — ринг, трибуны и

все такое прочее. И на трибунах тех, несмотря на рань раннюю, были уже рассажены статисты в великом множестве.

К нам суетливо подскакал главный режиссер и оглядел меня с головы до ног. Вел он себя, надо заметить, точно полоумный, что, впрочем, вовсе неудивительно. Кто б не чокнулся в этаким-то гаме и суматохе, да еще если каждый миг подбегают спрашивать об освещении, декорациях, костюмах — словом, о каждой мелочи.

— Как звать? — рыкнул он. — С виду — боец! Откуда?

— Стив Кости... — начал было я.

— Отлично, слушай меня. Ты Непобедимый О'Хэнлон, чемпион Британских островов, понимаешь? А Реджи ван Вир — чемпион Америки, и вы с ним деретесь за мировое чемпионство, понимаешь? Конечно, вместо Реджи дерется дублер. После того как отснимем бой, будем снимать еще несколько крупных планов — ты с Реджи в клинче, чтобы вставить в нужные места. Томми, отведи его в гримуборную и приведи в порядок!

Тут к нам подбежал Томми Маркс. Увидев меня, он замер, как вкопанный, и побледнел. Он махнул рукой, чтобы я шел за ним, но, когда я попробовал было заговорить, зашипел:

— Заткнись! Я тебя не знаю! Ясно же: ты что-то затеваешь, и, если увидят, что мы с тобой друзья, я потеряю работу! Подумают, что это я тебя подговорил!

Смекнув, в чем дело, я ничего не ответил, и он повел меня в гримуборную, где намазал мне лицо какой-то дрянью и подкрасил брови. По-моему, внешность моя от этого лучше не стала, но Томми сказал, что и хуже, определенно, не будет, потому

что хуже некуда. Затем я влез в трусы, шикарнее которых в жизни еще не надевал, и Томми повязал мне вокруг пояса британский флаг. Это меня порядком насмешило: сколько дрался против тех, кто так же точно его повязывал, но никак не предполагал, что придется самому! Я было попросил его повязать лучше флаг Свободной Ирландии, но он сказал, что у них на студии такого нет. Потом он дал мне отличный шелковый халат, и, таким вот образом разнаряженный, я двинулся вперед.

Едва отворив дверь гримерки, я услышал дикий рев. Осторожно выглянув в павильон, я увидел, что по проходу этак величаво шествует Реджи ван Вир, одетый даже еще шикарнее моего. Две камеры стрекотали вовсю, режиссер прямо-таки надрывался от крика, а на трибунах скакала и вопила толпа статистов — совсем как болельщики на настоящем боксерском матче, когда на ринг выходит фаворит.

Окруженный роем секундантов с помощниками, он пролез под канатами, и Томми сказал, что настала моя очередь. Я и пошел к рингу по противоположному проходу, а следом за мной двинулась толпа еще побольше, чем у него, с ведрами и полотенцами, которых, если надо, хватило б на целую армию. Удивительно, как тяжело этим киношникам приходится, чтобы все получалось, будто взаправду! Уж не знаю, сколько статистов они собрали, однако мне сразу стало ясно: перед такой уймой публики я в жизни не дрался никогда.

Повинуясь тому, что орал мне режиссер, я прыгнул через канаты. Такая прыть мне тоже показалась удивительной: я-то всегда думал, что в кино бывает множество репетиций, или дублей, или как там еще. А тут рефери вызвал нас на середину, они сняли крупным планом, как мы с Реджи пожимаем друг

другу руки, потом камеры перестали трещать, Реджи быстро удалился, а вместо него на ринг поднялся Берт! Он был одет совсем как Реджи, и я снова поразился, до чего же они похожи.

— Вот теперь, — заорал режиссер, — пойдут те кадры, которые должны выглядеть как можно реальнее! Вот почему я вас, ребята, не заставлял репетировать! Деритесь, как всегда, как пожелаете, сколько требуют правила! Мы берем ринг со всех точек, под любым углом, так что не бойтесь выйти из кадра! Эт-то будет нечто новенькое в кино! Забудьте на время, что вы актеры! Втемяшьте, как следует, в свои непрошибаемые черепашки: вы бойцы, боксеры, как всегда! Чтобы мне все было взаправду! За эти четыре раунда вы должны показать все, на что только способны! А потом, Берт, когда я в пятом раунде крикну, делай шаг назад и бей левой в корпус! Тогда ты, Стив, раскрываешься, а ты, Берт, кр-р-роши правой в челюсть! И посильнее! Нужно, чтобы все было, как на самом деле! Стив, когда его правая угодит тебе в челюсть, ты падаешь!

Тут я как раз подумал, что с самого начала собирался устроить все, как на самом деле!

— Мне тут не нужно нокаутирующих ударов в плечо! Любители бокса, что ходят на матчи и понимают в нем толк, мгновенно все приметят! А именно их и должна привлечь наша картина! Так что, ребята, если будут выбитые зубы или сломанные носы, получите премии! Отлично, давайте по местам, а по звуку гонга бр-р-росайтесь вперед, словно вы лично злы друг на дружку!

Я вполне мог заверить его, что так и есть. Пока режиссер трепался, я из-под полуопущенных век рассматривал Берта. Выглядел он неплохо, а по повадке видно было, что на ринге он — точно у себя

дома. Широкие плечи, узкие бедра, мускулы грациозно перекатываются под кожей... Росту в нем было примерно шесть футов один дюйм, а весил он, пожалуй, фунтов сто девяносто восемь, то есть был на дюйм выше и на восемь фунтов тяжелее меня. В общем, смотрелся парень — точь-в-точь те греческие боги, по которым люди с ума сходят. Однако твердая квадратная челюсть и серые стальные глаза ясно говорили: работенка мне предстоит не из легких. Так вот, ударили в гонг, и мы бросились друг на друга. Я хотел предупредить его по честному и потому сразу, нырнув под его левую, вошел в клинч.

— Забудь, что там лопотал этот режиссер, — прорычал я ему на ухо. — Одного из нас унесут на носилках, и я постараюсь, чтоб это был ты!

— Я же тебя даже не знаю, — буркнул он, высвобождаясь рывком.

— Узнаешь!

С этими словами я дико осклабился и изо всех сил ударил правой под сердце. Он отскочил, закрывшись молниеносным левым хуком в корпус, и вести задушевные беседы нам стало некогда.

Парень он оказался быстрый, да вдобавок поsoобразительнее меня, однако тоже любил ближний бой. За левым хуком последовал просто-таки сокрушительный правый. Я закрылся, порядочно попал ему под глаз, вошел в клинч и принялся дубасить его правой, пока нас не развел рефери.

Мы обменялись правыми в голову, левыми в корпус, а потом он выдал роскошный апперкот, который начисто снес бы мне голову, попади он только в цель. Тогда я обеспечил ему дрожь в коленях при помощи правого хука под сердце, а он в ответ нанес прямой правой и одарил меня хорошей ссадиной под левым глазом.

Затем он принялся отступать, как на тренировке, обрабатывая левым мой поврежденный глаз. Мне это сильно не понравилось, и я двинулся через весь ринг за ним и неожиданно нанес перекрестный правой в голову, заставивший его упасть на колени. Впрочем, он вскочил, не выжидая счета, ударил левым прямым все в тот же мой поврежденный глаз и немедленно добавил правым апперкотом в корпус. Мой правый прошел мимо цели, зато левый — попал, а затем я пропустил два правых прямых в лицо ради того, чтобы попасть левым хуком ему в живот. Тогда он вошел в клинч, я высвободился, и дальше вплоть до самого гонга мы гоняли друг друга вдоль канатов.

Статисты уж давно вопили и скакали не за деньги, но от всей души, а режиссер так просто плясал от удовольствия и орал, чтобы мы продолжали в том же духе. Я зарычал, бросил многообещающий взгляд в сторону легконогого моего противника, и он так оскалится в ответ, что я понял: режиссер получит, что ему требуется, сполна.

Со звуком гонга Берт метнулся вперед, словно рысь, и, еще прежде чем я успел собраться с мыслями, нанес мне прямой левый под вздох и два прямых правых в лицо. Я отступил, заслонившись коварным правым хуком под сердце, ударил с той же руки в челюсть, но промахнулся. Очевидно, Берт решил, будто прямой правый — лучшая его карта, вроде козырного туза, так как продолжал пробивать им мою защиту и лупить под мой левый хук. Обозлившись, я внезапно нырнул так, что этот его прямой правый прошел над моим плечом, и нанес хор-роший перекрестный левой в челюсть.

Берт только хрюкнул, а я, прежде чем он сумел обрести равновесие, воткнул правую глубоко в его

ребра. Он повис на мне в отчаянном клинче и замотал головой, чтобы в ней хоть малость проявилось. Рефери развел нас, и Берт, очевидно взбешенный до крайности, нанес мне ошеломительный правый свинг чуть выше уха, отбросивший меня на канаты противоположного конца ринга. Пока я, преодолевая легкое головокружение, отталкивался от них, он бросился следом за мной, словно разъяренный тигр, и уж каким-то прямо пушечным правым апперкотом поднял меня на воздух. Теперь уже я вошел в клинч, и рефери потребовались все его силы, чтобы развести нас.

Берт сделал финт левой и тут же ударил правой под сердце. Я промахнулся с правой, неплохо достал его левой, и в это время прозвучал гонг.

Я сел на табурет и, пока мои помощники с секундантами совершали уйму вовсе ненужных движений, взглянул на трибуны. И тут сердце мое чуть не выпрыгнуло изо рта! Там, у самого ринга, в первом ряду, сидела Марджори!

Она смотрела на ринг и была сильно бледна. Я улыбнулся ей, показывая, что за меня не нужно тревожиться, но ответный ее взгляд был разве что испуганным. Бедное дитя! Я сообразил: она ведь совсем непривычна к таким грубостям и боится, как бы этот Берт меня не поранил! Эта мысль заставила меня весело улыбнуться и испытать чувство глубокого удовлетворения. Ничего, сейчас она увидит, как я задам этому типу заслуженную трепку!

Гонг!

На сей раз Берт пошел вперед с опаской. Он сделал ложный выпад левой, ударил правым в голову, промазал и отступил. Я, не шибко заботясь о защите, последовал за ним, нырнул под следующий

правый свинг и решил, что в следующий раз блокирую его левой, подшагну и ударю правым в челюсть. Вот левый свинг, правый — и я автоматически выбросил вперед левую, блокируя его. И — слишком поздно — заметил, что он как-то странно сместился, так что находится ко мне гораздо ближе, чем должен бы. Бац! В следующий же миг я оказался на ковре с таким чувством, точно под ложечкой у меня дыра.

Уже подбирая под себя ноги, я смекнул, что он сыграл со мной старый трюк Фицсиммонса. Вместе с ложным ударом справа он подшагнул правой ногой вперед, оказавшись таким манером внутри моей защиты и в прекрасной позиции для страшного удара левой в солнечное сплетение. Вот как он все это проделал, и еще хорошо, что не попал, куда метил, и не ударил с дистанции в несколько дюймов по ребрам. Иначе я не скоро пришел бы в себя.

А так я поднялся на счет «девять», и Берт рванулся ко мне — добивать. Прямым правой в челюсть я сбил его с курса и добавил левый хук в корпус, который ему частично удалось отклонить. Любой, кто когда-нибудь дрался со мной, мог бы сказать ему, что я, как большинство кулачных бойцов, опаснее всего, когда «плыву». Будучи обескуражен, он всю оставшуюся часть раунда осторожничал, то есть сбавил темп. Впрочем, и я не в настроении был торопить события.

Со своего табурета я снова весело улыбнулся Марджори, но она, судя по всему, не получала от наших игр пшбко много удовольствия. «Бедная девочка, — подумал я. — Наверное, то, как я оказался на ковре, — уж чересчур для ее мягкого сердечка!» Именно в тот самый миг я понял: вот эта девушка — для меня!

Вот так, представляя себе обручальные кольца и домик, увитый виноградом, я вышел на ринг в четвертом раунде. И почти сразу же прекрасные видения были вышиблены из моей головы жестоким правым хуком. Пришлось заняться более срочными делами. Берт был настроен покончить со мной побыстрее, и мы принялись обмениваться ударами в ближнем бою, пока ринг не поплыл перед моими глазами. Судя по взгляду Берта, ему было не лучше, чем мне. Тогда мы оба сцепились в клинче и замотали головами, чтоб хоть немного прояснилось.

Потом Берт снова принялся за свой старый, испытанный прямой правой, пока я, заревев от ярости, не нырнул под него и не всадил ему хуком с левой в диафрагму. После этого я ударил правой едва ли не от колена — тут бы и конец бою, попади я только в цель. В дикой мешанине ближнего боя мы оба поскользнулись на брезенте, но тут же вскочили, и Берт совсем закрыл мой глаз, а я успел нанести серию порядочных ударов в корпус.

Оскалив зубы, он ударил правой в мою гудящую голову и немедленно отскочил назад. Мы в это время были вплотную к канатам, так что он налетел спиной прямо на них. И тут же, оттолкнувшись, прыгнул прямо на меня! Я ни разу в жизни еще не видал, чтобы этот трюк попробовал кто из тяжело-весов, потому он и застал меня врасплох. Правая его со страшной силой толкнула меня в грудь, и я, задрав ноги, опрокинулся на ковер. Думал, насквозь этот ринг прошибу!

Но свалила-то меня только тяжесть удара, я вовсе не был оглушен или сильно травмирован. На счете «девять» я поднялся и жестоким правым рассек Берту бровь. Непохоже было, что он скоро решится на второй такой же прыжок, поэтому ему

чуть не удалось поймать меня на этот трюк еще раз — он дернул на себя мою левую, отскочил, оттолкнулся от канатов и прыгнул на меня, да так быстро, что времени на раздумья у меня не оставалось. Повинуясь инстинкту, я отступил в сторону и встретил его в воздухе правым хуком в челюсть.

Крак!

Он рухнул на ковер и даже пару раз перевернулся. Я было попятился назад, однако после такого удара вряд ли вообще кто смог бы подняться. Но этот Берт был парнем крепким.

Над трибунами повисла гробовая тишина. На седьмой секунде он подобрал под себя ноги, а на девятой поднялся. Колени его подгибались, взгляд сделался совершенно стеклянным, и было ему, понятное дело, уж не до боя. Я колебался — ужасно не хотелось бить его дальше, но тут мне вспомнилось, что он сказал про меня, как обижал бедную маленькую Марджори, как оскорбил моряков... Бросившись к нему, я услышал краем уха вопль режиссера, однако оставил его без внимания.

Берт при моем приближении попытался было войти в клинч, но мой правый хук в челюсть уложил его лицом вниз. Толпа взревела. Я отправился в свой угол и сквозь дикие вопли услышал режиссера — тот прыгал вверх-вниз и рвал на себе волосы.

— Поднимайся, Берт! — орал он. — Эй, вставай! Вставай, Господа Бога ради! Если не встанешь, погубишь всю картину!

Берт не выказывал ни малейшего намерения подчиняться, и тогда режиссер завыл:

— Да бейте же в гонг и тащите его в угол! До конца раунда еще полминуты, но зрители не заметят разницы!

Это, к величайшему моему неудовольствию, был исполнено, и режиссер принялся отпускать на мой счет замечания самого едкого свойства.

— А-а, да заткнитесь вы! — не выдержал я. — Сами же говорили: чтобы все взаправду! Может, нет?

Он и заткнулся. Да, мне было как-то не по себе оттого, что ударил беспомощного, но ведь все было по правилам! Он на моем месте сделал бы то же самое. К тому же я вспомнил, что он, шантажируя старика Харпера, держит в своей власти Марджори — а то с чего бы ей терпеть от него такое? — и решил, что не стоит волноваться за подобного негодяя. Такого и убить — мало будет.

* * *

Перерыв между раундами затянулся надолго, чтобы Берт смог оправиться. Секунданты трудились над ним в поте лица. Наконец я увидел, как он мотает головой, открывает глаза и смотрит через весь ринг на меня, словно голодный тигр. Режиссер заорал:

— Отлично, слушайте и запоминайте! Когда я крикну: «Давай!», ты, Берт, бьешь левой в корпус, а ты, Стив, раскрываешься!

Гонг!

Мы бросились друг к другу, Берт вошел в клинч и вцепился в меня, точно горилла.

— Слушай! В этом-то раунде ты будешь падать, как по сценарию положено? — прошипел он мне на ухо.

— Дерись! — зарычал я. — Забудь про режиссера, это наше с тобой личное дело! И я тебя, как половик, разложу!

— Да что ты ко мне прицепился? — зло спросил он. — Я ведь никогда раньше тебя не видел!

— А-а!

Вырвавшись из его объятий, я ударил правой в голову. Он отступил с двумя ударами — по корпусу и в челюсть, но я успел еще добавить правой под сердце. Тогда он нанес свой прямой правый, прошедший над моим плечом, рухнул на меня и снова связал по рукам и ногам.

— Маленькую блондинку в первом ряду видишь? — шепнул я. — Я слышал, как ты оскорблял и обижал ее. Поэтому, если хочешь знать, и намерен уложить тебя к ее ногам!

Он быстро скосил взгляд в ту сторону, куда я кивнул головой, и на лице его появилось выражение величайшего изумления.

— Что?! Да ведь она...

— Давай, Берт! — крикнул режиссер. — Бей левой! Стив, приготовься падать!

— Ш-час! — буркнул я через плечо и сам ударил левой Берту в глаз.

В отместку он нанес ужасающий правый по ребрам, и режиссер, чуя, что дела снова идут не по сценарию, снова принялся скакать и прыгать, рвать на себе волосы, ныть, скулить и рыдать. Но камеры не выключались, так что мы продолжали драться.

Вслед за правым в корпус Берт ударил левой. Перчатка его вскользь пришлась по голове, а моя правая снова угодила ему под сердце. Не зря я постоянно работал в корпус — он начал сдавать, однако еще раз набрал темп, отвечая на каждый мой удар двумя. Но в моих-то было куда больше силы! И я вложил все, что во мне оставалось, в одну-единственную яростную атаку. Голова Берта запрокинулась назад от левого апперкота едва ли не от колена, за которым последовал правый в сердце. Он пошатнулся. Я дважды ударил правой в

голову, нанес еще один левый хук под сердце и завершил все потрясающим правым в челюсть. Удары сыпались так быстро и были так сильны, что Берт, в его-то вовсе уже измотанном состоянии, ничего поделать не мог. И последний правый в челюсть поднял его на воздух, бросив через канаты, прямо к ногам Марджори. Она вскочила с места, прижимая ладони к щекам и раскрыв маленький милый ротик.

Рефери по привычке открыл счет, но в этом надобности уже не было. Я прошел в свой угол, вырвал из трясущихся рук изумленного секунданта халат и уже собирался убраться с ринга, но тут режиссер, бросившийся к этому моменту наземь и рвавший зубами траву, проявил интерес к жизни.

— Хватайте этого идиота! — взвыл он. — Вяжите! Бейте! Зовите копов! Он сумасшедший! Картина загублена! Мы потеряли огромные деньги! Хватайте! Если найду друзей в суде — упеку пожизненно!

— А ну осадь! — рыкнул я на его прихвостней, неуверенно двинувшихся ко мне. — Это наше с Бертом личное дело.

— Однако ж оно сожрет весь наш капитал! — застонал режиссер, снова принимаясь за свои жидкие локоны и пуская их клочьями по ветру. — Ну почему ты не мог сделать все по сценарию? Первые четыре раунда были — просто цимес! А концовка... О, зачем я только дожид до этого дня?!

Конечно, мне неудобно было перед ним, и я уж пожалел, что не дождался Берта у выхода, чтобы задать ему взбучку после съемок, но теперь дела было, похоже, не поправить. Но тут примчался Томми Маркс и, дергая режиссера за рукав, закричал:

— Слушайте, босс! У меня гениальная мысль! Обрежем последний раунд там, где Берт в после-

дний раз оказался на ковре! А потом начнется сцена с Реджи ван Виром, понимаете? Смонтировать можно легко!

— Да? — всхлипнул режиссер, утирая глаза. — Бросить Реджи на съедение этому людоеду? Он же сумасшедший! Думаю, он тот самый маньяк, что пытался убить Реджи вчера, в центре.

— Я думал, это Берт, — объяснил я.

— Послушайте! — продолжал Томми. — Дальше будет так: Стив ждет в своем углу, а Реджи медленно поднимается на ноги! Стив бросается на него, Реджи встречает его правым в челюсть, и Стив падает! Сенсационный нокаут под конец лучшего кинобоя за всю историю кино! Реджи и пальцем никто не тронет, понимаете? И разницы никто не поймет!

— Ну, а откуда мне знать, что этому питекантропу не придет в голову уложить и Реджи, когда они окажутся на ринге?

— Да ведь он ничего не имеет против Реджи. Верно, Стив? К Берту у него личная вражда, так ведь? Ты сделаешь все, как надо, Стив, верно?

— Отлично, — пробормотал режиссер. — Попробуем. Только не кидайся на Реджи слишком яростно, а то он удерет с ринга.

Мне едва хватило терпения дослушать их разговор. Да, с ними нужно было все уладить по-честному, однако именно сейчас у меня были более срочные дела.

Я подтвердил готовность сделать все, как следует, и поспешил туда, где сидела Марджори. На месте ее не оказалось. Она поспешала за секундантами, уводившими моего белокурого противника в гримерную.

Догнав ее, я нежно положил руку ей на плечо.

— Марджори, — сказал я, — не бойтесь больше этого грубияна! Я отомстил за нас обоих! Больше уж он не станет к вам приставать. Скажите вашему папаше: ему теперь нечего бояться, что бы там эта шляпа на него ни имела! Берт больше не препятствие для двух любящих сердец!

К величайшему моему изумлению и ужасу, она обернулась и обожгла меня гневным взглядом.

— Что за вздор?! — яростно выкрикнула она. — Вы зверь! Если еще хоть раз заговорите со мной, я позову полисмена! Как вы осмелились показаться мне на глаза после того, что сделали с бедным Бертом?! Негодяй! Скотина!

Узенькая ее ладошка хлестнула меня по лицу, Марджори топнула ногой, из глаз ее хлынули слезы. Догнав секундантов, она нежно пристроила ручищу Берта на свои хрупкие плечи и принялась ласково его утешать. Я только и мог, что смотреть им вслед, разинув рот и чувствуя себя крутым дураком. Подошедший Томми дернул меня за рукав:

— Эй, Стив! Идем снимать.

— Слушай, Томми, — говорю я, в некотором обалдении следуя за ним, — видел ту дамочку, что сейчас дала мне по личности? Этот гусь, он ей кем приходится?

— Он-то? — переспросил Томми, откусывая от брикета жевательного табака. — Да никем особенным. Он просто ее старший брат.

Я взвыл так, что, наверное, услышали и в Лабрадоре, и немедленно после этого мне пришлось откачивать Томми — он от неожиданности поперхнулся своей жвачкой.

Ну, ничего. По крайней мере, я узнал на собственном опыте: никогда не поймешь заранее, что женщина выкинет в следующую минуту!

КУЛАК И КЛЫК

В

сю свою жизнь я дерусь. Порой ради денег, порой — бывало когда-то и так — для забавы. Но самый жестокий, самый опасный бой в моей жизни был ни за то и ни за другое. В тот раз мне, господа, пришлось отчаянно драться ради того, чтобы мне пустили пулю в голову! Вот сейчас я и расскажу, как довелось драться, чтобы меня с моим лучшим другом пристрелили.

Я чемпион торгового судна «Морячка» в тяжелом весе, звать меня Стив Костиган. А Старик наш, должен вам сказать, весьма равнодушен к теплым водам и торговле с островитянами. И вот поэтому мы по пути в Брисбейн проходили сквозь Соломоновы острова. Наш Старик плавал в южных морях чуть не с самого детства и, стало быть, знал всех старых купцов и туземных вождей. И постоянно высматривал выгодные сделки — по части жемчуга, например.

Так вот, подходили мы, значит, к маленькому островку под названием Роа-Тоа. Там была небольшая фактория, и управлял ею единственный белый на острове, его звали Мак-Грегор. И капитан наш, будучи его старинным приятелем, решил нанести ему визит.

Не успел наш Старик шаг ступить по ветхому причалу, мой товарищ Билл О'Брайен сказал мне:

— Стив, видишь, там, у причала, баркас с мотором? Давай-ка его возьмем и сгоняем до Тамару, навестим старого Того!

Тамару — это еще один небольшой островок, совсем рядом с Роа-Тоа, даже вершину потухшего вулкана было видать. А Того был на Тамару вождем. На самом деле звали его по-другому, только выговорить не удавалось, «Того» ближе всего. Был это сморщенный такой старый негодяй и горький пьяница, но к белым относился крайне дружелюбно.

— Да Старик, скорее всего, зайдет и на Тамару, — ответил я Биллу.

— Это вряд ли. Мы снимаемся с якоря не раньше, чем они с Мак-Грегором выпьют весь виски на борту. И на Тамару заходить будет незачем — спиртного для обмена или в подарок старому Того не останется. Пошли, на баркасе легко доберемся.

А если будем торчать тут, старпом еще, чего доброго, выдумает нам какую-нибудь работу. Давай возьмем баркас, и — ходу, пока Старик с Мак-Грегором не видят. Если спросить, Мак, как всегда, откажет.

Словом, вскоре мы втроем: Билл, я и мой белый бульдог Майк — были в море. Сквозь треск мотора я услышал какие-то вопли. Оглянувшись, вижу: наш Старик с Мак-Грегором выскочили из фактории, прыгают, воют, машут кулаками. Ну, мы в ответ выставили им средние пальцы и самым полным двинули вперед.

И вот через некоторое время перед нами над океаном вырос Тамару — тихий, темно-зеленый, с устремленным в небеса жерлом потухшего вулкана и деревьями на горных склонах.

Когда мы были здесь год назад, деревенька Того стояла прямо на берегу, но теперь, к немалому нашему удивлению, мы увидели на ее месте лишь груды развалин. Хижины кто-то сравнял с землей, джунгли подступили к самой кромке воды, и никаких признаков жизни.

Стало быть, решили мы, что-то тут стряслось, и вдруг из-за деревьев вылезли четверо или пятеро туземцев и с такими дружелюбными улыбками направились к нам. Майк ошетинился и зарычал, но я подумал, что белые собаки просто не любят цветных. Таким образом, правда, черные собаки должны бы не любить белых, однако это отчего-то не так.

В общем, канаки кое-как объяснили нам на своем пиджин-инглиш, что деревню перенести подальше в джунгли, а их послали за нами.

— Спроси, зачем им понадобилось менять место, — сказал я Биллу,

который отлично владел местным языком.

— Говорят: детишки их стали болеть от соленой воды. Да ты не волнуйся, они, скорее всего, и сами не знают, зачем переехали. Они вообще час-тенько не соображают, зачем что-либо делают. Идем, навестим Того.

— Спроси, как он проживает.

Билл перевел канакам мой вопрос, а потом перевел мне ответ:

— Говорят: он свободен от боли и скорби, насколько человек вообще может быть свободен от них.

Канаки заухмылялись и закивали. Ну, пошли мы с ними. И Майк потащился за нами, не переставая рычать. Я раздраженно попросил его заткнуться, однако он даже ухом не повел.

Через какое-то время мы вышли на большую поляну. Там и стояла деревня. Здесь тоже не наблюдалось никаких признаков жизни, кроме нескольких туземных собак, дремавших на солнышке. По спине моей пробежал холодок.

— Слышь, — обратился я к Биллу, — странно это все как-то. Спроси у них, где Того.

На вопрос Билла один из туземцев ухмыльнулся и указал на шест, стоявший перед самой большой хижинкой. Я поначалу не понял, что он имеет в виду, но тут же все разглядел — и желудок мой едва не вывернулся наизнанку, а сердце заглохло от страха. На шест была насажена человеческая голова! Все, что осталось от бедного старика Того...

В тот же миг на нас с Биллом навалились сзади по два здоровенных канака, а еще пара сотен тучей высыпала из хижин.

Билл с ревом присел, швырнул одного из канаков через себя, сделал пол-оборота назад и уложил второго ужасным ударом в челюсть. Тогда первый,

не поднимаясь, схватил его за ноги, а еще один ударил по голове дубиной. Билл, залитый кровью, рухнул на колени.

Я тем часом разбирался с собственными неприятностями. Стоило двоим канакам схватить меня, Майк бросился на них, повалил одного и едва не разорвал на части. В тот же миг я ударил за спину локтем и, по счастью, попал второму в солнечное сплетение. Тот, хрюкнув, ослабил хватку. Развернувшись, я хотел было уложить его, но тут же почувствовал что-то острое между лопатками и понял, что к спине моей приставили копьё. Пришлось остановиться и замереть. В следующую же минуту мы с Биллом оказались связаны по рукам и ногам. Я покосился на Билла. Из раны на его голове текла кровь, но все же он улыбнулся в ответ.

Так вот, заняло все происшедшее меньше минуты. Трое-четверо туземцев подошли к Майку и оторвали его от его жертвы, визжавшей и истекавшей кровью, будто свинья резаная. Тогда эта самая жертва потащила к ближайшей хижине, причем выглядела не веселее выброшенных на берег обломков потерпевшего крушение судна. Прочие дикари принялись плясать и прыгать вокруг Майка, стараясь достать его копьём или дубиной и в то же время не остаться без ноги, а Майк начал прогрызаться сквозь них ко мне.

Я смотрел на все это с прыгающим где-то под самым горлом сердцем, как вдруг — трах! — раздался пистолетный выстрел, Майк перекувыркнулся пару раз и замер. Из раны на его голове заструилась кровь. Издав ужасный вопль, я рванул стягивавшие меня веревки с таким отчаянием и бешенством, что вырвался из рук державших меня канаков и тоже упал.

Затем нас с Биллом довольно грубо приволокли к здоровенному черномазому с дымящимся пистолетом в руке и жутко важному с виду. Мне с первого же взгляда показалось, будто где-то я уже видел этого типа, однако об этом мне думать не хотелось, я жаждал лишь освободиться и голыми руками вырвать ему глотку за то, что он застрелил Майка.

А дикарь этот подступил к нам вплотную, крутя пистолет на пальце, и тут я смог разглядеть его поближе. Кабы взгляды могли убивать, он бы за это время уже раза три сдох. Был то здоровый, высокий, отличного сложения туземец, не похожий, однако ж, на остальных — у этого кожа слегка отдавала в желтизну, а все прочие были золотисто-коричневыми. И лицо у него в отличие от остальных не было открытым да добродушным — жестоким оно было, с раскосыми глазами и тонкогубым ртом. Я сразу понял, что в нем имеется примесь малайской крови. Метис, значит, от обеих рас унаследовавший худшие стороны... На нем, как и на остальных, была только набедренная повязка, но у меня возникло стойкое впечатление, что где-то я его уже встречал, в другой одежде и в другом обществе. Не будь я так зол и опечален смертью Майка, сразу бы узнал.

А гусь этот тут и заговорил — по-английски, но очень уж гортанно:

— А-а, миста Костиган навестил мой остров, а? Как оно нравится — мое гостеприимство, а? Как оно — мо-быть, погостите подольше, а? Мой рад видеть вас, как никого другого в мире!

Говоря все это, он скалил зубы в улыбке, но, произнеся последнее слово, сомкнул мощные челюсти с лязгом, будто крокодил. И тут Билл, глядевший на него с изумлением, заорал:

— Сантос!

Меня словно громом поразило, прямо ноги подкосились от удивления — не был бы связан, наверняка упал бы. Ну конечно! И вы тоже должны его помнить, если хоть вполглаза следите за боксерским миром.

Пару лет назад я встречался с этим Сантосом на ринге во Фриско. Ну да, тот самый Непобедимый Сантос, Тигр Борнео. Он дрался в разных азиатских портах с бойцами второго разбора. Там-то Арни Хуссенштейн его и откопал и, после того как Сантос уложил всех в обозримых пределах, привез его в Америку.

Парень, без сомнения, был хоть куда. Первую очередь своих американских противников он просто-таки смел, словно коса — жухлую траву. Он был быстр, силен, как бык, и к тому же обладал очень приличной для такого тяжеловеса реакцией.

Первым его серьезным противником был Том Йорк, вы его наверняка помните. Первый раунд Том выиграл легко, но во втором Сантос выписал ему такую плюху, что сломал нос и выбил четыре зуба. После этого уже пошла настоящая мясорубка, и в пятом раунде рефери остановил бой, чтобы сохранить Тому жизнь. Тут-то газетные писаки надели на Сантоса пuce прежнего, дескать, он второй Фирпо и уж никак не миновать ему быть чемпионом.

Арни принялся организовывать матч в Гарден, а Сантоса пока что отослал обратно во Фриско, пополнить список нокаутов да поразмяться с парочкой-другой калифорнийцев. И тут-то на сцене появился темнейшей души злодей — Стив Костиган.

У Сантоса были назначены в Сан-Франциско десять раундов с Джо Хендлером; но в самый день

матча Хендлер растянул лодыжку, и в последнюю минуту я заменил его. Нечего и говорить, что на ринг я вышел при ставках сто против одного. И то на меня никто не ставил, кроме ребят с «Морячки». Они, похоже, считали, что я могу уложить кого угодно просто потому, что в свое время уложил каждого из них.

До меня сразу доперло, что все эти возгласы да «ура» обращены к Сантосу. Стоило мне выйти из своего угла, он принялся паясничать, играя на публику, замахал на меня ручищами, начал строить рожи, отпускать шуточки, а напоследок опустил руки и выставил челюсть вперед — на, мол, бей! Публика, понятно, покатила со смеху, а я, пока он рот разевал, взял да и ударил!

Пожалуй, он думал, что я от него дальше, чем есть, потому что совсем раскрылся. А я ударил правой от колена, вложив в удар все, что только было за душой. Так приложил по отвисшей челюсти, что вся рука онемела. Уж не знаю, как напрочь ему челюсть не снес. Ну, он и брякнулся на ковер, словно собрался оставаться там на веки вечные. Пришлось секундантам волоочь его в раздевалку, чтобы привести в чувство.

Публика, едва переведя дух, заорала: «Жульничество! Нечестно!» Верно, так оно и было на самом деле, потому что Сантос, держи он себя в руках, наверняка победил бы. А так этот бой прикончил всю его карьеру. То ли он сердце потерял, то ли еще чего.

Дальше у него был матч с Кидом Эллисоном. Он с самого начала повел себя как-то нерешительно, а затем проиграл подобным образом еще два матча подряд. Тогда Хуссенштейн дал ему пинка под зад, и Сантос исчез было из поля зрения. Все решили, что

он снова нанялся в кочегары на какое-нибудь судно, публика его забыла, и сам я уже успел забыть. А тут — вот он, откуда ни возьмись!

Все эти воспоминания молнией вспыхнули в моем мозгу, пока я стоял, разинув рот, и глазел на этого гуся. Уж если Сантос на ринге, в цивилизованных условиях, выглядел тигром, то теперь — что и говорить!

Так вот, заткнул он пистолет за пояс и этак лениво тянет:

— Что-о-о, миста Костиган, помнишь меня, а-а?

— Помню, помню, грязный метис! — заорал я. — Зачем пса моего застрелил?! Пусть только развяжут — я тебе сердце вырву!

Он оскалил зубы в этакой ядовитой улыбочке и лениво махнул в сторону шеста, на который была насажена голова Того.

— Пришел повидать старого друга, а-а? Ну так вот он! Все, что осталось. Теперь Сантос — вождь! Старик был глупый, молодые — они пошли за Сантосом! Совет будем созывать. Вы мои гости!

При этом он холодно, убийственно засмеялся, что-то сказал державшим нас канакам, повернулся задом и пошел к своей хижине. Нас потащили следом за ним. Тут я оглянулся назад, и сердце мое чуть не выпрыгнуло из груди: старина Майк, шатаясь, поднялся, помотал головой и огляделся. Нашарив меня остекленевшими глазами, он двинулся было ко мне, но тут же увидел и Сантоса, развернулся и убежал за деревья. Я облегченно вздохнул. Должно быть, пуля только слегка царапнула — как раз, чтобы оглушить. Никто, кроме меня, всего этого не видел, и Майк, значит, хоть на некоторое время ушел от опасности, чего никак нельзя было сказать о нас с Биллом О'Брайе-

ном. Билл, видимо, тоже это чувал: очень уж он был бледный.

Нас поставили перед Сантосом, который сидел в одном из кресел, подаренных Того нашим Стари-ком.

— Однажды, миста Костиган, мы встречались,— заговорил он.— В твоей стране. Теперь встретились в моей. Это моя страна. Мой здесь родился. Большой глупец — мой. Был совсем молодой — ушел на корабле с белыми. Драил палубу, потом кидал уголь... Дрался с другими кочегарами. Встретил Хус'штейна — дрался для него. Он взял меня в Австралию-Америку, я всех победил. Все кричали, когда я выходил на ринг.

Тут улыбка на его физиономии поблекла, глаза сделались совсем дикими и налились кровью.

— А потом встретил тебя! — продолжал он, понизив голос чуть не до шипения.— Они сказали: ты — просто мяса кусок. Ничего в голове! Я думал: пусть людей посмешить. Я подставил лицо и сказал: «Бей!» А затем думал, на меня, мо-быть так, крыша упала!

Под конец он уже рычал, точно дикий зверь, грудь его начала вздыматься от гнева, а пальцы огромных ручищ сжались, словно бы на моем горле.

— После этого сразу стал шлохой. Люди стали говорить грязные слова. Они сказали: «Метис! Желтозадый! Выкинуть прочь!» Хус'штейн сказал: «Пошел вон! Теперь ты битая карта!» Я снова стал кочегаром. Я заработал себе дорогу обратно, к своим, на свой остров.— Он издал короткий, мрачный смешок и ударил себя в грудь.— Теперь я король! Того — старый глупец, друг белым людям! Х-ха! Я сказал молодым: «Сделайте меня королем! Мы убьем белых, возьмем ром, ткань, ружья, как делал наш народ в

давние времена! И я убил Того со стариками, что пошли за ним! А ты... — Он метнул в меня полыхающий ненавистью взгляд. — Ты выставил меня глупцом, — медленно проговорил он и вдруг заревел, заскрипел зубами и завращал зенками, точно сумасшедший. — А-а-ргх-х! И я отплачу тебе!

Я вроде как неуверенно покосился на Билла, а Билл сказал:

— Ты не тронешь белого человека. — Говорил он достаточно твердо, но все же голос его пару раз дрогнул. — Может, для этой кучки навоза ты и король, но ты чертовски хорошо знаешь: убьешь нас — по твою душу придет британская канонерка.

Сантос ухмыльнулся, точно злобный сказочный великан-людоед, и развалился в кресле. Если он когда и был хоть вполовину цивилизованнее, это у него наверняка прошло.

— Британцы приходили, — сказал он. — Разнесли в щепки нашу деревню, убили несколько свиней. Но мы убежали в джунгли, и они не смогли отыскать нас. Раза три стреляли, белые свиньи, по острову, потом ушли. А ведь мы сожгли купеческий баркас и убили моряка!

— Так вот, — ответил тогда Билл, — «Морячка» стоит на якоре у Роа-Тоа, и, если ты причинишь нам вред, ребята никого на этом острове не оставят в живых. Они издали палить не станут, они сойдут на берег и вырежут всех.

— Я скоро приду на Роа-Тоа, — неожиданно кротко ответил Сантос. — Пожалуй, мне лучше стать королем и там. Я убью Мак-Грегора, заберу его ружья, пистолеты и все прочее. Ваш корабль придет сюда — я заберу его тоже. Думаешь, я не смею убить белого, а-а? Ты большой глупец.

Все это для меня было уже слишком.

— Ну и что ты собираешься делать с нами, метис желгопузый?! — заорал я.

— Убить обоих! — прошипел он с улыбкой, поигрывая своим пистолетом.

— Так стреляй, не тяни! — зарычал я, опасаясь, что вконец потеряю лицо, если он будет тянуть дольше. — Позволь только сказать...

— Э, нет, — улыбнулся он. — Зачем «стреляй»? «Стреляй» — слишком просто, а-а? Вы будете страдать, как страдал я!

— Что-то я тебя не пойму, — пробормотал я. — Все было по правилам. Не вижу, из-за чего бы тебе иметь на меня зуб. Если б ты уложил меня, я бы ведь не обижался, так? И уж Билл — он-то здесь всяко ни при чем!

— Я убью вас всех! — заорал Сантос, вскакивая с кресла. — И вы оба — вы будете вить, прося смерти, пока я не сжалось! А-а-а-а! Будете визжать, прося смерти, но не умрете, пока я не решу, что с вас хватит!

Приблизившись, он заглянул мне в глаза. Взгляд его был вовсе диким.

— Ме-едленно умрешь, — шепнул он. — Ме-едленно-ме-едленно. Будешь страдать — за тот удар и за все, что я вынес от белых, будешь страдать вдесятеро! — Он на минуту умолк, не отводя от меня пылающего взгляда. — Смерть Тысячи Ножей ждет вас, — наконец сказал он. — Знаешь, что это, а-а? А-а, бывал в Китае! Вижу, знаешь, лицо побледнело!

Я и вправду знал, что он имеет в виду. Чертовски хорошо знал. И Билл также.

— Я покажу нашим, где резать, — продолжал Сантос. — Я видел китайские пытки вроде этой.

У меня руки-ноги поотнимались, а вся одежда промокла от пота. Тут-то я прочувствовал, каково приходится загнанной в угол крысе!

— Ладно, чернозадая свинья! — заорал я, наверное, малость свихнувшись от всего пережитого. — Делай что хочешь! Только помни одно: я уложил тебя! Уложил замертво! Хотя убьешь меня, но так и останешься битым!

Тут он как завизжал, словно обезумевшая пантера! Похоже, я и впрямь задел его за живое.

— Ты не побил меня! — взвыл он. — Я был большой глупец! Я сам позволил тебе ударить! Белая свинья! Я разорву тебя голыми руками! Вырву твое сердце и брошу собакам!

— Так чего же в тот раз оплошал? — спросил я. — У тебя был шанс, а ты его проворонил. Я уложил тебя тогда, могу уложить и сейчас. Ты бы на меня посмотреть косо не осмелился, не будь я связан! И я умру, зная, что победил тебя!

Глаза его сделались совсем красными, будто у обезумевшего от крови тигра, и так и сверкали из-под густых черных бровей. Он улыбнулся, однако ж веселья в его улыбке не было ни на йоту.

— Я буду драться с тобой снова, — прошептал он. — Прежде чем убью тебя — будем драться. И ты тоже будешь драться не за так: если уложу тебя и не убью при том, умрешь под ножами. Если выиграю и при том убью тебя — умрет под ножами твой друг. Но если ты победишь, не стану мучить вас. Убью обоих быстро. — Он похлопал по пистолету за поясом.

Смерть Тысячи Ножей — я вам доложу... Лучше все, что угодно, чем она. К тому же у меня появился шанс умереть в бою.

— А если я убью тебя? — спросил я.

Он презрительно захохотал:

— Шансов нет. Но если убьешь, мои люди застрелят тебя.

— Соглашайся, Стив,— сказал Билл.— Из всех худших сделок эта — лучшая, как ни посмотри.

— Я согласен драться на твоих условиях,— сказал я Сантосу.

Он удовлетворенно хрюкнул, отдал какой-то приказ на своем языке, и туземцы принялись за приготовления к самому странному бою в моей жизни.

На открытом месте посреди деревни они огородили большой ринг, выстроившись плечом к плечу в три ряда, и мужчины из задних рядов смотрели через плечи передних. Повелезшие из хижин женщины с детишками пытались хоть что-то углядеть из-за ног мужчин.

Посередине, таким образом, осталась довольно большая свободная площадка овальной формы. С обоих ее концов были вкопаны в землю толстые столбы, и к одному из этих столбов привязали Билла.

— Ладно, старина,— сказал Билл вроде как печально, но все-таки ухмыляясь.— На сей раз я в твоём углу быть не смогу.

— Ну почему ж? — возразил я.— Махать полотенцем и протирать ссадины губкой, это да, но хоть присоветуешь что, если дело пойдет туго. И уж всяко тебе будет хорошо видно.

— Еще бы,— усмехнулся он,— из первого-то ряда...

Тут канаки развязали на мне веревки, и я принялся разминаться, чтобы восстановить кровообращение. Пожать Биллу руку я не мог и вместо этого хлопнул его по плечу. Секунду мы смотрели друг на друга. Мореходы вообще нечасто показывают, что у них творится в душе, но каждый из нас чувствовал, каково сейчас другому,— сколько лет проболтались по морям вместе...

Так вот, развернулся я после этого и вышел на середину. Ждать пришлось недолго. С другой стороны ко мне двинулся Сантос — набычившись, с пылающими красными глазами, с ужасающей улыбкой на губах. Из одежды на нем была только набедренная повязка, а на мне — старые штаны. Оба мы были босы и, конечно же, без перчаток.

В жизни своей не видал ничего подобного. Никаких огней, кроме света безжалостного тропического солнца, никаких восторженных зрителей, кроме банды дикарей, жаждавших нашей крови, ни секундантов, ни рефери — только жестколицый канак с яркими перьями в волосах и пистолетом Сантоса в руке. И исход боя один — смерть. Быстрая, если выиграю, долгая, медленная и мучительная, если проиграю.

Сантос был огромен, длинноног, широкоплеч и узок в бедрах. В гладких, увесистых мышцах его скрывались недюжинная сила и проворство. Росту в нем было шесть футов полтора дюйма, с виду он казался тяжелее, чем когда я дрался с ним в первый раз, но лишний вес приходился исключительно на счет мускулов. Просто не верилось, что на нем можно отыскать хоть унцию жира. Должно быть, весил он фунтов двести, так что был на десять фунтов тяжелее меня.

Несколько секунд мы настороженно ходили по кругу, затем он взревел, ринулся вперед, словно приливная волна, и так быстро ударил с правой и с левой мне в голову, что какое-то время я был слишком занят, чтобы думать, — только нырял да блокировал. Ему просто до безумия хотелось снести мне башку, и он устремил на это все усилия. Однако ж нокаутировать здорового человека голыми костяшками трудно. Ну да, удары оставляют синяки и сса-

дины, однако нет в них того оглушающего действия, как у боксерских перчаток. Вы наверняка замечали, что в старой доброй драке голыми руками большая часть нокаутов получается от ударов в корпус и по горлу.

Едва получив возможность вздохнуть, я нанес коварный хук слева в живот. Мускулы Сантоса под моим кулаком показались упругими, точно стальные обручи. Он только рыкнул и ответил ударом правой, блокировав который я заработал порядочный синяк на предплечье. Да, Сантос был проворен, и левая его работала точно молния — прямой, апперкот, хук — раз, два, три!

Этот последний хук расплющил мне правое ухо, и почти одновременно с ним Сантос изо всех сил ударил правой. Я уклонился, и он промазал буквально на волосок. Господи Иисусе! Кулак его просвистел над моим ухом, как камень из пращи. Потеряв равновесие, Сантос упал на колени, но тут же вскочил, словно кошка, плюясь и рыча. Тут я услышал голос Билла:

— Ради Майка, Стив, следи за правой, иначе башку снесет!

Что ж, пожалуй, на ринге, при обычных ставках, Сантос побил бы меня, но тут было совсем другое дело. Я во всякое время дерусь неплохо, но тут речь шла о том, чтобы мне с товарищем отойти в мир иной без мучений. Мысль о маленьких острых лезвиях превратила мои мускулы в стальные.

Сантос снова пошел вперед, дьявольски ухмыляясь. На этот раз он не стал бросаться на меня очертя голову, а принялся, сноровисто прикрываясь левой, выжидать момента для сокрушительного удара правой. Вот когда я от всей души пожалел о недостатке реакции! Но — что есть, то есть, и ясно

было: если начну мудрить да финтить, шансов у меня не останется. Поэтому я просто-напросто неожиданно раскрылся, тут же нырнул под его правую, подшагнул и с обеих рук ударил в диафрагму — раз! два! В следующую секунду его левая опустилась мне на затылок: Я вошел в клинч, постаравшись связать его понадежнее, услышал, как он скрипит зубами у самого моего горла и ругается по-своему, и тут же он отшвырнул меня назад прямым левой, который пришелся прямо по губам, разбив их до крови.

Канаки, обезумевшие от вида крови, завывли, точно звери в джунглях. Сантос дико, яростно захохотал и снова начал посылать свинги с обеих рук мне в голову. До сих пор он даже ни разу не пробовал бить по корпусу. Его левая три раза угодила мне в голову над ухом, и после этого я снова вонзил правую ему в диафрагму. Тут он тоже ударил правой, я заслонился локтем и снова ударил правой в живот. Он как-то так всем телом подался назад, чтобы освободить пространство для замаха — сейчас его правая свистнет в воздухе, выстрелив, как стальная пружина...

Бац! Его левая снова угодила мне в голову, отчего перед глазами моими вспыхнули десять тысяч звезд. А за ней подоспела и правая — этот удар я парировал, однако на сей раз он попал повыше локтя. Несколько секунд казалось, что левая рука сломана — вся она онемела. В отчаянии я пробился поближе и начал наносить короткие удары правой в живот. Сантос ответил несколькими короткими хуками в голову. В ближнем бою он оказался не так уж хорош, не любил он ближнего боя и почти сразу отступил, прикрываясь ударами левой.

Однако кровь у меня кипела, и я продолжал преследовать его. Нанес левый хук ему в лицо, за

ним — прямой справа под сердце — ух! Он ответил апперкотом слева, едва не снесшим мне голову. За сим последовал — точно цепом! — удар правой, и я поднял левое плечо как раз вовремя, чтобы спасти челюсть. В тот же миг я сам ударил правой в челюсть и попал, только чуть выше, чем целил. Сантос покачнулся, точно огромное дерево, сверкнул белками глаз, но тут же с визгом дикой кошки ударил левой, снова угодив мне по и так уже расквашенным губам. Молниеносный удар правой — и мне ничего не оставалось, как только уклониться нырком, чтобы удар пришелся повыше, вскользь по лбу. Господи Иисусе! Череп мой будто раскололся надвое! С маху грохнувшись наземь так, что дух из меня едва не вышибло, я услышал крик Билла.

Да, удар был, точно кувалдой приложили! Кожа под волосами оказалась рассечена, и глаза мои тут же залило кровью.

Не знаю, отчего Сантос отступил и позволил мне подняться. Сила привычки, наверное. В общем, пока я поднимался и мотал головой, чтобы стряхнуть заливавшую глаза кровь, он с бешеной улыбкой на губах сказал:

— А теперь я убью тебя, белый человек!

И тут же, значит, во исполнение своих намерений двинулся вперед. Ложный выпад левой, еще один — и тогда я отчаянно, со всего маху, ударил правой, угодив ему под скулу. Брызнула кровь. Сантос качнулся с носков на пятки, я ударил левой в живот, и тогда он, схватив и сжав меня, будто удав, принялся молотить левой, пока я не вырвался.

Тогда он снова ударил правой, но удар был уже не столь сильным, а черепушка у меня твердая. Ну да, никто не смог бы так бить, да еще при этом сохранить руку в целости! Однако левая его рабо-

тала быстро и вряд ли хуже правой. Ею Сантос начал обрабатывать мой глаз, пока тот совсем не заплыл, а затем, когда я подступил ближе, нанося удар правой по ребрам, его левый хук рассек мне бровь над другим глазом, да так, что веко, будто занавеска, сползло вниз, наполовину закрыв обзор.

Сквозь вопли канаков до меня донесся голос Билла:

— Держись ближе, Стив! Если удержит тебя на дальней дистанции — убьет!

Ну, это и без Билла ясно. Поглубже втянув голову в плечи, я пошел вперед, пока не ткнулся лбом в подбородок Сантоса, и принялся бить с обеих рук в живот и под сердце. Его левая совсем размозжила мне и так порядком изуродованную ушную раковину, однако я продолжал бить, пока весь мир вокруг не заволокло кроваво-красным туманом. Зато Сантос ощутимо обмяк. С каждым ударом мои кулаки все глубже погружались в его брюхо, и я услышал, как он хватает ртом воздух. Затем его длинные ручки, точно змеи, обвили меня, Сантос вошел в клинч, горячо дыша мне в ухо, вцепился зубами в мое плечо и замотал головой, будто собака, поймавшая крысу. Из глотки его доносилось глухое рычание. Громадным усилием я высвободился, и мой правый хук вышиб из его губ струю крови.

Сантос прямо-таки с ума сошел. Взвыл по-волчьи, замолотил перед собою обеими руками, никуда особо не целясь. Казалось, он и думать забыл о поврежденной правой — воздух вокруг словно бы наполнился летучими кувадцами. Некоторые из этих ударов прошли мимо, сколько-то я парировал, отчего нестерпимо заныли плечи и локти, но большая часть достигла цели. Я ударил левой ему в лицо, и тут же — бац! — его правая в лепешку расплющила

мой нос. Раздался треск кости, глаза мои заволокло багровым туманом до полной потери видимости. Я почувствовал толчок еще от одного удара, а уж потом ощутил под лопатками землю.

Обычно в голове у меня проявляется быстро, и я лежал, считая про себя секунды. Нет, уж в выносливости мне не откажешь! Сломанный нос — это для меня давно привычно. Сказав себе: «Девять!», я поднялся на ноги, втянул голову в плечи и пригнулся. Сантос завопил, и на мои плечи и локти градом посыпались удары. А я, внезапно выпрямившись, воткнул правую ему в живот чуть не по самое запястье.

Да, что и говорить, ослаб Сантос, обмяк после моей обработки! Мышцы его тела, должно быть, тоже здорово ныли — ударам противостояли без прежней упругости, так что кулаки мои с каждым разом доставали все глубже и глубже. Сантос согнулся было вдвое, но тут же выпрямился, его апперкот левой в челюсть на миг оглушил меня, и, прежде чем я сумел оправиться, он еще раз нанес тот сокрушительный удар правой. Мое левое ухо повисло на клочке кожи — я почувствовал, как оно хлопнуло по щеке.

Кабы не старый боевой инстинкт, тут бы мне и конец. Сантос ударил еще раз. Я почувствовал, что падаю и никак не могу удержаться. Когда моя спина уперлась во что-то, я услышал над самым ухом яростный вопль:

— Стив! Он слабеет! Давай, старина, еще удар — и он твой!

Стало быть, я оказался у столба, к которому был привязан Билл. Пока я собирался с силами, Сантос, отвратительно ухмыляясь, сжал мои плечи. Тут я увидел, что он и сам здорово разукрашен.

— Теперь ты побежден, — сказал он. — Ножики — сейчас они напьются крови! Смерть Тысячи Ножей ждет вас!

От этих слов я тоже вроде как обезумел. Оттолкнулся спиной от столба, ударил правой, промахнулся, и рубиловка наца пошла дальше. Сантос был взбешен и изумлен. Что ж, он был не первый из бойцов, которые не могли понять, как я еще держусь. Глаза мои были залиты потом и кровью, один совсем заплыл, а другой был почти прикрыт разорванным веком. Нос был расплющен, одно ухо висело на клочке кожи, а другое распухло, увеличившись до бесконечности. Левое плечо с предплечьем онемели после парирования страшных ударов, и рука поднималась разве что на несколько дюймов выше пояса. И дышалка совсем сбилась. Я уже не мог сказать, сколько времени продолжается бой. Казалось — целую вечность. Не знаю, что еще удерживало меня на ногах, черт его разберет, откуда брались силы продолжать. Мне уже было все равно, что со мной будет дальше — напрочь забыл, из-за чего дерусь. Иногда казалось — из-за того, что Сантос убил Майка, а иногда — что Билла. Один раз даже почудилось, что я снова на том ринге во Фриско.

Потом я оказался на земле, и Сантос встал мне на грудь коленом, чтобы задушить. Разорвав захват, я отшвырнул его, и мы оказались лицом к лицу, обмениваясь медленными, сильными ударами. Тут Сантос в первый раз сменил направление атаки и нанес сильнейший удар правой в корпус. Что-то хрустнуло, точно сухая ветка, и я упал на колени. В левый бок будто вонзили раскаленный нож!

Сантос, стоя надо мной, несколько раз пнул меня своей огромной босой ножищей. Наконец я поймал эту ногу, и тогда шквал ударов обрушился на мою голову. Сквозь рев дикарей раздался голос Билла:

— Стив, он злится! Вставай! Встань — и ему конец!

Я встал! Прямо-таки вскарабкался по ногам этого малайского дьявола, не обращая внимания на сыпавшиеся на меня удары, и навалился ему на грудь. Взгляды наши встретились. Я увидел в его глазах дикий, ужасный блеск. То был взгляд загнанного тигра — испуганного, изумленного и смертельно опасного. Я избил, загонял его до неподвижности, и теперь он мой! От этой мысли руки снова наполнились силой. Он ударил раз, другой, но силы в его ударах уже не было. Он почти выдохся!

Я отступил на шаг и снова двинулся вперед. Сантос зарычал сквозь стиснутые зубы и сделал глубокий вдох. Увидев, как втянулась его диафрагма, я в тот же миг ударил в нее левой. Кулак погрузился в живот Сантоса по самое запястье. Он согнулся, и тогда я ударил в голову, за ухом. Он упал на колени, но поднялся, бешено хватая ртом воздух, и снова пошел в атаку, теперь уже позабыв все боксерские правила и навыки. Я шагнул под его размашистый свинг, собрал все силы, ударил правой под сердце и, заранее приготовившись вытерпеть ужасную боль, нанес удар левой в челюсть. Сантос рухнул наземь, и в наступившей тишине я услышал, как Билл орет, советуя брать его в каблучки. Но это уже против моих правил — если бы даже на ногах у меня и имелись хоть какие-нибудь обутки.

Но с Сантосом еще не было покончено. Он сделался совсем диким, слишком примитивным, чтобы

его можно было остановить обычными способами. Он был избит до неподвижности, он проиграл — и будто вернулся обратно, напрямик в каменный век. Вскочив, он завыл, пуская слюни, пальцы его растопырились, точно когти, — не для удара, но чтобы душисть, рвать и терзать. И когда он приблизился, полностью раскрывшись, я встретил его тем самым ударом, принесшим мне когда-то победу, — правой от самого колена в челюсть. Бац! Я почувствовал, как подалась кость под моим кулаком, и Сантос, крутанув полное сальто, грохнулся на спину в дюжине футов от меня.

Скажите, после этого-то человек наверняка больше не встанет? Человек-то — да...

Впрочем, вы вполне можете кулаком сломать противнику челюсть, и он еще будет в сознании. Обычный человек после этого никуда не годился бы, но Сантос больше не был человеком. Он превратился в настоящего хищника из джунглей, да к тому же совсем обезумел.

Прежде чем я смог догадаться, что Сантос еще собирается выкинуть, он обернулся и вырвал из рук какого-то туземца в первом ряду боевой топор на длинной рукояти. Колотовку я ему задал страшную. Держался он на пределе. Не знаю, как его хватило на это последнее усилие, однако произошло все мгновенно.

Сантос с топором в руках черной смертоносной тучей возник передо мной, прежде чем я успел пошевелиться. Он прыгнул на меня и занес топор над головой. Я инстинктивно прикрылся правой рукой. Это спасло мне жизнь, и топор даже не попал по руке лезвием, но увесистая рукоять переломила предплечье, как спичку. Я оказался распростертым на земле.

Сантос завыл, взмахнул топором, прыгнул снова — и тут что-то пронеслось надо мной белой молнией и спшиблось с ним в воздухе! Майк ударил малайца точно в грудь, и толчок поверг его наземь. Сантос страшно завизжал, а железные челюсти Майка сомкнулись на его горле.

Началась жуткая катавасия! Канаки с воплями побежали кто куда, мешая друг другу, спотыкаясь и падая, Билл, изрыгая ужасные проклятия, забился у своего столба, а Майк посреди всей этой суматохи делал из Сантоса кровавый фарш! Я хотел было встать, но не смог. Поднялся на колени, но тут же рухнул вновь.

Дальше все было как во сне. Я увидел канака, который выстрелил в Майка из пистолета и промакнулся. Тут же, словно эхо, прозвучал еще выстрел. Канак заорал, схватившись за заднее место, и помчался прочь. Потом я услышал еще выстрелы и голоса белых — крики «ура» в основном. Вскоре перед глазами моими появились словно бы из тумана Старик, Мак-Грегор и старший помощник Пенрин. За ними, с воплями и улюлюканьем, подоспели все наши с «Морячки».

Старик наш, раскрасневшись и отдуваясь, склонился надо мной:

— Великий Юпитер! Они убили Стива! Зарубили топорами до смерти!

— Да живой он, живой! — зарычал Билл, пытаясь вывернуться из веревок. — Он только что выдержал самый крутой бой, какой я в жизни видел! Вы, пожиратели солонины с галетами, может, хоть кто-нибудь отвяжет меня наконец?!

— Вяжите носилки, — велел Старик. — Ежели Стив и не мертв, то уж всяко недалек от этого. Э-э, что за...

Как раз в эту минуту Майк этак лениво подошел ко мне, уселся рядом и лизнул мою руку.

— Х-х... Х-то это там? — спросил Старик, вроде как побледнев и указывая в ту сторону, откуда появился Майк.

А Билл усмехнулся:

— Это все, что осталось от Непобедимого Сантоса, Тигра Борнео. История повторяется, и Стив только что задал ему еще одну мастерскую трепку. Вы, швабры бестолковые, что же — хотите, чтобы Стив так и померцал? Тащите его на борт, живее!

— Майка сначала, — едва выговорил я. — Сантос стрелял в него из пистолета...

— Царапина, — изрек Старик, осмотрев необычайно крепкую черепушку Майка. — Из пистолета, значит, да? Выстрелил он из ружья — эта псина, чего доброго, сожрала бы все племя! Погодите, я с Костигана хоть кровь оботру, потом уж его — на носилки!

Тут я почувствовал, как он оцупывает меня, и зашипел от боли.

— Ничего, — объявил он, — ребро с рукой срассутся, ухо назад пришьем, залатаем еще несколько ран, и будет порядок. Носом тоже придется заняться, хотя я-то в сломанных носах смыслю немного.

Смутно помню, как меня несли на корабль. Майк рысцой трюхал рядом, а Билл с нашим Стариком тараторили наперебой.

— ...Истоило Ма????ого парусного судна, включая даже нашу «Морячку». А кроме нее, у нас ничего не было, и потому мы только сейчас добрались до этой деревни. Да если бы не я...

— Если бы не Стив, так нашли бы вы тут пару ломтей сырой говядины! Сантос собрался изрезать нас на кусочки, а Стив, уж поверь мне, избил его до

бесчувствия! Сам был измочален — дальше некуда, но не знал этого! У Сантоса были все преимущества, он превратил Стива в бифштекс, лежащий сейчас на носилках, однако старина Стив натурально переиграл его! Хотя уж пять раз должен был упасть замертво.

— Хм-м,— буркнул Старик, однако я мог бы сказать, что он прыгать готов от гордости.— Я отдал бы весь груз, чтобы только посмотреть на этот бой. Ну что ж, мы не британская канонерка, не бросили якорь на рейде и не успокоились на том, что снесли пару хижин. Мы прошли сквозь джунгли, как Нептун — сквозь глубины моря! А эти братцы-кролики слишком засмотрелись на бой, так что нас заметили, только когда мы навалились на них. И перестреляли, надо сказать, множество, если только мои матросы не самые косорукие и косоглазые стрелки Семи Морей...

— Эй,— заорали ребята,— мы вообще не видели, чтобы вы, капитан, попали хоть в одного из тех, кого брали на мушку!

— Молчать! — заорал Старик.— Я здесь босс, ко мне положено относиться уважительно!

— Ради Господа Бога,— еле выговорил я, с трудом разлепив расквашенные губы,— вы, камбалы кривоногие, можете засохнуть и не добавлять страданий больному человеку?

— Ты шибко-то не зазнавайся. Думаешь, если малость побит, так уже — царь и бог? — проворчал Билл.

Однако голос его дрогнул, он сжал мне руку, и я понял, что он чувствовал в тот миг.

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЛУЧИТ ВСЕ

И

з Американского бара
мы с Биллом О'Брайеном вып-
ли, проигравшись вчистую. Да,
господа, полчаса, как сошли
на берег, и уже обобраны ка-
кой-то сухопутной акулой с
парой дрессированных костей!
До единой монетки — нечем
было бы даже откупиться, кабы
мой белый бульдог Майк, ни-
когда не менявший своих при-
вычек, разорвал какому-нибудь
копу штаны. Потому я его ос-

тавил у владельца бара, а сам отправился раздобыть где-нибудь денег.

Так вот, дрейфовали это мы с Биллом в ночи, высматривая, где бы подзаработать,— по собственному опыту знаю, что в портовых улочках Сингапура можно набрести на все, что угодно. Однако ж нам подвернулось такое, чего мы вовсе не ожидали!

Шли мы, значит, сквозь туземный квартал, проходили мимо темного переулка и вдруг услышали женский крик:

— Помогите! Караул! На помощь!

Мы, ясное дело, немедленно бросились в тот переулок и увидели в полумраке девушку, отбивающуюся от здорового китаезы. Уловив блеск ножа, я заорал, прыгнул к этому китайцу, но он немедленно отпустил даму и испуганным кроликом стрекнул прочь, увернувшись от булыжника, который Билл швырнул ему вдогонку.

— Вы в порядке, мисс? — спросил я с обычной своей обходительностью, помогая девушке подняться.

— Да, — ответила она, — только перепугалась до смерти. Впрочем, смерть моя вправду была близка, и давайте-ка уходить поскорее, пока он не вернулся с толпой приятелей.

Так вот, вышли мы на улицу и тут, в ярком свете фонарей, увидели, что девушка — белая. Американка, судя по выговору, да еще прехорошенькая — огромные карие глаза, волнистые темные волосы...

Ну, Билл и поинтересовался:

— Докудова вас проводить, мисс?

— Я танцую в кабаре «Бристоль», — ответила она, — но давайте заглянем в вон тот салун. Бармен — мой друг, и я хотела бы поставить вам, ребята, выпивку. За то, что вы спасли мне жизнь. Это самое меньшее, чем я могу отблагодарить вас.

— Да чего уж там, мисс,— отозвался я тогда с вежливым поклоном.— Не стоит разговоров. Были только рады услужить. Хотя, однако ж, ежели вам доставит удовольствие поставить нам выпивку, мы и не подумаем отказываться!

— В особенности,— добавил Билл, начисто лишенный моего природного такта,— когда мы только что вчистую продулись в кости и медленно, но верно помираем от жажды.

Словом, зашли мы в тот салун, проследовали в заднюю комнатку и принялись за выпивку. То есть это мы с Биллом принялись, а девушка сказала, что никогда в жизни даже не пробовала этой гадости. Так вот, выпивали мы с Биллом, а она, подперев руками подбородок и заглянув мне в глаза, восхищенно вздохнула:

— Ах, если б у меня был такой огромный, сильный защитник, как вы, не пришлось бы мне работать в притонах вроде этого «Бристоля» и терпеть оскорбления от разных подонков, как тот, что сегодня пытался перерезать мне глотку.

Я невольно расправил свою широченную грудь и ответил:

— Что ж, леди, покуда матрос первой статьи Стив Костиган способен стоять на ногах и молотить с обеих рук, вам бояться некого! Для нас с Биллом О'Брайеном первое после бокса удовольствие — помогать дамам в беде!

Она печально покачала головой:

— Очень любезно с вашей стороны, но ведь вы, моряки, все одинаковы — по девушке в каждом порту... Да, я ведь даже не представилась; меня зовут Джоанна Уэллс, я из Филадельфии.

— Безумно рады встретить кого-нибудь из Штатов,— осклабился Билл.— А с чего этот косоглазый хотел вас порезать?

— Э-э... Пожалуй, не стоит об этом говорить,— ответила девушка и вроде даже чего-то испугалась.

— Да нет,— поспешно встрял я,— мы вовсе ничуть не собираемся лезть в ваши личные дела!

— Однако я ничего не могу скрыть от такого мужчины,— сказала она, глядя на меня так, что сердце мое екнуло,— и потому скажу. Выгляните за дверь, убедитесь, что никто не подслушивает.

Там, за дверью, никого не оказалось, и она продолжала:

— Слышали вы когда-нибудь о тонге Но Сен?

Мы покачали головами. Конечно, нам было известно про крупные тонги, то бишь торговые дома, контролирующие чуть не весь Восток, но сталкиваться с ними прежде не приходилось.

— Так вот,— сказала она,— это самый богатый и тайный тонг в мире. Когда я только приехала сюда, то устроилась личным секретарем к старому То Иню, одному из высших тайных чиновников Но Сен. Он выгнал меня за то, что вольностей разных ему, змею косоглазому, не позволила. Пришлось наняться танцевать в «Бристоль». Однако, раз увидев подобную организацию изнутри, узнаешь способы получать новости, недоступные другим.

Тут глаза ее засверкали, а кулачки сжались от возбуждения.

— Я — накануне крупнейшего биржевого скандала века! — воскликнула она. — Если только останусь в живых, стану богатой! Слышали вы что-нибудь о Корейской Медной Компании? Нет? Так вот: она на грани банкротства. Ни разу не выплатила ни цента дивидендов. Акции идут по доллару за штуку, и никто не покупает. Но! Они наткнулись на месторождение меди, богаче которого в мире еще не было! А Но Сен втихую скупает их

акции — всего по доллару штука! Едва узнав об этом, я помчалась в брокерскую контору и купила сто акций. Истратила все, до последнего цента! Но один из соглядатаев Но Сен узнал об этом. Вот почему старикашка То Инь пытался подослать ко мне убийцу. Он боится, как бы я не протрепалась! Подумайте только, что будет на бирже завтра, когда новость дойдет до всех. Сегодня вечером акции Корейской Медной идут по доллару. Завтра они подскочат до тысячи!

У меня от всего этого голова пошла кругом.

— Погодите-ка! То есть выкладываешь доллар — получаешь тысячу?

— Наверняка. А почему бы вам, ребята, не купить тоже? Такого шанса в жизни больше не представится! Но Сен скупили большую часть, однако я знаю, где найдется пара сот штук и для вас.

Билл горько засмеялся:

— Сестренка, они могли бы с тем же успехом и нынче продаваться по тысяче! У нас нет ни дайма. Часы я еще в Гонконге заложил.

— Я с удовольствием одолжила бы вам, — сказала она, — но все мои деньги — в этих акциях...

— Погодите минутку, — перебил я ее, поднимаясь на ноги. — У меня идея. Мисс Уэллс... Джоанна... Вам не опасно остаться одной на пару часов?

— Конечно. Бармен через несколько минут освободится и проводит меня до дому.

— Хорошо. Пожалуй, монеты мы раздобудем. Где вас найти... Скажем, часа через три?

— Приходите на Аллею Семи Мандаринов, — ответила она, — и постучитесь в дверь с зеленым драконом. Я спрячусь там, пока шпионы Но Сен не прекратят меня разыскивать. И буду ждать.

С этими словами она так застенчиво и нежно пожала мне мозолистую грабку, что мое большое и честное сердце затрепетало, точно у мальчишки.

Вот, значит, вышли мы с Биллом в туманные сумерки и пошли узкими улочками да заваленными мусором переулками, пока не добрались до самого негостеприимного района сингапурских доков; там и днем-то опасно, а ночью — вовсе ад крошечный.

Здесь, у самого пирса, стояла довольно большая развалюха, и чудом державшаяся на своем месте вывеска объявляла на весь мир, что именно здесь находится Большая Международная Боксерская Арена Хайни Штейнмана. Развалюха сияла огнями и сотрясалась от доносившегося изнутри рева.

— Привет, Стив! Привет, Билл! — улыбнулся пронырливый тип на входе. Он нас отлично знал. — Как насчет пары отличных мест в первом ряду?

— Пусти, — сказал я. — Денег у нас нет, но я сегодня дерусь здесь.

— Тогда проваливайте, ребята. Вас в программе не...

— А ну брысь с дороги! — заорал я, отводя назад свою знаменитую правую. — Сегодня вечером я здесь хоть с кем-нибудь да дерусь, ясно?!

Он слегка изменился в лице и живо влез на конторку.

— Иди дерись, коли такой крутой!

Мы с Биллом прошли внутрь.

Ежели вам вдруг захочется увидеть человечество в самом жестоком и нецивилизованном виде, сходите на какое-нибудь шоу Хайни Штейнмана. Публика в тот вечер собралась обычная — матросы, докеры, бичи, бандиты да карманники всех пород и мастей, с самых крутых кораблей, из самых воровских портов мира. Несомненно, те, кто драл-

ся в этой Большой Арене, выступали перед подлейшей на всем свете публикой. Дрались большей частью моряки, надеясь сшибить пару долларов.

Словом, когда мы с Биллом вошли, зрители как раз выражали неудовольствие, да в таком тоне, что и у охотника за головами волосы поднялись бы дыбом. Основная часть зрелища подошла к концу, и почтеннейшая публика изволила прийти в ярость оттого, что бой не завершился нокаутом. К Хайни Штейнману ходят не затем, чтобы любоваться высоким боксерским мастерством. Этой публике подавай фонтаны крови и сломанные носы, а ежели хоть кóго-нибудь не изобьют до полусмерти, она решит, что ее надули, и разнесет весь притон к чертям.

Так вот, как раз когда мы с Биллом вошли, виновники торжества удирали с ринга, провожаемые отломанными сиденьями, кирпичами и дохлыми кошками, а Хайни, который был за рефери, пытался утихомирить толпу, чем только пуще ее раздражал. Кто-то из зрителей запустил в него гнилым помидором и угодил прямехонько между глаз. Обезумевшая толпа достигла той точки, когда она способна на что угодно.

Мы с Биллом поднялись на ринг. Нас тут знали, поэтому на минутку сделалось вроде как потише, но затем рев стал еще яростнее.

— Стив,— попросил Хайни, утирая томатный сок с побледневшего лица,— Бога ради, скажи им что-нибудь, пока погром не начался! Те два козла, что удрали, весь бой только скакали по рингу без толку, и эти волчары теперь готовы линчевать любого, в том числе и меня.

— Есть для меня какой-нибудь противник? — спросил я.

— Нет. Но я объявлю...

— Объявишь ты, как же...

Повернувшись к толпе, я добился тишины просто.

— Заткнитесь все! — рявкнул я таким голосом, что они немедленно стихли. — Слушайте сюда, ребята! Вы выложили свои кровные, но зрелище того стоило или как?!

— Нет! — загремела публика так, что у Хайни застучали коленки друг о друга. — Ограбили! Обокрали! Надули! Деньги обратно! Разнести эту малину! На фонарь голландца!

— Тих-ха, бабуины порт-мэгонские! Если вам, ребята, невтерпеж видеть что-то стоящее и не слабо собрать промеж собой двадцать пять долларов, я дерусь с любым из вас до победного конца! Победитель получает все!

Тут со Штейнмановой развалины крыша едва не вспорхнула.

— Дело говорит! — заорали зрители. — Не жалей капусты, ребята! Стива мы все знаем!!! Он за наши денежки всегда показывал настоящий бой!!!

На ринг дождем посыпались монеты, среди которых нашлось даже несколько бумажек. К рингу, вскочив с мест, устремились двое: рыжий англичанин и гибкий такой брюнетик. У самых канатов они встретились.

— Осади, ты, — буркнул рыжий. — С этим треклятым янки дерусь я!

Правый кулак брюнета тараном врезался в челюсть рыжего, тот ляпнулся на пол и остался лежать. С публикой от счастья прямо-таки истерика случилась, а победитель прыгнул через канаты в сопровождении трех-четырех страхолуднейших головорезов, каких я только видал в жизни.

— Я-а буду дра-аться с Ко-остиганом! — говорит.

Хайни испустил вздох облегчения, зато Билл тихонько выругался.

— Это Кортес-Ягуар, — сказал он мне. — А ты сам отлично знаешь, что последнее время не шибко много тренировался.

— Ерунда, — прорычал я. — Сосчитай деньги. Хайни, убери грабли, пока Билл не сосчитает!

— Тридцать шесть долларов и пятьдесят центов! — объявил Билл.

Тогда я и говорю этому узкоглазому дьяволу, которого Билл назвал Кортесом:

— Согласен драться со мной за эти деньги? Победителю — все, проигравшему — одна головная боль!

Он в ответ ухмыльнулся, сверкнув клыками:

— Еще бы! Я буду драться с тобой только ради удовольствия побить тебя!

Я только рыкнул, повернулся к нему спиной, отдал деньги на хранение Хайни, хотя риск это был страшный, и отправился в раздевалку. Там Хайни выдал мне грязные трусы, которые стащил с какого-то новичка, выходившего на ринг в самом начале шоу и до сих пор лежавшего без сознания.

Я не шибко-то много думал о противнике, хотя Билл продолжал бурчать насчет того, что мне за такую ничтожную сумму придется драться с таким бойцом, как этот Кортес.

— Надо было запросить самое малое полторы сотни, — ворчал он. — Кортес и удар имеет, и подвижен, и подл вдобавок. Его еще никто не нокаутировал.

А я его успокоил:

— Ладно, начать никогда не поздно. От тебя требуется только присмотреть, чтобы кто из его

секундантов не подобрался и не ударил меня бутылкой. Тридцать шесть акций — это выйдет тридцать шесть тысяч долларов. А тридцать шесть тысяч долларов означают, что завтра мы с тобой на прощание пнем нашего Старика в грудянку и заживем!.. Ни тебе вахт, ни жары, ни холода, никакой работы на чужого дядю...

— Эй! — крикнул Хайни, заглядывая к нам. — Давай быстрее, а? Публика с ума сходит. Ягуар уже на ринге!

Я перелез через канаты, и меня встретил приветственный рев — так же, надо думать, вопили римляне, когда львам на арене бросали гладиатора-фаворита. Кортес сидел в своем углу, улыбаясь, точно огромная ленивая кошка, и поблескивая глазами из-под век — вот такая манера меня всегда больше всего раздражает.

Кровей в нем было намешано множество — испанская, французская, малайская и Бог весть какая еще. Словом, суший дьявол. Был он из первых бойцов «Морского змея», британского судна с мутной репутацией, и я, хоть сам никогда с ним не дрался, знал: противник опасный. Но, черт побери, в тот момент он для меня значил только тридцать шесть долларов и пятьдесят центов, которые вскоре обернутся тридцатью шестью тысячами!

Хайни взмахнул руками и заговорил:

— Джентльмены! Все вы знаете этих парней! Оба они прежде дрались здесь множество раз, и...

Рев публики заглушил его слова:

— Знаем, знаем! Кончай говорить! Даешь бой!

— Матрос Костиган с «Морячки», — Хайни приходилось орать во всю глотку, чтобы его слышали, — вес сто девяносто фунтов! Кортес-Ягуар с «Морского змея», вес сто восемьдесят пять фунтов!

— Врешь! — крикнул Билл. — Он тоже весит сто девяносто!

— А ну заткни хлебало, ирлашка чертов! — рывкнул один из секундантов Ягуара, выдвинув вперед квадратную челюсть.

Билл вмазал по этой челюсти правой, и злосчастный лайми кувыркнулся через канаты. Публика бешено зааплодировала — такие дела как раз в ее вкусе! Если б мы с Кортесом еще переломали друг другу хребты, эти ребята уж наверняка сочли бы вечер удавшимся.

Так вот, вытурил Хайни с ринга Кортесовых секундантов, Билл тоже убрался за канаты, и бой начался. Хайни был за рефери, но инструктировать нас не стал: мы оба достаточно дрались тут и отлично знали, что от нас требуется. Бей себе и бей, пока кто-нибудь не поцелуется с ковром и не останется лежать. Перчатки наши были, самое меньшее, на полторы унции легче, чем положено по правилам, но для этой Большой Международной правильно все, что угодно, пока оба бойца держатся на ногах.

Ягуар был гибок, поджар и проворен, повыше меня ростом, но не так уж тяжел. Мы сошлись в центре ринга, и он ударил с кошачьим проворством: левой в голову, правой в корпус, левой в челюсть. Я наудачу послал удар правой в подбородок, и он с маху сел на ковер. Толпа взвыла, но Ягуар разве что удивился и рассвирепел. Глаза его засверкали. Он выждал счет до девяти, хотя вполне мог бы подняться сразу, вскочил и остановил мою атаку жестким левым в зубы. Я промазал с левой, ударил правой в ребра и хорошо попал ему под сердце. Он плюнул мне в лицо, и руки его замелькали в воздухе: левая, правая, левая, правая, в лицо, в

корпус, пока публика вовсе не обезумела. Ну, в такой-то игре я чувствую себя как рыба в воде! Дико ухмыльнувшись, я подшагнул вплотную и тоже принялся бить с обеих рук.

Минута — и Ягуар поспешно отступил с обильно кровоточащей раной на щеке. Я последовал за ним, воткнул левый кулак в его диафрагму. Это заставило его войти в клинч. Нас развели, он гвозданил меня с левой в голову, попал с правой в глаз, но дальше промахнулся левой и получил коварный правый хук в ребра. Я принялся работать в корпус, но он большей частью успешно прикрывался локтями. Наконец это меня обозлило. Перед самым гонгом я неожиданно послал правый хук в голову и едва не снес ее напрочь.

— Раунд был на целую милю твой, — сказал Билл, прекратив на минуту переругиваться с секундантами Кортеса. — Но ты смотри в оба: он боец опасный и подлый...

— Пожалуй, сделаю Джоанне предложение, — заявил я. — С первого взгляда видно было: я ей тоже здорово пришелся по нраву. Уж не знаю, с чего бы, но вот не могут женщины передо мной устоять. Так и влюбляются...

Зазвучал гонг, и я рванулся вперед — добывать свои тридцать шесть с половиной долларов.

В первом раунде Ягуар понял, что в обмене ударами со мной ему ничего не светит, и теперь принялся боксировать, то есть я хочу сказать, начал ложными выпадами сбивать мне стойку, выводить из равновесия, жалить резкими ударами левой, уклоняться от моих яростных контрударов, вязать меня в клинче, страшно бить в голову с ближнего расстояния, заходить сбоку — в общем, делать из меня котлету.

Через какую-то минуту у меня уже вовсю шла кровь из носа и изо рта, а я меж тем даже ни разу не попал в него толком. Публика выла, Билл сыпал ужасными проклятиями, но я не шибко волновался. Впереди была целая ночь, и рано или поздно я в него попаду.

Это случилось даже раньше, чем можно было ожидать: сокрушительный правый хук под сердце — и сеньора Кортеса согнуло пополам! Я, не мешкая, от всей души добавил ему в голову за ухом, и он упал на колени, однако тут же, не выжидая счета, вскочил, нырнул под мой свинг, вошел в клинч, повязал меня по рукам и ногам, отдал пальцы да еще скребанул шнуровкой перчатки по глазам. Я матерно выругался, но он прицепился ко мне, словно форменный осьминог, а Хайни и не думал разводить нас, и в конце концов оба мы рухнули на ковер.

Эта шуточка привела публику в полный восторг — особенно то, как Кортес вцепился зубами мне в ухо, пока мы кувыркались на ковре. Доведенный этим до бешенства, я вырвался, вскочил и, едва Кортес оказался на ногах, закрыл ему левый глаз ужасным правым свингом. Он отвечал сокрушительным левым хуком в корпус, ударил с той же руки в мое и так уже раскровавленное лицо и сам получил прямой левой в хавало. В этот момент прозвучал гонг.

— Хайни Штейнману я после этого боя шею сверну! — прорычал Билл, дрожа от ярости и отирая кровь с моего изжеванного уха. — В жизни не видел фолы грязнее...

— Интересно, продадут ли нам полшая на эти пятьдесят центов? — отрешенно проговорил я. — Все же пять сотен долларов...

Начался третий раунд, и я рванулся вперед, намереваясь закончить бой поскорее, однако у Кортеса имелись другие планы на сей счет. Его левый хук рассек мне бровь, за ним последовал правый хук в поврежденное ухо, нырок под мой ответный удар и целых три удара в нос. Обезумев, я кинулся на него головой вперед, прижал к себе левой рукой и принялся молотить правой, пока он не связал меня в клинче.

В ближнем бою мы обменялись короткими ударами с обеих рук в корпус, и Кортес отступил первым, не забыв с дальнего расстояния достать мой глаз. Я рванулся следом за ним, и тут он, неожиданно наклонив голову, боднул меня в челюсть. Подбородок тут же онемел и залился кровью. Ягугар, не медля, нанес правый апперкот, разом выставивший мне несколько зубов, и, выдав замечательный вихрь хуков с обеих рук в голову, оттеснил меня к канатам.

Стоило мне почувствовать спиной канаты, я прибавил темпа, оттолкнулся от них и ударил правой под сердце. Это заставило Кортеса притормозить. Левый в челюсть сбил Кортеса с носков на пятки, зубы его лязгнули, как кастаньеты, и тут, прежде чем я успел ударить еще разок, зазвенел гонг.

— Пожалуй, оно выходит дольше, чем я думал, — сказал я Биллу, пока тот отирал с меня кровь и горячо объяснялся с Хайни.

— Черт побери, Билл, — оправдывался Штейнман, — ну, подумай головой! Если я остановлю бой и дисквалифицирую кого-нибудь, эти горлохваты разнесут здесь все к чертовой матери, а меня вздернут на стропилах. Нокаут им нужен!

— И они его получают! — зарычал я. — Черт с ними, с фолами! Слышь, Билл, ты видал когда-

нибудь такой ясный, честный взгляд, как у Джоанны? Я, доложу тебе, знаю женщин, но никогда еще не встречал такой прямодушной, открытой девчонки...

Прозвучал гонг. Мы тут же вошли в клинч и начали работать в корпус, пока Хайни не развел нас. Кортес держался предельно осторожно, не допуская ни малейшего риска. Делая выпады левой, он постоянно держал правую повыше и не пускал в ход, если не был на все сто уверен, что попадет. В клинче он вовсе работал локтями и при всякой возможности норовил боднуть, но Хайни этого всего с понтом «не замечал». А публике было плевать — пока боец дерется, ее не волнует, как именно он это делает. Билл отпускал замечания, которые и готтентота проняли бы, но никто, казалось, его не слышал.

Где-то в середине раунда Кортес начал высказывать свое мнение о моих предках, и это придало мне сил. Ирландская кровь разыгралась во мне, я диким быком кинулся на него, пригнув голову и молотом с обеих рук. Он ударил левой и сделал шаг в сторону, но таким ударом меня не остановить, если уж я вышел из себя. Я приблизился вплотную слишком быстро, и отступить вовремя он не успел. Я погнался к краю ринга, но, едва собрался прижать к канатам, он снова шагнул в сторону, и я влетел в них сам.

Толпа взревела. Кортес, пока я выпутывался, трижды ударил с левой мне в голову, а стоило мне развернуться и ударить в ответ, уклонился и — едва не от самого пола — нанес правый хук в челюсть. Тут я впервые за тот вечер «попыл». Чувя близость победы, Ягуар еще три раза подряд ударил с правой в голову, отшвырнув меня обратно на канаты, и

воткнул левую мне в диафрагму чуть не по самое запястье.

У меня кружилась голова, слегка поташнивало, но в красной дымке перед моими глазами маячило лицо Кортеса, и я изо всех сил ударил правой в самую его середину. Ягуар ничего такого не ждал и совсем забыл об обороне. Голова его запрокинулась назад, словно на петлях, брызнула кровь, и публика взвыла от удовольствия. Я рванулся вперед, однако он пригнулся, нырнув под мой свинг, и заехал правой мне в пах. Ох, Гос-споди Боже! Я рухнул, словно мне подрубили ноги, и принялся корчиться на ковре, как змея с перебитым хребтом.

Тошнило так, что пришлось сцепить зубы, чтобы тут же не вырвало. Я поднял взгляд на Хайни. Тот, весь бледный, стоял надо мной.

— Один! — сказал он. — Два! Три!

— Ты, свинья тупая! — заорал Билл. — Скажешь «десять» — мозги вышибу!

Хайни затрясся, точно от холода, быстро взглянул на Билла, испуганно покосился на публику, втянул по-черепашьи голову в плечи и продолжал:

— Четыре! Пять! Шесть!

— Тридцать шесть тысяч долларов, — простонал я, дотягиваясь до канатов.

На лбу выступил холодный пот.

— Семь! Восемь! Девять!

Я поднялся, широко расставив ноги и уцепившись за верхний канат, чтоб не упасть обратно. Кортес прыгнул вперед, чтобы покончить со мной, и я понял: позволю ударить — непременно свалюсь. Удар правой пришелся в выставленное плечо, однако левая попала в подбородок, а следующий удар правой — в висок, но тут прозвучал гонг. Ягуар ударил меня еще раз, прежде чем отправился в

свой угол, но на Большой Международной Арене на подобные мелочи не обращают внимания.

Билл, ругаясь сквозь сжатые зубы, помог мне добраться до нашего угла, но моя способность быстро восстанавливать силы не изменила и на сей раз, и я уже мало-помалу оправлялся после подлого удара. Билл вылил на меня ведро холодной воды, и, к величайшему неудовольствию Кортеса, в пятом раунде я вышел на ринг как новенький. Ягуар, правда, по первости так не считал, но коварный удар с правой под сердце потряс его до глубины души и заставил поспешно отступить.

Я смерчем ринулся за ним, и он, вроде как обескураженный, вернулся к своей прежней тактике — ударь и отступи. Но тут мне внезапно стукнуло в голову: а что, если все акции уже раскуплены? Кажется, бой этот может длиться без конца. Что же получается? Я тут гоняю Кортеса-Ягуара по рингу, а там Но Сен скупает все акции Корейской Медной в пределах видимости? Удача с каждой минутой ускользает все дальше, а эта крыса не желает драться по-мужски?!

Я едва с ума не свихнулся от ярости.

— Дерись, вонючка желтозадая! — заорал я, заглушая кровожадный рев публики, тоже раздраженной тактикой Кортеса, который уже куда больше отступал, чем бил. — Дерись, бледная кишка, желтое пузо, ублюдок португальский!

Любого человека можно хоть чем-то да пронять. Мои слова проняли Кортеса так, что лучше и не требовалось. Может, в нем вправду была португальская кровь, а может, и нет, но он вовсе сошел с ума. Взвыв, точно обезумевшая от крови пантера, не обращая внимания на яростные вопли из своего угла, он бросился ко мне со сверкающими глазами

и пеной на губах. Бац! Бац! Бац! На меня обрушился вихрь ударов. Бил он, будто настоящий ягуар. Но я только ухмыльнулся — вот это по-нашему! Это моя игра! Он наносил три удара на один мой, но в расчет-то следовало принимать только мои!

Рот был полон крови, кровь заливала глаза, кровь краснела на рубашке Хайни, ноги скользили на залитом кровью брезенте. Брызги крови оседали на лица зрителей в первом ряду. Но перчатки мои с каждым ударом все глубже погружались в тело Кортеса, и я был доволен. Мы дрались лицом к лицу, пока ринг не заволокло багровым туманом и гром ударов не заглушил рев публики. Но долго так продолжаться не могло. Кто-то должен был упасть, и это оказался Кортес.

Он рухнул на спину и тут же вскочил, не выжидая счета. Но я метнулся к нему, точно обезумевший от крови тигр, пропустил два удара в лицо, почти не почувствовав их, и ударил сам — правой под сердце и левой в челюсть. Глаза Ягуара остекленели, он зашатался, и сокрушительный удар правой в челюсть уложил его ничком под канаты. Может, он и посейчас там лежит — по крайности, до счета «десять» даже бровью не шевельнул!

— Гони сюда деньги! — рявкнул я, вырывая их у Хайни.

— Э-э! — запротестовал он. — А как насчет моей доли? Матч-то организовал я! И все расходы несу я! Или, по-твоему, в моем зале можно драться за бесплатно?..

— Мне бы твою наглость — я бы королем Сиам стал, — буркнул я, протирая глаза.

В тот же миг правый кулак Билла встретился с челюстью Хайни, как киянка встречается с обшивкой судна, когда конопатят щели. Голландец выру-

бился. Зрители разом поднялись с мест, тараторя что-то неразборчивое. Этот последний штрих был как раз тем, чего им не доставало, чтобы вечер вполне удался.

— На, отдай Кортесу, когда очухается! — С этими словами я сунул одному из секундантов Ягуара пятерку. — Подлый он тип, но боец. И вы с ним не знаете, но я ему все равно что пять тыщ долларов подарил! Идем, Билл.

В раздевалке я переоделся, глянув в зеркало и отметив, что лицо мое сплошь исцарапано, точно после драки с дикой кошкой. Да еще прекрасный синячище под глазом, если не под обоими. Мы прошмыгнули в дверь черного хода, но, я так полагаю, какие-нибудь головорезы из публики подметили, как мы забрали деньги. В Сингапурском порту, доложу я вам, полно людишек, которые и за дайм глотку перережут.

Стоило мне шаг ступить в темноту переулка, что-то обрушилось мне на голову, да так, что из глаз посыпались миллионы искр. Я упал на колени, поднялся, чувствую — по плечу лизнуло лезвие ножа. Тогда я ударил вслепую и, по счастливой случайности, попал. Моя правая сбила невидимого в темноте грабителя с ног, тот мешком рухнул наземь. Билл тем временем управлялся еще с двумя — я услышал, как головы их с треском стукнулись одна о другую.

— Ранен, Стив? — спросил Билл, ощупью отыскивая меня — темень была такая, что собственной пятерни перед глазами не видно.

— Ерунда, царапина, — сказал я. В голове до сих пор звенело после удара дубинки. — Пошли отсюда. А то, похоже, нам придется уложить всех в Сингапуре, пока доберемся до акций.

Выйдя из переулка, мы быстро зашагали вдоль улицы. Люди вокруг косились на нас. Да, пожалуй, было на что посмотреть — синяк под глазом, физиономия разбита, шишка на голове, плечо порезано. Но никто ни слова не сказал. Народ в подобных местах так здорово умеет не соваться в чужие дела, что вежливейшим из вежливых не худо бы у них поучиться.

— Стив, давай сперва зайдем в портовую миссию, — сказал Билл. — Преподобные перевяжут тебе плечо и ни цента с нас не спросят. И даже будут держать рот на замке.

— Нет, нет, нет! — Из-за травм и задержки я стал малость вспыльчивым. — Сначала акции, потом уж все прочее!

Мы как раз проходили мимо игорного дома — оттуда слышались щелчки колеса рулетки. Глаза Билла заблестели.

— Чувствую, у меня нынче везучий вечер, — заговорил он. — Спорим, я из этих тридцати монет мигом сделаю сотню?

— И я бы отдал правую руку за порцию выпивки, — зарычал я. — Но нам рисковать нельзя! Вот станем богатыми — будем и пьянствовать, и в фантан играть, и в рулетку, и все, что душе угодно.

Казалось, целая вечность прошла, прежде чем мы добрались до отвратительного, темного, вонючего переулка, который китайцы кличут Аллеей Семи Мандаринов — почему, мне никогда не удавалось выяснить. Найдя дверь с зеленым драконом, мы постучали, и у меня аж сердце замерло от мысли, что вдруг там не окажется Джоанны. Однако дверь отворилась, и она ахнула, увидев меня.

— Давай скорее, не томи, — выдохнул Билл. — Акции что, все раскуплены?

— Нет, отчего ж,— ответила она.— Я могу купить для вас...

— Тогда поспеши,— сказал я, вкладывая ей в руку деньги.— Здесь тридцать один доллар и пятьдесят центов...

— И это все? — спросила она вроде как разочарованно.

— Видела б ты, как они достались, сказала бы, что целая уйма.

— Хорошо,— кивнула она,— подождите минутку. Тот человек, что продает акции, живет в конце аллеи.

Словом, растворилась Джоанна в темноте, а мы остались ждать. Казалось, прошло несколько часов. Сердца наши за время ожидания чуть ребра не проломили. Наконец Джоанна вернулась, выйдя из сумерек, словно этакий белый призрак, и сунула в мою горячую, потную пятерню длинный конверт. Я испустил глубочайший вздох облегчения и раскрыл было рот, но она прижала палец к губам.

— Ч-ш-ш-ш! Нельзя, чтобы нас видели вместе. Теперь я должна идти.

И прежде чем я успел хоть словечко вымолвить, скрылась наша Джоанна во мраке ночи.

— Открывай конверт, Стив,— затеребил меня Билл.— Поглядим, каково с виду счастье!

Открыл я конверт, вытащил полоску бумаги, подошел к фонарю, прочитал и разразился таким ревом, что во всех окнах вокруг начали появляться любопытные рожи. Билл вырвал у меня бумагу, заглянул в нее, взвыл, точно безумный, и вместе со мной принялся отчаянно ругаться — да так, что к нам немедля сбежались не меньше дюжины копов. Внятно все объяснить мы были не в состоянии, и

потому гвалт не прекращался, пока они не вызвали подкрепление.

На бумажке, оказавшейся в конверте, который дала мне Джоанна Уэллс взамен так трудно доставшихся денежек, было написано:

«Сим удостоверяется, что вы являетесь владельцами тридцати одной с половиной акции Корейской Медной Компании, прекратившей существование в 1875 г. Насчет тонга Но Сен можете не волноваться: он распался еще до Боксерского Восстания. Из всех простаков, попадавших на эту удочку, с вами, ребята, обошлось проще всего. Но не горюйте — вы лишились всего лишь 31.50, тогда как одного дубоголового я вскрыла на целых три сотни. Нужно же девушке на что-то жить!»

БОЙЦЫ ПОБЕРЕЖЬЯ

Н

аша «Морячка» не простояла в порту Гонолулу и трех часов, как Билл О'Брайен прискакал в портовый зал, где я как раз демонстрировал Муши Хансену тонкости боксерского искусства, и заявил, он-де договорился, чтобы нынче вечером мне с кем-то там драться в «Американской Арене».

— Здесь, — сказал он, — стоит на якоре «Хулиган», и тамошние божатся, будто один

ихний парень может любого с «Морячки» вздрючить прямо-таки по-королевски. Я сам его не видал, но он, говорят, родился где-то в самой середине Австралии и прыгал там с кенгуру, пока его, в раннем еще возрасте, не забрали, подпоив, в матросы. Говорят, на «Хулигане» он уложил всех, начиная с капитана и кончая судомойкой...

Тут я его перебил:

— Заткни пасть и води меня к какому-нибудь идиоту с этой посуды, которому невтерпёж рискнуть получкой за рейс. У меня тут полторы сотни, которые жгут мне карман.

Ну, отыскать нескольких придурков с «Хулигана» оказалось проще простого, заключили мы пари при равных ставках, отдали деньги бармену на хранение, и я, зная, что впереди тяжкий бой, перед которым не помешает потренироваться, остригся и отправился в «Гиберниан Бар» пропустить пару рюмок. И вот, выпивали это мы с Биллом и Мухомором, когда в бар ввалился Свен Ларсен — огромный такой и совершенно ни на что не годный швед, которому с давних пор грезится, будто это он должен быть чемпионом «Морячки», и никакими взбучками эту идею из его мозгов до конца не вышибить.

Так вот, подошла эта большущая ошибка природы ко мне и заявила:

— Фстафай ф стойка, ирлантец!

Я с коротким вздохом обиды отставил свой бокал в сторонку.

— В этом порту, — попытался я объяснить ему, — тыща матросов, у которых кулаки чешутся. Иди своей дорогой. Не хочу я сейчас драться со своим однопалубником. У меня через пару часов бой.

Но этот маляк все стоял на своем:

— Это я толшен с ним тратся! Я толшен пыть тшемпион на «Морская дефа»! Фстафай, букай сторофый!

С этими словами он скрючился, то есть, по его глубокому убеждению, такой должна быть правильная боевая стойка. В этот момент мой белый бульдог Майк, чуя неладное, ошетинился и поднял взгляд от блюдца, из которого лакал пиво. Но, увидев, что подвалил к нам всего-навсего Свен, свернулся калачиком и задремал.

— Стив, побереги лучше руки, — с досадой поморщился Билл. — С-час я его...

— Не лесь не ф сфой тело, Пилл О'Прайен, — ответил швед, злобно потрясая кулачищами. — Улошу Стифа, потом и с топой расперусь.

— Ты ж отличный товарищ, Свен, — сказал я. — Ну, выпил...

— Я не пил! — заревел он. — Моя тефушка скасаль...

— Не знал, что у тебя здесь девчонка, — хмыкнул Билл.

— Претстафь сепе! Она скасаль: такой польшой парень толшен пыть тшемпион на сфой корапль. Пока я не тшемпион, она не иметь со мной тела. Потму — фстафай ф стойку...

— Да ты с ума свихнулся, — прорычал я, поворачиваясь обратно к стойке, однако внимательно следя за ним уголком глаза.

Опасения мои оправдались — он замахнулся правой и ударил так, что сокрушил бы любого. Я отпрыгнул, и он врубился в стойку, но, тут же вскочив, с кровожадным ревом бросился на меня. Видя, что разговаривать с этим заблудшим еретиком бесполезно, я подшагнул под его свинг и нанес апперкот правой в челюсть, поднявший все двести сорок

пять фунтов Свецова мяса на воздух и замертво опрокинувший его на пол. Майк, разбуженный грохотом, приоткрыл глаз, приподнял ухо и снова задремал с легкой собачьей улыбочкой на морде.

Мухомор выплеснул на бедолагу кувшин с какими-то ополосками.

— Осторожней же надо,— заворчал Билл.— А если бы руку разбил?! Почему не ударил в брюхо?

— Пачкать тут не хотелось,— ответил я.— И ничего я не разбил, так, ссадил слегка костяшки. Они у меня так просолились, что будь здоров!

Вскоре Свен смог сесть и тут же принялся ругать меня, бормоча что-то непонятное.

— Говорит: у него нынче свиданка,— объяснил Мухомор,— только ему стыдно возвращаться к своей девчонке с отметиной на челости и рассказывать, что его побили.

— Йа,— подтвердил Свен.— Ити, Стиф, скажи ей: я не смогу прийти.

— Ага,— кивнул я,— ладно.— Я ей скажу, что ты поскользнулся на пирсе и растянул лодыжку. Где она живет?

— Она тансует ф капаре «Траная Кошка».

Пропустив еще стопочку «Олд Джерси Крим», я затянул потуже пояс, и мы с Майком тронулись в путь.

Билл вышел за мной на улицу.

— Стив,— попытался он остановить меня,— ну его к черту! Нельзя тебе разгуливать по улицам, когда до матча всего пара часов! Эти, с «Хулигана», подпы, точно клубок змей, а ты сам знаешь, как у тебя в голове размягчается, если в дело замешана баба!

— Крайне оскорбительны мне твои замечания, Билл,— ответил я ему со своеобычным тихим дос-

тоинством.— Не припоминаю, чтобы какой-нибудь бабе удавалось меня одурачить. Они для меня все равно что раскрытая книга. И в любом случае, ты что — всерьез полагаешь, будто я могу вторгнуться в дамочку, вдохновившую размазню вроде шведа? Дьявол! Да это, наверное, какая-нибудь толстуха с физиономией бультерьера! Как там, он сказал, ее звать — Глория Флинн? В общем, за меня не волнуйся, я буду на месте задолго до начала.

Кабаре «Драная Кошка» находилось в мрачных припортовых кварталах. Когда мы с Майком разыскали его, солнце уже скрылось. Я спросил управляющего, как найти Глорию Флинн, и он ответил, что ее номер только что кончился и теперь она переодевается, так что мне лучше подождать у черного хода. Так я и сделал. Вскоре отворилась дверь, и наружу выпорхнули несколько девушек. Я, вежливо приподняв фуражку, поинтересовался:

— А кто из вас, дамочки, будет Глория Флинн?

И тут — провалиться мне на месте! — самая сногсшибательная, самая симпатичная из них ответила:

— Вот она я. А что такое?

— Ну,— начал я, пожирая ее восхищенным взглядом,— могу сказать только одно: и отчего такая девушка тратит время на бычий ливер типа Свена Ларсена, когда в порту имеются такие мужчины, как я?

— Не шибко-то вольничай! — огрызнулась она.

— О, да я вовсе не вольничаю,— заверил я ее.— Просто пришел передать, что Свен поскользнулся на пирсе и сломал ше... То есть растянул лодыжку и не может нынче свидеться с вами.

— О-о,— промурлыкала она, оглядывая меня внимательнее.— А кто вы такой будете?

— Стив Костиган, который его уложил, — брякнул я, забыв обо всем на свете.

— О! — воскликнула она, точно у нее дух захватило. — Тот самый Стив Костиган?

— Ага, — кивнул я, — тот самый Стив Костиган, матрос первой статьи и чемпион «Морячки» в тяжелом весе. Понятно дело, вы меня раньше не видали, иначе не заставили бы своего дружка рисковать жизнью, угощая меня свингом.

Взгляд ее сделался вроде как удивленным.

— Не понимаю, о чем вы таком говорите.

— А, да все в порядке, — поспешно сказал я. — Свен мне сказал, что вы его настропалили полезть на меня, но ведь всякой даме, конечно же, хочется, чтобы ее парень был чемпионом чего-нибудь. Только одного не пойму: что вы нашли в таком растяпе, как Свен?

Она вроде как истерически хохотнула:

— О, понимаю. Что ж, мистер Костиган...

— Да просто Стив, — перебил я ее.

— Хорошо. Стив... — Она смущенно хихикнула. —

Я не подбивала его ни на что подобное. Просто сказала, что такой здоровенный парень наверняка побьет любого на своем корабле. Он ответил, что чемпион у вас — другой матрос, Стив Костиган. Я и удивилась, что кто-то смог побить его, то есть Свена. Даже представить себе не могла, что он поймет это, будто я заставляю его с кем-то драться. Надеюсь, вы не поранили беднягу?

— Да не, разве что самую малость, — невольно расправил я свою широченную грудь. — С товарищами я всегда стараюсь полегче. Хотя... Ну да, с моей силушкой, бывает, не считаешь... Но послушай, сестренка: я, кажется, знаю одну замечательную крошку, которая вовсе не принимает это-

го здорового болвана всерьез. Тебе просто жаль его, что он такой огромный, неуклюжий и бестолковый, верно?

— Да,— согласилась она,— что-то в этом духе. Он выглядел так одиноко...

— Ну, так это ж просто прекрасно! — чуть не заорал я. — Но забудь про него — после того как я ему задал, он уж не вернется. Найдет себе какую-нибудь туземку либо китаянку. Он же не как я, для него — что в юбке, то и баба... А вот я однолюб. Нет, детка, тебе вовсе не стоит связываться с таким олухом, как он. Тебе просто необходимо водить компанию только с лучшим. Со мной, например.

— Может, ты и прав,— ответила она, опустив глазки dolu.

— Еще бы,— скромно заметил я,— я никогда не ошибаюсь. А теперь пойдем-ка выпьем чего-нибудь. От этих разговоров ужасно пересыхает в глотке.

— О, я совсем не пью спиртного,— ответила она с улыбкой. — Если не возражаешь, идем в то кафе, там подают мороженое.

— Договорились. Только прежде позволь представить тебе Майка. Побивает собственный вес как в диких котах, так и в собачьих галетах.

Ну, Майк подал ей лапу, хоть и без особого восторга. Он у меня не шибко-то любит женщин и держится с ними вежливо, но холодно. После этого мы отправились в кафе с мороженым, и, пока глотали эту дрянь, я во все глаза разглядывал свою очаровательную спутницу. Без сомнений, она была прекрасна — вьющиеся русые волосы, огромные темно-синие глаза...

— А отчего такая замечательная девушка работает в притоне типа «Драной Кошки»? — спросил я.

Она вроде как вздохнула и поникла головой.

— Девушкам часто приходится делать то, что им вовсе не нравится. Я работала в первоклассном акционерном обществе, которое разорилось, так как управляющий захворал и его пришлось отправить домой, в Англию. Нужно было на что-то жить, а другой работы, кроме этой, для меня не нашлось. Когда-нибудь я вернусь домой. У моих родителей — молочная ферма в Нью-Джерси... Какая я дура, что уехала от них! Прямо перед глазами стоит: старый наш белый домик, зеленые луга, ручеек журчит, коровки пасутся...

Пожалуй, с минуту она всхлипывала, потом вздохнула и улыбнулась:

— Кажется, с тех пор прошла целая жизнь...

— Ты очень храбрая девушка, — сказал я, тронутый до самых подковок на башмаках, — и мне бы хотелось увидеться с тобой снова. Сейчас я должен идти: дерусь сегодня в «Американской Арене» с одним парнем. Как, не возражаешь против лучшего места в первом ряду, а после — поужинать и потанцевать? Я, правда, танцевать не силен, зато насчет ужинов — зверь!

— О, — изумилась она, — так это ты дерешься с Рыжим Тараканом?

— Ну и имечко... Да, если он тот самый тип с «Хулигана».

— Я бы с удовольствием пошла, но у меня через полчаса еще один выход.

— Ну, — сказал я, — если я дерусь, так бой дольше трех-четырех раундов не затянется. Может, мне после матча подойти в «Драную кошку»? Если ты еще не освободишься, подожду.

— Это было бы здорово, — ответила она. И, видя, что я слегка расстроен, добавила: — Если бы знала,

что тебе скоро драться, ни за что не заставила бы наедаться мороженым.

— Да нет, мне оно не повредит. Только бы еще выпить чего посерьезнее, для укрепления желудка.

Это правда, про моряков думают, будто им только дай дорваться до мороженого, и я сам видал ребят, поглощавших его в омерзительных количествах, но для моего желудка оно не годится. Майк — он дочиста вылизал свою вазочку, хотя тоже предпочел бы чего покрепче.

— Только давай не пойдем в салун, — попросила Глория. — В портовых барах подают сущую отраву. А у меня есть неподалеку бутылочка редкого старого вина. Сама я к ней и не притрагиваюсь, держу для хороших друзей, и они очень хвалят. У тебя ведь есть еще немножко времени?

— Веди, сестренка, — согласился я. — На выпивку или чтоб услужить прекрасной девушке у меня всегда есть время!

— Лыстец! — рассмеялась она, слегка хлопнув меня по руке. — Спорю, что ты говоришь то же самое каждой встречной!

Словом, к немалому моему удивлению, мы подошли к какому-то ветхому дому, похожему на спортзал. Глория вынула из-под порога ключ.

— Я не сказала — со мной здесь младший братишка, — заговорила она в ответ на мой удивленный взгляд. — Приходится мне содержать и его. Бедняга, взял да поехал за мной... А мистер Салана, хозяин этого зала, позволил ему пользоваться снаряжением. Здорово пошло на пользу. Это его ключ. Вино у меня в одном из шкафчиков.

— Это не здесь ли тренируется Тони Андрада? — с подозрением спросил я. — Ежели так, здесь

не место девушке. Бойцы вообще встречаются разные, а уж Тони ни в чем доверять нельзя!

— Он всегда вел себя как подобает джентльмену, — ответила она. — Конечно, я здесь бываю изредка, только когда брат тренируется...

Глория отперла дверь, мы вошли, и она прикрыла ее за собой. К еще большему моему удивлению, я услышал скрежет ключа в замке. Она зажгла свет, нагнулась за чем-то, повернулась ко мне и, — ничего удивительнее со мной в жизни еще не случилось! В руках ее оказалась увесистая спортивная булава, которой она и треснула из всех сил по моей голове!

Я был так ошарашен, что только стоял и глядел на нее, разинув рот, а с Майком едва не сделался припадок. Я-то его всю жизнь учил, что женщин кусать нельзя, и теперь он не знал, что делать. Глория тоже смотрела на меня — да так, словно глаза ее вот-вот выскочат из глазниц. Словно бы в оцепенении, она опустила взгляд к обломкам булавы на полу, а затем краска вовсе исчезла с ее лица. Побледнела Глория — вылитый призрак!

— Ну и ну! — укоризненно покачал я головой. — Хорошо вы угощаете друзей! Шутки шутками, но я чуть язык не откусил!

Глория прижалась спиной к стене и в мольбе протянула ко мне руки.

— Не бейте меня! — закричала она. — Пожалуйста, не бейте! Я должна была так сделать!

Ну, ежели я и видел когда перепуганную девушку, то именно в тот момент. Она прямо вся тряслась!

— Вовсе не стоило так оскорблять меня, — со спокойным достоинством сказал я. — В жизни ни разу не ударил женщину, даже в голову не приходило!

Тут она заплакала:

— Ох, мне самой за себя стыдно. Но выслушай меня, пожалуйста. Я тебя обманула. Брат мой — тоже боксер, и он как раз должен был драться с Рыжим Тараканом, но устроитель передумал и предпочел тебя. А этот бой должен был принести нам достаточно, чтобы вернуться в Нью-Джерси, где коровки пасутся на журчащих лугах. Я... Когда ты сказал, что дерешься с Тараканом, я решила устроить так, чтобы ты не явился, и им бы пришлось выпустить Билли, то есть моего брата. Хотела оглушить тебя и связать, пока матч не кончится. Да, я понимаю, ты теперь ненавидишь меня, но я пошла на это от отчаяния! Я умру от такой жизни!

Понятное дело, я перед ней был ни в чем не виноват, но все равно почувствовал себя, точно конокрад.

— Не плачь, — начал я утешать ее, — я бы тебе помог чем угодно, только все жалование поставил, что выиграю нокаутом.

Она подняла заплаканное лицо:

— О, Стив, ты вполне можешь мне помочь! Просто останься здесь, со мной! Не ходи в «Арену»! Тогда тебя заменят Биллом, и мы сможем уехать домой! Пожалуйста, Стив! Прошу тебя, пожалуйста!

Руки ее обвили мою шею. Да, должен признаться, сердце у меня в отношении слабого пола мягкое, но все же...

— Господи Боже, Глория! Я для тебя хоть со Статуи Свободы спрыгну, но тут — извини. Товарищи поставили на меня все до последнего цента. Не могу я их так подвести.

— Ты не любишь меня! — зарыдала она.

— Ну как же не люблю, — возразил я. — Но, пес меня съешь, я должен! Пожалуйста, не упрашивай. У меня сердце разрывается оттого, что

приходится говорить тебе «нет». Погоди-ка! Идея! У вас ведь с братом есть какие-нибудь сбережения, верно?

— Да, немного,— прохныкала она, утирая глаза дурацким платочком с бахромой.

— Так слушай, вы можете их удвоить! Ставьте все на мою победу нокаутом! Лучшего вложения для монет не сыскать! Сегодня весь порт ставит.

— А если ты проиграешь? — спросила она.

— Я?! — Я фыркнул. — Не смейся! В общем, детка, делай, как я сказал, а мне пора — я уже сейчас должен быть в «Арене»! И, слышь, у меня после матча тоже образуются деньжата, так что вернетесь вы с братишкой к своим зеленым коровкам и журчащим домикам. Но сейчас мне пора!

Прежде чем Глория успела что-нибудь сказать, я вышиб ногой дверь — слишком спешил, чтобы ждать, пока она отопрет, и в следующий миг мы с Майком уже со всех ног летели к «Арене».

Билл, меряя шагами раздевалку, рвал на себе волосы.

— А, наконец-то! Вот он ты, такой, растакой и еще вот этакий ирландский урод! — кровожадно заорал он. — Где тебя носит?! Хочешь, чтоб я заработал нервный разрыв сердца?! Ты хоть понимаешь, что заставлять зрителей ждать целых четверть часа — непростительный грех?! Публика жаждет крови, а наши сидят в первом ряду и швыряют в этих кретиннов с «Руффинана» сиденьями, чтобы не орали, будто ты смылся! Устроитель сказал: если тебя не будет на ринге через пять минут, он выпустит замену!

— А я разматаю его за ноги и пушу в бухту,— рыкнул я, садясь и сбрасывая башмаки. — Нужно же

человеку хоть дух перевести! Слушай, а насчет Свеновой девчонки мы ошиблись! Такая красивая, и вдобавок не про...

— Заткнись и надевай трусы! — взвыл Билл, исполняя воинственный танец на только что снятой мною фуражке. — Тебе хоть кол на голове теши! Послушай, что творится в зале. Если нас не линчуют — считай, повезло!

Да, обезумевшие зрители шумели, словно стая голодных львов, но это меня нисколько не волновало. Едва я закончил с переодеванием, дверь в раздевалку распахнулась и на пороге появился управляющий «Арены», весь бледный.

— Я нашел человека вместо Костигана, — начал он, но, увидев меня, умолк.

— В сторону! — прорычал я, отталкивая его, и тут увидел парня в трусах, выходящего из соседней раздевалки.

К моему изумлению, это оказался Тони Андрада, и даже руки у него уже были забинтованы. При виде меня у него отвисла челюсть, а его менеджер, Эйб Голд, взвыл. С ними были еще двое головорезов — Салана и Джо Кромвель, эти прохиндеи всему Гонолулу известны.

— Ты чего это здесь делаешь? — зарычал я, глядя Тони в глаза.

— Меня хотели выпустить против Таракана, потому что ты смылся... — начал было он.

Билл увидел, что я отвожу правую для удара, и тут же сгрел меня за плечи.

— Ради Господа Бога! После матча с ним разберемся, идем!

— Здорово забавно, что он именно в это время появился здесь, — проворчал я. — Я-то думал, ежели не явлюсь, драться будет Билли Флинн...

— Какой еще Билли Флинн? — спросил Билл, таща меня за собой по проходу, среди взбешенной толпы.

— Младший братишка моей новой девушки, — ответил я, перелезая через канаты. — Если они с ним что-нибудь сделали, я...

Мои рассуждения были прерваны воплями зрителей — приветственных, так как я наконец-то явился, и ругательских, так как появление мое вышло запоздалым.

По одну сторону ринга расположились наши ребята с «Морячки». От их криков крыша едва не взлетела в небеса! С другой сидели эти грубияны с «Хулигана», встретившие меня непристойностями, неприличными звуками и невежливыми замечаниями.

Глянув в противоположный угол, я в первый раз увидел Рыжего Таракана. Надеюсь, больше никогда в жизни его не увижу! Он оказался высоким, костлявым и таким уродом — никогда еще подобного не встречал. Веснушки размером с блюдце по всему телу, нос совсем сплюснутый, а поверх низкого, покато лба — просто до скандальности рыжая челка! Когда он поднялся с табурета, оказалось, что он еще и кривоногий, а когда мы вышли на середину — вроде как выслушать напутствия рефери, — я с отвращением отметил, что Таракан вдобавок ко всему косоглаз. Сперва думал, он публику разглядывает, так что был малость ошарашен, когда сообразил, что смотрит-то он на меня!

Мы снова разошлись по своим углам, ударил гонг, возвещая начало боя, и тут меня ждал еще один удар.

Таракан двинулся ко мне, правая рука и правая нога — вперед. Левша! Я был так разозлен, что едва не взорвался. Рыжий, косоглазый, да еще и левша!

Да вдобавок — лучший из левшей, с которыми мне доводилось встречаться на ринге!

Забыл сказать: я весил сто девяносто, а он — сто девяносто три. К тому же он был всего на три дюйма выше меня, но ручищу мог вытянуть фатомов¹ на пятнадцать. Я думал, он еще так далеко, что и веслом до меня не достанет, как вдруг — бац! — его правая угодила мне в подбородок. Я взревел и бросился вперед, намереваясь закончить бой поскорее. Хотелось сокрушить этого немыслимого урода, пока я от его вида не начну нервничать.

Но все усилия пошли псу под хвост. Левша ведь все делает, наоборот: прикрывается правой, а бьет левой и уходит от удара влево, а не вправо. Этот парень выделял все, на что способен левша, да вдобавок применял множество самолично выдуманных приемчиков. Его прямой правой был силен и быстр, а уж свинг с левой!.. Ох, братцы, как он работал левой! Как ни старался я, он мгновенно достал правой мой глаз, нос и губы, а пока я занимался ею, подоспевшая левая едва не снесла мне башку.

Ну да, верно. В такого тощего да долговязого раз попади — пополам переломится. Но мне никак не пробиться было сквозь этот прямой правой с дальнего расстояния! Свинги мои неизменно оказывались слишком короткими, а мой левый хук он неизменно парировал правой. Как я ни старался завязать обмен ударами, разница в длине конечностей сводила все усилия на нет. А я привык работать хуками, прямой левой у меня сильный, но недостаточно точный.

К концу первого раунда мое правое ухо едва не превратилось в клочья. Во втором его хук правой

¹ Фатом — морская сажень, равная шести футам.

почти закрыл мне глаз, и на лбу моем образовалась глубокая рана. В начале третьего он сбил меня с ног таким левым хуком в корпус — я думал, дыру пробил! Его однопалубники с каждой секундой все больше сходили с ума, а наши ребята зывали к кровавой мести. Но я не волновался: для меня и не такие колотовки привычны, так что ни чуточки не ослабел.

Раздражало только, что Таракана никак не достать. Пока что он не получил ни одного толкового удара. Замечательный был боксер — рядом с ним даже Демпси казался бы стариком обойщиком с ведром в единственной руке.

Он ухитрялся все время держать меня на расстоянии и при том здорово избивать, но дело было не в проворстве и не в силе ударов. Уродливая, непривычная внешность — вот что мешало драться! Черт побери, от его взгляда можно было спянуть, а я никак не мог заставить себя не смотреть ему в глаза. Пробовал следить за линией пояса или за ногами, но всякий раз мой взгляд невольно возвращался к его несусветным буркалам. Какое-то роковое влечение! Пока я старался понять, куда он нацелился, — бац! — его левая била в совершенно неожиданном направлении, и все начиналось сначала.

Короче, поднимаясь после этого нокдауна в третьем раунде, я был в бешенстве. А потом, гоняясь за ним по всему рингу и поимев с этого только синяк под другой глаз, пришел в отчаяние. А когда до конца раунда оставалось с полминуты, привел публику в восторг, потому что зажмурился и ринулся в атаку, работая бешеными, бестолковыми свингами.

Он, конечно, здорово прошелся по мне, но плевать: пока я не видел его рожи, она не путала моих

расчетов, и почти сразу же я попал, без всяких сомнений, в челюсть. Тут с публикой случилась прямо истерика; я открыл глаза и оглянулся в поисках свежего трупа.

И — да, на глаза мне сразу попало безжизненное тело, но это оказался не Таракан. К вящей своей досаде, я увидел, что под один из моих наугад посланных свингов подвернулся рефери. В тот же миг Таракан послал свинг с левой мне в челюсть, я рухнул, но в падении успел-таки попасть Таракану чуть выше пояса, и удар гонга застал нас всех троих на ковре.

Наши почтенные секунданты растащили нас по углам, кто-то окатил рефери ведром воды, и он кое-как смог продолжать встречу, держась за канаты.

Сидя в углу, нюхая вонючую соль и наблюдая, как секунданты Таракана массируют его пострадавшее брюхо, я глубоко задумался, что со мной во время боя случается крайне редко. Я вообще-то не верю, что от размышлений бойцу может быть польза — от них только голова болит. Однако же, хоть и ныла после Тараканова удара челюсть, хоть и двоилось в глазах от его жуткой хари, я почесал Майку нос и принялся соображать. Левша все делает наоборот.

Девять раз из десяти его прямой правой парирует твою левую. Если, боксируя против обычного бойца, встать в правостороннюю стойку, его левая сделает из тебя фарш. А вот против левши такое должно стодиться — вы будете на равных.

Словом, в четвертом раунде я не стал рваться вперед, а начал действовать осторожно, не обращая внимания на вопли придурков с «Хулигана», что я, мол, испугался ихнего парня. Рыжий сделал лож-

ный выпад правой, но так неуклюже, что даже я все понял и в тот же миг выстрелил с правой из всех сил. Перешиб его левый свинг и попал — хорошо, только слишком высоко.

Он зашатался, и мой молниеносный левый хук под сердце поставил его на четыре кости. На счете «девять» он встал и встретил мою атаку отчаянным левым свингом, от которого малость «поплыло» в голове, но я продолжал наступать и всякий раз, как он шевелил левой, бил с правой. Порой я попадал первым, порой — он, а иногда выходило одновременно, однако мои удары были сильнее. Таракан, как всякий левша, когда «плыл», совсем забывал о правой, поставив все на хороший свинг с левой.

Я погнал его через ринг, но он внезапно остановился и ударил. Увесистый левый хук выбил меня из стойки и раскровянил физиономию, но в тот же миг я сам нанес ему сильнейший хук с левой под сердце. Таракан задохнулся, колени его дрогнули, однако он удержался на ногах и еще раз ударил левой — одновременно с моим ударом правой. Бац! Что-то взорвалось в голове, а затем я услышал, как рефери считает секунды. Я обнаружил, что лежу на ковре, однако Таракан устроился рядом!

Колени рефери до сих пор дрожали, одной рукой он держался за канаты и, не спуская с нас остекленелого взгляда, вел отсчет. Но я-то умудрился встать на счете «шесть»! Мы с Рыжим в одну и ту же секунду попали друг другу прямо «в пуговку», однако моя челюсть оказалась крепче. Он и при счете «десять» даже не шелохнулся — пришлось секундантам уносить его в раздевалку.

А мне, чтобы опять словно заново родиться, хватило соли, воды да нашатыря. Я едва дождался, пока Билл обрабатывает мои раны, живо оделся, забрал у

бармена, пришедшего в «Арену» под конвоем ребят с обоих судов, свой выигрыш и шмыгнул в дверь черного хода. Даже Майка оставил на Биллово попечение — он на улицах постоянно грызется со встречными собаками, а я очень спешил.

И не только затем, чтобы посмотреть, последовала ли Глория моему совету. Я выиграл полторы сотни монет, что вместе с моей ставкой составило триста. Да полтораста получил за бой. Всего, значит, в кармане моей куртки собралось четыре с половиной сотни зелененьких крупными бумажками. Я был намерен отдать Глории все до цента, если только возьмет. Пусть возвращается в Нью-Джерси, к своим коровкам! Приличной девушке, понятное дело, не место в порту, и я, должен признаться, на бегу мечтал о том времени, когда брошу плавать и, может статься, переключусь на молочный бизнес в Нью-Джерси.

Я направлялся к «Драной ошке», но, пробегая мимо спортзала Саланы, увидел свет в окошке комнаты, служившей чем-то вроде кабинета. А когда подлетел поближе, изнутри до меня вдруг донесся голос Глории. Я остановился и хотел было постучать, но тут же услышал еще голоса — Саланы, Эйба Голда, Джо Кромвеля и Тони. Это заставило меня подкрасться вплотную к двери и прислушаться, хотя я вообще-то подслушивать не люблю.

— Ты, сестренка, трепаться-то брось, — говорил Голд со своей мерзкой, режущей ухо хрипотцой. — Ты сказала: «Предоставьте это мне!» Мы и предоставили. И что вышло? От тебя требовалось убрать Костигана с дороги, чтобы мы смогли в последнюю минуту подсунуть им на замену Тони. Сама помнишь: устроитель из «Арены» уже согласился организовать матч Тони с Тараканом, но тут в порт вошел корабль

Костигана, этот жирный боров передумал и из-за идиотских матросских раздоров выпустил проклятого ирландца. Наш итальяшка разложил бы этого Рыжего за раз — он левшами на завтрак закусывает, и всем фраерам в городе это известно. Все заложились бы за Тони. Мы же собирались поставить последнюю рубашку на Таракана, а Тони лег бы к концу третьего раунда. После чего все мы смогли бы уехать из этой дыры и отправиться в Австралию. Тебе было поручено убрать Костигана. И что вышло, я спрашиваю? Тони уже переоделся, чтобы выйти вместо него, и тут — здрастье-пожалте — вот он! Чтоб тебя...

— Ну, я в этом не виновата, — заговорила Глория, да так жестко, я аж оцепенел от удивления. — Я сделала все, что могла. Подцепила этого шведа с «Морячки», настропалила как следует и отправила драться с Костиганом — пусть, думаю, разделает проклятого ирландку. Или чтобы Костиган, по крайности, хоть руку об него сломал. Но эта сволочь уложила парня, даже пальца не оцарапав, и явилась в «Драную кошку» по мою душу. Я подумала, что он пришел размазать меня по стенке за то, что натравила на него шведа, но этот твердолобый бугай хотел только сказать, что тот остолоп не сможет явиться на свиданку. Представляете? И естественно, тут же клюнул на меня. Я заманила его сюда, чтобы оглушить и запереть до конца матча. Но у этой дубины не череп, а корабельная броня! Я сломала о его башку пятифунтовую булаву, а он даже глазом не моргнул! Ну, скажу вам, надеюсь, никогда больше не придется такого пережить. Когда он и не пошатнулся после моего удара, я думала — мне конец. Уже представила, как он сворачивает мне башку и скармливает ее этому отвратительному людоеду, которого зовет своим бульдогом. Однако никогда не известно, что

взбредет в голову этакому крутому с виду драчуну. Он меня пальцем не тронул. Тогда я наврала ему про младшего братика, которому очень нужно выступить в этом матче, чтобы мы смогли уехать домой. Он купился на это так легко — я думала, удастся упросить его смыться по доброму согласию, но он уперся. Посоветовал ставить на него, сказал, что уже должен быть в «Арене», вынес дверь, вякнул что-то насчет встретиться после боя и был таков!

— Складно звонишь! — ухмыльнулся Салана. — Все устроила — лучше не надо! Ладно. Мы нарисовали крупное дело...

— Тоже мне, деловые выискались! — огрызнулась Глория. — С вами на люди совестно показаться, ффраера дешевые! «Крупное дело», надо же... Чего вам теперь-то от меня надо? Плакать мне, что ли?

— Нам надо, чтобы ты вернула сотню, заплаченную тебе вперед, — зарычал Салана. — Не вернешь — тогда вправду наплачешься.

— Что-о? Думаешь, я ради вас, дешевок, буду за бесплатно жизнью рисковать? Ни единого цента не полу...

До меня донесся звук удара, и Глория закричала было, но крик тут же оборвался, сменившись коротким хрипом.

— Дай ей, Джо, — проскрипел Салана. — Будет тут всякая...

В общем, неважно, как он ее назвал. За подобные слова убивать следует. Вышибив дверь, я шагнул внутрь и тут увидел такое, что глаза мне заволокло багровым туманом.

Глория сидела в кресле, Салана завернул ей руки за спину — казалось, вот-вот сломает, а Джо Кромвель, впившись левой пятерней в ее белоснежное горлышко, замахнулся правой, чтобы ударить по

лицу. Тони с Эйбом смотрели на все происходящее с бесстрастными презрительными ухмылками.

Все они обернулись на шум. Увидев меня, Салана побледнел и отпустил бедную девушку, но, прежде чем он успел сжать кулаки, я ударил с левой, расплющив ему нос и выбив четыре зуба. Следующий удар снес Джо Кромвелю ухо, так что оно повисло на жилах. Еще один удар отправил его в угол со сломанной челюстью. Почти в тот же миг Эйб Голд едва не достал меня парой бронзовых кастетов, а Тони крепко вломил мне по уху. Но я распрямился и нанес удар правой, после чего Голд улегся поперек Саланы с переломанными ребрами, и продолжил дело левым свингом, начисто обезглавившим бы Тони, кабы я не промазал.

Некоторым, чтобы как следует драться, непременно надо разозлиться. Я не из таких, но уж если вправду зол — все вокруг разнесу. Может, на ринге, в обычной обстановке, Тони раздолбал бы меня в пух и перья, но здесь у него шансов не было. Я, даже не чувствуя градом сыпавшихся на меня ударов, промазал несколько свингов подряд, а затем мой всесокрушающий правый, нанесенный едва не от самого пола, угодил ему в челюсть. Тони крутанул полное сальто и, упав, так ударился головой о стену, что рассек себе скальп и наверняка потерял бы сознание, кабы не отключился еще в воздухе.

В общем, на ногах остался только я, а ведь полтора минут не прошло, как ворвался в комнату. Замер, обозревая учиненное побоище, и надо было мне лишь одного — чтобы вся прочая сволочь, сколько ее ни есть в Гонолулу, явилась защищать дружков. И тут заметил Глорию — забилась в угол, вжалась в стенку, точно хочет об нее расплющиться, лицо — бледное, глаза полыхают ужасом...

Увидев, что я смотрю на нее, она отчаянно закричала:

— Не надо! Пожалуйста, не надо!

— Чего пожалуйста, не надо? — слегка раздраженно спросил я. — Или ты не усвоила с того раза, что я женщин не бью? Я пришел, спас тебя от этих жуликов, а ты меня оскорбляешь!

— Прости, — взмолилась она, — я боюсь и ничего не могу с собой поделать: ты же выпитая горила...

— Что-о?!

— То есть ты так ужасно дерешься... — поспешно поправилась она. — Идем прочь отсюда, пока их дружки не подросли!

— Хоть бы и подросли... Это им всего-то вроде как урок был... Пес поberi, вот так всегда — если разоэлит кто-нибудь, я за себя ручаться не могу и обязательно кого-нибудь да покалечу.

В общем, вышли мы с ней на улицу, совершенно пустынную и едва-едва освещенную, и Глория сказала:

— Спасибо, что спас меня. Был бы здесь мой брат...

— Глория, — устало перебил ее я, — может, хватит врать? Я стоял за дверью и все слышал.

— Ох! — только и ответила она.

— Ну да, — кивнул я, — пожалуй, с женщинами я всегда дурак дураком. Видимо, втюрился в тебя и недопетрил, что ты собираешься меня надуть. Даже выигранные четыре с половиной сотни приволок, чтобы отдать тебе...

С этими словами я вытащил стопку бумажек, укоризненно покачал ею перед глазами Глории и спрятал обратно в карман куртки. В тот же миг она зарыдала:

— Стив, мне стыдно за себя! Ты такой славный, такой благородный...

— Верно, — ответил я, приосанясь, — ничего не могу с этим поделать. Натура такая.

— Мне так совестно, — всхлипнула она. — Сала-на заплатил мне сто долларов, чтобы помогла избавиться от тебя. Но, Стив, эта минута перевернула всю мою жизнь! Я не прошу простить — это, наверное, слишком много, а ты и так достаточно сделал для меня. Но завтра я еду домой! То, что я рассказывала про молочную ферму в Нью-Джерси, — единственное! — не было ложью. Я отправляюсь домой, чтобы впредь вести честную жизнь, и хочу один-единственный раз поцеловать тебя. Ведь это ты показал мне всю несправедливость моего жизненного пути...

Тут она обняла меня и крепко поцеловала — я, понятно, и не подумал возражать.

— Я возвращаюсь к простой и чистой жизни, — сказала она. — К зеленым лугам и журчащим коровкам!

И как припустила прочь!

Я смотрел ей вслед. На душе было так тепло! «Все же, — подумалось мне, — я понимаю женщин. Даже самых ожесточенных из них смягчает мое сильное, честное и мужественное сердце!»

Глория скрылась за углом, а я, устремившись к «Гиберниан бару», запустил руку в карман. И взвыл — да так, что все в округе проснулось в холодном поту. Вот зачем ей понадобилось обнимать меня — деньги исчезли! Любила... Хрен там она меня любила!

ДИКАРЬ В ГОРОДЕ

Юность на смену детству шаг за шагом приходит,
Но так же кошмар кровавый ночью мной верховодит:
Цепких когтей захваты со временем все сильнее,
И челюстей жутких оскалы день ото дня страшнее.

(Перевод И. Мостового)

Когда его семья приобрела дом в Кросс Плейнс, Роберту Говарду было тринадцать лет. Он еще мог ходить в школу Баркетта, но поселившийся у них племянник миссис Говард — Эрл Ли Комер по возрасту должен был посещать высшую школу, отсутствовавшую в этом местечке. Об этом родственнике будущего писателя нам известно лишь то, что он несколько лет проживал вместе с Говардами. Роберт ни разу не упоминает в письмах к Лавкрафту о своем кузене, чье присутствие рядом, несомненно, должно было тем или иным образом влиять на него — мальчики делили спальню на веранде, ели за одним столом, посещали одну и ту же

школу. Поэтому достаточно загадочным представляется тот факт, что упоминания о Ли Комере отсутствуют в корреспонденции как Роберта, так и его отца.

Расспросы бывших учителей школы в Кросс Плейнс не позволили пролить света на этот вопрос. Все, что нам удалось узнать, это то, что, закончив курс высшей школы, Ли Комер уехал из города, устроившись на службу в одну из нефтяных компаний в штате Даллас. Возможно, никто никогда не узнает, как относился Роберт к своему родственнику, а также о том, что думал этот осиротевший юноша о своем тринадцатилетнем кузене.

Первая электростанция была построена в Кросс Плейнс в 1919 году; однако огромные сельскохозяйственные равнины Техаса электрифицировать было довольно сложно. До начала 30-х годов лишь в пятую часть всех домов было проведено электричество. Остальные освещались масляными лампами, в качестве отопления использовались дровяные печи. Подавляющее большинство женщин кипятили белье в огромных котлах, использовали при его стирке старинные стиральные доски и гладили тяжелыми железными утюгами. Телефоны имелись примерно у половины семей, радио было большой редкостью, а единственной книгой в домах большинства была Библия.

Но почти все семейства имели в своем распоряжении автомобили, поскольку надежды, связанные с развитием общественного транспорта, быстро угасли, а удаленность поселений друг от друга требовала иметь какое-либо средство передвижения.

...

Новый дом Говардов стоял на участке величиной более четырех акров. Окруженный изгородью дом располагался по южной стороне шоссе N 36, где заможенная, но не покрытая асфальтом дорога изгибалась от Кросс Плейнс к западу. За домом простиралось огромное поле, открывавшее широкий, хотя и не особенно привлекательный обзор. Высокий раскидистый кедр затенял северо-западный угол дома.

Роберту досталась маленькая комнатка с четырьмя окнами, три из которых были обращены к лужайке, находившейся позади дома. Она стала той обителью, в которой Роберт Говард провел остаток своей жизни.

Эта комната, выделенная из части задней веранды, стала после отъезда кузена личным владением Роберта. Здесь, напротив застекленной стены, отделявшей ее от комнаты матери, стояла его узкая кровать. Поскольку обычно это окно оставалось незанавешенным, у Роберта не было никакой возможности для уединения. Нетрудно представить, какую роль в жизни подростка сыграл этот «аквариум». Ханжество родителей, подаваемое под видом традиционного полового воспитания, усугубленное их запретом на посещение дома людьми, «пользующимися плохой репутацией», заставляло Роберта подавлять в себе эмоции и устремления, свойственные периоду возмужания. Это еще в большей степени сжимало пружину его внутреннего напряжения и заставляло искать возможности для разрядки.

Некоторые из знакомых Роберта открыто утверждали, что он посещал публичные дома. Нам понятно их желание укрепить в сознании мужественный образ создателя Конана, однако известные факты свидетельствуют об обратном. Роберт Говард был на редкость благопристойным молодым человеком. Его привязанность к больной матери и уважение к отцу исключают возможности подобного поведения в родном городе, даже если бы бордели и существовали в Кросс Плэйнс после того, как пошел на убыль нефтяной бум.

А в путешествия Роберт почти никогда не отправлялся без матери — даже тогда, когда у него появилась собственная машина. Неприязнь молодого Говарда к вульгарным женщинам времен нефтяного бума проявляется в его письмах, а также в неопубликованном автобиографическом романе. Хотя не исключено, что во время его посещений Браунвуда вне материнского общества друзья водили Роберта в «Дом Сэл» (так именовался один из трех местных борделей). Однако имеющиеся у нас многочисленные свидетельства говорят скорее о том, что знаменитый писатель прожил свою жизнь, ни разу не вкусив наслаждений секса.

Из этого вовсе не следует, что Говард был в той или иной степени половым извращенцем. Он был человеком с нормальной половой ориентацией, выражению сексуальности которого мешало неблагоприятное окружение. Если бы он прожил дольше, его мужественность, вероятно, преодолела бы то дав-

ление, которое он испытывал в юности. Мы никогда не узнаем, как бы это отразилось на его фантазиях и на его творчестве. Вполне возможно, что герой-варвар с легкостью одерживал свои победы как в схватках, так и в любви, потому что его создатель вынужден был сдерживать свои собственные мечты и желания.

У выходящего на юг трехстворчатого окна, из которого открывался приятный для созерцания вид, стоял письменный стол Говарда. Этот стол был не просто красивым и удобным предметом мебели, но чем-то большим, по крайней мере для Роберта. Толстая столешница из красного дерева удерживалась двумя парами ножек, сходявшимися с каждой стороны в одну большую тумбу. В столе был ящик, в котором Роберт, хранил карандаши, резинки и прочие письменные принадлежности. Когда он начал писать ради заработка, обстановку довершили пишущая машинка «Ундервуд» и солидный плоский сундук, служивший ему в качестве архивного шкафа.

Со временем узкий комод с ящиками, где хранилась его одежда, был выдворен из комнаты и перемещен в прихожую. Для гардероба Говарда, состоявшего из его любимых брюк цвета хаки, рубашек и рабочих ботинок, хватило небольшого сундука. Об обстановке веранды в конце коридора, использовавшейся в качестве спальни, нам известно немного — там стояли две железные кровати, составленные вместе. На одной из них Роберт провел последние несколько часов своей жизни. Поскольку дверь в ванную открывалась из этого узкого застекленного закутка, можно признать, что в нем было не так уж много привлекательного.

...

Неизвестно, приехали ли Говарды в Кросс Плэйнс до того, как было завершено переустройство дома, или нет. В письме к Лавкрафту Роберт писал, что ему было почти четырнадцать, когда он впервые обосновался в более-менее крупном городе. Из этих слов можно предположить, что семья переехала в Кросс Плэйнс в конце 1919 года и что именно здесь Роберт пошел в восьмой класс. Поскольку школа Кросс Плэйнс тогда была десятилетней, Роберт, вероятно, должен был закончить ее весной 1922 года.

Хотя он был новичком в городе, перед Говардом не возникло серьезных трудностей, чтобы привыкнуть к жизни в школе Кросс Плэйнс. Его отношение к школе не изменилось: он по-прежнему ненавидел ее, хотя восьмой класс был им закончен с отличием. Роберт приобрел здесь несколько новых друзей. Среди них был Линдсей Тайсон, оставшийся близким другом Говарда на всю его жизнь. Тайсон был сыном одного из шести практиковавших в городе врачей. Возможно, что эта дружба первоначально была инициирована доктором Говардом, который всегда пытался знакомить своего сына с отпрысками коллег. Она окрепла благодаря совпадению пристрастий обоих мальчиков к спортивным состязаниям и походам на охоту.

Вообще, отношения между ними были достаточно странными. Несмотря на то что Линдсей был частым и желанным гостем в доме Говардов, Роберт никогда не знакомил его с другими своими друзьями и не посвящал в свои сокровенные мысли. Линдсей Тайсон и не предполагал, что Говард способен покончить с собой. Он никогда не понимал причин некоторых необычных поступков Роберта и того гнева, что постоянно кипел в глубине души его приятеля. Он не мог ни разделить, ни одобрить пристрастия Роберта к сочинительству. Однако Линдсей, который не смог закончить колледж из-за затянувшейся болезни его отца, требовавшего его постоянной заботы, оставался единственным человеком, с которым Роберт предпочитал бродить по лесам, обсуждать достоинства стрелкового оружия и посещать футбольные матчи.

В Барquette Роберт продолжал поддерживать отношения с Эрлом Бэйкером, но с Остином Ньютоном они несколько отдалились. Молодой Ньютон стал проявлять интерес к командным видам спорта и вскоре сделался профессиональным тренером. Еще одним близким другом Говарда стал Том Рэй Уилсон, живший в Кросс Плэйнс до 1924 года. Будучи учеником высшей школы, он иногда возил доктора Говарда к его пациентам. Время от времени Боб ночевал в доме Тома. Позднее Уилсон утверждал, что опасался Боба, всегда носившего с собой охотничий нож или пистолет. Не меньшие его опасения вызывали ночные кошмары, мучавшие его друга. Их проявления были столь серьезны, что Тому приходилось привязывать Боба к

кровати, чтобы во сне тот не смог подняться и напасть на своего соседа по комнате.

К участку Говардов примыкал дом Батлеров. В их семье Роберт нашел еще одного товарища для игр — Лероя, который был на два с половиной года старше его. Два огромных дерева — древний вирджинский дуб на заднем дворе Батлеров и тутовник на границе владений — стали кораблем с поднятым «Веселым Роджером» и берегом для «пиратов», карабкавшихся по их ветвям в повязках, закрывающих глаз. Вельветовые бриджи до колена поддерживали яркие, обернутые вокруг талии шарфы, взъерошенные головы мальчишек украшали красные косынки либо черные шляпы с мягкими загнутыми полями.

Иногда, когда кто-нибудь из компании был вооружен ружьями, выструганными из сосновых досок и заряженными резиновыми полосками, «пираты» превращались в «индейцев». Те, кто не обладал «огнестрельным» оружием, становились «негритянскими стрелками» — стреляли из рогаток. Многие мальчишки научились удивительно метко стрелять из них и могли сбить в воздухе птицу или подстрелить кролика. Вся детвора, включая девочек, стремились добиться совершенства в стрельбе из рогаток. Они считали, что этим оружием Давид победил Голиафа и, как библейский герой, хотели достичь с его помощью мировой славы.

Роберт все еще увлекался сочинением небольших пьес и распределением ролей в них между своими приятелями. Зачастую луки «индейцев» становились норманнскими арбалетами, вирджинский дуб превращался в Шервудский лес, где веселые стрелки Робин Гуда приводили в ярость «шерифа Ноттингемского», а Пестрик носился вокруг с оглушительным лаем.

Роберт любил рассказывать приятелям выдуманные им истории. Его мастерство как рассказчика все возрастало. Новый автомобиль отца давал ему возможность ездить в Кросс Кат и Баркетт, а также привозить оттуда друзей. Иногда Роберт приглашал к себе на выходные Эрла Бэйкера и Остина Ньютона.

...

Долгое время в Кросс Плэйнс существовала традиция: в середине лета в городе устраивался большой пикник, который

обычно совпадал с карнавалом. Кроме обычных карнавальных развлечений произносили свои речи местные политики, проходили соревнования по боксу, а частенько случались и незапланированные схватки между подвыпившими участниками праздника.

Карнавал был значительным событием в жизни Кросс Плэйнс. Несомненно, Роберт и его друзья принимали в нем участие. Хотя празднество и вносило яркие краски в монотонную повседневную жизнь города, отношения между участвовавшими в нем уличными артистами и жителями нельзя было назвать идиллическими. Роберта раздражали деревенские недотепы, явившиеся поглазеть на красочно разодетых артистов и сыграть в азартные игры. Надеясь получить легкую и верную прибыль, они немедленно впадали в ярость, оказавшись одураченными.

Говард также не переносил городских хулиганов, ради забавы задиравших артистов. Говард рассказывал, как один его приятель участвовал в игре, целью которой было сбить как можно больше деревянных фигурок кошек тяжелым бейсбольным мячом. Вместо этого «шутник» бросил мячом в девушку, обслуживавшую аттракцион, которая потеряла сознание от сильного удара. Когда Роберту было четырнадцать лет, он сам работал в подобном аттракционе, подбирая сбитые фигурки. Один из горожан поступил с ним таким же образом, сбив мячом с ног.

Городские пикники прекратились в начале Депрессии. Они возобновились в 1932 году, чтобы через несколько лет вновь — на этот раз навсегда — исчезнуть из жизни Кросс Плэйнс.

...

Так прошло лето 1920 года — последние счастливые месяцы перед очередной переменой в жизни Роберта, вновь все перевернувшей с ног на голову. Осенью этого года д-р Говард решил пройти шестинедельный врачебный курс «Специальные линзы» в офтальмологическом отделении Высшей Медицинской Школы Университета Нового Орлеана. Так в середине октября семейство Говардов последовало за ним в Новый Орлеан.

Внезапный интерес доктора к офтальмологии, возможно, был обусловлен тяжелыми воспоминаниями о состоянии его

матери, которая в последние годы своей жизни полностью лишилась зрения. Однако более вероятным представляется то, что д-ра Говарда беспокоили изменения в его собственном зрении. Как нам известно, начальные симптомы диабета появились у д-ра Говарда еще во время пребывания семьи в Баркетте. Кроме неутолимой жажды и зверского аппетита больные диабетом в начальной его стадии испытывают ослабление зрения. Действительно, позже д-р Говард страдал от катаракты; а диагноз его болезни — диабет — был подтвержден медиками.

В Новом Орлеане Говарды снимали комнаты у обедневших луизианских аристократов по фамилии Даррелл. Между собой члены этой семьи общались по-французски и, хотя родились в этом городе, по-английски говорили с заметным акцентом. Они презирали итальянцев, приехавших в этот южный штат и разбогатевших в результате тяжелой работы и бережливости.

Четырнадцатилетний Роберт был потрясен, наблюдая, как Джо. Рицца и его жена сами стоят за прилавком, вскрывая устрицы, хотя всем было известно, что они богаты и владеют сетью итальянских ресторанов. Хотя Роберт не разделял снобистского отношения к ним Дарреллов, тем не менее мальчик в глубине души считал, что глупо изнурять себя скучной тяжелой работой, когда есть возможность избежать этого.

Годы спустя Говард вспоминал Старый Французский Рынок. В шуме и суете, экзотической смеси самых разнообразных запахов было какое-то старомодное очарование. Здесь он попробовал великолепное креольское блюдо гумбо — суп из стручков бамии, приготовленный по французскому рецепту, а также впервые полакомился различными дарами моря. Единственное, что вызывало у него чувство неловкости, — это толстые громкоголосые итальянки, расхваливающие свои товары. Впоследствии в письмах к Лавкрафту, который, как и Говард, воспитывался в сдержанном духе, он делился своими впечатлениями от шумных откровенных манер уроженцев Средиземноморья.

Живя в Новом Орлеане, Говарды совершали различные ознакомительные экскурсии. Так, они посетили Пончартрэйн, видели сросшиеся дубы, осмотрели развалины испанских укреплений и даже поднимались на лодке на несколько миль вверх по течению Миссисипи, чтобы взглянуть на сохранивши-

еся старинные дома плантаторов. Говард говорил впоследствии, что остался чрезвычайно доволен тем, что ему удалось увидеть старый город до его переустройства, уничтожившего многие неповторимые черты креольского Нового Орлеана. Так, знаменитые сросшиеся дубы срубил какой-то местный вандал, чтобы поставить на их месте прилавков с хот-догами.

Молодому Роберту нравились музеи Нового Орлеана, особенно те, в которых были представлены экспонаты времен Гражданской войны. Мальчика всегда интересовала история, особенно если она касалась его родного штата.

Хотя исторические повествования Говарда полны рек крови, а в его рассказах непременно встречаются отрубленные головы или конечности, это представляется только бравадой. В реальной жизни он был далек от кровожадности или насилия. Когда, уже будучи взрослым, он беседовал со встретившимся ему в Сан-Антонио жителем Индии, который среди всего прочего рассказал ему о массовой казни коммунистов в Китае, Роберт ощущал позывы к рвоте.

Находясь в Новом Орлеане, Роберт, по его собственным словам, пережил незабываемое впечатление — он стал свидетелем уличной поножовщины, во время которой был убит человек. Долгие годы воспоминания об этом случае вызывали у Говарда ужас днем и кошмары — ночью. Он рассказал об этом инциденте нескольким своим друзьям. Если эта история была очередной выдумкой Роберта, то следует признать ее гораздо более правдоподобной, чем большинство его небылиц. Возможно, потрясенный этим происшествием, он говорил о нем, чтобы избавиться от причиняемого воспоминаниями беспокойства.

Когда семья обосновалась в Новом Орлеане, Роберт первым делом отправился в ближайшую публичную библиотеку. Он обнаружил ее на Кэнал-стрит и провел в ней счастливейшие часы, «проглатывая» одну за другой самые разные книги. Особенно привлекала его история Британии с древнейших времен до завоевания норманнами. Изданная специально для детей книга красочно описывала жизнь и историю пиктов, что обитали в Северной Британии до нашествия римлян. Очарованность этим загадочным смуглокожим народом осталась с Говардом до конца его дней.

Роберт испытывал искреннюю симпатию к пиктам, которые представлялись ему вечной жертвой чужих притязаний. Со свойственным ему сочувствием к побежденным, Роберт в своем воображении изменил историю, нравы и жизненный уклад пиктов. Туземцы, придуманные Говардом, оказались почти полной противоположностью тем, о которых сообщалось в историческом труде. Они также были противоположностью самому Роберту. В книге описывался хитрый и трусливый народ охотников и собирателей плодов, тогда как пикты Говарда — сильные воинственные люди. У настоящих пиктов существовала лишь довольно слабая племенная организация, их жизнь была жестко ограничена многочисленными обычаями и табу. Говард же наделил своих пиктов централизованной властью короля Брана МакМорна. Набор не связанных между собой легенд и суеверий был представлен Говардом как последовательная история минувших славных лет.

В отличие от Роберта-ребенка, который был светловолосым, голубоглазым и худощавым, король пиктов был невысоким, коренастым и крепким, со спутанной гривой черных волос и непроницаемыми черными глазами. Этимология его имени — Бран МакМорн, — как объяснял Роберт, была затеряна в древности, хотя фонетически оно совпадает с современным галльским *Bran Mac Morn*, что означает «Ворон, сын Морна».

Идентификация пиктского короля привела Говарда к поискам корней собственного имени, которое неизменно обладает личной историей, определенным прошлым и предсказуемым будущим, а также служит защитой от враждебно настроенного мира. Хотя у Брана МакМорна нет реального исторического прототипа, противопоставления, используемые в описании его личности имеют художественную значимость.

Детским героем Роберта был Фрэнсис Ксавье Гордон по прозвищу Эль Борак, человек среднего роста, но обладающий огромной силой и кошачьей ловкостью. Вот как говорит об этом сам Говард:

«Следующим был Бран МакМорн, король пиктов. Он явился итогом открытия мною истории народа пиктов, когда я знакомился с историческими трудами в библиотеке Нового Орлеана, когда мне было тринадцать лет. Физически он очень напоминал Эль Борака».

Хотя память Говарда уменьшила на один год собственный возраст, эти два героя, несомненно, открыли череду других героев писателя, величайшим из которых стал Конан из Киммерии.

...

Чтобы понять, как Говард использовал историю и ложные исторические представления, мы должны более подробно рассмотреть понятия «пикт» и «ариец», которые сыграли столь значительную роль в его мыслях и творчестве. Говард познакомился из предназначенной для детей истории Британии с обычным для тех времен представлением о пиктах как невысоком смуглокожем народе, что был покорен и оттеснен в лесные пределы высокими светлокожими кельтами. Это представление основывалось, вероятно, на средневековой истории Норвегии, где пикты кратко описывались как маленький народец, живший в земляных норах, в которых вынуждены были прятаться, так как в полдень теряли всю свою силу, как и придуманные впоследствии Толкиеном хоббиты. Эта легенда вошла в исторический обиход во времена Говарда и смешалась с арийскими учениями конца XIX — начала XX века.

В начале XIX века ученые обратили внимание на сходство столь далеких языков, как хинди и исландского. Они также пришли к выводу, что около 1500 г. до н. э. Индию и Иран наводнили приручившие лошадей варвары, называвшие себя «ариями», что означало «знатные». Ученые стали употреблять слово «арийские» для обширной языковой семьи, включавшей английский, шведский, русский, итальянский, греческий, армянский, персидский и хинди. Позже предпочтение было отдано термину «индоевропейские языки».

Хотя под термином «арийский» никогда не подразумевался народ, а лишь языковая семья, наиболее почитаемый из первых филологов Фридрих Макс Мюллер однажды случайно упомянул об «арийской расе». Он вскоре отказался от своей оговорки, но тем временем в 1850-х годах французский дипломат и писатель граф Жозеф Артур де Гобино обнародовал идею о высшем народе ариев в своей книге *«О неравенстве человеческих рас»*. Де Гобино отождествлял ариев с высоким светлокожим долихоцефальным нордическим типом, обычным для Се-

верной Европы. Определенно арийцами являлись германские франки, заявлял он, завоевавшие в V веке Францию и обеспечившие с тех пор это стране ведущее положение в Европе. Франция погубила себя, уничтожая и высылая представителей нордической знати во время Великой Французской Революции. Подобные утверждения не удивляют, поскольку сам де Гобино принадлежал к французской аристократии.

Яркими приверженцами этой идеи стали композитор Рихард Вагнер и его пасынок Хьюстон Стюарт Чемберлен, англичанин, принявший немецкое подданство, друг кайзера Вильгельма. Книга Чемберлена *«Устои XIX века»* появилась в Германии в 1899 году, а в английском переводе в 1911 году. Сей труд, изданный год спустя и в Америке, представлял вульгарную мешанину искаженных фактов и ошибок переводчика. Не вызывает удивления тот факт, что перед своей смертью в 1927 году Чемберлен объявил Гитлера спасителем Германии.

Американское издание книги, вероятно, было источником, из которого почерпнул свою страстную приверженность ко всему арийскому друг Говарда Лавкрафт. Идеи Чемберлена приняли также другие американские писатели, среди которых были Мэдисон Грант и Лотроп Стоддард, чьи популярные труды повлияли в 1924 году на американский закон об эмигрантах.

Суть всех этих работ заключалась в том, что европейская раса считалась высшей, а нордический или арийский тип белой расы далеко превосходил все остальные. Поскольку, в соответствии с этим мировоззрением, кровь благородных людей нордического типа должна предохраняться от смешения с кровью низших народов, арианство дало Вагнеру и Чемберлену разумное объяснение их неприязни к евреям. Де Гобино, однако, эту наивязчивую идею не разделял.

Антропология не поддерживает подобную точку зрения. Согласно современной науке, различие физиологических характеристик различных рас возникло в доисторические времена в результате приспособляемости народов к климату тех мест, в которых они обитали. Темная плотная кожа негритянских народов и шапка жестких курчавых волос предохраняли их от палящего африканского солнца; бледность жителей Европы возникла из-за влияния сырого климата, в котором недо-

статок солнечного света способствовал появлению рахита у новорожденных смуглых детей.

Более того, первоначальным достижениям цивилизации мы обязаны темнокожим жужанам с Ближнего Востока и желтокожим обитателям Дальней Азии. Сами арии были полукочевыми племенами скотоводов, которые около 2000 года до н. э. приручили лошадей на территории современных Польши или Украины. В дальнейшем они распространили свою экспансию по всей территории Европы, покоряя соседей, навязывая им свой язык, обычаи и верования, а также, разумеется, смешивая с ними свою кровь. Их потомки, в свою очередь, покоряли более отдаленные земли, и так продолжалось до тех пор, пока бронзовые мечи, небесные боги и грамматика ариев не распространились от Португалии до Ассама.

Эти арийцы — если можно так назвать древних всадников и их потомков — никогда не составляли расу. Они были, судя по всему, коренастыми крупноголовыми людьми, похожими на современных славян, но каков бы ни был их изначальный облик, он сохранился недолго в связи с ассимиляцией множества завоеванных ими народов. Арианство было частью мировоззрения Роберта Говарда, что доказывает его переписка с Лавкрафтом. Являясь меньшим приверженцем расы блондинов, чем его друг, Роберт гордился своими собственными темными волосами и голубыми глазами. Поскольку подобное сочетание чаще всего встречалось в Ирландии, это дало Говарду повод считать, что он по крови ирландец или кельт.

Хотя британские археологи XIX века, обнаружив доримские остатки кельтских складских ям, предположили, что эти сооружения относятся к пиктам норвежских легенд, в свете современной науки нет оснований верить тому, что пикты сильно отличались от современного населения Шотландии. Древние скотты были потомками ирландцев, которые во времена нашествия Рима вторглись в Шотландию с запада. Пикты успешно противостояли им, пока другой народ, также северяне, не напал на них с востока. В IX веке Кеннет Макалпин, предводитель шотландцев, сам бывший наполовину пиктом, покорил этот народ и основал королевство скоттов и пиктов. Два народа смешались друг с другом, и современные шотландцы являются их потомками.

Действительные события противоречат точке зрения, что нордические кельты подавляли маленьких смуглых пиктских туземцев. Древние нордики Британии были по крайней мере дважды побеждены и покорены более темнокожими южанами — бакерами, населявшими территорию современной Испании около 1700 лет до н. э., а затем в I веке римлянами. С древнейших времен до норманнского нашествия Британия завоевывалась множество раз, причем всегда поработители приносили с собой какое-либо новшество — бронзовое оружие вместо каменного, железо вместо бронзы, римскую воинскую дисциплину и тому подобное.

В любом случае Роберт Говард воспринял легендарное учение о маленьких темнокожих пиктах, как сделал это и Редьярд Киплинг в двух рассказах о Паке с Холма Пуха — *«На Великой стене»* и *«Крылатые шапки»*. Большой поклонник Киплинга, Говард перефразирует вторую строфу стихотворения Киплинга *«Песня пиктов»* в первой строфе своей поэмы *«Песнь безумного менестреля»*.

Говард смешивал в своих рассказах различные представления о пиктах. В раннем рассказе *«Исчезнувший народ»* — это маленькие, смуглые, но ловкие и подвижные люди. На севере Британии живет другой народ, писал Говард, также называемый пиктами, — они коренастые, неуклюжие, с глазами-бусинками и скошенным назад лбом. Пиктский вождь объясняет, что эти коренастые люди — плод браков между средиземноморскими завоевателями и рыжеголовыми варварами, обитающими в Британии. А последние, как намекает Говард, являются выжившими потомками неандертальской расы, которые заселяли территорию Европы до последнего отступления льдов.

В рассказах Говарда о Римской Британии пикты похожи на тех, что описаны в *«Исчезнувшем народе»*; однако позже в рассказах о Конане пикты больше походят на ирокезов, схожих с выведенными в романах Джеймса Фенимора Купера и Роберта Чамберса.

...

Роберт Говард перенес свои новые исторические взгляды, почерпнутые из библиотеки на Кэнал-стрит в Новом Орлеане,

на пастбища вокруг Кросс Плэйнс. Теперь военные кличи «грабителей-команчей» и крики «ковбоев» сменились воплями «шотландских горцев», обрушивающихся со склонов холмов на находящиеся внизу армии «англичан». Позже Говард писал:

«Я обладал удивительным шотландским патриотизмом. Мне очень нравилось читать об англо-шотландских войнах, и я воспроизводил их в моих играх, скача через заросли мескита на верховой кобыле, размахивая мексиканским мачете, которым срезал верхушки кактусов, — вместо них я видел головы английских рыцарей. Но когда я читал о стычках между скоттами и пиктами, я всегда чувствовал, что мои симпатии странным образом раздваиваются.

В первые годы в Кросс Плэйнс изменились не только исторические взгляды Говарда. Изменился весь его мир — причем с ужасающей быстротой. «Как можно удержать их на ферме, если они видели Париж?» — спрашивал известный поэт в популярном рэгтайме. Ответ, разумеется, очевиден.

В 1920 году соотношение между городским и сельским населением в Америке изменилось в пользу первого. Впервые за историю Соединенных Штатов в городах проживало больше народа, чем в сельской местности. Графство Кэллахан, которое в свое время подвергалось частым набегам команчей, где в конце 60-х годов XIX века дважды случался массовый падеж скота, которое испытало конокрадство, набеги разбойников, пикетирование и линчевание, эпидемию чумы и постоянные засухи, теперь испытывало другой значительный катаклизм — наплыв населения.

Среди полей, засеянных арахисом, и рощ пекана вырастали первые буровые вышки. Каждый день бурились новые скважины, и новые толпы людей приезжали сюда в надежде отыскать черное золото. Деревеньки, насчитывавшие несколько сотен жителей, оказывались заполненными тысячами привлеченных запахом нефти чужаков, стремящихся в страну буровых вышек. Каждый хотел поспеть первым; каждый мечтал, что из его скважины вверх взметнется маслянистый фонтан нефти.

Десятилетия спустя Роберт Говард продолжал с отвращением вспоминать обстоятельства техасского нефтяного бума.

Он говорил Фарнсуорту Райту, издателю «Сверхъестественных историй»:

...Нефть пришла в графство, когда я был маленьким мальчиком, — и осталась там. Мне кажется, что о нефтяном буме можно сказать: он весьма быстро научил ребенка тому, что жизнь — весьма гнусная штука».

Своему другу по переписке Лавкрафту взрослый Роберт Говард жаловался на темную сторону человеческой природы, с которой весьма часто имел возможность сталкиваться во времена нефтяного бума. Его «насилия и звериных грехов» было достаточно, чтобы отправить ребенка прямиком в пасть к дьяволу. Весьма подробно он описывал чувства сексуального возбуждения и одновременно отвращения, что поднимались в нем, когда он в юности работал рассыльным у портного. Танцовщицы местного клуба, которых Говард называет шлюхами, отдавали ему для чистки свои наряды. Тонкий шелк, атласные ленты, изысканная работа — все казалось ему пропитанным грехом и позором. Эти платья, писал Говард Лавкрафту, символизировали для него дни и ночи бума, дразнящие, чарующие, яркие как мечты, но замаранные грязью.

...

Сомнения в душе подростка сеяли не только непонятные перемены в обществе, происходившие на глазах юного Роберта, но и люди, приехавшие в город из-за нефтяной лихорадки. Люди уже не имели четкого деления на «хороших» и «плохих». Джентльмены-южане и их преследователи; ковбои и индейцы; конные отряды полицейских и контрабандисты; всадники из Уэллс Фарго и преступники; скотоводы и фермеры из поселенцев — представляли из себя невообразимо пеструю, разношерстную смесь. В укладе их жизни не было ни южных, ни западных традиций — эти люди прибыли с промышленного Севера и Востока; они приехали для того, чтобы использовать возможность «погреть руки» на нефтяном буме.

Внезапный подъем нефтяной промышленности заинтересовал, как обычно, в первую очередь отбросы общества — людей без определенных целей и занятий. Они прибыли в зону нефтяного пояса из любопытства и остались, надеясь на удачу; но, кроме них, было множество молодых людей, которых война

выбила из жизненной колеи, — они искали подходящее место для того, чтобы открыть свое дело и добиться процветания на фоне всеобщего оживления экономики в стране. Многих из них сопровождали жены и дети. Переселенцы, как правило, устраивались на работу в быстро расширяющиеся нефтяные компании. Другие новоприбывшие были сотрудниками компаний, которых направили работать в этот регион. Они жили рядом с нефтеперегонными заводами в так называемых «нефтяных поселках» — одинаковых огороженных бараках, построенных за счет нефтяных компаний, чтобы обеспечить рабочим крышу над головой на фоне всеобщей нехватки жилья. Эти более или менее постоянные жители были истинными колонистами, и их потомки до сих пор живут в этом районе.

Противоположностью колонистам были «эксплуататоры» — карьеристы, с помощью любых уловок стремящиеся к наживе. Занимаясь всевозможными торговыми махинациями и обманами, они умело использовали различные мошеннические уловки при операциях с недвижимостью и наживали целые состояния. Во многих случаях их жертвами становились горожане и фермеры, которых они попросту грабили, лишая законной прибыли от разворачивающейся нефтедобычи. Несмотря на то что поселенцы пытались отмежеваться от этих мошенников, им часто приходилось поддерживать деловые контакты с теми, к кому они чувствовали лишь презрение и ненависть.

В то же время переселенцы из городов недолюбливали местных старожилов, считая их невежественными, а их взгляды и уклад — устаревшими. Так получалось, что Говарды были вынуждены «служить и нашим, и вашим». Должно быть, юный Роберт сильно разочаровался в этих утонченных, интеллигентных мошенниках. Если те самые люди, от которых он имел полное право ожидать поддержки, понимания и любви к литературе, оказывались проходимцами, то кому же можно было доверять? С чувством глубокой горечи он писал:

«Вы создали целый мир из бумаги и дерева, прелестей цивилизации, традиций и лжи. Изменила ли кобра облик под своим калюшоном, или вспыхнули хищным огнем глаза тигра?»

В то время как днем улицы кишели обозревателями с Уолл-стрит и агентами по продаже недвижимости, ночью поднимался адский шум — это брали свое нефтяники. Шахтеры,

экскаваторщики, бурильщики, строители буровых вышек и торговцы контрабандными спиртными напитками важно разгуливали в компании веселых подружек, бросая шумный вызов протестантам-южанам, которые поплотнее задергивали шторы, чтобы даже лунный свет не мог проникнуть в их комнаты.

Раскол между моральными принципами и разгулом контрабандистов выразился в политической борьбе между сторонниками и противниками сухого закона — «сухими» и «мокрыми», а позже, во времена воинствующего сухого закона, — между законопослушными членами общества и контрабандистами, которых осуждали почти все. Даже с отменой сухого закона графство Каллахан, находящееся под сильным влиянием баптистов-южан, запрещало торговлю спиртными напитками. До недавних пор сухой закон сохранял свою силу и в Абилене (соседнее графство Тэйлор), пока там не проголосовали за его отмену. Голосование совпало с незначительным — около двух с половиной баллов по шкале Рихтера — землетрясением, что в этих краях было большой редкостью. Один из тех, с помощью которых составлялась данная книга, предупредил нас в чисто тexasской манере: «Шкала Рихтера тут совершенно ни при чем — это десять тысяч баптистов перевернулись в своих могилах».

...

В перерывах между оживленной куплей-продажей и уличными склоками для жителей Кросс Плейнс жизнь шла своим чередом. Дети рождались, вырастали и шли в школу. Их родители — старожилы и новоприбывшие переселенцы — нашли в конце концов общий язык, учреждая школы, церкви, клубы, библиотеки и прочие институты, необходимые для распространения образования. Многие переселенцы воспользовались случаем, для того чтобы ознакомить своих соседей с нравами и обычаями крупных городов Северо-Запада. Старожилам предоставился удобный повод для борьбы за возвращение нравов и обычаев края. Эта смесь старого и нового внесла еще один конфликт в жизнь Техаса 1920-х годов и, должно быть, привела в полное смятение мысли и чувства юного Роберта.

И все же влияние старой церкви в Кросс Плейнс было достаточно сильным, таким оно остается и по сей день. Мест-

ные жители не стесняются открыто говорить о своих религиозных убеждениях. Северянин, воспитанный в убеждении, что его религиозные взгляды исключительно его личное дело, может быть шокирован, когда техасец, с которым он только что познакомился, спрашивает: «Вы верующий?», или: «В какую церковь вы ходите?», или даже: «Обрели ли вы спасение души?»

После того как нефтяной бум пошел на спад, в Кросс Плэйнс остались четыре церкви различного вероисповедания. Д-р Говард — вечно беспокойная натура — бывал на службах во всех четырех и позже попросил священников из каждой церкви прочесть молитву на похоронах жены и сына. Хотя он сам и миссис Говард ходили в церковь нерегулярно, четырнадцатилетний Роберт посещал воскресную школу. Он ходил в баптистскую церковь до тех пор, пока его приятель Линдсей Тайсон не заставил Роберта сходить с ним на службу в методистскую, находящуюся напротив редакции местной газеты.

Позже, будучи взрослым, Роберт перестал посещать церковь. Он называл себя агностиком, но, как и его отец, проявил заинтересованность индийской теорией переселения душ. Всю жизнь им владела тяга к самоубийству, которая еще больше подкреплялась постулатами этой философии. Преданные сторонники христианской доктрины считают самоубийство грехом, наказание за который — вечное проклятие и горение в аду. Индийская же философия, в которой реинкарнация была основной доктриной, и множество культов было образовано в соответствии с ее догмами, напротив, прекрасно укладывалась в сознание потенциального самоубийцы, верившего, что смерть — это не уход в вечное забвение, а наоборот — вознесение к яркому свету лучшего бытия. Поэма Говарда *«Дьявол-искуситель»* прекрасно отражает это трагическое противоречие. Описывая свое разочарование жизнью и надежду на покой после смерти, главный герой, в конце концов, берет пистолет и стреляет в себя со словами: «И душа моя плавно летит из области тени к свету».

...

Несмотря на то что Айзек Говард постоянно переезжал с места на место, в попытках реализовать свои бесконечные

несбыточные мечты, земных благ ему хватало лишь на оплату счетов и для обеспечения семье более или менее сносного существования. Наличные в доме Говардов были редкостью. Некоторые пациенты «забывали» заплатить нетребовательному доктору или длительное время тянули с оплатой. Другие вместо денег предлагали овощи и фрукты со своего огорода или же мясо только что забитой скотины.

Нехватка денег была причиной постоянных раздоров между Айзеком и Эстер, которая так и не осознала, что наступил кризис, и продолжала отчитывать мужа за то, что он оказывал свои услуги в обмен на продукты. Несмотря на то что доход Говардов мало чем отличался от доходов большинства горожан в Кросс Плейнс в первые годы после Первой мировой войны, отсутствие денег на такую роскошь, как мороженое и журналы, заставляло Роберта ощущать себя почти что нищим. Он позже упоминал об этом в письме к Лавкрафту: «Я был бедным всю жизнь, так же, как и мои друзья».

Роберту приходилось самому зарабатывать себе на карманные расходы, потому что родители денег ему не давали. Он с отвращением писал о различной мелкой работе, которую ему приходилось выполнять, и вспоминал, как был мальчиком на побегушках. Юный Роберт занимался тем, что вывозил мусор, стоял за прилавком в бакалейном магазине, «перетаскивал багаж» и «рыл канавы». Однажды на каникулах он работал в модном салоне Полищука. Вот как Говард вспоминает об этом:

«Как-то я работал в магазине одежды, принадлежавшем одному еврею. Перед каждой распродажей — а в таких магазинах они происходили постоянно — я в соответствии с распоряжением хозяина «удешевлял» товары. Например, пара брюк после снижения цены стоила пять долларов. Я выводил на ярлыке крупными цифрами — 9.50\$, затем зачеркивал их жирной линией и снизу приписывал — 5\$».

В 1921 году Роберт стал постоянным читателем «Приключенческого журнала», самого популярного из дешевых изданий, выходившего три раза в месяц. Как-то, перечитав все доступные ему номера и страстно желая прочесть что-нибудь новое, Роберт вспомнил, что журналы продаются и в аптеках-закусочных. С пристальным интересом рассматривая журналы

в городской аптеке, он внезапно обнаружил, что для покупки журнала ему не хватает двадцати пяти центов. Не растерявшись, он попросил записать журнал на его счет и заплатил за него, когда появился следующий выпуск, чтобы опять взять его в долг и сполна насладиться чтением.

Юный Говард и его закадычные друзья часто ходили на «охоту». В основном это были обыкновенные прогулки на природе. Том Уилсон объяснял: «Роберт отправлялся на охоту, но никогда никого не убивал».

Роберт, по его словам, стремился к «единению с природой». Как-то раз, в 1923 году, после окончания высшей школы в Браунвуде, Роберт пошел на охоту вместе с Бэйкером, Тайсоном и Уилсоном; мальчики предполагали поохотиться на енотов и опоссумов. Они поймали опоссума, но зверек притворился мертвым. Роберт поднял и осмотрел его. Когда же он опустил его на землю, опоссум внезапно ожил и сильно укусил Роберта за ногу — так, что пошла кровь. Роберт запрыгал, отчаянно пытаясь стряхнуть вцепившегося в него зверька. Наконец тот разжал зубы, похожие на иглы. «Даже после этого он не позволил нам убить его», — вспоминает Уилсон.

Любовь Роберта к дикой природе неудивительна, так как имеет связь с некоторыми чертами его личности. Хэролд Ф. Сирлс, психиатр, утверждает, что первые детские впечатления усиливают зависимость ребенка от родителей и его привязанность к ним. Затем любопытство переключается на материальные объекты, например любимого плюшевого мишку или детское одеяльце. Д-р Сирлс называет такие предметы «транзитивными». У нормально развивающихся детей такая любовь к вещам постепенно перерастает в любовь к людям, эти перемены начинаются в период полового созревания подростков. Поэтому большинство детей от полной зависимости от родителей переходят к самостоятельным отношениям со своими сверстниками — одноклассниками, возлюбленными, соседями и товарищами по работе. Сирлс пишет:

«Те люди, которым... не удастся осуществить этого в подростковом периоде, в течение всей своей жизни продолжают отождествлять себя с Природой, а не с людьми. Они чувствуют

особенно тесную, почти интимную связь с Природой, а к людям относятся враждебно; люди кажутся им чужими.

У д-ра Говарда до некоторой степени было такое же отношение к природе. Джек Скотт, талантливый редактор журнала «Кросс Плейнс Ревю», вспоминает, как однажды в осенний полдень доктор остановил свою машину перед редакцией и несколько раз нажал на гудок. Не обращая внимания на толпу клиентов, пришедших заказать рекламные объявления, телефонные звонки, сообщения о полученных новостях — со всем этим приходилось иметь дело единственному в городе типографу и газетному издателю, — Скотт вышел на улицу.

«Привет, док, — сказал он, — здесь машину ставить нельзя! Что вам нужно?»

— Садись в машину, — приказал д-р Говард, указывая на сиденье рядом с собой. — Я хочу тебе кое-что сказать».

После непродолжительной борьбы его природной воспитанности с любопытством Скотт уселся рядом с ним, стараясь не обращать внимания на клиентов, смотревших на него в окно.

«Я только что из Коттонвуда, — начал доктор. — Ты знаешь, какой дорогой нужно туда добираться? Деревья растут так тесно по обеим сторонам дороги, что их ветки переплетаются над ней. Листья падали прямо на меня и кружили над дорогой. Я остановил машину и подумал о тех людях, которым я помог появиться на свет, и о тех, которых я навещал в их последние дни. Люди похожи на листья, кружащиеся над дорогой в Коттонвуд. Они живут, затем кружатся над землей, падают и умирают. После этого они предаются забвению».

На мгновение доктор погрузился в задумчивость. Затем промолвил: «Вот и все. Можешь выходить из машины. Я просто хотел рассказать тебе об этом».

В такой бесцеремонной манере д-р Говард выражал те же самые мысли, которыми Роберт делился со своим другом Хэрролдом Присом. Для кельтов, говорил он, упавший лист может иметь большее значение, чем падение империи.

...

В подростковом возрасте в характере Роберта все ярче проявлялись две черты, характерные, по Сирлсу, для любящего

природу, мизантропа. Одной из них было отдаление от мира людей; другой — запоздалое, «нерешительное» сексуальное развитие. В то время как другие в подростковый период с восторгом узнают о существовании противоположного пола, Роберт с каким-то фанатичным упорством отказывался доверять людям, особенно женщинам, за исключением матери. Он не обращал внимания на девочек в классе и избегал школьных вечеринок и совместных вылазок на природу. В тех редких случаях, когда он оказывался в смешанной компании своих сверстников, он был застенчив и необщителен и как можно скорее старался уйти.

Однако он все же не избегал мальчишеской любви; это произошло в 1921 году, когда пятнадцатилетний Роберт оказался в гуще ежегодно устраиваемого карнавала. Он хотел посмотреть соревнования по боксу, так как сам занимался этим видом спорта и иногда даже подумывал о карьере профессионального боксера.

Проталкиваясь сквозь толпу любопытных зрителей, он замер от восхищения, увидев девочку в карнавальном костюме, которая вела себя крайне непринужденно. Он видел ее лишь какое-то мгновение, затем она скрылась в палатке. Но у Роберта захватило дух от непонятной боли и сладкого томления, которыми всегда сопровождается первая любовь — страсть, о которой объект любви и не подозревает. В глазах Роберта эта девочка олицетворяла свободу, живость, приключения, переживания — все то, чего так не хватало в его жизни. В течение нескольких лет у него перед глазами стоял образ девочки в ярком карнавальном костюме; он игнорировал более земных и доступных девушек из своего города. Та девочка — или ее сложившийся в мозгу Роберта образ — бесспорно повлияла на его представление о женском идеале.

...

Три года, с осени 1919 до конца весеннего семестра 1922 года, Роберт посещал ненавистную ему школу в Кросс Плэйнс. Варвар до мозга костей — каким он себя считал, — Говард с трудом выносил строгую школьную или любую другую рабочую дисциплину и никогда не мог безоговорочно принять правила, установленные кем-то другим. Его редко устраивали даже те стандарты, которые он устанавливал сам для себя.

И все же, если он принимал решение сделать что-то, ничто не могло его остановить, о чем свидетельствует следующий пример. Как многие мальчишки, вступающие в полный противоречий подростковый период, тринадцатилетний Роберт впервые попробовал курить; но к тому времени, как Говарды переехали в Кросс Плэйнс, он бросил это занятие. Годы спустя он предложил Э. Хоффману Прайсу следующее эксцентричное объяснение: «Запах табачного дыма — самый отвратительный из всех». И глубокомысленно добавил: «Боюсь, я непоследователен. Я дышу, и тот сукин сын тоже!»

Одноклассники Роберта помнят его как худого, высокого и симпатичного парня с хорошим телосложением. В школе его считали тихим и скрытным. Вежливый, но необщительный, он не принимал участия в школьных мероприятиях, не доставлял неприятностей учителям и получал оценки выше средних. Больше всего ему нравилось заниматься историей: по этому предмету он был лучшим в классе. Роберт изучал латынь, думая, что это поможет ему лучше усвоить испанский язык в колледже, но в колледж он так и не поступил, поэтому в испанском освоил лишь азы.

Говард сам называл себя лентяем и был уверен, что мог бы учиться гораздо лучше, если бы заставил себя по-настоящему заниматься. Возможно, проблема была вовсе не в лени, а в том, что он направлял свои усилия и энергию отнюдь не на учебу. Люди, работающие в состоянии постоянного эмоционального стресса, независимо от того, осознают они это или нет, расходуют такое огромное количество энергии на то, чтобы справиться с накопившимся гневом, ненавистью или страхом, что на творческую деятельность у них остается мало сил.

В свободное от учебы и выполнения домашних заданий время Роберт жадно читал. Позже он говорил, что его плохое зрение и необходимость носить очки для чтения — следствие того, что как-то во время занятий боксом его ударили в глаз, а также того, что он «часто читал в темноте, сидя на поленище дров». Роберту нужно было постоянно носить очки, но он боялся, что какой-нибудь недоброжелатель может ударить его по лицу.

Мы попытались выяснить как можно больше об этих «врагах», о которых Роберт продолжал упоминать в течение всей

взрослой жизни. Единодушное мнение всех, кто знал Говарда, сводится к тому, что все враги были лишь плодами его воображения. Для него границы между реальностью и воображаемым миром были размыты, поэтому Роберт относился к воображаемым недоброжелателям как к настоящим врагам из плоти и крови. Когда Говарду было уже около тридцати, он спросил Хоффмана Прайса о том, есть ли у того враги. Узнав, что у Прайса их нет, он не поверил ему. Как же может быть так, что у человека нет неприятелей? Если уж на то пошло, у любого героя из приключенческой литературы обязательно было несколько врагов. То, что врагов иметь плохо, а постоянно остерегаться их означает подвергать себя стрессам и отнимать у себя время, Говарду никогда в голову не приходило.

Доктор Говард все еще продолжал лелеять слабую надежду, что его сын станет медиком; однако с каждым годом Роберт все больше хотел стать писателем. Кроме матери, которая гордо рассказывала всем соседям о том, что ее сын — будущий писатель, единственным человеком, поддерживающим его юношеское стремление к литературной карьере была его учительница английского языка, Дорис Пайл.

Ободряемый мисс Пайл, Роберт написал рассказ и отослал его в «Приключенческий журнал». Рассказ, конечно, не приняли. Несмотря на то что почти все первые попытки вхождения в литературу обречены на подобный провал, Роберт воспринял отклонение рукописи как личное оскорбление. Двенадцать лет спустя он жаловался: «Я так и не смог продать ни один рассказ в «Приключения»; наверное, после той первой неудачной попытки я не захотел больше с ними связываться!»

Продать рассказ в «Приключения» было мечтой всей жизни Говарда. Ему удалось опубликовать много своих рассказов, но ни один из них он не сумел продать в «Приключенческий журнал». Хотя они все-таки напечатали два небольших произведения Говарда, но не заплатили ему за них. В журнале была рубрика, называвшаяся «Старые песни», и в 1926—1927 годах в ней появились тексты двух песен, сочиненных Говардом; одна из них называлась «Молодой Джонни», другая — «Ручьи Сэн-форда».

Неудачная попытка Говарда продать рассказ в «Приключения» никак не была связана с его первым литературным опытом

1921 года: редакторы очень скоро забыли о ней. Дело было в том, что Роберт осмелился соперничать с такими талантливыми и признанными авторами, как Гарольд Лэм и Тэлбот Мэнди. И в то время, и годы спустя рассказы Говарда не соответствовали литературным стандартам, установленным этими выдающимися писателями. Проживи он немного дольше, сформировавшись и как писатель, и как личность, он вполне мог бы достичь своей цели, в то время как писатели старого поколения, публиковавшиеся в «Приключениях», ушли бы со сцены.

Когда Роберту было шестнадцать лет, он создал образ одного из своих главных героев, Соломона Кейна, английского пуританина, который в конце XVI века, во времена правления королевы Елизаветы I, предпринимает кругосветное путешествие. Соломон Кейн отличается от большинства героев Говарда. Он не бесчинствующий хулиган, не вор в законе, не ловкий авантюрист, а человек со строгими нравственными принципами, посвятивший свою жизнь борьбе с несправедливостью. Всегда одетый в черное, упрямый и неуклонно придерживающийся строгой морали, он мучается из-за душевных метаний, размышлений о бессмысленности бытия и сомнений религиозного характера. Кейн — более сложная натура и, в рамках фантастико-приключенческой литературы, более правдоподобная по сравнению с известными героями Говарда, созданными им позже.

Работая над образом своего главного героя, писатель обычно наделяет его некоторыми чертами своего характера — включая самые тайные стремления, страхи и надежды, укрупняет их и приписывает своему герою. Говард писал про Соломона Кейна:

«Я придумал Соломона Кейна, когда учился в старших классах, мне было тогда около шестнадцати, но прошло несколько лет, прежде чем его образ, как и другие персонажи, о которых я уже упоминал, появился на бумаге. Возможно, он был следствием моего восхищения определенным типом людей, живших в шестнадцатом веке, — холодных, сдержанных, обладающих железной волей борцов с несправедливостью».

Даже если мы отвлечемся от трагической борьбы Соломона с миром зла, характером Говард больше напоминает Кейна, нежели Конана. Как и Кейн, он был, в общем-то, пуританином. Говард был настолько законопослушен, что, прогуливаясь по

улицам Кросс Плэйнс, никогда не осмеливался сокращать путь, проходя по участкам соседей, хотя все в городке поступали именно так. Говард же упорно огибал их лужайки. Единственное исключение составлял участок Линдсея Тайсона, по нему он ходить не боялся. Один раз Роберт нашел кошелек с пятьюдесятью долларами (по нынешним меркам это составляет несколько сотен долларов). Он начал поиски владельца и в конце концов возвратил ему утерянную вещь. Тот дал ему десять долларов в качестве вознаграждения. Позже Говард с иронией рассказывал об этом Тайсону: «Я заработал десять долларов на своей честности; но, с другой стороны, из-за нее же я потерял сорок». Как-то его друг, Тевис Клайд Смит, остроумно заметил, что Роберт «был живым воплощением Соломона Кейна в гораздо большей степени, нежели Конана».

В Техасе 1920-х годов для поступления в колледж было необходимо закончить одиннадцать классов школы. В Кросс Плэйнс школьная система предусматривала только десять классов, поэтому ученики, собирающиеся поступить в колледж, обучались в течение еще одного необходимого для поступления года в Браунвуде, расположенном в двадцати трех милях от города. Даже те, кто учился в городах, где было одиннадцатилетнее образование, стремились попасть в Браунвуд, потому что школа там была более оснащенной, как с точки зрения учебного оборудования, так и по составу преподавательского коллектива.

Осенью 1922 года, после семейного отдыха на море в Чамберси, Роберт поступил в одиннадцатый класс Браунвудской школы. В то время она была переполнена. За партами, предназначенными для двоих, сидело по три ученика. Положение изменилось к лучшему на следующий год, когда было построено отдельное здание для младших классов.

Миссис Говард полагала, что семье следует переехать в Браунвуд, чтобы сын после учебы мог возвращаться домой. Но доктору Говарду идея пришла не по душе. Он жаловался Бэйкерам, что Эстер и Роберт все больше отдаляются от него. Однако в конце концов доктор сдался и снял для них дом на Уилсон-стрит, в нескольких кварталах от центра города. Айзек Говард остался в Кросс Плэйнс, чтобы продолжить работу, но приезжал в Браунвуд на каждые выходные.

Возможно, Айзек Говард смутно и сознавал, что нужно что-то предпринять, чтобы разорвать нить, связывавшую Роберта с матерью, а возможно, он просто не хотел оставаться один. Теперь мы никогда не узнаем, какие аргументы были приведены в данном случае и какие были найдены компромиссы.

Роберт решил заняться естественными науками, что было странным выбором для человека, до сих пор не проявлявшего к ним интереса. Возможно, к этому подтолкнул сына д-р Говард, поскольку это было необходимо для изучения в колледже медицины. Он все еще надеялся, что Роберт почувствует тягу к врачеванию. Такая надежда — яркий пример заблуждения родителей Говарда, не желающих понимать, что из-за отвращения, которое их сын испытывал при виде крови и мучений больных, он никогда не выберет для себя эту стезю.

Результаты занятий естественными науками оказались совершенно неожиданными. Несмотря на то что Роберт считал учителя биологии жалким неудачником, неспособным утихомирить расшумевшихся учеников, он получил отличные оценки. На выпускном экзамене оценка Роберта по биологии была равна 100 баллам, в то время как по экономике — 85, а по английскому — 80. Но он не проявлял ни малейшего интереса ни к экономике, ни к естественным наукам. Оба эти предмета символизировали скучные, прозаичные, ограниченные и приземленные стороны жизни для молодого человека, чье воображение стремилось к совершенно иным сторонам бытия.

Десять лет спустя Роберт яростно выступал против поверхностной и эфемерной науки и против засилья ее материалистических догм. Он делал небольшую поправку, утверждая, что ничего не имеет против «истинной науки», только против притязаний некоторых ученых и инженеров, чья самоуверенность намного превосходит их действительные познания. Он также заявлял, что никогда не пытался писать научно-фантастические произведения, так как забыл все, что проходил в Браунвудской средней школе, а его познания в науке слишком скудны, чтобы писать подобные рассказы убедительно.

Тем не менее Роберт утверждал, что из него мог бы выйти неплохой биолог. На самом деле, об этой профессии его заставил задуматься учитель биологии. Он говорил, что ему, возможно, больше удавалась бы биология, чем сочинение

рассказов, но у него не было никакого желания заниматься первым.

Роберт живо интересовался такими естественными науками, как антропология и археология. Он хотел бы провести свою жизнь, раскапывая развалины древних городов, но, не обучаясь в колледже, не мог систематически заниматься этими предметами. Все свои знания в данной области он почерпнул из книг, которых прочел почти без разбору великое множество. Во многих из них излагались уже устаревшие взгляды и факты. В одном из своих рассказов Роберт упоминает некоего антрополога Боаза, но представляется маловероятным, что он действительно прочел хоть одно произведение Франца Боаза (1858-1942), одного из первых разоблачителей теории превосходства арийской расы.

Так же непримиримо Роберт относился и к экономическим наукам, утверждая, что это абсолютно чуждый ему предмет, по которому он не знал ровным счетом ничего. Но это не помешало ему высказывать свое негативное мнение о государственной экономической политике и, гораздо позже, ловко подгонять свои рассказы под требования редакции журнала и продавать их. И все же отвращение к экономике сказалось на его произведениях. Соломон Кейн был бы гораздо более правдоподобным персонажем, если бы имел какие-то средства к существованию, а не наткнулся в нужный момент на сундуки с сокровищами, необходимыми для того, чтобы позволить себе странствовать по всему миру.

Возможно, Роберт и провалил бы экзамен по математике, если бы его не сдавали в два захода. Во второй раз из всех учеников пришел только он один. Учитель заметил, что тот едва справился с первой частью, и выразил надежду, что результаты второй будут лучше. «Нет, — сказал Роберт, — я уже решил ту единственную задачу из учебника, с которой мог справиться». Узнав, что по всем остальным предметам у Говарда хорошие и отличные оценки, учитель избавил себя от лишних забот и поставил ему 60 баллов, которые он получил за первую часть работы, как оценку за весь год.

Из школьных учителей на Говарда самое большое влияние оказала Ози Мэдген, которая преподавала американскую литературу и была критиком в школьной газете, называвшейся

«Сплетник». Мисс Мэдген проверяла сочинения Роберта, учила его отшлифовывать их и рассказывала о загадочных вещах — сравнениях и метафорах.

Впервые произведения Роберта опубликовали еще в ту пору, когда он учился в Браунвуде. «Сплетник», начавший выходить за год до того, как Говард поступил в одиннадцатый класс, учреждал призы за лучший короткий рассказ. Роберт написал два рассказа, оба из которых появились в выпуске от 22 декабря 1922 года. За рассказ *«Золотая рождественская мечта»* он получил золотую десятидолларовую монету, а за рассказ *«Запад есть Запад»* — пять долларов. Ни одна из историй не представляет собой особой ценности для потомков, но обе они грамотно написаны и выглядят гораздо интереснее и лучше, чем обычные школьные сочинения.

«Золотая рождественская мечта» — это сентиментальная история о том, как некий мошенник, уроженец западной части Америки, продает одному простаку иссякший золотой прииск и приходит в ярость, узнав, что этот человек обнаружил там золото. Он ищет удобного случая покончить с удачливым владельцем прииска, но не решается убить его, потому что наступило Рождество. *«Запад есть Запад»* — коротенький смешной рассказ о неопытном наезднике, пытающемся скакать на норовистой, брыкающейся лошади.

«Достань мне, — сказал я управляющему ранчо, где проводил каникулы, — смирного, обездвиженного мустанга, на котором я мог бы спокойно разъезжать среди холмов и преследовать бизонов. Ты ведь знаешь, что я не умею ездить верхом, поэтому мне нужна спокойная лошадка, и я даже не буду возражать, если она уже пожила на этом свете».

* * *

Хотя Роберт не стал штатным сотрудником «Сплетника», он регулярно писал для него истории и рассказы. Им было написано их такое количество, что газета продолжала публиковать их еще полтора года после того, как Роберт окончил школу. В мартовском выпуске 1923 года появилась хвалебная редакционная статья, которая на пятьдесят лет вперед предопределила отношение к Роберту современных почитателей его таланта:

РОБЕРТ ГОВАРД, АВТОР КОРОТКИХ РАССКАЗОВ

Читали ли вы рассказы Роберта Говарда в последних выпусках «Сплетника»? Если нет, то вы много потеряли. О его рожденческой истории с похвалой отозвался редактор «Браунвудского Бюллетеня», а последующие его рассказы столь же хороши.

Нам повезло, что среди учеников школы есть такой талантливый автор, и мы надеемся, что он будет продолжать писать для нашей газеты. Большинство его рассказов написаны в стиле О'Генри, Брет Гарта и Марка Твена и так же интересны, как и их произведения. Его рассказы богаты событиями, а остроумию добавляют крепкие словечки и сленг. «Сплетник» обычно стоит десять центов, но если в нем опубликован рассказ Роберта Говарда — то гораздо больше! Читайте его рассказ «Шейх» в этом выпуске!

...

Одна из ранних сохранившихся историй Говарда называется «Вот оно что, или Тайна ожерелья королевы». Это пародия на рассказы о Шерлоке Холмсе, но литературному отцу великого сыщика она не могла дать повода для беспокойства.

В первый год своей учебы в школе Роберт подружился с одноклассником, жителем Браунвуда, по имени Труэтт Винсон. Как-то весной 1923 года один из школьных приятелей спросил Винсона, знает ли он Роберта Говарда. Этот приятель — очень высокий, стройный парень с повелительным голосом, по имени Тевис Клайд Смит — вспоминает:

«Мы стояли на школьной площадке, когда Труэтт вдруг заметил: «Ну, вот и он». Я сказал Труэтту, что хотел бы познакомиться с Бобом, и тот, окликнув его, представил нас. Мы пожали друг другу руки, если это можно так назвать, потому что Боб лишь вяло протянул свою: мы называли такое рукопожатие «полотенцем».

Клайд Смит, как называли его друзья, хоть и был на два года моложе Говарда, тоже мечтал о литературном успехе. С помощью Винсона он выпускал любительский журнал небольшого формата, печатая его самостоятельно. Вскоре после знакомства он и Роберт начали совместную работу над рассказом, который назывался «Великий тигр», они собирались издавать

его по частям в журнале Смита. Проект скоро был забыт, но все трое остались хорошими друзьями вплоть до смерти Говарда тринадцать лет спустя.

Другие ученики относились к Говарду так же, как и те, что учились с ним в Кросс Плэйнс. Он был неизменно учтив, но скрытен, и не принимал участия в совместных мероприятиях. В школе было общество, называвшееся «Каблуки», в которое входили избранные представители мужской половины. У девочек было аналогичное общество. В силу своих достаточно высоких оценок Говард был зачислен в «Каблуки» и в ежегоднике отмечался как его член вместе с Труэттом Винсоном и Остином Ньютоном, его старым приятелем из Кросс Плэйнс. Деятельность общества заключалась в основном в «вылазках» — пикниках на природе, иногда сопровождавшихся тайным принятием спиртных напитков. Несмотря на любовь Роберта к прогулкам на природе, члены общества не припоминают, чтобы он принимал участие в этих пикниках. Он даже не поставил свою подпись на отпечатке подошвы ботинка, на которой подписались все остальные члены общества и фотография которой была помещена в ежегоднике.

Неизгладимое впечатление на Роберта произвел один несчастный случай. Клайд Смит рассказывает:

«В то время Боб учился на четвертом, а я — на втором курсе. Один из его однокурсников покончил жизнь самоубийством за несколько недель до выпуска. Бобу тогда было семнадцать, а мне пятнадцать лет. Эта смерть очень повлияла на него, и с течением лет он все более настойчиво защищал право человека на самоубийство, намекая на то, что это лучший способ уйти из жизни».

К сожалению, мы не смогли узнать об этом печальном происшествии больше, чем рассказал Смит. Говорят, после смерти Говарда его отец заявил, что в Браунвуде Роберт был членом клуба «самоубийц», где члены давали торжественное обещание покончить жизнь самоубийством после смерти своих матерей. Говорят также, что два члена этого клуба покончили с собой до того, как это сделал Роберт, но все это больше похоже на деревенские сплетни вроде тех, в которых говорится, что Роберт оставил после себя состояние в десять тысяч долларов или что в его машине было сделано хитрое устройство — пистолет,

автоматически выстреливший в тот момент, когда он сел в машину. Такие слухи нельзя воспринимать всерьез.

Ранней весной 1923 года Роберт получил диплом, и д-р Говард приехал в Браунвуд, чтобы забрать жену и сына домой. Так как Роберт был очень решительно настроен против медицинской карьеры, встал вопрос, следует ли ему поступить в гуманитарный колледж. В Браунвуде было два таких колледжа. Говард Пэйн и колледж поменьше — Дэнизл Бейкер.

Даже несмотря на то что Эстер Джейн Говард боялась оставить сына без своего надежного присмотра, она убеждала его поступить в колледж, как и его друзья — Тайсон и Винсон. Но Роберт заупрямился. Он не хотел поступать в колледж. С него уже хватило сидения в классах, выговоров учителей и жестких расписаний занятий. Более того, в колледже ему пришлось бы заниматься множеством обязательных предметов, которые совсем его не интересовали. Он заявлял, что ненавидит письменные предметы, хотя ни разу в жизни этим не занимался. Ему хотелось остаться дома, совершенствуя свой писательский талант и зарабатывая необходимые деньги какими-нибудь случайными приработками.

Здесь Роберт допустил серьезную ошибку, которую делают многие молодые люди и особенно начинающие писатели. Они считают, что раз обязательные предметы в колледже могут не найти мгновенного применения, то не стоит терять время на их изучение. Писатель никогда не знает, какие знания могут ему пригодиться. Обычно все, что знает писатель, может оказаться с течением времени чрезвычайно полезным. Десять лет спустя Роберт осознал справедливость этого утверждения:

«Я думаю, образование, полученное в литературном колледже, сослужило бы мне хорошую службу. Я считал, что не могу себе этого позволить, вот и все. Может, мне и понравилось бы учиться в колледже, но я ненавидел грамматику и школу слишком сильно, и с годами это чувство не исчезло».

Утверждение Говарда, что бедность удерживала его от поступления в колледж — всего лишь запоздалая попытка оправдать свою ошибку. На самом деле он без труда мог бы справиться с этой проблемой. Плата за обучение была не такой уж высокой, и он легко бы мог совмещать учебу с работой на подставки. Ну и конечно доктор Говард, желающий, чтобы его

сын добился успеха, не отказался бы помочь Роберту. Настоящей причиной, скорее всего, была все та же:

«Я терпеть не мог школу и ненавижу даже воспоминания о ней. Я имею в виду не занятия; у меня не было проблем с заучиванием той чепухи, которую они выдавали нам в форме уроков — кроме арифметики, и даже ее я мог бы хорошо знать, если бы дал себе труд заниматься этим предметом... Обычно я занимался ровно столько, чтобы не провалить экзамены, и не особенно жалею, что бездельничал. Но что я действительно ненавижу, так это ограниченность — все делалось с точностью часового механизма; все, что я говорил и что делал, находилось под постоянным контролем; больше всего мне была ненавистна мысль, что кто-то мог думать, будто имеет власть надо мной, что кто-то мог требовать от меня ответственности за мои действия и вмешиваться в мои мысли».

Другими словами, не бедность препятствовала поступлению Роберта в колледж, а независимость духа и абсолютная нетерпимость к надзору в любом его виде (исключение составляла его мать), которые привели этого так и не привыкшего жить в обществе человека к тому, что он стал поступать во вред себе. Немногие из злоключений в жизни Роберта более трагичны, чем это, когда он впервые в жизни не послушался совета своей матери; это был редкий случай, когда миссис Говард была права, а ее сын — нет. Колледж мог бы дать Роберту шанс избежать судьбы, которая его подстерегала.

Леон СПРЭГ ДЕ КАМП

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЛИТЫЕ ИЗ ЖЕЛЕЗА

Отлитые из железа	
Перевод с англ. В. Правосудова	7
Возвращение чемпиона	
Перевод с англ. В. Правосудова	70
Кулаки пустыни	
Перевод с англ. В. Правосудова	106

БОЙЦЫ ПОБЕРЕЖЬЯ

Чемпион полубака	
Перевод с англ. М. Райнер	153
Опасные алии	
Перевод с англ. М. Райнер	174
Закон порта	
Перевод с англ. М. Райнер	199
Техасские драчуны	
Перевод с англ. М. Райнер	219
Лучшая бойцовская пара	
Перевод с англ. М. Райнер	244
Змеиная яма	
Перевод с англ. Д. Старкова	266
Бульдожья порода	
Перевод с англ. Д. Старкова	290
Моряцкая злость	
Перевод с англ. Д. Старкова	316
Кулак и клык	
Перевод с англ. Д. Старкова	341
Победитель получит все	
Перевод с англ. Д. Старкова	367
Бойцы побережья	
Перевод с англ. Д. Старкова	389
Л. Спрэг де Камп. Дикарь в городе	413

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”.

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ИРВИН

ЖЕЛЕЗНЫЙ КУЛАК

Составитель Александр Тишнин

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Елены Посадовой*

Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.05.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 7000 экз.
Заказ 1294.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.

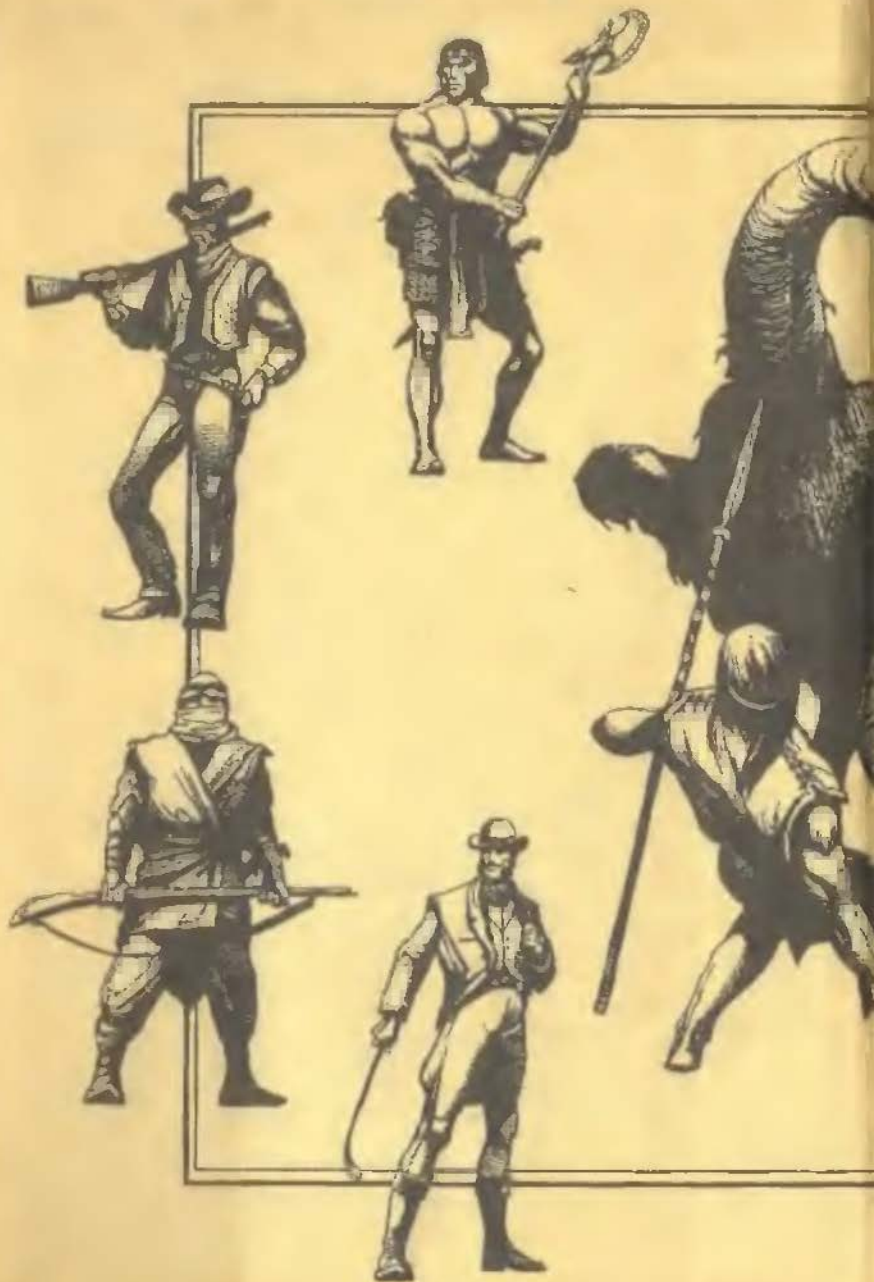
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

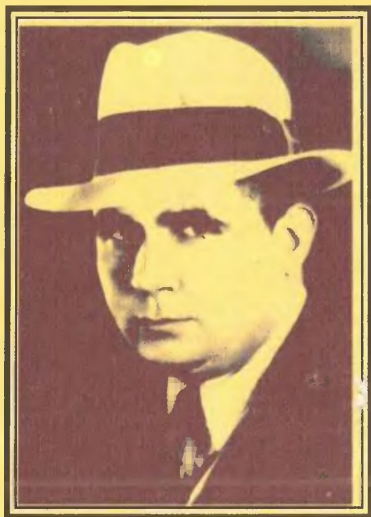
E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Роберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

**Он прочертил границу острым матросским
ножом и вогнал его в палубу... Один! Без
оружия! Здесь он примет свой бой.
И пусть те, кто на сломе эпох вставляли под
стяги Света, были сильнее. Пусть их
ледяные палицы крошили орды нелюдей, а
плазменные бичи срывали звезды с небес...
Пусть!
Но теперь пришел его час. Он сжал кулаки.
И сделал шаг вперед.**

•Северо-Запад®